

Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь

Национальный центр правовой информации Республики Беларусь
Общественное объединение «Белорусский республиканский союз юристов»
Государственное учреждение «Национальная библиотека Беларуси»
Общество с ограниченной ответственностью «ЮрСпектр»

НАСЛЕДИЕ ПРАВА

Белорусские мыслители XVI–XVII вв. Избранные труды

*Издание приурочено к 500-летию
белорусского книгопечатания*

Минск
Редакция журнала «Промышленно-торговое право»
2017

УДК 082.2
ББК 84(0)4
Б43

Серия основана в 2012 году

Члены научного совета проекта «Наследие права»:

Председатель Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь А.А. Гайв; заместитель директора правового департамента Евразийской экономической комиссии В.А. Дорошкевич; заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь, председатель судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Беларусь А.А. Забара; директор Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь В.Д. Ипатов; проф., д-р юрид. наук, заслуженный юрист Республики Беларусь, заместитель председателя ОО «Белорусский республиканский союз юристов» В.С. Каменков; директор Национального центра правовой информации Республики Беларусь Е.И. Коваленко; Генеральный прокурор Республики Беларусь А.В. Ковюк; О.Э. Кравцов; начальник главного государственно-правового управления Администрации Президента Республики Беларусь А.Ф. Мательский; проф., д-р юрид. наук, судья Конституционного Суда Республики Беларусь Л.М. Рыбцев; Министр юстиции Республики Беларусь О.Л. Слижевский; генеральный директор ООО «ЮрСпектр» О.В. Сломенец; проф., д-р юрид. наук, заслуженный юрист Республики Беларусь, В.М. Хомич.

Координатор проекта: Д.В. Римша, заместитель генерального директора по связям с общественностью ООО «ЮрСпектр».

Б43 **Белорусские мыслители XVI–XVII вв.** Избранные труды. – Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2017. – 320 с. – (Наследие права).

ISBN 978-985-6789-32-1

В книге представлены избранные произведения белорусских мыслителей XVI–XVII вв., посвященные актуальным проблемам взаимосвязи права с философией, религией, государственностью, политикой и явлениями жизни общества того времени.

Издание предназначено для ученых-правоведов, юристов, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов юридических специальностей высших учебных заведений.

ЮрСпектр
Правовые информационные технологии

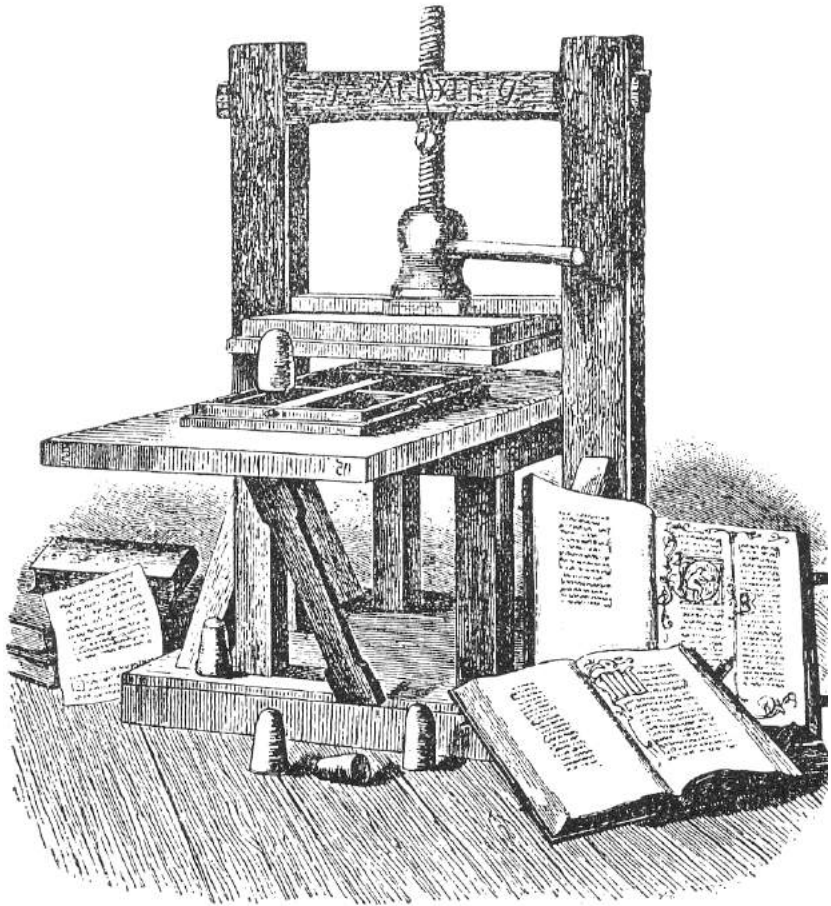
ilqx

 NonstopPlus

УДК 082.2
ББК 84(0)4

ISBN 978-985-6789-32-1

© Коллектив авторов и переводчиков, 2017
© Составление и оформление. Редакция журнала
«Промышленно-торговое право», 2017

Содержание

От организаторов проекта	7
<i>МИЦКЕВИЧ В.В.</i> Вступительное слово.	7
<i>КАМЕНКОВ В.С.</i> Философско-правовое наследие Беларуси XVI–XVII вв. и его предпосылки	9
<i>ИПАТОВ В.Д.</i> Вступительное слово	17
<i>КОВАЛЕНКО Е.И.</i> Вступительное слово	19
<i>МОТУЛЬСКИЙ Р.С.</i> Белорусские мыслители XVI–XVII вв. Избранные труды	21
<i>Сокол С.Ф.</i> Основные особенности и направления развития политико-правовой мысли Беларуси в XVI–XVII вв.	24
О Франциске Скорине (ок. 1490 – ок. 1551).....	40
Сказание доктора Франциска Скорины с Полоцька в книги Второго Закону Моисеова.....	46
Об Андрее Волане (1530–1610)	50
<i>Падокшыні С.А.</i> Выбранне караля, або Прамова да Сената Андрэя Волана	53
Прамова да Сената Каралеўства Польскага і Вялікага Княства Літоўскага, або Якім павінна быць праўленне дабрачыннага караля (1573)	63
О государе и его личных добродетелях	72
Глава I.....	72
Глава II.....	73
Глава III.....	75
Глава IV	76
Глава V.....	77
Глава VI	79
Глава VII.....	80
Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе	82
Раздзел I.....	88
Раздзел II	90
Раздзел III.....	92
Раздзел IV	94

Раздзел V.....	97
Раздзел VI.....	99
Раздзел VII.....	103
Раздзел VIII.....	109
Раздзел IX.....	112
Раздзел X.....	117
Раздзел XI.....	124
Раздзел XII.....	130
Раздзел XIII.....	134
Раздзел XIV.....	143
Раздзел XV.....	149
Пра шчаслівае жыццё або найвышэйшыя чалавечыя вартасці.....	158
О Михалоне Литвине.....	182
О нравах татар, литовцев и москвитян десять фрагментов, содержащих различные истории.....	184
Фрагмент первый.....	184
Несколько слов к читателю.....	198
Извлечение из второго фрагмента.....	199
Извлечение из фрагмента третьей книги.....	201
Извлечение из четвертого фрагмента.....	205
Извлечение из пятого фрагмента.....	211
Извлечение из шестого фрагмента.....	215
Извлечение из седьмого фрагмента.....	216
Извлечение из восьмого фрагмента.....	219
Фрагмент девятый.....	221
Извлечение из десятого фрагмента.....	231
Комментарии.....	234
Об Аароне (Адаме) Александре Олизаровском (ок. 1618 – ок. 1659).....	263
О политической общности людей.....	266
Книга I. Дом.....	266
Глава XI.....	266
Книга II. Общество.....	272
Глава II.....	275
Глава V.....	275
Глава VII.....	275
Книга III. О государстве.....	277
Глава I.....	277

Глава IX.....	278
Примечания.....	279
О Льве Сапеге (1557–1633).....	282
Зварот Льва Сапегі да ўсіх станаў Вялікага Княства Літоўскага.....	287
Прамова Льва Сапегі на Берасцейскім царкоўным саборы 1596 года.....	290
Письмо канцлера Великого княжества Литовского Льва Сапегі архиепископу Иосафату Кунцевичу от 12.ІІІ.1622.....	298
Примечания.....	303
О Христофоре Филалете (конец XVI в.).....	304
Апокрисис, албо отповедь на книжки о соборе берестейском, именем людей старожитной релееи греческой, через Христофора Филалета, врихле дана.....	308
Глава 3.....	308
Глава 7.....	310
Глава 8.....	311
Глава 9.....	312
Примечания.....	316
Библиографический список произведений, опубликованных в настоящем издании.....	318

От организаторов проекта

*Валерий Вацлавович МИЦКЕВИЧ,
Заместитель Главы Администрации
Президента Республики Беларусь*

Стремительное развитие информационных технологий меняет многое в нашей жизни. Но изобретение книгопечатания сохраняет свое значение в качестве одного из важнейших событий в истории цивилизации. Всемирно известный датский писатель Ханс Кристиан Андерсен говорил: «Нет более опасного оружия против черта, чем чернила и книгопечатание: они когда-нибудь окончательно сживут его со света».

Как утверждают историки, первая книга, напечатанная кириллицей, вышла в Кракове в 1491 г. А вскоре были изданы книги, появление которых считают началом белорусского книгопечатания: Франциск Скорина издал в Праге в 1517 г. «Псалтырь», затем перевел на белорусский язык и издал в 1517–1519 гг. Библию.

Среди первых книг, напечатанных на белорусской земле, есть и те, которые изучаются в качестве ценных источников отечественной истории правового и политического учения. Это работы Андрея Волана, Михаила Литвина, Адама Олизаровского,

Льва Сапеги и Христофора Филалета, собранные в издании, представленном вашему вниманию.

Общественно-политическая мысль Беларуси с самого начала находилась в тесной связи с христианской религией. Поэтому по представленным работам можно проследить не только развитие учений о государстве и праве на территории Беларуси, но и генезис религиозных доктрин, а также особенности экономической, политической и духовной жизни белорусского народа. Как и в Западной Европе, в Беларуси в XVI–XVII вв. возникают идейно-политические течения, связанные с гуманизмом, Реформацией и Возрождением. Эти движения, в отличие от господствовавших в Средневековье концепций, поставили в центр своих интересов не бога, а человека с его земными делами и нуждами. Они обращались к внутреннему миру человека, его личным и социальным правам, достоинству и материальному благополучию.

Изучение работ, представленных в данном выпуске «Наследия права», даст содержательные ответы на вопросы о том, чем жила интеллектуальная часть белорусского общества XVI–XVII вв., какие проблемы ее волновали и какого будущего она хотела для своих последователей и потомков.

Работы, которые раньше необходимо было искать в разных источниках, впервые собраны в одной книге! Это поможет студенту-юристу глубже изучить нашу государственно-правовую историю. Ученому-юристу или философу облегчит возможности для сравнительного анализа и характеристики различных взглядов на соотношение веры и разума, свободы и долга, права и религии.

Читайте! Думайте! Создайте!

*Виктор Сергеевич КАМЕНКОВ,
профессор, доктор юридических наук,
заслуженный юрист Республики Беларусь,
заместитель председателя
ОО «Белорусский республиканский
союз юристов»*

Философско-правовое наследие Беларуси XVI–XVII вв. и его предпосылки

Очередное, восьмое издание просветительского некоммерческого проекта «Наследие права» посвящено 500-летию белорусского книгопечатания, отмечаемому в 2017 г. В связи с этой датой нельзя не подумать о значимости понимания всей истории белорусского государства и права. Нельзя, чтобы у нашей молодежи и будущих поколений сложилось впечатление, что Беларусь как правовая институция появилась только в 1990-е гг. Поэтому так важна и уместна настоящая книга с трудами просветителей, деятелей, мыслителей и правоведов Беларуси XVI–XVII вв. (периода Великого княжества Литовского), отражающими основные направления белорусской правовой мысли той эпохи. И осознание того, что для их появления нужны были объективные предпосылки.

Духовно-идейная и содержательная специфика белорусской философско-правовой мысли эпохи Реформации предопределялась, в частности, следующими историческими, геополитическими, духовно-религиозными, правовыми и социокультурными факторами:

- тесной связью с христианской религией. Вокруг церкви группировалась тогдашняя образованная интеллигенция. Религиозными и культурно-просветительскими центрами были монастыри;
- отсутствием на протяжении длительного периода независимой национальной формы государственности (белорусские земли территориально входили в состав других государственных образований – Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи);

- ☉ состоянием пограничной сопредельности с крупными государствами, межгосударственными образованиями, религиозными конфессиями (православной и католической), правовыми системами и культурами: Беларусь всегда находилась в пространстве цивилизационного, экономического, духовно-политического, культурного и правового взаимодействия Востока, Запада и Севера;
- ☉ становлением и последующим развитием философско-правовой мысли, которое осуществлялось главным образом в рамках господствующих убеждений – духовно-религиозных, просветительских, национально-освободительных, идеологических, что отразилось в формулировке проблем, способов их обоснования и предложенных путей решения ведущими белорусскими мыслителями;
- ☉ языковой зависимостью и невыполнимостью однозначной идентификации философско-правовых текстов с национальным языком (длительное время эти тексты воспроизводились на разных языках, преимущественно на латинском либо польском).

Эволюции философско-правовой мысли Беларуси XVI–XVII вв. предшествовал этап X–XV вв., который условно можно назвать этапом христианско-правового осознания Беларуси как государства, первых шагов его становления.

Истоки этого первого этапа усматриваются в политико-правовой культуре Киевской Руси поры принятия христианства (X–XII вв.), имевшего для белорусских земель большое значение благодаря деятельности полоцкой княжны Рогнеды, Клиента Смолятича, Кирилла Туровского, Евфросинии Полоцкой. Они содействовали распространению христианских идей и принципов, призывали к просвещению и «книжному почитанию», призывали к прекращению междоусобных войн, единству восточнославянских княжеств перед лицом внешней угрозы, к сильной централизованной власти, пропагандировали уважение к власти и ее ответственность за свои действия перед Богом.

Первые письменные памятники политического характера древней Беларуси посвящались утверждению христианской религии и укреплению феодальной власти. Позитив принятия христианства связывается с распространением образования, изданием рукописных книг, развитием письменности, началом формирования философско-правовых, общественно-политических, морально-этических и эстетических идей, обращением к древнегреческим текстам с целью подлинного и глубинного понимания Священного

Писания, в том числе для раскрытия греческого понимания таких понятий, как государство, право, законодательство.

В частности, среди идей, относящихся к государству, обществу и праву, которые высказывала и поддерживала Ефросиния Полоцкая, можно назвать такие: она обличала недостатки современного ей общества, была сторонницей введения христианских принципов в государственную жизнь, выступала за смягчение княжеского самовластия, боролась за расширение социальных функций государства, выступала посредником в политических конфликтах той эпохи.

О взглядах Кирилла Туровского: выступал против несправедливости в обществе, боролся с людскими пороками (обман, ложь, насилие и т.п.), считал, что только не нарушая законов, можно достичь лучшего человеческого общества, указывал, что справедливого общественного строя не будет до тех пор, пока люди не будут жить по духовным и государственным законам, отмечал, что политические цели не должны достигаться обманом и преступлением.

Эпоха Возрождения и Реформации – своеобразный золотой век в истории белорусской культуры. Одна из особенностей белорусского Возрождения состояла в том, что гуманизм и реформация переплетались между собой и развивались одновременно. Одним из самых ярких представителей этого периода стал выдающийся уроженец Полоцка белорусский мыслитель, основоположник славянского книгопечатания, переводчик Библии доктор Франциск Скорина (ок. 1490–1551). Он одним из первых выступил с кругом важных проблем своего времени. Так, он попытался разрешить проблему интерпретации Священного Писания. Скорина был глубоко верующим человеком, а Библию считал «богодуховенной» книгой. В его работах мы видим попытку нетрадиционного, свободного истолкования ряда религиозно-философских проблем. Библию Скорина рассматривал в качестве универсального источника светских знаний, энциклопедии естественных, исторических, философских и правовых наук, пособия для изучения грамматики, логики, музыки, арифметики, риторики и других наук.

Он выступал как сторонник справедливости, юридической свободы и равенства всех людей, осуждал гнет, деспотизм и своеволие феодалов. Франциск Скорина трансформировал индивидуальную свободу в идею общего блага, которое, по его мнению, достигнимо в обществе с помощью закона и права. Его особой заслугой стало первое светское издание Библии. Он издал 23 книги Библии со своими предисловиями и послесловиями, считая эти книги

уникальным источником не только божественной мудрости, но и светских знаний, определяя их как важное средство воспитания человека. Философ проповедовал идеи веротерпимости, защищал принципы личных отношений с Богом, отстаивал полезность образования и идеи, которая утверждает достоинство человека.

К заслугам Скорины следует отнести и тот факт, что свои взгляды он распространял на белорусском языке, тем самым содействуя развитию национальной культуры. Он оставил богатейшее философское и литературное наследие, которое содержит и оригинальные суждения о политике. Особый интерес Франциск Скорина проявлял к праву и закону. Законы он делил на две категории – естественные и написанные на бумаге. Естественные законы возникают из естественных прав человека, они заложены в самой его природе. Законы, написанные на бумаге, появляются тогда, когда люди преступают законы естественные и начинают воровать, убивать и т.п. Закон и призван положить этому конец, считал Скорина. Писанное право он подразделял на божественное, каноническое и земское. Земское – на «посполитое» (гражданское и семейное), международное, государственное, уголовное, военное («рицерское»), городское, морское, торговое (купецкое). Он настаивал, что перед законом все должны быть равны – рядовой гражданин и монарх, что законность и правопорядок должны быть нормой общества. Гуманизм Скорины отличался демократичностью. В своих размышлениях он обращался к простым людям, считал их полноправными гражданами. Политический идеал Скорины – просвещенная, гуманная и сильная монархическая власть. Правитель, по его мнению, должен быть набожным, мудрым, образованным, доброжелательным и справедливым к своему народу, править страной в соответствии с законом. Скорина вообще придавал большое значение вопросам правового регулирования общественной жизни. Он попытался также классифицировать право и показать закон как одну из основ социальной гармонии. В его работах уже просматривались положения естественного права, развитые позже Г. Гроцием, Т. Гоббсом и другими мыслителями Нового времени. Идеи ученого оказали влияние на содержание I Статута Великого княжества Литовского (1529).

К числу крупнейших белорусских мыслителей относятся Андрей Волан (1530–1610) и Лев Сапега (1557–1633). Большая часть их публикаций посвящена полемике по религиозным вопросам, в работах четко и основательно отражены политические идеи, в частности идея правового государства. И Волан, и Сапега любили

повторять известный афоризм Цицерона: «Чтобы быть свободными, мы должны являться рабами законов».

Талант Андрея Волана как гуманиста и рационалиста наиболее ярко проявился в области социально-политической мысли. Он утверждал, что «все те человеческие объединения, которые мы называем государствами, создавались для той цели, чтобы люди могли в согласии и взаимопомощи счастливо и благословенно проводить свою жизнь». Необходимость в государстве возникла лишь при появлении угрозы естественным правам людей. Исходным пунктом сущности и назначения права он признавал справедливость, выраженную в принципе «Никому не делать обиды, каждому отдать то, что ему принадлежит». «Нельзя под именем права ничего вводить в общение людское, как только то, к чему сам разум дорогу указывает». Важнейшим из врожденных свойств человеческой природы является стремление к свободе и равенству. По степени воплощения в реальность свободы и равенства Волан определял совершенство общества. Возможность же существования свободы в государстве и обществе он связывал с широкими юридическими гарантиями.

Если в обществе, замечал Лев Сапега, отсутствует уважение к закону и господствует вседозволенность и беззаконие, оно не может считаться человеческим и гуманным, а является волчьей стаей и вырождается в тиранию. Только уважение к праву дает возможность пользоваться действительной свободой. Идеи правового государства нашли отражение в III Статуте Великого княжества Литовского 1588 г., редактором и издателем которого был Лев Сапега. Статут действовал на территории Беларуси до 1840 г. и сыграл большую роль в сохранении белорусского этноса. На сохранении белорусского языка в качестве государственного, его защиту от польской экспансии были направлены соответствующие статьи Статутов 1566 и 1588 гг. Благодаря Сапеге в 1581 г. был образован Трибунал Великого княжества Литовского. Он рассматривал текущие дела воеводства, являлся апелляционной инстанцией. Следует отметить, что все акты трибунала писались на белорусском языке.

С резкой критикой католической церкви, наиболее безобразных проявлений крепостничества выступал Сымон Будный (1562). В частности, в предисловии к «Катехизису» (1530–1593) он осудил взяточничество, аморальность, невежество католических священников. В своем главном политическом произведении «О светской власти» (1583) выступал с острой критикой феодализма, требовал ограничения магнатского произвола, установления равенства всех сословий перед законом и справедливого правосудия. Будный

выдвигал положение о божественном происхождении власти, а воля Бога обязательна для всех. Власть, по его мнению, бывает несправедливой, потому что люди, владеющие ею, используют власть в своих корыстных и неблагоприятных целях. Будный сформулировал основные факторы, обуславливающие необходимость власти. К ним он относит установление порядка в государстве, охрану интересов личности и государства.

Становление мысли и самосознания периода Ренессанса и Реформации в Великом княжестве Литовском связано также с современником Франциска Скорины Николаем Гусовским, прежде всего с его поэмой «Песнь о зубре». Зубр является у поэта символом родины и свободолюбивого, мужественно народа Великого княжества Литовского. В своем произведении Гусовский утверждал ряд важнейших ценностей для народа: веру, мудрую власть, общественное согласие, духовную культуру, ценность природы родного края. Мыслитель с одобрением высказывался о частной собственности, о праве (монарх должен заботиться о создании сильной боеспособной армии, о деятельности в его землях справедливого великокняжеского суда, должен сурово карать лжесвидетелей, судей-взяточников), о природоохранном законодательстве великокняжеской власти и сам выступал в роли ученого-эколога, который обосновывал принципы бережного использования природных богатств страны. Гусовский одним из первых поставил в философской мысли Великого княжества Литовского проблему охраны и разумного использования природных ресурсов государства, а также экологического воспитания человека и общества. Николая Гусовского отличало развитое государственно-политическое сознание. Он придавал большое значение роли государственности в исторических судьбах народа. Это мы видим в восхвалении им фигуры князя Витовта. Огромную роль в жизни отечества он также отводил культуре традиции. Это делало его мировоззрение во многом сходным с идеалами Франциска Скорины.

С нравственно-христианских и гуманистических позиций Михалон Литвин осуждал рабство и крепостничество. Социальным идеалом для него было раннехристианское равенство, которое Литвин находил у татар, где «ни один богач не задыхается от алчности, а бедняк не умирает от голода и не страдает от холода, и никто при такой бедности и нужде не побирается».

Михалон Литвин высказывал мысль, что причиной социального неравенства являлось неравенство имущественное, положительно отзывался о жизни татар, потому что «они не владеют никаким недвижимым имуществом, кроме колодцев». В качестве

меры по преодолению неравенства предлагал ввести прогрессивный подоходный налог. Смысл такой: чем больше земли, тем больше налог, т.к. «до сих пор мы берем налоги на защиту государства от одних подвластных нам бедных горожан и беднейших землевладельцев».

Как и другие отечественные мыслители, Михалон Литвин большое внимание уделял вопросам политико-правового регулирования, справедливого судопроизводства. Отстаивая интересы небогатой шляхты, он осуждал высшую знать княжества, приспособляющую законы к своим выгодам. Несправедливо, доказывал мыслитель, когда богатые и бедные имеют разные подсудности. Как представитель мелких и средних слоев шляхты, он ратовал за расширение социальной базы власти, т.к., на его взгляд, в Литве один человек занимает 10 должностей, тогда как все остальные отстранены от их исполнения. Нормой же должно быть такое состояние, когда вожди и народ живут по одному закону. Чиновник, обвиненный во взяточничестве, должен привлекаться к суду, даже если это обвинение исходит от плебея.

Серьезные претензии Литвин предъявлял ко всей системе судопроизводства в Великом княжестве Литовском, где, на его взгляд, правило крючкотворство и формализм, а судьи были безнравственны и несведущи в юриспруденции.

Особенно развращало судей право изъятия в их пользу десятины. Михалон Литвин предъявлял высокие нравственно-правовые требования не только к судьям, но и к истцам, и к свидетелям. Философ считал, что им не место в суде, если они не знают законов, уличены в пьянстве или других пороках.

Как ренессансный мыслитель, Михалон Литвин доказывал, что жизнь общества, государства и личности должна не только подчиняться правовым законам, но и отвечать правилам морали. От состояния нравственности, по Литвину, зависит и могущество государства. Человек должен быть трудолюбивым, храбрым, умеренным в еде и «питии», любить порядок, избегать излишеств и роскоши – все это усиливает государство.

Величайшим нравственным пороком в жизни населения Великого княжества Литовского Михалон Литвин считал пьянство: «Крестьяне, забросив сельские работы, сходятся в кабаках. Там они кутят дни и ночи, заставляя ученых медведей увеселять своих товарищей по попойке плясками под звуки волюнки. Вот почему случается, что, когда, прокутив имущество, люди начинают голодать, то вступают на путь грабежа и разбоя, так что в любой литовской земле за один месяц за это преступление платят

головой больше людей, чем за сто или двести лет во всех землях татар и московитян, где пьянство запрещено». В свойственной ему манере преувеличения недостатков Литвин писал, что «ныне наших воинов погибает в безделье по кабакам и в драках друг с другом больше, чем врагов».

Как и для Николая Гусовского, образцом государя для Литвина являлся воинственный князь Витовт, при котором княжество было могущественным и нравственно здоровым.

Симеон Полоцкий (1629–1680) – просветитель, писатель, поэт, философ, общественный деятель. Написал «Букварь», «Псалтырь рифмованный», «Вертоград многоцветный», «Рифмологион». Доказывал, что деятельность монарха должна основываться на законах, был сторонником равенства всех граждан перед законом, указывал, что функция правосудия – восстанавливать справедливость в обществе, призывал Московское государство освободить Беларусь от католического религиозно-политического угнетения.

Так много времени прошло с тех пор, а некоторые идеи наших выдающихся мыслителей актуальны и сегодня.

При подготовке вступительного слова использовались:

История политической и правовой мысли Беларуси : метод. рекомендации / авт.-сост. П.В. Борботько. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2012. – 36 с. и иные доступные в интернете источники.

*Вадим Дмитриевич ИПАТОВ,
директор Национального центра
законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь*

Уважаемый читатель!

«Наследие права» в очередной раз показывает свой самобытный характер, доказывает, что является очень интересным и полезным проектом для всех, кто связан с юриспруденцией: ученых-правоведов, работников законотворческих, правоохранительных органов и судов, практикующих юристов, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов юридических специальностей. Восьмой выпуск издания – это прекрасная возможность прикоснуться к истокам отечественной правовой и политической мысли, сформированным белорусскими авторами XVI–XVII вв.

Выбор произведений, вошедших в книгу, не случаен. Франциск Скорина, Андрей Волан, Михалон Литвин, Арон (Адам) Александр Олизаровский, Лев Сапега и Христофор Филалет – имена, которые известны не только в Беларуси, но и далеко за ее пределами. Издание «Белорусские мыслители XVI–XVII вв. Избранные труды» дает нам возможность еще раз переосмыслить идеи и взгляды отечественных политических деятелей, философов и юристов, по-новому взглянуть на вопросы развития общества, права и государства.

Философско-правовая полемика, которая разворачивается на страницах издания, показывает, что поиск ответов на вопросы о наилучшем способе обустройства государства и общества, справедливом правлении, месте индивидуума внутри общества в период Ренессанса продолжался с новой силой. Отечественные авторы предложили свои варианты обоснования пределов государственной власти, соотношения свободы и рабства, описали особенности современного им общества и сословно-классовых отношений.

Христофор Филалет, один из мыслителей, работа которого вошла в издание, писал, что цель его книги в желании предупредить ложные представления «в нынешнем, а тем более в будущих веках, которые будут беспристрастно судить о вещах».

«С книгами у нас обстоит дело так же, как и с людьми. Хотя мы со многими знакомимся, но лишь некоторых избираем себе в друзья, в сердечные спутники жизни», – утверждал немецкий философ Людвиг Фейербах. Совпавшие в 2017 г. 500-летие белорусского книгопечатания и Год науки – это прекрасный повод найти среди книг новых друзей, почерпнуть что-то оригинальное и полезное в мыслях философов и правоведов спустя столько веков.

*Евгений Иосифович КОВАЛЕНКО,
доцент, кандидат юридических наук,
директор Национального центра
правовой информации Республики Беларусь*

*История – сокровищница наших деяний,
свидетельница прошлого,
пример и поучение для настоящего,
предостережение для будущего.
Сервантес*

Уважаемые читатели!

Сборник, который вы держите в руках, отличается от традиционных изданий проекта «Наследие права»: впервые он знакомит не с трудами одного представителя юридической науки прошлых лет, а с целым рядом памятников белорусской правовой мысли конкретного исторического периода.

Вашему вниманию предлагаются материалы, в которых изложены концепции правового развития нашего государства в период сложных трансформаций государственного и социального устройства, экономики и идеологии Великого княжества Литовского. В это время были проведены многочисленные государственно-правовые реформы: административно-территориальные, аграрные, судебные реформы, реформы в образовании и т.д. Данные события породили необходимость совершенствования всего действующего законодательства, появилась потребность в разработке новых правовых идей и теорий. Происходящие преобразования той эпохи нашли отражение в многочисленных научных работах белорусских мыслителей и правоведов.

Политико-правовые взгляды ведущих ученых XVI–XVII вв. заложили новое, более прогрессивное общественное правосознание, способствовали развитию права в целом. Среди умов Отечества той эпохи следует назвать Ф. Скорину, А. Волана, М. Литвина, А. Олизаровского, Л. Сапегу, Х. Филалета.

Воззрения названных ученых, государственных и общественных деятелей на острые социально-политические, догматические и историко-культурные вопросы нашли отражение в настоящем сборнике. Каждый из авторов в той или иной степени высказывал

мысли о роли народа в историческом процессе, справедливости закона, совершенствовании общественных отношений.

Интерес к работам данных мыслителей не утрачен и в настоящее время, они представляют немалую ценность для юридической науки современной Беларуси. Изучение богатой палитры прошлой эпохи помогает проследить связь государственной и правовой мысли с современной действительностью, показывает преемственность политико-правовых взглядов и идей.

Отрадно сознавать, что с помощью реализации проекта «Наследие права» публикуемые работы получают второе рождение, становятся доступными широкому кругу читателей. Переиздание таких трудов способствует развитию отечественной школы права и популяризации культурного наследия республики, а также является значимым событием в ряду мероприятий, посвященных празднованию 500-летия белорусского книгопечатания.

Уверен, данный сборник будет полезен не только ученым, но и специалистам государственных органов, практикующим юристам, аспирантам, студентам и магистрантам высших учебных заведений, а также всем, кто интересуется историей белорусского государства и права.

Фото Юрия Иванова

*Роман Степанович МОТУЛЬСКИЙ,
профессор, доктор педагогических наук,
директор Национальной библиотеки Беларуси*

Белорусские мыслители XVI–XVII вв. Избранные труды

Книжная культура Беларуси имеет многовековую историю. Обладая богатыми традициями в области книгопечатания и создания книжных собраний, оказала влияние на развитие не только нашей страны, но и стран-соседей. Белорусы в полной мере могут гордиться своим наследием. Путь к нынешним достижениям в области белорусского книгоиздания был ярким, но в то же время чрезвычайно сложным.

Географическое положение Беларуси на века определило историческую судьбу ее народа, динамику развития всех сфер жизнедеятельности, в том числе книжной культуры. Находясь на перекрестке цивилизаций, между Западом и Востоком, она не только обогащалась традициями народов этих регионов, но и неоднократно становилась полем брани между идеологиями, религиями, военно-политическими союзами. Бесконечные войны, конфессиональная борьба, изменение государственности и территории привели к непоправимым потерям, а усилия библиотекарей по созданию книжных коллекций были сведены на нет.

Как следствие, богатое книжное наследие, созданное нашими предками, сохранилось до настоящего времени не в полной мере. Многие белорусские книжные памятники, в том числе самые древние, были уничтожены, некоторые оказались за пределами страны. В результате значительное количество текстов даже сегодня остается малодоступным для белорусских ученых и широкой читательской аудитории.

Сокровища, оставленные прошлыми поколениями, являются для нас, потомков, неисчерпаемым источником знаний по истории

нашего народа, его духовной жизни, свидетельствуют о том, что в невероятно трудных исторических условиях белорусы сумели сохранить родной язык, самобытную культуру, создать памятники, имеющие общечеловеческую ценность.

Ни одно государство не способно развиваться без всестороннего изучения, обобщения и использования опыта прошлого. Информационный потенциал общества, как важнейший стратегический ресурс, обеспечивает его дальнейший экономический и духовный прогресс. Носителями этой информации выступают библиотечные, архивные и музейные фонды.

Сегодня Национальная библиотека Беларуси является уникальным книгохранилищем, в котором сосредоточен самый большой в стране, универсальный по своему характеру фонд (около 10 млн единиц) изданий и памятников письменности, ценностей отечественной и мировой культуры, отраженных в слове, образе, звуке. На протяжении почти 100 лет своего существования библиотека собрала лучшую в мире коллекцию белорусской книги, которая включает и древние рукописи, и первые работы Франциска Скорины, и редкие белорусские издания XIX в., и многочисленные современные публикации.

Приоритетное направление деятельности Национальной библиотеки Беларуси – сохранение, изучение и обеспечение доступа к национальному книжному наследию. Также ее работа направлена на восстановление утраченных культурных ценностей и развивается по следующим направлениям:

- ☉ создание полной национальной библиографии;
- ☉ возвращение в страну памятников книжного наследия;
- ☉ виртуальная реконструкция утраченных книжных собраний;
- ☉ факсимильное воспроизведение ценных книжных памятников.

В этом году мы празднуем 500-летие белорусского и восточнославянского книгопечатания – знаковое событие не только для Беларуси, но и для всей европейской культуры. Наш земляк – Франциск Скорина из Полоцка – 6 августа 1517 г. издал в Праге первую белорусскую печатную книгу, назвав ее «Библия русская» и заложив основу массового издания книг кириллическим шрифтом, которое в дальнейшем получило развитие в ряде соседних стран. За 500 лет книги, изданные белорусским просветителем, разошлись по всему миру и стали национальным достоянием Беларуси, а сам Ф. Скорина – одним из ее символов.

Научно-исследовательский и издательский проект по факсимильному воспроизведению книжного наследия нашего первопечатника «Книжное наследие Франциска Скорины» представляет собой крупнейший проект, реализованный Национальной библиотекой Беларуси совместно с Банком БелВЭБ и посвященный юбилею белорусского и восточнославянского книгопечатания. В основу факсимильных изданий были положены электронные копии книг Ф. Скорины, хранящиеся в библиотеках и музеях Беларуси, Германии, России, Украины и других стран.

Издание вышло в свет в 20 томах и позволило собрать полный перечень трудов, напечатанных нашим земляком в Праге и Вильно. Оно представляет ценнейший пласт культурного наследия белорусского народа и может стать базовым источником для исторических, филологических, культурологических и книговедческих исследований. С целью широкого распространения книжного наследия Ф. Скорины мы передаем его в крупнейшие книгохранилища мира, а также в библиотеки и музеи, которые, несмотря на все многовековые катаклизмы, смогли сохранить в своих фондах хотя бы одну страницу из наследия нашего земляка.

Символично, что в этот юбилейный год благодаря издательскому просветительскому некоммерческому проекту «Наследие права» увидело свет издание «Белорусские мыслители XVI–XVII вв. Избранные труды», включившее работы деятелей, мыслителей и правоведов Беларуси XVI–XVII вв. и отразившее наследие белорусской правовой мысли эпохи Ренессанса.

Издание попадет в библиотеки Беларуси. Это даст возможность всем желающим ознакомиться с избранными трудами белорусских мыслителей периода Великого княжества Литовского, узнать, что было важным в тот период для наших предков, о чем они заботились и к чему стремились, каким видели свое место в тогдашнем мире и на что возлагали надежды.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что популяризация исторических книжных коллекций имеет большое значение для изучения истории культуры не только нашей страны, но и всего славянского мира, т.к. способствует решению проблемы взаимопонимания и взаимообогащения, просветительских, образовательных и научных задач, дает возможность представить широкой общественности чрезвычайное богатство документального наследия Беларуси.

Основные особенности и направления развития политико-правовой мысли Беларуси в XVI–XVII вв.

XVI–XVII вв. в Беларуси ознаменовались значительным развитием интеллектуальной культуры во всех ее проявлениях. Не зря исследователи назвали этот период золотым веком.

Общая тенденция была свойственна и политико-правовой мысли этого периода. Ее предпосылками выступали ренессансно-гуманистические традиции Возрождения, древнебелорусская и древнерусская политическая и правовая культура, достижения передовой политико-правовой мысли европейских народов. Развивалась она несколькими ведущими направлениями со своими особенностями.

Господствующая политическая и правовая идеология формировалась представителями светских феодалов и духовенства. Для идеологии светских феодалов характерным было: а) усиливающаяся ориентация на польские традиции, образцы политического регулирования, политические концепции, центральное место среди которых занимали «теории шляхетства», экзекуционная программа, идеалы ограничения королевской власти; б) отстаивание идей литовского суверенитета, автономного статуса Великого княжества Литовского, противодействие устремлениям польских феодалов, захватить должности и земли в княжестве; в) оппозиция клерикальным учениям примата духовной власти над светской и одновременно сотрудничество с церковью, возрастающая поддержка идеологии и политики католицизма с конца XVI в.

Политико-правовые учения католического и униатского духовенства пропагандировали теократические концепции государства и права, обосновывали идеи политического верховенства церкви, оправдывали незыблемость феодального господства и эксплуатации, формировали и обосновывали политику притеснения православного населения Беларуси. Эти учения отличались особой реакционностью.

Оппозиция господствующей политической и правовой идеологии проявлялась в трех направлениях: политических и правовых учениях реформационного содержания; светской политической и правовой мысли; политической и правовой идеологии освободительного движения. В русле реформационного движения в Беларуси и Литве сформировались политико-правовые концепции кальвинистов и антитринитариев. Кальвинистские концепции выражали интересы светских феодалов, недовольных привилегиями церкви и духовенства, а поэтому содержали требования только частичных реформ. Учения антитринитариев были направлены на существенное преобразование общественного и государственного строя на основе внедрения гуманистических раннехристианских норм и принципов социального регулирования.

В политико-правовых учениях антитринитариев выделено два учения: левое и умеренное. Левое, крестьянско-плебейское, представляло собой один из первых в Беларуси вариантов социально-политической утопии, учение об обществе без государства, собственности, власти и права. Умеренное, шляхетско-бюргерское, предлагало перестройку государственно-правовых институтов в духе христианского вероучения, рациональной целесообразности и гуманистической направленности.

Прогресс в развитии знаний о государстве и праве в Беларуси во многом был связан с возникновением и упрочением светского направления политико-правовой мысли, отличительной чертой которого было стремление черпать теоретическую аргументацию из естественных источников, подкреплять свои выводы авторитетом природы и опыта.

Общие черты и специфика идейной борьбы, политико-правовых отношений прежде всего определялись достигнутым уровнем экономического развития Беларуси, соответствующего этапу развитого феодализма. С этим была связана масштабность и степень развитости политико-правового сознания классов

и сословий, появление предбуржуазных идеологических концепций. В области социальных отношений существенное значение имели процессы юридического оформления сословной структуры общества, что нашло отражение в издании целой серии законодательных актов, направленных первоначально на размежевание сословий, затем на установление их прав и обязанностей и, наконец, на запрещение и усложнение перехода в высшие сословия.

Политическая и правовая идеология Беларуси складывалась под воздействием изменений, происходивших в институтах власти и политической системе Великого княжества Литовского. В первой половине XVI в. ведущими тенденциями, определяющими общее политическое развитие княжества, были процессы централизации. Эти процессы нашли отражение в росте авторитета, влияния, расширении компетенции общегосударственных органов власти (панов-рады, сейма), установление единообразного административно-территориального устройства, создание развитого общегосударственного законодательства (Статут 1529 г., общеземские привилегии). Вместе с тем право избирать и быть избранным в органы власти закреплялось исключительно за шляхтой и духовенством. Горожанам крупных и средних городов было предоставлено только право городского самоуправления. Крестьянство же практически передавалось под неограниченную власть феодальных собственников.

Идейная борьба и политические отношения в Беларуси в рассматриваемый период были тесно связаны с важнейшими социальными движениями. К их числу относилось прежде всего реформационное и освободительное.

Реформационное движение в Беларуси затронуло не только католическую, но и православную церковь. Его классовая неоднородность привела к формированию таких различных течений, как лютеранство, кальвинизм, антитринитаризм. Реформация выдвинула на повестку дня проблемы изменения отношений между государством и церковью, требования отмены привилегий духовенства и возвышения светской власти, ограничения церковной юрисдикции. Белорусско-литовские реформаторы поддерживали устойчивые контакты с реформационными деятелями Европы (Кальвин, Бляндрата).

На духовную жизнь белорусско-литовского общества существенное влияние оказали традиции европейского Ренессанса. Они проявились в заметном общественном интересе к культуре

античного мира, достижениям интеллектуального творчества европейских народов. На территории Беларуси и Литвы издавались и пропагандировались произведения античных авторов (Цицерон, Аристотель и др.), сочинения европейских мыслителей и гуманистов Э. Роттердамского, Ж. Бодена, Т. Мора, А. Моджевского и др. Их политические идеи и концепции составили важный элемент формирования теоретико-методической базы прогрессивных политико-правовых учений белорусских мыслителей.

Примечательно и то, что в этот период определенное значение в социально-политическом регулировании сохраняли древнерусские и древнебелорусские традиции правового и политического регулирования. Например, еще до конца XVI в. в Полоцке, Витебске довольно типичным было вечевое политическое мышление.

Ведущей тенденцией развития феодальной правовой культуры Беларуси и Литвы рассматриваемого периода был переход от обычного права к «писаному». Расширение сферы «писаного» права вызвало необходимость его систематизации и кодификации.

Кодификационная деятельность этого периода была исключительно плодотворной. На протяжении XVI в. разработаны и приняты три редакции Статута Великого княжества Литовского 1529, 1566, 1588 гг. Процесс правотворчества требовал обобщения достижений правовой науки и практики. Источниками Статута были административная и судебная практика, обычное право белорусских и литовских земель, ранее изданные юридические акты, нормы «Русской правды», церковного права и др. В процессе подготовки Статута нужно было решить ряд сложных теоретических проблем, чтобы разграничить нормы права и морали, права и религии, определить принципы классификации отраслей права, внутреннюю структуру и систему норм. А это требовало привлечения к правотворческой деятельности ученых, юристов. Ими были П. Роизий, А. Ротундус, В. Чырка, Ф. Скорина. Кодификационная деятельность способствовала формированию светских взглядов на государство и право, освобождала правовую науку от засилья церкви.

Опираясь на методологический принцип, можно утверждать, что на содержание правовых норм оказывало влияние классовое противоборство. Изменения в содержании правовых актов, которые стали результатом давления низших слоев общества и прогрессивных социальных движений. Так, в Статут 1566, 1588 гг. были включены нормы, ограничивающие юрисдикцию духовен-

ства, обеспечивающие защиту интересов протестантов, принципов веротерпимости. Феодалному законодателю пришлось пойти на отдельные уступки в части усиления правовой охраны жизни и интересов простых людей.

Вместе с тем в законодательстве продолжали сохранять преобладающее значение многие институты и принципы, характеризующие феодальное правопонимание и его теологическое обоснование.

Например, систему наказания пронизывала идея устрашения. На протяжении XVI в. обнаруживается явная тенденция к ее усилению. Особенно жесткие наказания устанавливались для простых людей. Предоставив право феодалам творить суд над своими подданными, законодатель по существу санкционировал неограниченную внесудебную расправу.

В господствующей политической и правовой идеологии Беларуси сложились две политические платформы, характерные для двух групп идеологов. С одной стороны – тех, кто представлял интересы светских феодалов, с другой – традиционных в условиях средневековья клерикально-теологических доктрин, пропагандируемых духовенством.

В организации идеологических акций, финансировании пропагандистской деятельности существенную роль играли магнаты. Классовая общность отстаиваемых магнатами политических и правовых идей и взглядов вместе с тем не исключала наличия в их среде разногласий, различий в подходах и ориентациях. Вследствие того что социальные движения того времени носили в значительной степени религиозную окраску, поддержка ими определенных религиозных направлений сказывалась на характере их политических требований и взглядов. Поэтому в политических и правовых взглядах крупных феодалов, поддерживавших протестантизм, православие и католицизм, имелось немало различий.

С позиции кальвинизма рассматривали и оценивали политические и правовые явления М. Радзивилл Черный (1515–1565), М. Радзивилл Рыжий (1512–1584), К. Перун (1547–1603) и др. Определенное покровительство в решении проблем православного населения оказывали Г. Ходкевич (г. р. неизв. – 1572), К. Острожский (1527–1608). Политический прагматизм характеризовал политико-правовые взгляды Л. Сапеги (1557–1633), автора предисловий к Статуту 1588 г. Наиболее консервативные позиции занимали те, кто поддерживал идеологию и политику католической реакции (А. Радзивилл, Я. Ходкевич). Но политические и пра-

вовые взгляды светских феодалов характеризовались не столько различиями, сколько многими общими чертами. Ведущей общей тенденцией была усиливающаяся ориентация белорусско-литовских феодалов на сложившиеся в Польше образцы политического регулирования и политические концепции, что одновременно было отражением идейно-политической экспансии Польши. Широкое распространение получают «теория шляхетства», шляхетской демократии, экзекуционная программа, идеи ограничения королевской власти. Особое внимание уделялось «теории шляхетства». Она дополнялась, шлифовалась, развивалась во имя одной главной цели – обосновать правомерность и справедливость привилегированного положения шляхетского сословия, его политического верховенства в обществе и государстве.

Наряду с этим, шляхетское сословие выделялось и противопоставлялось остальной массе населения, хотя еще в начале XVI в. распространенным было вечевое политическое мышление. Так, в Статуте 1529 г. имело место демагогическое утверждение, что простой народ совместно со шляхтой участвует в избрании государя. По мере сближения с Польшей и особенно после Унии 1569 г. господствующий класс отказывается даже от демагогической формы демонстрации своей связи с народом.

«Теория шляхетства» сочетала как естественную, так и сверхъестественную аргументацию. Для естественной определяющее значение имела идея врожденного благородства, согласно которой высокая социальная ценность личности шляхтича и его сословия вытекает из значимости крови, благородства происхождения.

«Теория шляхетства» использовалась и как идеологическое средство борьбы за ограничение власти короля. Она получила воплощение в экзекуционной программе, в основу которой были положены требования возвращения шляхте прав, якобы отнятых у нее когда-то королевской властью, и имела целью переустройство политического строя на основе широкой шляхетской демократии. Общественному мнению экзекуционная программа преподносилась в качестве «программы исправления» Речи Посполитой.

Отрицательные тенденции в развитии политического строя Речи Посполитой в целом не вызывали беспокойства у представителей господствующего класса. Наоборот, в его среде сложилось убеждение в высоком совершенстве этого строя, сравнимого лишь с расцветом древней Римской республики. В связи с этим любые

изменения политического строя признавались вредными, что вело к консерватизму, застою в политике и правотворчестве.

Существенной чертой политической идеологии светских феодалов Беларуси и Литвы была широкая популярность идей литовского суверенитета, на основе которых осуществлялось противодействие попыткам польских феодалов захватить должности и земельные владения в Великом княжестве Литовском, ликвидировать его автономный статус. Эта черта обусловила возникновение противоречивой ситуации: с одной стороны, белорусско-литовские феодалы охотно восприняли и присоединились к польским концепциям и нормам политического регулирования, а с другой – проявляли определенную оппозиционность к польским феодалам, допускали антипольские высказывания, заявления, действия. Причиной этой оппозиционности являлись опасения белорусско-литовских феодалов быть потесненными в сфере своих экономических и политических интересов.

Идейно-политические разногласия существовали и в отношении светских феодалов с духовенством. Светские феодалы выступили против гегемонистских устремлений церкви, требовали разделения светской и церковной юрисдикции, выполнения духовенством ряда государственных повинностей и т.п. Роль идейной базы выполняла экзекуционная программа.

Ведущим идеологическим учреждением средневековья являлась церковь, служители которой активно разрабатывали и пропагандировали определенные политические и правовые концепции. Религиозные отношения в Беларуси в рассматриваемый период приобрели сложный характер, что было связано с принадлежностью ее населения к различным вероисповеданиям (православие, католицизм, протестантизм, униатство и др.) и неодинаковой ролью этих вероисповеданий в государственно-политической жизни.

Политико-правовая идеология католицизма получила наиболее яркое отражение в работах П. Скарги, С. Гродзицкого, Т. Тишкевича-Скуминовича и др.

Стремясь завоевать католицизму высокое доверие у светских феодалов и феодальной политической власти, иезуитские писатели в своих сочинениях пытались доказать, что только учение католической церкви всегда верно служило делу укрепления существующего социального и политического строя, а остальные религиозные учения способствовали его ослаблению. В связи

с этим усиленно пропагандировалась идея единоверия. П. Скарга в своих сочинениях усердно доказывал: где нет согласия на почве веры, там его не может быть и в делах светских, и в политике. Особое негодование у идеологов католицизма вызывали принципы веротерпимости, узаконенные Статутом Великого княжества Литовского 1588 г.

Усиленно пропагандировалась идеология католицизма и старая теологическая идея примата духовной власти над светской, согласно которой последняя должна подчинять свою деятельность интересам католической церкви. При этом интересы церкви выставлялись как благословенные и вечные, а интересы государства – как временные и второстепенные.

Для защиты своих позиций иезуиты стремились приспособить популярную в то время в Беларуси и Литве идею естественного права. Однако они вкладывали в ее содержание реакционную сущность. Следуя за средневековыми европейскими теологами (например, Ф. Аквинским и др.), они пытались доказать, что естественное право дано людям через Святое Писание и святое предание (папские декреты, постановления соборов и др.), и на этом основании возвысить в ранг идеала каноническое право как образец для светского права.

С конца XVI в. активной помощницей католичества в разработке и обосновании господствующей политической и правовой идеологии стала выступать униатская церковь. Униатство возникло, с одной стороны, как результат политики Ватикана, а с другой – как выражение кризисного состояния православной церкви.

Политические и правовые проблемы освещались в работах таких идеологов, как И. Потей, И. Рутский, А. Дубович, Л. Кревза, Я. Кречмер, Т. Скуминович, А. Селява и др. Их взгляды на государство и его происхождение носили ортодоксально-теологический характер. Важнейшую цель государства они видели в защите интересов церкви.

Оправдывая существовавшие в феодальном обществе отношения власти и подчинения, униатские полемисты, как и идеологи католицизма, широко использовали различные варианты, подобные органической теории общества. Примером тому могут служить рассуждения униатского священника А. Дубовича, который пытался соединить органическую и «металлическую» концепцию для обоснования естественности подчинения низших сословий высшим. Различия в социально-политическом статусе сословий

А. Дубович связывал с природным неравенством людей. Причина, с его точки зрения, кроется в том, что Бог еще до рождения человека вкладывает в его природу «металлические» свойства. Получившие золото становятся сенаторами, серебро – шляхтой, медь – горожанами, железо – крестьянами.

Специфическими и прогрессивными были политические и правовые учения идеологов реформационного движения в Беларуси и Литве. Масштабы, цели, содержание и проекты предлагаемых реформ зависели от классовой основы тех социально-религиозных течений, которые образовывали реформационное движение. Эти различия не исключали ряда общих черт идеологии реформационных течений. В их числе выделяются религиозная форма, библейская аргументация, обращение к раннехристианской традиции. Общим было и стремление сформулировать идеал истинного христианина, обосновать его место и роль в общественной жизни, отношение к государственно-правовым институтам, духовной и светской власти, существующей социальной и политической реальности.

Впервые решение политико-правовых проблем в духе Реформации было осуществлено Ф. Скориной. Неслучайно его называют философским предтечей Реформации в Беларуси, стремившимся синтезировать идейно-культурные традиции античности, раннего христианства и Возрождения. С деятелями Реформации Ф. Скорину сближают приверженность и отстаивание принципов свободной интерпретации Священного Писания и личного отношения человека к вере и др. Кроме того, Ф. Скорина принадлежал к тому идейному движению, которое получило название христианского гуманизма и было связано с попытками гуманистического истолкования Священного Писания, превращения христианского вероучения в орудие преобразования общества на справедливых началах. Ведущая роль в этом плане отводилась соблюдению требований этики христианского гуманизма, нравственной ответственности христианина за его дела. Тем самым гуманистическая интерпретируемая христианская мораль выступала в качестве основы политико-правовых взглядов Ф. Скорины и ряда деятелей Реформации.

Развитие политической и правовой мысли реформационного движения в Беларуси и Литве было наиболее тесно связано с такими течениями, как кальвинизм и антитринитаризм. Лютеранство и другие реформационные группировки имели незначи-

тельное распространение. Политическая идеология кальвинизма получила поддержку в средних слоях шляхты (магнатов). Демократические и республиканские лозунги Кальвина ассоциировались у них с идеалами шляхетской демократии и «золотой вольности», а папство – с абсолютизмом. Неслучайно важнейшая тема кальвинистской литературы этого периода – критика папства, церковной иерархии, обличение служителей культа. Одновременно отвергался поддерживаемый церковью тезис о примате духовной власти над светской и выдвигалось требование признания монарха главой церкви в государстве.

Гораздо большим радикализмом отличались белорусско-литовские антитринитарианцы (ариане). Различия в классовых и идейных платформах дают основание для выделения в их среде двух течений: левого и умеренного. Левые антитринитарианцы выражали интересы крестьянско-плебейских слоев, их мечты – об обществе без классов, без государственного принуждения и насилия. Его представители – П. Гезка, Г. Павел, М. Чеховиц, Якуб из Калиновки, Павел из Визны – стремились доказать, что эталоном общественного устройства является жизнь первых христиан, когда не было государства, права, несправедливости и неравенства, господства и подчинения, насилия человека над человеком. Поэтому они призывали всех, кто считал себя истинным христианином, отказаться от собственности, подданных, участия в государственной деятельности, не пользоваться никакими законами, а создать свои общины или «мир истинных христиан, где все общественное регулирование осуществляется на принципах христианской этики.

Левые антитринитарианцы стали создателями одной из первых в Беларуси социально-политической утопии, а в целом их позиции близки к идеологии последователей Т. Мюнцера в Германии. Умеренное крыло антитринитарианцев выражало интересы шляхетско-бюргерских слоев и было представлено видными деятелями белорусской культуры С. Будным и В. Тяпинским. Анализируя концептуальные особенности их политико-правовых учений, следует подчеркнуть, что С. Будный и В. Тяпинский не разделяли призывы «левых» к отмежеванию, отрицанию государственно-правовых институтов. Они верили в возможность реформирования, исправления феодального общества и государственного устройства путем внедрения в гражданскую и государственную жизнь норм раннехристианской этики. Поэтому их идеалом вы-

ступает не просто государство, а «истинно христианское государство», в котором социальные и политические отношения регулируются на основе принципов христианской науки.

С позицией «христианской науки» и морали подходит С. Будный к вопросам правопорядка, права, законности. Предлагаемый им правопорядок представляет собой одну из идеальных моделей христианского правопорядка – вечного и справедливого для всех народов и эпох. С. Будный подчеркивал, что они «с естественной точки видели, что зло следует наказывать».

Умеренных антиринитариев отличала гуманистическая трактовка социальной ценности и назначения закона. В работах С. Будного мы находим три основные оценки. Во-первых, положительные возможности закона определяются наличием в нем санкций (наказаний). Наказание играет роль как возмездия, так и предупреждения, сдерживания людей от нарушения установленного порядка. Превентивность важна применительно и к злым, и к добрым людям, особенно к молодым людям и простым. Во-вторых, закон есть противоположность беззаконию. В-третьих, закон учит добродетели, «абы ведали, которые дела чинити вишни». К особенно тяжким преступлениям С. Будный относил убийство. Вместе с тем он признавал правомерность убийства в состоянии необходимой обороны, применение смертной казни за тяжкие преступления.

Появление светского знания исследователи рассматривают как поворотный момент в развитии науки, как линию на отделение обществензнания от теологии. Это направление характеризовали новые методы познания: рационалистический подход к анализу явлений, широкое использование индукции, опыта, эксперимента. Это направление политико-правовой мысли Беларуси получило воплощение в работах М. Литвина, А. Волана, А. Олизаровского, Б. Кросневича, анонимного автора «Разговора поляка с литвином», в политической публицистике, художественной литературе.

Важнейшей чертой светских политико-правовых учений было пристальное внимание к современному и прошлому социальному опыту народов, рациональное обобщение и сопоставление различных образцов политического и правового регулирования. М. Литвин, написавший в середине XVI в. трактат «О правах татар, литовцев и московитян», стремился выявить разумные образцы в укладах жизни русских и татар. А. Волан, А. Олизаровский

и другие использовали в этих же целях богатый исторический опыт человечества.

В теоретической аргументации светских учений и концепций наиболее характерным было использование теорий естественного права и общественного договора, которым был присущ особый метод познания, состоявший в поиске врожденных, вечных и низменных свойств человека как индивидуума. Выявление этих свойств предполагало возникновение возможности для получения истинных знаний о развитии правовых и политических отношений в обществе.

Базой этого течения стала теория естественного права и общественного договора. Первенство в этом направлении признано за Ф. Скориной. К выяснению значения и сущности «прирожденного» права он обращался в ряде предисловий к изданным им библейским книгам. Главный принцип «прирожденного права» Скорина заимствовал из раннехристианской этики и формулировал в виде требования «то чинити иным всем, что самому либо ест иных всех и того не чинити иным, чего сам не хочещи от иных имети». Рациональность этого принципа он стремился связать с практической значимостью. «Прирожденное право» выступало идеальной моделью, ориентирующей всю правотворческую и правоприменительную деятельность в соответствующем направлении.

Характерное для Ф. Скорины понимание естественного права нашло отражение и в последующей социально-политической литературе Беларуси («Разговор поляка с литвином», «Апологетикус»).

Развитие в Беларуси реформационных, ренессансных и гуманистических традиций повлекло усиление светских интерпретаций естественного права, что наиболее рельефно отразилось в работах А. Волана «О политической или гражданской свободе» (1573), «О государстве и его особых качествах» (1608), «Речь к сенату» (1573); А. Олизаровского «О политической общности людей» (1651). Основное внимание они уделяли выявлению врожденных качеств и свойств человеческой природы, формирующих естественные права индивидуума, социальных и политических общностей.

А. Волан выделял в природе человека качества двоякого порядка: положительные, требующие всемерного развития и укрепления, и отрицательные, которые необходимо подавлять и обуздывать. Отрицательные качества не столько вытекают из природы челове-

ка, сколько являются следствием ее порчи. К главным положительным свойствам человеческой природы А. Волан относил стремление к свободе и связанное с ним исходное равенство людей. По степени обеспечения свободы и равенства людей он определял степень совершенства общества, государства, системы правового регулирования.

В определении государства, выявлении его функций и назначения в учениях мыслителей Беларуси и Литвы большую роль играло понятие общей пользы. Особенно характерным было широкое использование разработанного Аристотелем и Цицероном понятия государства как союза людей, служащего общей пользе граждан.

Светская политическая мысль Беларуси решала ряд интересных и новых для того времени вопросов, связанных с особенностями взаимодействия и различий между государством и обществом.

Во взаимодействии общества и государства, государства и граждан, межсословных отношениях политические мыслители хотели видеть практическую реализацию общего блага и социальной гармонии. Несоответствие действительности этим идеалам вызывало резкую критику феодального общества и принципов политического управления. Так, А. Волан признал, что люди разных сословий не пользуются одинаковой свободой, и потребовал ликвидации замкнутости шляхетского сословия. А. Олизаровский в резкой форме осудил бесправие и жестокое угнетение крестьян. Общим для них было требование равенства людей перед законом. Как забвение общего блага М. Литвин рассматривал наличие экономического неравенства, нарушение демократических принципов управления.

Надсословная трактовка права как общечеловеческой ценности получила отражение в работах Ф. Скорины, М. Литвина, А. Волана, А. Олизаровского. В частности, Ф. Скорина сформулировал требование, согласно которому законы должны быть «не к пожитку единого человека, но к посполитому доброму написаны». Стремление видеть в праве защитника интересов всех слоев населения независимо от их сословной принадлежности не способствовало раскрытию его подлинной классовой природы, однако позволяло вести критику правопорядка и принципов судоустройства. Наряду с этим, большие надежды возлагались на созидательные возможности права, ибо с его помощью предполагалось упорядочить общественные отношения. Важное значение

в данном случае придавалось использованию правовых санкций и воздействию таким образом на поведение людей в желаемом направлении. При этом прогрессивные мыслители требовали учитывать общественную опасность содеянного, степень вины и неотвратимость наказания.

Заслуживает внимания предложение А. Волана и А. Олизаровского использовать карательную функцию права для борьбы с так называемыми порочными правами, к которым они относили пьянство, обжорство, страсть к излишествам и «вредным расходам». Светские политические мыслители не сводили назначение права только к наказанию. В их работах немало места отведено характеристике права как регулятора гражданских, семейных и международных отношений.

Наибольшее единодушие у А. Волана, А. Олизаровского, М. Литвина отмечалось в осуждении безнаказанности феодалов за убийство простого человека. Много места отводилось обличению продажности и взяточничества судей, недоступности судебной защиты для низших слоев общества.

Политико-правовые идеи, сформулированные в сочинениях православных полемистов, были тесно связаны с последствиями Брестской унии 1596 г., в результате которой православная церковь была поставлена вне закона, а на православное население оказывался массированный нажим с целью вынудить его принять униатство. Таким образом, православная церковь оказалась в лагере оппозиционных сил политическому режиму Речи Посполитой.

Многие полемисты обосновывали свои позиции ссылками на исторический, юридический и политический материал. Использование такого материала было важным потому, что в притеснении православных значительную роль играла светская власть. Поэтому оценка правомерности и законности действий власти составляла существенную сторону политических и правовых взглядов православных идеологов. К наиболее видным из них относились М. Смотрицкий (1572–1630), Х. Филалет (псевдоним, настоящее имя не установлено), А. Филиппович (1597–1648).

Ущемление свобод православных М. Смотрицкий объявлял противоправным и с исторической точки зрения. Он подчеркивал, что при образовании Речи Посполитой белорусский народ присоединился к польскому народу «как равный к равному, свободный к свободному», и в соответствии с этим привилегия-

ми было гарантировано участие всех слоев населения в соответствующих органах власти и управления. Кроме того, он обращал внимание на титул «великого князя Литовского, Русского, Прусского и иных». В силу его толкования получалось, что слова «великий князь Русский» обязывали сохранять и не ущемлять статус белорусов и украинцев в политической системе Речи Посполитой. Таким образом, М. Смотрицкий был одним из первых, кто поставил вопрос о правах народа.

Близким по тематике, направленности был «Апрокрисис» Х. Филалета, написанный как ответ на книгу иезуита П. Скарги «Берестейский собор и оборона его». Отличительной особенностью этого сочинения выступала рационалистическая, светская и гуманистическая трактовка социально-политических вопросов и религиозных отношений. В частности, Х. Филалет говорил о свободе исповедовать любую религию, призывал государство соблюдать нейтралитет в религиозных отношениях. В его понимании духовенство не являлось привилегированным сословием. Х. Филалет, по существу, защищал установившуюся практику широкого участия светских лиц в делах православной церкви, включая не только право избрания духовных лиц, но и право голоса на церковных соборах, производивших церковный суд и вырабатывавших решения по религиозным вопросам.

В данном издании собраны труды наиболее видных представителей прогрессивной белорусской политико-правовой идеологии

*Степан Федорович СОКОЛ,
профессор, доктор юридических наук*

Портрет Ф. Скорины. Гравюра 1517 г.

О Франциске Скорине (ок. 1490 – ок. 1551)

Франциск (Георгий) Скорина родился около 1490 г. в Полоцке. В 1504 г. он поступил в Краковский университет и окончил его со званием бакалавра свободных наук. В 1512 г. в Падуе Ф. Скорина сдает экзамен по медицине и становится «доктором лекарских наук».

Ф. Скорина не только положил начало книгопечатанию. Он был одним из первых ученых в области отечественной юриспруденции, значительно повлиявшим на разработку и актуализацию проблемных вопросов государства и права. В качестве основы политико-правовых взглядов Ф. Скорины выступает гуманистически интерпретируемая христианская мораль. Он обращал внимание на нравственную ответственность христианина за все его дела. Высшим принципом, регулирующим общественные отношения (в том числе отношения политические и правовые), объявлялась Скориной любовь человека к человеку. Для ученого характерны уважение к светским наукам, книжному делу, духовным достижениям прежних времен и отечественной истории.

В 1517 г. в Вильно он издал на старобелорусском (древнерусском) языке 22 книги Библии и Псалтырь, затем «Малую подорожную книжицу» и «Апостол». В «Предисловиях» и «Послесловиях» к опубликованным Ф. Скориной книгам Библии значительное место уделялось политико-правовым проблемам. В вопросах происхождения государства и права с позиций христианского гуманизма он стремился развить и обосновать принципы естественного права и человеческого общежития.

Социально-правовые взгляды Ф. Скорины сложились под влиянием тогдашних идей западного христианского мира, в частности Фомы Аквинского.

Государство им определяется как «отчина своя», «посполитое доброе», «собрание людское», главной целью которого является достижение всеобщей пользы и как можно лучшей жизни. Его политический идеал – просвещенная, гуманная и крепкая монархия. Примерами лучших правителей он считал Соломона, Птолемея, Салона, Ликурга и других древних мыслителей и законодателей. По его мнению, монарх должен быть набожным, мудрым, образованным, чутким и справедливым. Он обязан руководить государством в строгом соответствии с законом и следить за справедливым исполнением правосудия.

Источником всех правовых и нравственных понятий у Ф. Скорины является «двойкий закон». Первый закон у человека дается от Господа Бога, который появляется у каждого человека с рождения, являясь в качестве природного закона источником всех иных законов. В силу того что Бог написал этот закон «от начала веков» в сердце человека, отношение человека к праву проявляется в его духовно-сердечном настрое. Именно этот закон создает систему запретов и дозволений, и человек, по Ф. Скорине, выражает своей совестью и разумом, что нельзя убивать, прелюбодействовать, клеветать и т.д. В своей сути этот закон любви к Богу, вложенный в сердце человека так, как нравственно-правовые ориентиры создаются на основе этой любви. В итоге справедливость по своей сущности является врожденным божественно-природным понятием, в котором элемент любви к Богу является краеугольным. В качестве второго закона рассматривается закон, заключенный в Божественном Евангелии, в правилах отцов церкви и выраженный в каноническом праве, т.е. правилах, принятых церковной властью. Этот вид закона включает «права земские», которые приняты народом и аристократией, земством. Вышеназванное обуславливает и данная Ф. Скориной своеобразная классификация права. Так, в земском праве он выделял посполитое право, которое регулирует отношения семейной жизни и собственности. Языческое право Ф. Скорина употребляет в смысле права народов, говорящих на разных языках, что, по сути, является определением международного права. Право царское (государственное) регламентирует вопросы наследования и избрания государя, регулирует систему управления и назначения ее должностных лиц. Ф. Скорина выделяет также право рыцарское (военное), городское (местное), морское, торговое (купецкое). Весь этот свод прав «замыкает» Божий закон (Библия).

Право, по Ф. Скорине, – человеческое установление, которое возникает везде и всюду, у каждого народа. При этом в разные времена возникновение права сочетается с созданием государства и деятельностью первых царей и правителей, имея, однако, в своем возникновении природно-божественную сущность. Отправной точкой потребности, и даже необходимости функционирования права является появление власти.

Ф. Скорина выдвигает к закону определенные требования, утверждая, что закон должен соответствовать «обычаям земли, времени и места», т.е. относиться к пространству и времени, быть возможным для исполнения и полезным для населения так, как каждый народ испытывает воздействие географического расположения. Такая географическая детерминанта является определяющей при принятии закона, поскольку, находясь в рамках того или иного месторазвития, народ создает определенные стереотипы поведения. Указанное обуславливает и создание определенного законодательства, которое соответствует требованиям не только и не сколько политическим, сколько требованиям культуры того или иного народа. Следовательно, культура, как фактор становления права, является определяющим и у Ф. Скорины имеет приоритет перед политикой. Поскольку право возникает везде и всюду, естественно, что его пригодность для того или иного социума будет одновременно важнейшим его качеством. При этом Ф. Скорина подчеркивает, что нравственно совершенному человеку закон не нужен, т.к. он создается для несовершенных в нравственном плане людей, неспособных жить по Богу, склонных к преступлению. Основные требования к власти, народу и аристократии – обеспечение служения закона, как общего блага, что обусловлено надсословностью права. Вышеназванное обуславливает просвещенную монархию в качестве политического идеала у Франциска Скорины и позволяет выдвинуть определенные требования к деятельности главы государства: искоренение зла, сохранение мира и спокойствия, управление страной в соответствии с законами, контроль за правильным исполнением правосудия. Достижение указанных целей возможно лишь тогда, когда монарх будет образованным и справедливым. Для мировоззрения Ф. Скорины монархия является самой естественной формой правления, отображением божественного мироздания и основанной на этом социальной иерархии, выступая одновременно природно-социальным

и божественным явлением, имеющим в основании религиозное правосознание.

Скорина рассуждал о многих правовых вопросах, в том числе о суверенитете государства, роли права, которое, по его мнению, в целом (как и отдельные законы) должно соответствовать обычаям определенной земли, быть справедливым, полезным народу и иметь главной целью достижение всеобщего добра. Он обращал внимание на то, что закон прежде всего должен пользоваться уважением всех людей и потому основываться на высокоморальных принципах и в первую очередь на человеколюбии и справедливости. Кроме того, закон должен быть точным, определенным, не содержать возможностей его разного толкования. Скорина подчеркивал, что писанный закон должен быть «почтивый, справедливый, можный, потребный, пожиточный подле прирожения, подлуг обычаев земли, часу и месту пригожий, явный, не имея к собе закритости, не к пожитку единого человека, а к посполитому доброму написанный».

Важным для формирования идеи правого государства стало обоснование Ф. Скориной необходимости верховенства закона и справедливости во всех сферах общественных отношений, в том числе в важной сфере отправления правосудия. В отношении деятельности судей он писал: «Да судят людей судом справедливым, и да не уклонятся ни на жадную старану, ни да не зрят на лица и не приимають даров... Не справовали суть их, яко цари или властители, вышний силу имеющие над ними, но яки ровнии и товариши, раду им даючи и справедливость меж ими чинячи».

Скорина является по существу первым мыслителем Беларуси, который поднял вопрос о соотношении права и закона, хотя под понятием права у него выступала система раннехристианских нравственных норм, образующих его идеал – «прирожное право». Именно на основе этих норм, по его мнению, должна строиться система норм писаного права, т.е. действующее законодательство. Предложенная им система права, деление его на посполитое, международное, государственное, уголовное, военное, городское, морское, торговое содействовало развитию правовой культуры феодального общества и, как полагают ученые, была использована при подготовке Статута Великого княжества Литовского 1529 г.

Кроме того, в научной литературе высказано весьма обоснованное предположение, что в разработке проекта Статута 1529 г.

принимал участие сам Ф. Скорина, который имел к этому времени степень доктора медицины и доктора свободных наук, в том числе доктора права.

Таким образом, политико-правовые идеи Ф. Скорины отображали мировоззренческие установки своего времени и одновременно подчеркивали самобытность и своеобразие самого мыслителя.

Таисия Ивановна ДОВНАР, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета,

Валентин Никифорович МАТАРАС, доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета

а ~
 Моисей навчает людей Израйлевых Второго закону ~

КНИГИ ПЯТЫЙ МОИСЕОВЫ ЗОВЕНЫЙ
 ОЕВРЕИ ГЕЛЬГДВОРИНЪ, ПОГРЕЧЕ
 СКИИ ДЕВТЕРОМОИСЪ, ПОЛЯТИНЕ
 СЕКЪНДЯ ЛЕКЪ, ЯПОРЪСКИИ ВТО
 РЫИ ЗАКОНЪ. ЗЪПОЛНЕ ВЫЛОЖЕНЫ ДОКТО
 РОМЪ ФРАНЦИСКО СКОРИНОЮ СПОЛОЦКА ~

Сказание доктора Франъциска Скорины с Полоцька в книги Второго Закону Моісеова

Людьское естество двояким законом бываете справовано от господа бога, то ест прироженным, а написаным. Закон прироженный в том наболей соблюдаем бываете: то чинити иным всем, что самому любо ест от иных всех, и того не чинити иным, чего сам не хоцещи от иных имети. А на том, яко на уднении, вси законы писаныи заложены суть. Нашему спасителю Исус Христу, глаголющу: «Вся убо, елика, аще хоцетъ, да чинять вам человекъци, тако и вы чините им; сѣ бо ест закон и пропорци» (Евангелие от Матфея 7, 12).

Сѣй закон прироженный написан ест в серци единого кажного человекъка, [по] апостолу Павлу, пишущу: «Егда бо языци, они же закона не имають, естеством законная чинять, сии, закона не имущи, сами соѣ суть закон, иже являют дело закона, написано в серцех своих» (Послание Павла римлянам 2, 14–15). От зачала убо веков, егда сотворил бог первого человекъка, написал ест закон сей в серци его. Прото ж Адам и Евва, первии родителе наши, познали суть грех свой, иже не послушаша сотворителя своего, и для того сокрилися от лица господа бога посрѣди древа райскаго. Каин теже познал ест грех свой, иже убил брата своего Авеля, прото ж и рече: «Болши ест безаконие мое, нежели бых могл милосердие умолити» (Бытие, 4, 13).

Тым же обычаем и нынѣ единый кажный человек, имея разум, познаеть, иже непослушание, убийство, прелюбыдеание, ненависть, татьба, несправедливость, злоимание, неволя, досаждение, гордость, злоречение, нелютость, клеветание, зависть и иная тым

подобная злая быти, понѣже сам таковых речей от иных не хощеть терпети. А тако прежде всех законов или прав писаных закон прироженный сем людем от господа бога дан ест и весь во едином словеси скончвается: «Возлюбиши ближнего своего, яко сам себе» (Послание Павла галатам 5, 14).

Закон же написаний или от бога ест данный, яко суть книги Моисеовы и светое Евангелие, или от людей уставленный, яко суть правила светых отець на сборех пописанные, и права земская, еже единый кажный народ с своими старейшими ухвалили суть подлѣ, яко же ся им налелей видело быти. А прото ж межи собою ся не сровнавають, понѣже иные, а иные иным а иным языком ся любить. Толико в том хотят ся згожати, абы были права их, или закон почтовый, справедливый, можный, потребный, пожиточный подлѣ приращения, подлуг обычаев земли, часу и месту пригожий, явный, не имея в собѣ закритости, не к пожитку единого человека, но к посполитому доброму написанный.

Кто ж пак наипервей з людей во своих народех почал [их] писати, о том кратце ткнул есми во предословии своем, еже на Перьвыи книги Царств.

И вчинены суть права, или закон, для людей злых, абы боячися казни, усмирили смелсть свою и моци не имели иным ушкодити, и абы добрыи межи злыми в покои жити могли, яко светый апостол пишетъ: «Вѣмы убо, иже добр ест закон, аще кто им законне дееть. Ведяще сее, яко праведному закон не ест положен, но неправедным и непокоривым, немилостивым и грешником, неучтивым и сквѣрным отцу досадителем и матери досадителем, убийцам и блудником, мужеложником и скотоложником, лъгарем и кривоприсяжцем, и иным всем, они же здравому вчению противляются» (Первое послание Павла Тимофею 1, 8–10).

Потерба теж вѣдати, иже закон, или право, разноличие ся от людей называетъ. Едино – посполитое, понѣже от всех народов посполите соблюдаемо ест, яко мужа и жены почтливое случение, детей пиное выхование, близко живущих схожение, речи позыченное навращение, насилию силою отпрение, ровная свобода всем, общее имение всех. Тым законом живяху верующий во Христа по вшествии его на небеса, яко пишетъ: «Народу же веровавшему бѣ сердце едино, и душа едина, и имение едино; никто же, что от имени своего, глаголаше свое быти, но бяху им вся обѣща» (Деяние святых апостолов 14, 32).

Другое право – языческое, от многих убо языков ухвалено ест, яко земля чужих мечем доставание, градов и мест утверждение, послов без переказы отпущение, миру до часу прирченого выполнение, войны неприятелем своим оповедание.

Иное – царское. О нем же пишеть Самуил, глаголя: «Тое будеть право цареве – побереть сыны ваша и наделаеть с них ездец и гоньцев, и встановить себе воеводы и сотники, и ратае поль своих, и коваче зброй своих» (Первая книга царств 8, 11–12), и прочая.

Прото ж и апостол пишеть: «Повинитесь убо всякому созданию челоуѣчию господи ради, аще царю, яко преобладающему, или князем, яко от него посланным на отмщение злодейцем, божий убо слуга ест к доброму твоему» (Первое саборное послание Петра 2, 13–14). «Естьли же зле чиниши – бойся, не без ума бо мечь носить» (Послание Павла римлянам 18, 4). И паки пишеть: «Воздадите ж всем долги: ему же урок – урок; ему же дань – дань; ему же страх – страх; ему же честь – честь» (Там же 13, 7).

Некое же право – рицерское или военное, еже на войне соблюдаемо бываеть. Яко справовати полки, знати своя места, розумети глас труб, делити користи, давати оброки, – о сем пишеть евангелиста. «Вопрашаху же его воины, глаголюще: И мы что сътворим? и рече им: Никого не обидте, не оклеветайте и довольни будете оброки вашими» (Евангелие от Луки 3, 14). Иное пак право мещское, иное морское, а иное купецкое, – о тых всех и о иных писати для краткости преставаю. А вси тые права, или уставы, божий закон в себе замыкаеть. Он же ся делить на двое: ветхий, яко же суть пятеры книги Моисеовы, а наболее сии, рекомыи Второй закон, понѣже что в первых четвертых широче выписываеть, то в сих кратъце завираеть. А сей Ветхий закон до воплощения слова божия держан имел, быти святому Павлу, пишущу: «Егда же прииде сполнение летом, посла бог сына своего, рожающагося от жены, бывающаго под законом, да тых, они же под законом суть, искупить и вместо сынов [их] прииметь» (Послание Павла галатам 4, 4–6). И ту ся почал новый закон спасителный; он же до скончания веков пребудеть; самому збавителю глаголющу: «Небо и земля мимо идеть, а словеса моя не могут проити» (Евангелие от Луки 21, 33).

Ведал ест Моисей духом светым о законе новом Христовѣ, иже имел по нем быти вторый закон ласки, то ест светое Евангелие, и на знамя того написал книги сии Второго закона. Прото ж и поведел в них, глаголя: «Пророка з народу вашего и от братии вашей,

яко мене, возбудить вам господь бог ваш, того послушати будете» (Дзеяние святых апостолов 3, 22).

Сии два законы: ветхий и новый вси три светии патриархи пред Моисеем указовали – болшему быти последнему, нежели первому. Авраам два сына имел ест: единого от рабыне, а другаго от свободныя. На той, иже от рабыне, по плоти родися, а иже от свободныя – по обетованию; еже иначей бываеть сказаема – сии суть два законы. Один от горы Синай в работу ражая, еже ест Агарь, – Синай убо гора во Аравии, прилучаеть же ся к нинешнему Ерусалиму, – и работаеть со чады своими. Вышний же Ерусалим свободѣн ест, и той ест мати всех нас.

Исаак, хотяй старейшему сыну дати благословѣние, и дал [его] младшему. О нем же речено ест: «Сѣ болший поработаеть меншему» (Послание Павла римлянам 9, 12). И яко же пишеть: «Якова возлюбих, Исава же возненавидех» (Там же 9, 13).

Иаков по тому же учинил, благославяй сыны Иосифовы, – на младшего положи руку правую, на старейшего – левую, крест Христов или выобразуя и закон новый болший быти, нежели ветхий, знаменуя.

Теже Моисей, хранящим закон ветхий, не обещевал толико землю добрую, текущую млеком и медом. Наш же спаситель, Иисус Христос обещуеть, полнящим закон новый, – светое Евангелие, отпущение грехов, ласку божию, дары духа святого, живот вечный, царство небесное, яко сам ко апостолом рече: «Аминь, глаголю вам, яко вы, шедшеи по мнѣ в пакибытие, егда сядеть сын человеческий на престолѣ славы своя, сядете и вы на дванадесети престолѣх, судяще обеманадесетема коленом Израилевым».

Конѣцъ сказанию.

[Послесловие к книге «Второй закон»]

Докананы суть пятые книги Моисеовы, еже от еврей называются Ельгадворим, по-грѣчески [они] – Деветерономос, по-латине же – Секунда лекс Моиси, по-русский пак Второй закон, божиею помощию, повѣлением и пильностию ученаго мужа в лекарских науках доктора Франциска Скорины с Полоцька у великом месте Празском по воплощении слова божия с пречистое девици Марии лѣт тысяща пятьсот и девятого на десеть.

Об Андрее Волане (1530–1610)

Андрей Волан (Волян) – политический деятель Великого княжества Литовского второй половины XVI – начала XVII в., идеолог умеренной Реформации и религиозный полемист, философ и социальный мыслитель эпохи Возрождения. Родился около 1530 г. в Польше в шляхетской семье. Учился в университетах во Франкфурте-на-Одере и Кенигсберге. Был секретарем при королях Сигизмунде Августе, Стефане Батории и Сигизмунде III Вазе, сеймовым послом от шляхты Ошмянского повета. Сыграл выдающуюся роль во многих внешнеполитических акциях королевского правительства, в частности, содействовал налаживанию мирных и добрососедских отношений между Речью Посполитой и Русским государством. Как полемист вел борьбу на два фронта – против католических теологов, главным образом иезуитов, и против радикальных реформаторов – социниан. Волан – автор сочинений «О гражданской, или политической свободе» (Краков, 1572), «Размышления над посланием божественного апостола Павла к эфесцам» (Вильно, 1592), «О счастливой жизни, или наивысшем человеческом благе» (Вильно, 1596), «О государе и его личных добродетелях» (Гданьск, 1608) и др. Вместе с С. Будным, М. Стрыйковским, К. Базиликом принимал участие в издании трактата А. Фрыча Моджевского «Об исправлении общества и государства» (Лоск, 1577). Умер 6 января 1610 г. в своей деревне Биютишки (Ошмянский повет), где были написаны почти все его труды.

Волан являлся выразителем интересов гуманистически настроенной мелкой и средней шляхты, понимающей всю важность и необходимость «исправления Речи Посполитой», реформирования органов государственной власти, судопроизводства, религиозно-церковной жизни, улучшения законодательства, осла-

бления крепостного гнета, развития ремесла, торговли, науки, совершенствования морали. Он развивал учение о естественном происхождении общества, государства, права, приобретенном характере благородства, или шляхетства, склонялся к мысли о том, что в истории решающую роль играет субъективная деятельность людей, а не божественное провидение. В социально-философских взглядах Волана содержатся элементы раннебуржуазного, юридического мировоззрения.

В сочинении «О государе и его личных добродетелях» на основе традиционных добродетелей античной этики (мудрости, справедливости, мужества, умеренности), переосмысленных с позиций реформированного христианства и ренессансного гуманизма, воссоздается образ идеального человека, гражданина, государственного деятеля. Волан исходит из идеи об определяющем влиянии морали на социально-политические институты общества. Мораль наряду с правом мыслитель считает цементирующей основой социального организма, сохраняющей его единство, поддерживающей общественное согласие и классовую гармонию. Деструкция общества начинается с разрушения моральных устоев, падения прав. Отсюда пафос, с которым он бичевал нравственные пороки всех сословий феодального общества Речи Посполитой, в первую очередь шляхты, и роль, которую он отводил нравственному и умственному воспитанию и самовоспитанию человека, его совершенствованию в соответствии с идеалом. В сочинении предпринята попытка синтеза христианского и ренессансного этического идеалов, довольно обстоятельно обрисован тот интеллектуально-этический образец правителя, который хотели видеть во главе государства отечественные мыслители эпохи Возрождения, а вслед за ними и некоторые просветители XVIII в.

*Семён Александрович ПОДОКШИН,
кандидат исторических наук, доктор философских наук*

Соч.: De libertate politica sive civili. Autore Andrea Volano. Cracoviae, 1572;
Volanus A. Meditatio in epistolarn Divi Pauli apostoli ad ephesios. Vilnae, 1592;
Volani Andreae. De vita beata' sive summo hominis bono. Dialogiis. Wilnae, 1596;
Volanus A. Oratio ad senatum regni Poloniae. Magnique ducatus Lituaniae, qua boniprincipisin Republica constituendi modus Ostienditur // Pisma polityczne z czasow pierwszego bezkrolewia. Wyd. S. Czubek. Krakow, 1906;

O wolnosci Rzeczypospolitej, albo szlacheckiej... od pana Andrzeja Wolana sekretarza K. I. M pisana, a dopiero nowo z lacinskiego jezykana polski przelozoria od Stanislaw

Dub'ingowiczca (1606) // Biblioteka Polska, serya na R. 1859, Zeszyt 11, 12, 13. Krakow, 1859.

Лит.: Сокол, С.Ф. Социологическая и политическая мысль в Белоруссии во второй половине XVI в. Мінск, 1974; Каралёў, І.А. Сацыялагічная думка Беларусі канца XVI – першай палавіны XVII в. аб сутнасці грамадства // Весці АН БССР. Серыя грамад. навук, 1976. № 4;

Подокшин, С.А. Натуралистические и диалектические тенденции в социально-этических воззрениях А. Волана // Идеи материализма и диалектики в Белоруссии. Мінск, 1980;

Падокшын, С.А. Шатон, В.К. Андрэй Волан і яго трактат «Пра шчаслівае жыццё, або найвышэйшае чалавечае дабро» // Весці АН БССР. Серыя грамад. навук. 1981. № 1;

Подокшин, С.А. Франциск Скорина. М., 1981;

Wolan Andrzej, jego życie uczone i publiczne. Pisma historyczne Michala Balinskiego. T. III. Warszawa, 1843;

Jarra, E. Andrew Wolan. Sixteenth Century Polish Calvinist writer and Philosopher of Law // Studies in Polish and Comparative Law. London, 1945;

Luksaite, J.A. Wolano paziuros i visuomenes kilmę strukturas ir teises funkcjas (Тр. АН ЛитССР. Серія А. 1968. Т. 2 (27);

Kempfi, A. Frycz a Wolan//Andrzej Frycz Modrzewski i problemy kultury polskiego Odrodzenia. Wroclaw etc., 1974;

Czartoryski, P. Wolan Andrzej // FilofoTia w Polsce. Słownik pisarzy. Wroclaw etc., 1971.

Падокшын С.А.,
кандыдат гістарычных навук, доктар філасофскіх навук,
лаўрэат Дзяржаўнай прэміі БССР

Выбранне караля, або Прамова да Сената Андрэя Волана

Сёмага ліпеня 1572 г. памёр кароль і вялікі князь Жыгімонт II Аўгуст (1520–1572). Памёр ён бяздзетным і на ім скончылася прамая мужчынская лінія дынастыі Гедымінавічаў або Ягелонаў. Востра паўстала пытанне выбарання новага караля. Феодалы Вялікага Княства Літоўскага і Польшчы прыйшлі да высновы, што каралём павінен стаць чужынец. Не толькі таму, што так пажадаў у сваім палітычным тастаменце нябожчык Жыгімонт Аўгуст, але і па прычыне агульнавядомай у палітычнай практыцы: каб пазбегнуць унутранай грамадзянскай вайны. Упершыню ў нашай гісторыі так зрабілі ў 862 г. продкі беларусаў, рускіх і фінаў («крывічы, славене, чудзь»), якія, згодна *Аповесці мінулых гадоў*, запрасілі на княжанне варагаў. Як вядома, першым полацкім князем, чыё імя захавалася ў летапісе, з'яўляўся вараг Рагвалод, бацька Рагнеды, ад якой пайшоў род беларускіх князёў. У гісторыі ВКЛ і Польшчы перыяд з 1572 па 1575 г. атрымаў назву першага бескаралеўя. Прэтэндэнтамі на каралеўска-вялікакняжацкі трон былі французскі дафін Генрых Валуа (Валезы), аўстрыйскі прынец Эрнест і сын Івана IV Грознага царэвіч Фёдар. Паміж феадальнымі групамі, кожная з якіх імкнулася пасадыць на прастол свайго кандыдата, пачалася напружаная палітычная барацьба, якая дасягнула свайго апагею на элекцыйным або выбарчым сойме 1573 г.

Прапанаваная чытачу *Прамова да Сената Каралеўства Польскага і Вялікага Княства Літоўскага аб тым, якім павінна быць праўленне дабрадзейнага караля*, належыць Андрэю Волану (1530–1610), соймаваму паслу ад шляхты Ашмянскага павета, бяззменнаму сакратару пры каралях Жыгімонце II Аўгусте, Стэфане Баторыю, Жыгімонце III

Вазе. Андрэй Волан быў не толькі высокапастаўленым каралеўскім чыноўнікам, але і кваліфікаваным юрыстам, тэарэтыкам права, вядомым палітолагам, філосафам, рэлігійным пісьменнікам. У год смерці караля Волан апублікаваў твор *Аб палітычнай альбо грамадзянскай свабодзе* (Кракаў, 1572), які адразу зрабіў яго знакамітым. Менавіта на элекцыйным сойме 1573 г. Волан выступіў з вышэйпамянёнай прамовай, у якой ён, аўтарытэтны ў феадальных колах ВКЛ і Польшчы палітык, выклаў сваё бачанне постаці новага караля як палітычнага дзеяча і асобы. У прамове Волан не толькі прааналізаваў вынікі дзяржаўнай дзейнасці Жыгімонта II Аўгуста, адзначыўшы яго палітычныя пралікі і маральныя заганы, але і накрэсліў праграму гранічна патрэбных грамадству Рэчы Паспалітай рэформ, намалюваў аптымальны і, нават, ідэальны, этычны і палітычны вобраз новага караля.

У час, калі праходзіў элекцыйны сойм, Вялікае Княства Літоўскае, Рускае і Жамойцкае знаходзілася ў даволі складаным, калі не цяжкім, становішчы. У выніку Лівонскай вайны, якой не бачна было канца, ВКЛ страціла значную частку сваіх усходне-паўночных тэрыторый разам з Полацкам. Пагроза інкарпарацыі, якая зыходзіла з боку Маскоўскай дзяржавы, з'явілася адной з галоўных прычын заключэння палітычнай Люблінскай уніі (1569) паміж ВКЛ і Польшчай і ўтварэння федэратыўнай дзяржавы Рэчы Паспалітай. Разам з тым, на думку пэўнай часткі шляхты, у тым ліку і Андрэя Волана, ваенныя няўдачы ВКЛ з'яўляліся не толькі вынікам моцы рускай зброі, але і нядабайнасці, бездапаможнасці вялікага князя і караля Жыгімонта II Аўгуста, яго набліжаных, урада. Працягваліся ўварванні на паўднёвыя землі Украіны і Беларусі крымскіх татараў. Неўладкаваным заставалася ўнутрыпалітычнае жыццё краіны (шляхецкае свавольства, непавага да закону, недасканалая судовая сістэма і г.д.), нягледзячы на тое, што ў перыяд праўлення Жыгімонта II Аўгуста быў ажыццёўлены шэраг неабходных палітыка-адміністрацыйных пераўтварэнняў, усталявалася пэўная вельмі неабходная для грамадства верацярпімасць, склаліся даволі спрыяльныя ўмовы для развіцця культуры, у тым ліку для развіцця нацыянальнай беларускай культуры.

Сваю прамову Волан адрасуе Сенату – вышэйшай палаце вальнага Сойма, у якую ўваходзілі найбольш уплывовыя духоўныя і свецкія феадалы Рэчы Паспалітай – каталіцкія біскупы, ваяводы, кашталыны, старасты і некаторыя іншыя службовыя асобы цэнтральнай улады. Гэта тлумачылася тым, што ашмянскі сеймавы

пасол лічыў: у існуючым грамадстве тон палітычнага, прававога і маральнага жыцця павінна задаваць і фарміраваць еўрапейска адукаваная і асвечаная магнацка-шляхецкая арыстакратыя тыпу Радзівілаў, Валовічаў, Сапегаў, Хадкевічаў, Дарагастайскіх і інш. Ніжэйшай палатай Сойма была пасольская ізба, у якую ўваходзілі прадстаўнікі павятовай шляхты, у тым ліку і аўтар *Прамовы да Сената*. Хутчэй за ўсё Волан агучыў сваю *Прамову* на агульным пасяджэнні дзвюх палат. Воланаву *Прамову* не была прамовай утапіста, сацыяльнага летуценніка, а чалавека, грамадскага дзеяча, умудронага вялікім дзяржаўным вопытам, адэкватна інфармаваным пра наяўную сітуацыю ў краіне, добра ведаючым усе недахопы існуючай улады – заканадаўчай, выканаўчай, судовай.

Калі гаварыць пра агульную канцэпттуальную пазіцыю Волана як сацыяльна-палітычнага мысліцеля і тэарэтыка права, то яе – зразумела, прыблізна і ўмоўна – можна параўнаць з сучасным неакансерватызмам. Ашмянскі сеймавы пасол лічыў, што для забеспячэння агульнага добра і свабоды, менавіта, недатыкальнасці жыцця, годнасці і прыватнай уласнасці чалавека, неабходна моцная і асвечаная дзяржаўная ўлада, якая ў сваёй дзейнасці, у тым ліку і рэфарматарскай, строга і паслядоўна прытрымліваецца законапраўя, лічыцца з наяўнымі існуючымі сацыяльнымі, палітычнымі і прававымі ўмовамі і традыцыямі. Гэта быў прагрэсіўны шляхецкі неакансерватызм (т.зв. праграма «направы Рэчы Паспалітай»), які імкнуўся спалучыць рэнесансныя ліберальныя каштоўнасці з моцнай каралеўскай уладай, абмежаванай законам і прадстаўнічымі шляхецкімі інстытутамі. Абапіраючыся на вучэнне Платона пра дыялектыку свабоды, Волан геніяльна прадугадаў, што свабода як асноватворны прынцып сацыяльна-палітычнага жыцця, у рэнесансна-гуманістычнай інтэрпрэтацыі забяспечвае чалавеку яго неад’емныя натуральныя правы, а ў сярэднявечнай, феадальна-шляхецкай – вядзе да неўтаймаванага грамадскага свавольства, хаосу, беззаконнасці і, у рэшце рэшт, да пагібелі дзяржавы.

У сваёй *Прамове да Сената* Андрэй Волан закранае шэраг актуальных і жыццёва важных як для Вялікага Княства, так і для Рэчы Паспалітай наогул, пытанняў. У першую чаргу, гэта пытанне знешняй небяспекі. З *Прамовы* вынікае, што дзяржаве пагражаюць «туркі, якія заўсёды імкнуцца да пашырэння сваёй імперыі»; «дзікае племя валахаў»; «Скіфія, якая прызвычайлася насычаць сваю пражэрліваю пастку рабаваннем» (Волан мае на ўвазе крымскіх татар); і, нарэшце, «Масква», якая «трымае ля нашых межаў вялікае

войска, і калі мы не будзем пільнымі і не будзем мець арміі, здольнай нас абараніць, то гэта страшыдла праглыне нас». Трэба мець на ўвазе, што гэта было сказана ў часы вайны, калі значная частка беларускіх зямель, і ў тым ліку Полацк, былі акупіраваны рускай арміяй. Волан у сваёй Прамове неаднакроць звяртаецца да пытання катастрафічных наступстваў Лівонскай вайны, вынікам якой былі «разбураныя маёнткі, залітыя крывёю хаты, сіроты і няшчасныя ўдовы» і г.д. Вінаватым у паражэнні войска Рэчы Паспалітай Волан лічыў нябожчыка Жыгімонта Аўгуста, які «не выконваў належным чынам свой абавязак», а таксама сенатараў, якія «не адвялі караля ад бяздзейнасці, не ўтаймавалі яго празмернае самавольства і ганарыстасць».

У гэтай сувязі Волан узнімае галоўную праблему – праблему асобы новага караля, якога павінен выбраць Сойм. Вобраз новага караля, патрабаванні, якія яму абавязаны прад’явіць грамадства, Сойм, Сенат як дзяржаўнаму дзеячу і асобе, фармулююцца Воланам побач з вострай крытыкай палітычных і маральных якасцяў яго папярэдніка. Пры гэтым Воланам выкарыстоўваецца метада супрацьпастаўлення існага і належнага. Гэта пэўная філасофская ўмоўнасць, літаратурны прыём, якім карыстаўся старэйшы сучаснік Волана – Міхалон Літвін у сваім трактаце *Аб норавах татараў, літвінаў і масквіцянаў* (напісаны ў сярэдзіне XVI ст. і выдадзены ў Базелі ў 1615 г.), дзе супрацьпастаўлялася недасканаласць грамадскае і духоўнае жыццё ВКЛ быццам бы ідэальнаму палітычнаму ладу і маральнаму стану крымскіх татар і Маскоўскай дзяржавы.

На думку Волана, чалавечая натура схільная не толькі да добра, але і да зла, асабліваць гэта распаўсюджваецца і на дзяржаўных дзеячаў. «Ці ж мы не ведаем, – звяртаецца ён да сенатараў, – што многія гаспадары, добрыя па натуры, з часам і па міласці лёсу рабіліся заганнымі, бо не маглі ўтрымацца ад спакусы марных рэчаў і ўрэшце рэшт ператвараліся ў людзей фанабэрыстых, напышлівых, бязлітасных. Гісторыя сведчыць, што не было амаль ніводнага чалавека, атрымаўшага ўладу, які б спачатку адзначаўся бездакорным жыццём, а потым ператвараўся ў заганную асобу». Менавіта такая метамарфоза, лічыць Волан, адбылася з нябожчыкам Жыгімонтам Аўгустам. Былы кароль, сцвярджае Волан, неаднакроць парушаў законы, у сваёй дзейнасці кіраваўся не агульным добром, а сваімі капрызамі, быў бяздзейным і пасіўным у той час, як абставіны патрабавалі рашучасці, настойлівасці, асабліва ў барацьбе са

знешнімі ворагамі, заняджаў унутранымі справамі, не стрымліваў свавольства шляхты, гандляваў чынамі і пасадамі, бескантрольна карыстаўся дзяржаўнай скарбніцай, больш клапаціўся пра свае, а не грамадскія інтарэсы і г.д. «Усе мы добра ведаем, – абураўся ашмянскі сеймавы пасол, звяртаючыся да сенатараў, – што амаль усе грошы ў час праўлення караля-нябожчыка былі патрачаны на бескарысныя шматлікія табуны коней, конюхаў, кучараў, у той час як ніводнае ваеннае ўмацаванне, ніводная крэпасць, якія былі пабудаваны на межах, не былі забяспечаны належным гарнізонам і прыпасамі, каб паспяхова абараніцца ад нападу ворагаў. У выніку значная частка Літвы (ВКЛ. – С. П.) апынулася пад чужой уладай».

Аднак не меншая небяспека падпільнюе грамадзян ВКЛ у самой краіне. У першую чаргу гэта феадальнае свавольства, бяздзейнасць каралеўскай улады, якая не ў стане дабіцца выканання існуючых законаў, эгаізм і тыранічныя звычкі самога караля. «І нават калі б нам не пагражала вонкавая небяспека, – сцвярджае Волан, – нашы грамадзяне не могуць сябе адчуваць спакойна ў сваёй краіне, у якой існуе магчымасць свабодна і беспакarana забіваць, што прыйшло да нас з мінулых вякоў і ўвайшло ў звычай. <...> Не мне Вам напамінаць пра тое, што тыран нясе пагібель народу, што вынікам загання праўлення караля з'яўляюцца страшэнныя спусташэнні і разбурэнні». На думку Волана, грамадства не павінна «мірыцца з тым, што кароль не лічыцца з законам», дазваляе сабе «рабіць усё, што яму ўздумаецца».

Адной з галоўных заган праўлення былога караля Волан лічыў недасканаласць існуючай судовай сістэмы: «Дакольні правосуддзе з'яўляецца вартавым грамадскага спакою, кароль – які жыве ў бяздзейнасці і раскошы, пазбягае цяжкасцяў і цяжару судовых спраў, з дня на дзень зацягвае і заўсёды адкладвае іх – непазбежна з'яўляецца прычынай бядот і няшчасцяў тых, хто звяртаецца да яго за правосуддзем. Судовая валакіта, зацягванне разбірацельства спраў у судзе, апрача таго, што прыносіць страты грамадзянам і даводзіць іх да поўнай галечы, зараджае ў іх думку пра панаванне ў нашай краіне беззаконня, асабліва ў адносінах да простых людзей».

Не бездакорным з'яўлялася і прыватнае жыццё нябожчыка караля, які не прытрымліваўся «законнага і свяшчэннага шлюбу». На думку кальвініста-мараліста Волана, «такія паводзіны выклікаюць гнеў магутнага Бога на ўсю дзяржаву, з'яўляюцца дрэнным прыкладам для ўсіх грамадзян». І далей: «Як вельмі

слушна сказаў Цыцэрон, юрлівасць перашкаджае разважлівасці, варожая розуму, асляпляючы яму вочы, ніякіх адносінаў не мае да дабрачыннасці. Не могуць шанаваць узвышанае і прыгожае тыя, хто ўсе свае думкі і намеры звяртае да нізкага і агіднага. <...> Маральныя заганы асляпляюць розумы гаспадароў, скажаюць дабрачыннасць, груба парушаюць справядлівасць судаводства» і г.д.

Адзначыўшы ўласцівыя Жыгімонту Аўгусту, як і наогул гаспадарам яго рангу, заганы, Волян малое вобраз ідэальнага кіраўніка дзяржавы. Мае рацыю Платон, сцвярджае сеймавы пасол ад Ашмянскага павета, што кіраванне дзяржавай гэта ахвярапрынашэнне і кароль, які займае гэту высокую пасаду, павінен з'яўляцца прычынай шчасця і дабрабыту ўсіх людзей краіны, усіх станаў. Таму, сцвярджае Волян, мы павінны выбраць караля, які будзе абараняць законы і звычаі народа, а не кіравацца сваімі асабістымі капрызамі, клапаціцца толькі пра сябе і прыносіць шкоду пажытку паспалітаму, народнай справе; караля, які б наладзіў наша жыццё, а ўсе яго думы былі б накіраваны на дабрабыт грамадзян; караля, які, адмовіўшыся ад сваіх асабістых інтарэсаў, усю сваю дзейнасць накіраваў бы ў напрамку паспалітага добрага. Вось тады, на думку Волана, адрадіцца сапраўдная свабода, шчаслівае жыццё і агульная бяспека. Прыклады цнатлівасці, памяркоўнасці і гаспадарлівасці павінны зыходзіць ад караля, сцвярджае прамоўца.

Падкрэсліваючы вялікае значэнне выканаўчай улады, Волян разам з тым адводзіць істотную ролю ў грамадстве ўладзе прадстаўнічай і судовай. «Лічу, – звяртаецца да сенатараў Волян, – што наша дзяржава не зможа пераадолець зваліўшыся на яе бядоты сіламі, розумам, мудрасцю, мужнасцю толькі аднаго чалавека, калі да гэтай справы не будзеце прыцягнуты Вы, яго памочнікі. <...> Толькі сумесна з Вамі ён зможа прадбачыць усе небяспекі і абараніцца ад іх. Вы, шаноўныя панове сенатары, павінны выходзіць ад караля, вучыць яго, як сумленна выконваць свае абавязкі, каб ён не змог памыліцца і каб Вас не абвінавацілі ў тым, што з'яўляецеся саўдзельнікамі яго злачынстваў». Ашмянскі пасол ставіць перад членамі Сената пытанне рубам: калі дзяржава будзе мірыцца з каралеўскім свавольствам і беззаконнем, то сенатарам прыйдзецца «падзяліць віну» з каралём. Ніякі страх перад небяспечай і ніякая надзея на ўзнагароду, падкрэслівае Волян, не павінны стрымліваць годнага і адданага агульнаму дабру сенатара ад таго,

каб ён гатовы быў супрацьстаяць свавольству караля і стрымліваць яго неразумныя дзеянні разумнымі парадамі.

І ўсё ж, лічыць мысліцель, галоўнай перашкодай на шляху свавольства кіраўніка дзяржавы павінны быць законы. Яны «ўручаюцца каралю разам са скіпетрам». Законы Рэчы Паспалітай, або Рэспублікі «прыняты для дабрабыту і карысці грамадзян» і кароль абавязаны іх строга прытрымлівацца. У адпаведнасці са сваімі кальвінісцка-пурытанскімі маральнымі перакананнямі Волан нават патрабуе, каб быў прыняты закон, які рэгулюе прыватнае жыццё кіраўніка дзяржавы. Ашмянскі пасол заклікае сенатараў пазбавіць караля магчымасці рабіць «публічны гандль чынамі і пасадамі». «Няхай Сенат, – настойвае Волан, – возьме сабе гэту прэрагатыву і сам узводзіць ва ўсе чыны і звання, прычым толькі тых, чые беззаганнасць, працалюбства і адданасць дзяржаве выпрабаваны, правяраны ў справе». На думку Волана, каралю таксама трэба забараніць карыстацца дзяржаўнай скарбніцай без згоды Сената.

У сваёй *Прамоўе* Волан паставіў перад сенатарамі пытанне ўдасканалення існуючай судовай улады. Справа ў тым, што да 1578 г. у Польшчы і 1581 г. у ВКЛ кароль і вялікі князь з'яўляўся вышэйшай апеляцыйнай судовай інстанцыяй. Аднак «судовая валакіта» была характэрная не толькі для судаў ніжэйшай, але і для суда вышэйшай інстанцыі, якой з'яўляўся кароль. Таму цалкам зразумела наступнае выказванне з Прамовы ашмянскага паса: «Адкажыце мне, шаноўныя панове сенатары, якая судовая справа, якая цяжба, прадстаўленая ў якасці апеляцыі каралю для тэрміновага разгляду, не адкладвалася "да заўтра", што б не адбылося?!»

Волан лічыць, што неабходны закон, згодна якому кароль павінен даць абавязацельства, што не будзе зацягваць разгляд любой судовай справы больш трох дзён, хутка прыме рашэнне і даб'ецца яго выканання.

Выбар Сойма 1573 г. аказаўся няўдалым. Каралём быў абраны Генрых Валуа, які праз шэсць месяцаў збег у Парыж. Аднак за час свайго кароткага каралявання ён паспеў падпісаць т.зв. Генрыхавы артыкулы, згодна якім Рэч Паспалітая абвешчалася шляхецкай рэспублікай з выбраным каралём, улада апошняга была значна абмежавана Соймам, уведзілася роўнасць усіх хрысціянскіх веравызнанняў.

Больш удалым быў выбар элекцыйнага Сойма 1575 г., які абвясціў каралём і вялікім князем Стэфана Баторыя (1576–1586). Менавіта Баторый больш-менш адпавядаў таму палітычнаму і этыч-

наму ідэалу, які намаляваў у сваёй *Прамове да Сената* Андрэй Волан. 30 жніўня 1579 г. арміяй Рэчы Паспалітай, якой кіраваў Баторый, таленавіты і вопытны палкаводзец, быў узяты Полацк, маскоўскі гарнізон капітуляваў. Хутка ваенныя дзеянні ўжо вяліся на рускай зямлі. У 1580 г. Баторыеву войску здаліся крэпасці Усвяты, Вялікія Лукі, Невель, Старая Руса. Быў абложаны Пскоў. 15 студзеня 1582 г. Маскоўская дзяржава вымушана была падпісаць з Рэччу Паспалітай перамір’е, згодна якому адмаўлялася ад Полацкай зямлі і Лівоніі. Сваім прывілеем Баторый пацвердзіў усе шляхецкія правы і свабоды, і што асабліва важна – канфедэрацыйны лад Рэчы Паспалітай, што рабіла ВКЛ адносна незалежнай, суверэннай дзяржавай. У адпаведнасці з воланавымі рэкамендацыямі Баторый умацаваў цэнтральную ўладу, утварыў вышэйшую апеляцыйную судовую інстанцыю – Галоўны трыбунал ВКЛ (1581). Кароль і вялікі князь правёў ваенную рэформу, якая ўмацавала армію. Ён жа з’яўляецца заснавальнікам Віленскага ўніверсітэта (1579).

Такім чынам, рэкамендацыі Волана, якія змяшчаліся ў яго *Прамове да Сената* часткова былі ўлічаны ўрадам новага караля. Вялікую ролю ў іх наступнай рэалізацыі адыграў палітычны аднадумец Волана канцлер Вялікага Княства Літоўскага Леў Сапега. Але гэта асобная тэма.

Аналіз творчай спадчыны Андрэя Волана дае падставу меркаваць, што ён быў знаёмы не толькі з філасофіяй і палітычнай думкай антычнасці (Платон, Арыстоць, Цыцэрон), але і з сачыненнямі італьянскіх філосафаў і палітычных мысліцеляў эпохі Адраджэння, у прыватнасці Нікало Макіявелі (1469–1527), аўтара твораў *Гасудар*, *Разважанні пра першую дэкаду Ціта Лівія*, *Гісторыя Фларэнцыі* і інш. Некаторыя ідэі Волана сугучны ідэям Франчэска Гвічардзіні (1483–1540), творы якога (*Гісторыя Фларэнцыі*, *Разважанні аб прамовах Макіявелі*, *Дыялог пра кіраванне Фларэнцыяй*, *Гісторыя Італіі* і інш.) былі напісаны ў першай палове XVI ст., а ўбачылі свет толькі ў сярэдзіне XIX ст. Воланаўскі этычны трактат *Пра шчаслівае жыццё, або Вышэйшае чалавечае дабро* (1596) напісаны пад відавочным уплывам дыялога Ларэнца Вальі *Пра асалоду, або пра сапраўднае і фальшывае дабро* (перш. пал. XV ст.) як своеасабліва палемічная альтэрнатыва.

Адзначым сугучнасць некаторых ідэй сакратара ўрада Фларэнційскай рэспублікі і сакратара ўрада Вялікага Княства Літоўскага. Як і Волан, Макіявелі лічыў, што: пазбавіць дзяржаву ад міжусобіц і беззаконня можна не інакш, як «даўшы ёй добрае

кіраванне»¹; без моцнай арміі «ўлада не трывалая»²; «гасудар ніколі не павінен быць бяздзейным»³; гаспадар абавязан быць ашчадным⁴; не заслугоўвае павагі нясталы, лёгкадумны, спешчаны, нерашучы кіраўнік дзяржавы⁵; вопытны і разумны гаспадар будзе падтрымліваць адзінства ў грамадстве⁶; гасудар абавязкова павінен быць адукаваным і мудрым («Вось правіла, – піша Макіявелі, – якое не ведае выключэнняў: гасудару, пазбаўленаму мудрасці, добрыя парады не прыносяць карысці»), падтрымліваць і абапірацца на людзей таленавітых, садзейнічаць развіццю земляробства, рамёстваў, гандлю⁷. «Розум кіраўніка, – сцвярджаў Макіявелі, – пазнаецца ў першую чаргу па тым, якіх людзей ён да сябе набліжае»⁸. Гэтую ж думку выказвае і Андрэй Волан у сваім трактаце *Пра гасудара і яго асабістыя дабрачыннасці*⁹, а таксама Сымон Будны ў сваёй працы *Пра свецкую ўладу*. Макіявелі, як і ўслед за ім Волан (пра што сведчаць усе воланавы творы, у тым ліку і *Прамова да Сената*), вялікую ролю надаваў законам. «Падвойную славу заслужыць той, хто, атрымаўшы ўладу, узмоцніць яе добрымі законамі», – сцвярджаў італьянскі мысліцель у сваёй галоўнай і найбольш вядомай працы *Гасудар* (напісана прыблізна ў 1513 г., выдадзена – у 1532 пасмяротна). Абсалютна супадаюць думкі Макіявелі і Волана пра дыялектыку форм кіравання: пры пэўных умовах, лічаць і той, і другі, манархія ператвараецца ў тыранію, арыстакратыя – у алігархію, дэмакратыя – у анархію¹⁰. Як вядома, першакрыніца гэтай ідэі – палітычнае вучэнне Платона. І нарэшце, асноўная катэгорыя, на якой будуецца палітычная тэорыя і Макіявелі, і Волана, і, дарэчы, Сапегі – катэгорыя свабоды. Зразумела, што побач з ідэйным супадзеннем у поглядах Макіявелі і Волана маюцца істотныя разыходжанні, але гэта асобная тэма.

Што тычыцца Гвічардзіні, то некаторыя яго ідэі таксама прысутнічаюць у творах Волана, хоць апошні, зразумела, не чытаў яго сачыненняў, аднак, як прынята лічыць, гэтыя ідэі луналі

¹ Макиавелли, Н. Избранное. Москва, 1999, с. 387.

² Там жа, с. 409.

³ Там жа, с. 412.

⁴ Там жа, с. 414–415.

⁵ Там жа, с. 422.

⁶ Там жа, с. 433.

⁷ Там жа, с. 438–441.

⁸ Там жа, с. 439.

⁹ Волан, А. о государе и его личных добродетелях; Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII в. Минск, 1991, с. 48–49.

¹⁰ Макиавелли, Н. Избранное. Москва, 1999, с. 463–464

ў еўрапейскім інтэлектуальным паветры. У прыватнасці, гэта ідэя дыялектыкі манархіі і тыраніі, якая была ўласціва і Макіявелі і, перш за ўсё ідэя змешанага кіравання, г.зн. ідэя такой палітычнай формы, якая ўбірала добрыя якасці некалькіх. Як справядліва адзначае І.Ф. Раціцкая, такая палітычная мадэль «была накіравана на выпрацоўку крытэрыяў раннебуржуазнага рэспубліканізму, у тым ліку і прынцыпу канстытуцыяналізму»¹, што даволі выразна паглядаецца ў творах як Волана, так і Сапегі².

¹ История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. Москва, 1986, с. 329.

² Падокшын, С.А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага. Мінск, 1990, с. 204–226.

Андрэй Волан

Прамова да Сената Каралеўства Польскага і Вялікага Княства Літоўскага, або Якім павінна быць праўленне дабрачыннага караля (1573)

Пераклад з лацінскай мовы выкананы А.Я. Цукерманам і С.А. Падокшыным на выданні: Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia, wyd. S. Czubek, Kraków, 1906.

Вельмі шанюўныя панове сенатары! Прыйшоў час, калі апынуўшаяся ў цяжкім становішчы дзяржава, звяртаецца да Вашай дапамогі. Так склаліся абставіны, распарадзіўся лёс, што калі неадкладна Вы не прыйдзеце на дапамогу нашай рэспубліцы, яна – і гэта ўсім бачна – апынецца на мяжы пагібелі. Кароль і вялікі князь Жыгімонт Аўгуст – нябожчык. Памёр сваёй смерцю той, хто па нашых звычаях і законах з’яўляецца адзіным захавальнікам грамадскага спакою і міру ў дзяржаве. Аднак спадзявацца на працяглае захаванне міру немагчыма, таму што ворагі, якія пагражаюць нам, вельмі шматлікія і моцныя.

Туркі, якія заўсёды імкнуцца да пашырэння сваёй імперыі, спяць і бачаць, як бы захапіць землі нашай дзяржавы, якая страціла свайго гаспадара. Не выключана, што дзікае племя валахаў, якое не так даўно прынесла шмат крыўд нашым людзям, рыхтуецца да новага набегу. Не прапусціць зручнага моманту і Скіфія, якая прызвычайна насычаць сваю пражэрліваю пастку рабаваннем і стала точыць супраць нас свае вострыя зубы. Масква ж, як нам дакладна вядома, трымае ля нашых межаў вялікае войска, і калі мы не будзем пільнымі і не будзем мець арміі, здольнай нас абараніць, то гэта страшыдла (не жадаю рабіць благіх прадказанняў) праглыне нас.

І нават калі б нам не пагражала вонкавая небяспека, нашы грамадзяне не могуць сябе адчуваць спакойна ў сваёй краіне, у якой існуе магчымасць свабодна і беспакarana забіваць, што прыйшло да нас з мінулых вякоў і ўвайшло ў звычай.

Усе гэтыя бядоты рэальна пагражаюць нашай дзяржаве, і ў Вашай уладзе, шаноўныя панове сенатары, выратаваць яе ад пагібелі. Вы ж увасабляеце саму дзяржаву, і Ваш свяшчэнны доўг і ганаровы абавязак рупліва і аддана захоўваць і абараняць яе дабрабыт. Разам з тым я мяркую, што няма больш дзейнага сродка пазбавіць нашу дзяржаву ад названых бядот, чым без усякага прамаруджвання, у адпаведнасці з мудрым і пільным розумам, з аднадушной Вашай згоды выбраць новага караля замест нябожчыка. Я сцвярджаю караля, а не тырана, які будзе абараняць законы і звычаі нашага народа, а не кіравацца сваімі асабістымі капрызамі, клапаціцца толькі пра сябе і прыносіць шкоду пажытку паспалітаму, народнай справе. Караля, які б наладзіў наша жыццё, а ўсе яго думы былі накіраваны на дабрабыт грамадзян; які б, адмовіўшыся ад сваіх асабістых інтарэсаў, усю сваю дзейнасць накіраваў у напрамку паспалітага добрага, грамадскага дабрабыту. Вось тады абавязкова адрадіцца сапраўдная свабода, шчаслівае жыццё і агульная бяспека. І сапраўды, няма больш зручнага шляху для дасягнення агульнага добра, чым, калі гаспадар будзе ісцінным і першым захавальнікам і выканальнікам законаў, не будзе патураць і пакідаць беспакаранымі ўсё ліхадзейства, ухіляцца ад пакарання людзей карыслівых і злачынных. Прыклады цнатлівасці, памяркоўнасці і гаспадарлівасці павінны зыходзіць ад караля, і калі б у грамадстве запанавала бездакорная маральнасць, якімі б дабротамі напоўнілася наша рэспубліка, бо нічога так не дзейнічае на паслухмяных грамадзян, як станоўчы прыклад караля.

Аднак, такі лёс караля, што яго жыццё ва ўсіх на вачах. Нішто не можа быць схавана ад людской цікаўнасці, а ўсялякая тайна хутка становіцца набыткам погаласу. Што б кароль ні рабіў за глухімі мурамі або ў сваёй спальні, хутка становіцца вядома народу. Ніхто не лічыць ганебным рабіць тое, што, як яму вядома, робіць кароль, і ніхто не будзе рабіць тое, што сам кароль не робіць. Таму дабрабыт рэспублікі залежыць ад выбарання на трон з боскай дапамогай дабрачыннага караля, бо нішто так не шкодзіць дзяржаўнай справе, як разбэшчаны правіцель. Не мне Вам напамінаць пра тое, што тыран нясе пагібель народу, што вынікам злачыннага праўлення

караля з'яўляюцца страшэнныя спусташэнні і разбурэнні... Калі б мы маглі выбраць караля, які б кіраваў найлепшым чынам, мы былі б упэўнены, што дзяржаве нашай нішто не пагражае, а сама дзяржава змагла б гэта засведчыць.

Аднак сучасны стан спраў усяму гэтаму супярэчыць: разбураныя маёнткі, залітыя крывёю хаты, сіроты і няшчасныя ўдовы, незліч бязлітасных злачынстваў і жахлівых блюзнерстваў, безабаронная дзяржава ў час вайны. А таму, вяльможныя панове сенатары, з'яўляючыся сведкамі ўсяго гэтага, прыкладзіце вышэйшыя намаганні ў выбранні такога караля, каб той, каго Вы выбяраце, садзейнічаў дабрабыту Радзімы, а не яе пагібелі. Неабмежаванае права выбару караля будзе лічыцца неабдуманым і заганным, калі стрыно ўлады Вы ўручыце таму, хто па прычыне заганных уласцівасцяў і неспрактыкаванасці непазбежна пацерпіць няўдачу. Павінны помніць, што ў чалавечым розуме маецца шмат таямнічых куткоў, а ў людскіх душах тоіцца шмат заганаў і таму вельмі часта той, хто на першы погляд выглядае дабрачынным, на самой справе аказваецца распусным. Ці ж мы не ведаем, што многія гаспадары, добрыя па натуре, з часам і па міласці лёсу рабіліся заганнымі, бо не маглі ўтрымацца ад спакусы марных рэчаў і ў рэшце ператвараліся ў людзей фанабэрыстых, напэшлівых, бязлітасных. Гісторыя сведчыць, што не было амаль ніводнага чалавека, атрымаўшага ўладу, які б спачатку адзначаўся бездакорным жыццём, а потым ператвараўся ў заганныю асобу. Таму нельга не ўлічваць таго, што мы можам памыліцца ў выбранні караля, прынамсі, добрага караля, аднак, калі мы адмовімся ад гэтага, цяжар улады ляжа на Вашы плечы, шануюныя панове сенатары.

Лічу, што наша дзяржава не зможа пераадолець зваліўшыся на яе бядоты сіламі, розумам, мудрасцю, мужнасцю толькі аднаго чалавека, калі да гэтай справы не будзеце прыцягнуты Вы, яго памочнікі. Здольнасці аднаго чалавека абмежаваныя і ненадзейныя, і наш гаспадар наўрад ці зможа пераадолець усе тыя нягоды, якія навіслі над нашай дзяржавай. Толькі сумесна з Вамі ён зможа прадбачыць усе небяспекі і абараніцца ад іх. Вы, шануюныя панове сенатары, павінны выходзіць караля, вучыць яго як сумленна выконваць свае абавязкі, каб ён не змог памыліцца і каб Вас не абвінавацілі ў тым, што з'яўляецеся саўдзельнікамі яго злачынстваў. Калі дзяржава і грамадства будуць мірыцца з тым, што кароль не лічыцца з законамi, дазваляе сабе рабіць усё, што

яму ўздумаецца, то Вам, шаноўныя панове сенатары, хоць Вы і не вінаватыя, давядзецца падзяліць з ім віну, і грамадства, нарэшце, зразумее, што кароль грэбуе законам і ва ўсіх справах кіруецца сваімі капрызамі, а не розумам. Сёння, калі рэспубліка ў Вашай асобе ўзводзіць новага караля на трон, яна не будзе цяпець, калі на гэтым троне апынецца парушальнік законаў. Каралю ад Бога прадпісаны пэўныя нормы паводзінаў і ён павінен быць навучаны і выхаваны так, каб кіравацца імі на працягу ўсяго жыцця і пазбягаць ўсяго таго, што супярэчыць гэтым нормам. Калі кароль пры Вашым патуранні парушае законы, выкарыстоўвае ўладу не дзеля агульнага добра, а на агульную пагібель, а Вы, шаноўныя панове сенатары, не перашкаджаеце яго празмернаму ўладалюбству, тым самым Вы бярэце на сябе віну за дрэннае кіраванне і бядотнае становішча рэспублікі.

Не буду пералічваць усе тыя нягоды, якія наваліліся на нашу дзяржаву, таму што нябожчык кароль не выконваў належным чынам свой абавязак. Таму Вы, успомніўшы ўсе паражэнні нашай рэспублікі і ўволю аплакаўшы дрэнны стан нашых спраў, неадкладна і энергічна вазьміцеся за іх выпраўленне, бо разладжаныя справы можна выправіць, толькі прыняўшы неабходныя меры. Аднак, шаноўныя панове сенатары, не магу не звярнуць вашай увагі на тое, што ў значнай ступені Вы самі з'яўляецеся віноўнікамі ўсіх нашых бядотаў! Так, так, Вы, таму што не адвялі караля ад бяздзеінасці, не ўтаймавалі яго празмернае самавольства і ганарыстасць. Зразумела, не трэба думаць, што нябожчык кароль быў настолькі дурным і абьякавым, што сам бы не змог вярнуцца з памылковага шляху на шлях ісцінны, або зрабіць гэта з Вашай дапамогай, калі б Ваша пачуццё абавязку не здрадзіла Вам, калі б Вас не ахапіў страх. Не трэба было баяцца, калі гэты, па сутнасці, добры і рахманы чалавек, рэзка абрываў свайго апанента, бо, як вядома, вялікая бяда прыходзіць непрыкметна. Ніякі страх перад небяспекай і ніякая надзея на ўзнагароду не павінны стрымліваць годнага і адданнага агульнаму дабру сенатара ад таго, каб ён, чалавек, які добрасумленна выконвае свой грамадзянскі абавязак, гатовы быў выступіць супраць разбэшчанага свавольства караля і стрымліваць яго страсці разумнымі парадзімі.

Аднак найбольшую апору для папярэджання свавольства і разбэшчанасці караля сенатары знойдуць, звярнуўшыся да законаў, бо разам са скіпетрам каралю ўручаюцца пэўныя законы, якія ён абавязваецца заўсёды і ўсюды выконваць. Я маю на ўвазе не толькі законы рэспублікі, якія прыняты для дабрабыту і карысці грамадзян

і прытрымлівацца якіх заўсёды прысягае новы кароль. Я патрабую, каб быў унесены і прыняты разумны закон аб прыватным жыцці караля, якому ён павінен будзе няўхільна падпарадкоўвацца, і сенатары абавязаны аднадушна заахвочваць да гэтага.

Вельмі добрым прыкладам у гэтым з'яўляецца рэспубліка Венецыя, дзе адразу ж пасля смерці галавы дзяржавы прызначаюцца некаторыя найбольш надзейныя грамадзяне, якія ўважліва вивучаюць усе справы, якія вёў галава дзяржавы, і высвятляюць усё тое, што ён зрабіў насуперак законам. Разам з тым яны ўводзяць новыя законы, якім павінен падпарадкоўвацца новы галава рэспублікі, а таксама прымаюць пастанову, згодна якой пераемнік нябожчыка караля павінен выбірацца агульным галасаваннем.

Натхнёныя гэтым цудоўным прыкладам, тое самае павінны зрабіць і Вы, калі хочаце ўтаймаваць свавольствы караля, хаця было б лепш, каб кароль быў пазбаўлены гэтай заганы. Я лічу таксама, што гэты годны павагі і вельмі неабходны закон, які тычыцца асобы караля, павінен прадугледжваць, што кароль абавязаны прытрымлівацца законнага і свяшчэннага шлюбу і не ганьбіць сябе распустай, бо такія паводзіны выклікаюць гнеў магутнага Бога на ўсю дзяржаву, з'яўляюцца дрэнным прыкладам для ўсіх грамадзян.

Агульнавядома, што маральныя заганы каралёў былі прычынай вельмі цяжкіх бядотаў многіх дзяржаў, а самі каралі, якія вялі ганебнае і распускае жыццё, ніколі не паміралі смерцю, годнай павагі. Каб просты народ у далейшым змог найлепшым чынам браць прыклад з спосабу жыцця каралёў – бо дэкрэты не стрымліваюць грамадзян ад злчынстваў – паўсядзённае жыццё караля павінна заахвочваць іх да ўсялякіх дабрачыннасцяў і дзе калі будзе выяўлена злчыннае пралобадзейства – каралі павінны даводзіць яго да агульнага ведама, а вінаватых караць ганьбай і знявагай. Але ж з якім тварам і з якой расшучасцю змогуць яны асуджаць гнюсныя ўчынкі іншых, калі самі не без граху!

Не, не рашацца яны калі-небудзь асуджаць або ганіць такі спосаб жыцця, або лічыць, што неразумна адмаўляцца ад вельмі прыемнай прыправы жыцця, якой з'яўляюцца распусныя пачуцці. Як вельмі слушна сказаў Цыцэрон, юрлівасць перашкаджае разважлівасці, варожая розуму, асляпляючы яму вочы, ніякіх адносін не мае да дабрачыннасці. Не могуць шанаваць узвышанае і прыгожае тыя, хто ўсе свае думкі і намеры звяртае да нізкага і агіднага. О, калі б Бог паставіў на чале дзяржавы караля, які б пахвальна адзначаўся ўстрыманасцю і цнатлівасцю, каб мы змаглі пабачыць, што гэта

смярдзючая зграя распусных ваўкоў выгнана з каралеўскага двара, а таксама змаглі сказаць, што каралеўскі двор – гэта крыніца і прычына ўсіх дабрачыннасцяў, а не натоўп нягоднікаў! Якія подлыя і ганебныя справы рабіліся да гэтай пары паўсюдна, на ўсіх нашых слаўных соймах, якія паскудствы не баяліся чыніць некаторыя! Сэрца абліваецца крывёю ад успамінаў пра ўсе ліхадзействы і шукае абароны. Мы па праву можам паставіць у віну мярзотнай распусце злачынных пралобадзеяў натрапіўшае нас боскае пакаранне, паўсюдную ганьбу нашых няшчасных зямель. Боскае наканаванне не падманвае нас, яно наперад паведаміла нам і пацвердзіла самім жыццём, як мы будзем пакараны за грахі нашы. Таму выбраны кароль, які павінен з’яўляцца для нас прыгожым прыкладам цнатлівасці і сумленнасці, абавязаны – што відавочна – быць першым вартавым бездакорнага шлюбу, знаходзіцца на вышэйшай прыступцы ўсіх дабрачыннасцяў, быць аздоблены гэтымі высокімі знакамі ўзнагароды.

Калі загана паразіла сэрца караля і ён апынуўся пад яе ўладай, ён ужо не зможа належным чынам выконваць ускладзеныя на яго абавязкі, карыстацца ўладай, несці цяжар судовых спраў. Бо маральныя заганы асяляюць розумы гаспадароў, скажаюць дабрачыннасць, груба парушаюць справядлівасць судаводства. Марнатраўца, які лёгкадумна разбазарвае сваю ўласнасць, зразу-мела, не прытрымліваецца строга маральных заветаў і лёгка парушае правілы судаводства, у судовых справах ён кіруецца толькі сваімі пачуццямі. Таму высокія пасады ў грамадстве атрымліваюць не тыя, чые цнота і працалюбства відавочныя, а тыя, хто дае шмат золата і срэбра. Немагчыма выказаць словамі, якія бядоты нясе дзяржаве дадзена акалічнасць. У выніку лёгкадумныя людзі, якія страцілі сваю ўласнасць, займаюцца рабаўніцтвам і насілле, сцвярджаюцца ва ўладзе, здзіраюць скуру з няшчаснага простага народа і насычаюцца амаль што крывёю грамадзян. У гэтых умовах прытупляюцца шчырыя і сумленныя якасці добрых людзей, млява ўшаноўваецца дабрачыннасць і ўзнікае меркаванне, што ўзнагароды і пасады даступныя толькі тым, хто багаты і можа іх купіць.

Добрачыннасць, шануюныя панове сенатары, павінна звяртацца да самой сябе і яна сама па сабе з’яўляецца самай высокай узнагародай. Аднак не многія маюць такі моцны характар, каб не падпарадкоўвацца выпадку, прымаць дабро і адмаўляць загану, вызначаць, што ёсць дабрачыннасць, а што – амаральнасць. З другога боку, ніякае саперніцтва не з’яўляецца такім небяспечным,

як саперніцтва багатых і знатных грамадзян. Усімі сродкамі неабходна пазбавіцца ад яго, бо ў адваротным выпадку адбудзецца страшэнны раскол у грамадстве: адны – дабрачынныя і працалюбівыя, але не багатыя, другія – уладальнікі багатых маёнткаў і маючыя вялікую ўладу, але заганныя дармаеды. Да таго часу, калі такі раскол будзе існаваць у грамадстве, ніякай трывалай грамадзянскай згоды, ніякага ўзаемаразумення паміж грамадзянамі не будзе, бо няма нічога настолькі святога і трывалага, што б не знявечыла і не зруйнавала бязмежная прага багацтва. Гаспадар, які прыходзіць да ўлады і якому ўласціва адзінае пачуццё – прага бязмежнага асабістага абагачэння і ваеннай здабычы, які прагне авалодаць уласнасцю сваіх грамадзян, звычайна ператвараецца ў пачварную прорву, якая паглынае ўсё, аднак не можа здаволіцца і насыціцца.

Такім чынам, перш за ўсё неабходна пазбавіць караля магчымасці задавальнення свайго карыстальства, не дазваляць, каб ён ладзіў публічны гандаль чынамі і пасадамі. Няхай Сенат гэтую прэрагатыву возьме сабе, сам узводзіць ва ўсе чыны і званні, прытым толькі тых, чые беззаганнасць, працалюбства і адданасць дзяржаве выпрабаваны, правераны ў справе, да таго ж, пытанне гэта трэба вырашаць агульным галасаваннем сенатараў, а не па чыёйсьці волі. Мяркую, што знакамітым грамадзянам або сенатарам неабходна забараніць каралю карыстацца без іх згоды дзяржаўнай скарбніцай, каб ён больш клапаціўся пра пажытак паспаліты, а не пра свае прыватныя інтарэсы.

Пара ўжо зразумець каралю, што дзяржаўная скарбніца Рэчы Паспалітай створана дзеля агульнага грамадскага добра, абароны Айчыны, а не для раздачы грошай і маёнткаў тым грамадзянам, якія з'яўляюцца яго прыхільнікамі, а кароль гэтым фанабэрыцца; што дзяржаўная скарбніца створана на выпадак гранічнай патрэбы, а таксама для таго, каб не загасла сапраўдная і заслужаная веліч караля. Зразумела, што многія грамадзяне сумленна набываюць сваё багацтва, стараннем, руплівасцю, працай павялічваюць асабістую ўласнасць і ўласнасць сваіх нашчадкаў. Кароль жа павінен перавышаць усіх у дзяржаве не багатцем, не золатам і срэбрам, а шматлікімі дабрачыннасцямі і славымі справамі. А паколькі добрая слава, незалежна ад волі караля, жыве вечна, ён павінен працаваць і старанна імкнуцца да таго, каб пакінуць пра сябе слаўную памяць, якую будуць шанаваць усе добрыя людзі. і памяць гэта набываецца не вялікімі маёнткамі, не бляскам каштоўных каменяў і прыгажосцю шатаў, а працалюбствам, мужнасцю, вялікадушнасцю, дабрачын-

насцю, прастатой, высакароднасцю. Дарэчы, усе гэтыя сціплыя дабрачыннасці затушоўваюцца, калі карысталоубства – крыніца ўсіх заган – аблытвае чыйсьці розум. Трэба было б таксама вызначыць мяжу для каралеўскіх расходаў, каб кароль не меў права дамагацца празмернай раскошы і неабсяжных маэнткаў і не траціў вялікія сродкі на нікчэмныя рэчы, не марнаваў тое, што павінна быць выкарыстана на неадкладныя патрэбы дзяржавы. Усе мы добра ведаем, што амаль усе грошы ў час праўлення караля нябожчыка былі патрачаны на бескарысныя шматлікія табуны коней, кошохаў, кучараў у той час, як ніводнае ваеннае ўмацаванне, ніводная крэпасць, якія былі пабудаваны на межах, не былі забяспечаны належнымі гарнізонамі і прыпасамі, каб паспяхова абараніцца ад нападу ворагаў.

У выніку значная частка Літвы (Вялікага Княства Літоўскага – *С. П.*) апынулася пад чужой уладай, і гэта адбылося не па прычыне моцы і мужнасці ворагаў, а з-за драхласці крэпасцяў, з-за таго, што яны былі пазбаўлены ваенных гарнізонаў, або з-за недахопу харчоў у тых, хто абараняўся. Да таго ж мне не вядома, якія храмы, якія збудаванні, якія дамы былі ўзведзены ў сувязі з каласальнымі расходамі караля. Я не чуў, каб знайшоўся хто-небудзь з сенатараў, які б быў узрушаны вялікімі тратамі грамадскіх грошай і ганіў лёгкадумную безразважлівасць караля мужным словам. Адсюль вынікае, што неабходна ў будучым прадугледзець, каб скарбнікі не распараджаліся грашымі па асабістым загадзе караля, але толькі з санкцыі сената, прычым выключна на неадкладныя патрэбы рэспублікі.

Не магу таксама ўмаўчаць аб тым, што, паколькі правасуддзе з’яўляецца вартавым грамадскага спакою, кароль – які жыве ў бяздзейнасці і раскошы, пазбягае цяжкасцяў і цяжару судовых спраў; з дня на дзень зацягвае і заўсёды адкладае іх – непазбежна з’яўляецца прычынай бяdot і няшчасцяў тых, хто звяртаецца да яго за правасуддзем. Судовая валакіта, зацягванне разбірацельства спраў у судзе апрача таго, што прыносіць страты грамадзянам і даводзіць іх да поўнай галечы, зараджае ў іх думку пра панаванне ў нашай краіне беззаконня, асабліва ў адносінах да простых людзей, а таксама пра беспакаранасць злачынцаў. Адкажыце мне, шануюныя панове сенатары, якая судовая справа, якая цяжба, прадстаўленая ў якасці апеляцыі каралю для тэрміновага разгляду, не адкладвалася «да заўтра», што б ні адбылося?!

Як вядома, апеляцыя ў выпадку судовай несправядлівасці павінна дапамагчы чалавеку дамагчыся правасуддзя, між тым кожны, безумоўна, перакананы, што кароль, які не любіць працаваць,

не будзе займацца ні чыёй судовай справай і пастараецца зацягваць яе без канца. Дык няхай жа ў справу ўмяшаецца закон, згодна якому кароль павінен даць абавязацельства, што не будзе зацягваць разгляд любой судовай справы больш трох дзён, хутка прыме рашэнне і даб'ецца яго выканання. Той, хто абавязаны клапаціцца пра ўсіх, не павінен драхлець у саромнай бяздзеінасці, пагарджаць пажыткам паспалітым, паважаць толькі людзей высакароднага паходжання. Мае рацыю Платон, які лічыў, што кіраванне дзяржавай гэта ахвярапрынашэнне, і як усе смяротныя залежаць ад самога Бога як ад вышэйшага добра, так і кароль, які займае гэтую высокую пасаду, павінен з'яўляцца прычынай шчасця і дабрабыту ўсіх. Як павінна быць прыемна і ганарова каралю, які ведае, што дзякуючы яго пільнасці абаронена жыллё людзей, дзякуючы яго няспынаму працалюбству захоўваюцца агульны спакой і штодзённыя справы людзей, дзякуючы яго намаганням – вольны час усіх! У гэтым выпадку неабходна лічыць, што кароль сапраўды з'яўляецца намеснікам бессмяротнага Бога на Зямлі, бо падобна самаму хуткаму свяцілу – Сонцу, як піша Пліній, ён звычайна ўсё бачыць, усё чуе, усім дапамагае, усюды прысутнічае нязваны, быццам бы Гасподзь Бог. Між тым, да папярэдняга караля людзям вельмі цяжка было падступіцца, яго зачынены дзверы заўсёды абложваў натоўп; больш правільна было назваць караля вядомым Паліфемам, які бавіцца ў сваёй пячэры, або пачварай, небяспечнай для роду чалавечага, і цалкам відавочна, што наўрад ці праявіць сябе ў вайскавай справе той, хто ў грамадзянскіх справах не адзначаецца працалюбствам, вельмі марудлівы і лянiвы. Той, хто стаіць на чале дзяржавы і з-за бяздзеінасці не ахоўвае... мір у краіне і свабоду народа, не абараняе са зброяй у руках ад ворагаў краіну, той – і гэта відавочна – гатуе Рэчы Паспалітай спусташэнне і пагібель. Находзячыся на вяршыні ўлады і закінуўшы ўсе справы, ён гатуе краіне зневажальную і нікчэмную долю. Шаноўныя панове сенатары, Ваш абавязак зводзіцца да таго, каб знайсці сродак пазбавіць дзяржаву ад гэтага няшчасця, дабіцца, каб кароль, які будзе правіць намi, быў абмежаваны пэўнымi рамкамі законаў, і калі ён будзе дрэнна выконваць свой абавязак, Ваш доўг і ў Вашай уладзе будзе прыцягнуць яго да адказнасці. Бо ўсякае невыкананне і парушэнне законаў каралём наносіць дзяржаве шкоду, а ў Вашай агіднай ліслінасці, якая разбэшчвае розум караля і дае волю яго капрызам, па справядлівасці змяшчаецца крыніца ўсіх нашых бядот.

Я СКАЗАЎ (ДІХІ)

Андрей Волан

О государе и его личных добродетелях

Перевод с латинского языка выполнен В.К. Шатоном по изданию: De principe et propriis virtutibus. Authori Andrea Volano. Dantisci, Anno, 1608.

Глава I Велика божья благодать, если кому случается родиться или государем, или происходить из знатной семьи

/.../ Пожалуй, большая часть человеческого счастья достается тому, кто в силу божественной благодати и предначертания рождается государем или происходит из знатной и благородной семьи и уже с младенчества являет бесспорные доказательства того, что среди прочих смертных он вне всякого сомнения может быть выдающимся и знаменитым государем, главой народа, правителем этого цивилизованного общества.

Правда, нередко бывает так, что выходцы из простых крестьянских семей достигают иногда высокого положения. Однако, что неоднократно подтверждалось многими фактами, все это оказывается чрезвычайно сложным и обставлено большими трудностями. /.../

/.../ Знать же везде имеет то преимущество, что перед ней все преклоняются и никто не возражает, если он видит, что потомкам воздаются те же почести и звания, которые получали их предки; доверяется ведение дел и управление государством, так что предки, уйдя, продолжают оставаться.

И это, конечно, вполне правильно, если потомки, сохраняя прежнюю славу своих предков, не отклоняются от нравственного облика отцов, всеми своими делами уподобляются им в добродетели и прилежании настолько, что получают в награду те же почести и никто не препятствует им заботиться об общем благе. Но если находятся такие, кто, опираясь на один лишь авторитет предков, предаются лени и праздности, утопают во всевозможных пороках, проводят жизнь во всякого рода роскошествах и распутстве, то их следует причислять не к знатным, а к негодьям и бездельникам. /.../

/.../ Итак, в любом человеке, который происходит из знатного рода, должно быть гармоническое сочетание всех добродетелей и отменных нравов. /.../

Глава II

Государю больше всего следует заботиться об истинной религии

Философы дают множество наставлений, в которых они учат род человеческий великим и добродетельным делам и достижению венца истинной славы. Но чтобы снискать славу порядочного человека и добиться безупречного образа жизни, нет более краткого пути, чем тот, по которому идет человек, посвятивший себя истинной религии и отдавший всею душою культу Бога. Ведь религия – это духовное восхождение разума к Богу, искренний и настоящий культ его священного имени, сопряженный с тщательным соблюдением его заповедей. И нет более действенного лекарства, чтобы излечить болезни души, чем то, которое человек получает, если перед взором своим он имеет всегда всемогущего Бога и благословенный, чья имя его, избегает в жизни всяческой скверны. /.../

/.../ Огромным тупоумием и глупостью является то, что некоторые, кроме Писания, хотят найти какую-то большую истину. Но я, право, не знаю, какая существует уже большая истина, чем истина от Бога. А между тем они объявляют Писание двусмысленным, несовершенным, похожим на восковой нос, которому легко можно придать любую форму, так что из этого Писания ничего нельзя узнать определенного, ничего стабильного. /.../

/.../ Апостольская доктрина вещает, что общим пороком многих будет то, что они отвернутся от истины, обратятся к сказкам и будут отрицать самого Господа, который спас их. И вполне правильно предсказывает святой Павел, что в церкви возникает боль-

шое вероотступничество. В самом храме божьем будет восседать сын грешный, который возьмет себе все почести, предназначенные Богу, а ступу свою вознесет над всеми царями и государями. Вся эта лавина зла будет вызвана только тем, что похотливые до новшества люди пригласят толпу наставников и опрометчиво отвергнут небесный глас Христа, который запечатлен в Священном писании. Вот как они, отвернувшись от Бога – источника всякой истины, и обратившись к людским толкам и преданиям, введут новую форму религии и оставят от Христа, лишённого ими всякой добродетели, одно лишь пустое имя. Ведь если Писание, как бесстыдно заявляют они, вследствие его сомнительных и двусмысленных высказываний, не даёт ничего прочного и определённого, то следует заимствовать нечто другое, что имеет устойчивое значение и что избавляет человеческий ум от всякого сомнения. /.../

/.../ Апостол говорит, что не через толки людские наставляют верующие, а на основе учения апостолов и пророков закладывается сам великий, краеугольный камень Иисуса Христа. Святому писанию он придаёт силу, которая может дать спасение посредством веры в Иисуса Христа. /.../

/.../ Августин советует искать церковь /.../ в предписании закона, в предсказаниях пророков, в песнях псалмов, в словах самого пастыря, в проповедях и делах евангелистов, т.е. у всех канонических авторитетов святых книг. И среди этой святой древности нет ни одного автора, который бы высказал превратное мнение о том, что церковь и Христа следует искать в чём-то ином, а не в Писании. /.../

/.../ А теперь это все равно, что глухому байку рассказывать. Ведь нет никакой надежды, что те, кто считает возможным с помощью авторитета слов сохранить свою испорченность и целое море заблуждений, услышит голос пастыря своего Христа. К этому следует добавить и огромные богатства, ослепительное роскошество, которым они хвастаются, выставляя себя напоказ миру. Так что только по титулу они себя величают пастырями, а на деле им наплевать на заботу об овцах христовых. И прямо-таки абсурдным и непонятным является то, что те, кому запрещено всякое господство над этим миром, превосходят всех сатрапов и самодержцев, ведут шикарную и развратную жизнь, пребывая в постоянном бездельи.

Соответственно, и вся их религия под их руководством превращается, как это видно, в какую-то театральную помпу, чтобы представиться взорам людей и глупой черни во всем убранстве, во всем

своим блеске серебром и золотом, в королевских одеждах священнослужителей.

Поэтому при таком смещении всех вещей, при такой безбожной и нечестивой религии государю следует проявлять величайшую заботу о том, чтобы не позволить окружить себя фиктивной и ложной религией, не дать обмануть чужим и коварным призраком и почитать как подлинное священное то, что отвергается Богом как оскверненное грязным идолопоклонничеством и глупым суеверием. А это можно только путем усердного изучения Святого писания и правильной оценки мысли более чистой древности¹. /.../

Глава III

Государю весьма важно знать науки

Если слово «государь» (prīncipis) происходит, очевидно, от того, что среди других он занимает главное положение, то он должен тщательнейшим образом следить за тем, чтобы быть достойным такого имени. /.../

/.../ Поскольку знание наук приобретается только огромной затратой времени и труда, то государю следует полностью избавиться от всякой косности ума и тела, чтобы достигнуть той крутой вершины добродетели и мудрости, путь к которой лежит только через прилежание и труд. /.../ И хотя корни ученья горьки, плоды его, однако, сладки. Это знают все, кто, будучи обучен свободным наукам, испытывает от этого чувство большого наслаждения. /.../

/.../ В повседневной жизни людей есть многое такое, что можно сделать только при большой проницательности ума и мудрой рассудительности. Но если кто-либо думает, что все эти качества можно приобрести без науки, то он сильно ошибается.

И прежде всего то, что скрыто природой, что не дано всякому человеческому уму, укрывалось бы в вечной темноте, если бы не было обнаружено светочем науки и с ее помощью не стало бы известно людям.

¹ В отличие от ранних работ Воланом в данном трактате в дополнение к четырем известным категориям античной этики – мудрости, справедливости, мужеству, уверенности – вводится категория благочестия, что свидетельствует об усилении в его взглядах религиозно-христианской тенденции. Призывая государя «заботиться об истинной религии», мыслитель под последней понимает реформированное христианство, т.е. местный кальвинизм. Отсюда – ориентация на Священное писание, отрицание авторитета церковного предания, схоластики, критика католицизма, папства и т.п. Вместе с тем Волан обличает идеологов белорусского и литовского свободомыслия, которые утверждают, что Библия «не дает ничего прочного и определенного».

Ну, а что уж сказать о делах политики и тех вещах, которые относятся к сфере управления гражданским обществом? Ведь что предписывали ученейшие философы, объясняют и обращают на общую пользу только ученые умы. Да и саму сложную цепь всех добродетелей, которые относятся прежде всего к культуре и полной гуманности человеческого разума, подобающим образом изучают только люди, вооруженные свободным знанием. Они же соответственно используют их для того, чтобы вывести людей из их животного состояния на путь всяческой цивилизации. Также и предписания законов и древние установления мудрецов, изобретенные для того, чтобы сдерживать вредные страсти и безумные стремления людей, сохраняются только благодаря письменности и могут быть изучены, если затрачен большой, не знающий отдыха труд. /.../

/.../ Не без причины также и Платон считал некогда счастливыми те государства, которыми начинают управлять или ученые, или мудрецы, или же те, кто, начав править, все свои стремления и усилия прилагают к тому, чтобы овладеть наукой и мудростью¹. В самом деле, разве есть, я спрашиваю, в государстве хоть какая сфера, в которой можно было бы управлять без большого знания и опыта?

Без помощи наук невозможно достичь и красноречия, которое имеет большое значение в руководстве людскими делами. /.../

/.../ Именно вся деятельность, весь круг обязанностей государей и сводится прежде всего к тому, чтобы нести благополучие гражданам, способствовать благосостоянию людей. И в этом их истинная слава. /.../

Глава IV

О браке государя, о супружеской верности и целомудрии жены

Священное писание говорит, что в любом сословии людей брак должен уважаться, а брачная жизнь должна быть незапятнанной, и оно грозит страшным судом всем развратникам и прелюбодеям. Поэтому государю, связанному священными узами супружества, ничто так не подобает, как вести безупречный образ жизни. /.../

¹ Волан являлся горячим приверженцем платоновского учения о союзе политики и философии, совмещении в одном лице правителя и философа. Это учение он пропагандирует во всех своих произведениях и прежде всего в трактате «О политической, или гражданской свободе».

Глава V

Государю больше всего нужна справедливость – самая прекрасная из всех добродетелей

Во всех своих действиях государь должен поступать так, чтобы вся его жизнь представляла собой изящную гармонию добродетелей. И мне кажется, что справедливости здесь принадлежит первое место. Ведь того, кто наделен ею, именно поэтому и называют хорошим и порядочным человеком. Справедливость сводится главным образом к тому, чтобы никто не терпел вреда, но наоборот, тот, кто нуждается в помощи, быстро получал ее. /.../

/.../ Это человеческое общество, мир и спокойствие между людьми всех сословий будет сохранено максимально, если каждый получит возможность быть целым и невредимым, и счастье одних не будет строиться на несчастьи других¹. Ведь те, кто всячески стремится к накоплению богатств, кто тратит их на возведение дорогих строений или же шикарную жизнь со всеми удовольствиями и хвастливую манифестацию своей роскоши, не так уж легко могут удержаться от нанесения обиды и часто запускают жадные руки в имущество тех, кто им подчиняется. Жадность, которая стремится заполучить как можно больше, увлекает слепые человеческие умы на чужое добро и превращает то, что добыто трудом других, в свою собственность. Итак, человек, забыв о всякой человечности, вырождается в дикого зверя и свирепо рвет человеческое общество, в котором все взаимно связаны.

От такой чумы государю нужно быть как можно дальше. и он должен не только удерживать себя от нанесения обиды другим, но также сдерживать алчность своих прокураторов, которые ведают его имуществом и ведут его дела. Ведь если тот, кто может, все же не препятствует совершению несправедливости, то он виноват в такой же степени, как если бы грабил имущество граждан и опустошал их богатства. /.../

¹ Одной из фундаментальных идей социальной философии Волана является идея «общественного согласия». Несмотря на то что общество объединяет социально неравные группы людей, полагал мыслитель, последние обязаны мирно сосуществовать, сотрудничать между собой. Социальная гармония, мир и согласие между сословиями – основное условие нормального функционирования общественного организма. Однако в нравственно несовершенной природе человека присутствует постоянная тенденция к дисгармонии, нарушению общественного согласия посредством утверждения своих эгоистических интересов и потребностей в ущерб интересам и потребностям других людей, что ведет к потере свободы и распаду общества. Волан считал, что хранителями социального мира и общественного согласия являются законы и мудрая государственная власть.

/.../ Государю не подобает поддаваться чувству любви или ненависти к кому-либо, если нужно действовать быстро и настойчиво, чтобы защитить более слабых от несправедливости. /.../

/.../ Он должен сознавать, что рожден не для собственного блага. Все богатства, которыми он располагает, ему следует обращать на благо общества и государства.

Известны многие из всех веков, кто славится и ныне этими качествами справедливости. Ради благополучия отечества они жертвовали своим состоянием. Они считали, что их богатства не останутся нетронутыми, если будет утрачено государство. Цицерон вполне заслуженно называет глупым того, кто, потеряв государство, думает сохранить свои садки. Ведь только целостность государства обеспечивает целостность всего частного имущества. И если ты предал государственное, то ты ничего не сохранишь и своего.

Цицерон считает, что самым мудрым и достойным большой похвалы является тот, кто ради блага родины, ради благополучия и процветания государства без колебаний идет навстречу и сознательно подвергает себя самому большому и самому опасному риску. Из всех связей ни одна не является столь близкой и дорогой, чем связь с государством. Вот почему многие ради блага отчизны не останавливались даже перед тем, чтобы подвергнуть себя смертельной опасности¹. /.../

/.../ Большой похвалы в справедливости достоин тот, кто хранит незыблемость установлений и законов отечества и, поскольку в них заложено благо государства, не позволяет никакому лиходею нарушать их. /.../

/.../ Но прежде всего следует охранять те законы, которые обеспечивают в государстве всеобщее спокойствие, скрепленное этими законами, словно нитями, и всеми одобренное ради того, чтобы каждый жил тихо и мирно, безо всякого страха перед опасностью. Ведь там, где отпущена узда для неистовства людей настолько, что одни безнаказанно совершают над другими все, что им вздумается, то это уже не государство, не общество, а шайка разбойников или какая-то живодерня, где каждый грызет каждого. /.../

¹ Мысль эта является парафразой следующего высказывания Цицерона: «...Из всех общественных связей для каждого из нас наиболее важны, наиболее дороги связи с государством. Дороги нам родители, дороги дети, родственники, близкие, друзья, но отечество одно охватило все привязанности всех людей. Какой честный человек поколеблется пойти за него на смерть, если он этим принесет ему пользу?» (Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1975. С. 72–73).

/.../ Не меньше он должен заботиться и о том, чтобы среди людей соблюдалось доверие, которое некоторые мудрецы вполне правильно называли фундаментом справедливости. Никогда не сможет утвердиться прочный мир и прочное общество среди тех людей, которые не соблюдают постоянства в своих словах и делах и, проворно работая языком, нисколько не заботятся о том, что к нему нужно присоединить еще и доверие¹. /.../

Глава VI

Щедрость – величайшее достоинство государя. Но расточительства ему следует избегать

Мы уже говорили, что первая похвала добродетели состоит в том, чтобы никому не делать зла и любыми средствами устрашения препятствовать кому бы то ни было чинить несправедливость. Другая же норма состоит в благодеянии. Она сопряжена с различными потребностями людей и выражает в известной степени сущность Бога. Ведь люди ничем так не приближаются к Богу, как благодеянием другим людям.

Но поскольку все, что находится под небесами, создано Богом, главным образом для потребностей людей, то будет вполне справедливо, если и человек в знак некоторой благодарности даст что-либо Богу из своих богатств, и чем бы ни владел, большую часть этого безо всяких уверток обратит не распространение культа Бога. Поэтому государь должен стремиться к тому, чтобы воздвигать храмы для отправления богослужения.

/.../ Воздвигнув великолепные, соответствующие его положению и достоинству строения, соблюдая во всем их украшении изящную элегантность и отвергая все нечистое, проявляя везде щедрость, достойную его личности, он покажет одновременно, что не забыл и об этой земной обители.

Он должен приобрести большое количество книг, ибо книги составляют главное сокровище государей. Ведь ничто так не украшает государей, как большое и глубокое знание вещей. Но прежде

¹ Этические категории мудрости, справедливости, мужества, умеренности и другие Волан рассматривает в основном в духе Цицерона, т.е. так, как они трактуются в сочинении римского философа «Об обязанностях». В то же время Волан стремится их актуализировать, наполнить религиозно-христианским и ренессансно-гуманистическим содержанием. Идея доверия также заимствуется Воляном из цicerоновского трактата «Об обязанностях». Следует заметить, что эта идея через мыслителей эпохи Возрождения и Реформации вошла в арсенал раннебуржуазного сознания.

всего он должен украсить свой ум знанием самых изысканных манер обращения и высокой гуманности, чтобы любой человек легко имел к нему доступ и чтобы его не осаждала толпа, не получившая аудиенции.

Однако больше всего он должен проявлять свое милосердие и благосклонность по отношению к бедным и обиженным, нуждающимся в помощи, чтобы, избегая всякой низменной скаредности, словно из богатой кладовой, облегчить нужду всех. /.../

/.../ Но поскольку многие, будучи щедрыми в своих дарах, превосходят меру и расточают наследство, то пусть они вспомнят пословицу о том, что щедрость не имеет дна. А потому, когда они дают, им следует остерегаться выходить за рамки, чтобы не навлечь на себя порицания за глупость; что они, как хорошо говорит Цицерон, больше не могут делать то, что пока все же охотно делают. Кутилы и обжоры, угождающие только своему брюху, не заслужат похвалы в щедрости, хотя сами и считают себя достойными этой похвалы, ибо своими кутежами и пирами они пожирают свои наследства, а затем оказываются в большой нужде.

Похвально то, что нравственно. И всякое расточительство – это такой же порок, как и воровство, грабеж или же несправедливый захват чужого имущества. В нашем народе должен получить строгое порицание и расцениваться как самое тяжкое преступление тот факт, что некоторые даже со средним состоянием заводят себе большое количество слуг, и то, что они вынуждены тратить на кушания и одежды, они не могут возместить из своих годовых доходов. И вследствие этого они или продают свои владения, или же залезают в долги. Они не столько любят тех, кому дали, сколько ненавидят тех, у кого взяли¹. /.../

Глава VII

Государю больше всего подобает обладать мужеством и волей

Не менее важной является и такая добродетель государя, которая не позволяет ему в трудных и сложных условиях проявлять абсолютную трусость и малодушие. Эта добродетель делает государя смелым настолько, что если нужно принять смерть за справедливость, то

¹ Понятие щедрости трактуется мыслителем в соответствии с Цицероном (О старости. О дружбе. Об обязанностях. С. 113–121).

он меньше устрашится ее и будет считать, что рожден скорее не для жизни, а для чести и славы. И очень правильно сказал мудрейший тот оратор, что постыдным является бегство от смерти¹. Оно хуже всякой смерти. И прежде всего заслуживает похвалы смерть, принятая ради отечества, а не сохраненная для природы. Именно поэтому воздвигли самые большие памятники, воздали самую большую похвалу тем, кто ради спасения отечества, избавления его от страха опасности сами не устрашились никакой опасности и, ринувшись в гущу врагов, не дрогнули, принимая прекрасную смерть от ран. /.../

/.../ Но не в одних только военных делах трусость и малодушие заслуживает всяческого порицания. Также в общественных делах, в спорах, которые приходится вести в интересах государства, требуется мужество, чтобы сокрушить планы коварных людей. Ведь те, кто замышляют какое-либо зло или беду для родины, должны встретить самый решительный отпор у людей, сильных духом. /.../

/.../ В преодолении опасностей от государя требуется быстрота и смелость ума, огромная выдержка и терпение. В трудных обстоятельствах ему не должна мешать какая-либо инертность, его не должен сломить какой-либо страх перед риском. Заботясь о свободе всех, он должен проявлять большое усердие, ибо он является главным защитником и стражем этой свободы. /.../

/.../ Даже боязнь быть опороченным, если такую стремятся внушить ему его недоброжелатели, не должна препятствовать ему прилагать все свои старания, все свои мысли на благо отечества. Ибо ради любви к родине идут не только на бесчестье, но даже на смерть². /.../

/.../ В его делах не должна иметь место безрассудная опрометчивость, жажда опасностей или какая-нибудь неистовая и буйная отвага, чтобы безумие разума не увлекло его ко всякого рода недозволенному и чтобы его не обманывала ложная видимость мужества. Даже удивительно, сколь многие, влекомые каким-то бессмысленным порывом разума и необдуманной жаждой мести, бросаются в любые опасности и сами несутся навстречу гибели.

А те, кто одурманен хмелем и мечет молнии взаимной вражды, кто опьянением лишен всякого рассудка и бросается на смертоубийство и взаимную резню – таких не только нельзя причислить к какому-либо виду нормальных людей, но с полным основанием следует отнести к диким зверям. /.../

¹ См.: Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. С. 25–30.

² В данном случае Волан трактует мужество в духе макиавеллизма.

Андрэй Волан

Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе

Пераклад з лацінскай мовы выкананы У.К. Шатонам на выданні: Andrea Volano. De libertate politica sive civili. Cracoviae. In Officina Matthiae Wirzbietae, Typographi S.R.M., 1572. Рэдактар перакладу Зміцер Колас.

Яснавельможнаму пану Мікалаю Юрыю Радзівілу, Маршалку ў Дубінках і Біржы, Ваяводзе Віленскаму, Канцэлеру Вялікага Княства Літоўскага, Кашталюну Барысаўскаму і Лідскаму, майму велешаноўнаму гаспадару і вечнаму дабрадзею.

Найяснейшы пане, у чалавечай супольнасці, называнай грамадствам, найважнейшая чыннасць заключаецца ў тым, каб разумна і правільна кіраваць гэтым грамадствам у мірных умовах і нязломна, мужна, рашуча змагацца з ворагам у час вайны. І адно, і другое заслугоўвае найвышэйшай пашаны і славы. Вельмі добра, калі чалавек спалучае ў сабе жвавасць дасціпнага розуму і цвёрдую непахіснасць волі. У такім выпадку ён варты амаль боскага ўшанавання.

Усякая чалавечая супольнасць ствараецца, галоўным чынам, каб забяспечыць сабе спакойнае, мірнае жыццё, свабоднае ад звадаў і варожай пагрозы. І калі з'яўляецца чалавек, здольны забяспечыць перамогу ў вайне і памножыць дабрабыт у міры, хто ж не будзе глядзець на яго з павагай, хто не палічыць такога дабрадзея вартым найвышэйшай ухвалы?

Сярод герояў Траянскай вайны Гамэр найбольш славіць Нестара і Адысея за іх умелае кіраванне грамадствам, а мужных Ахіла і Аякса – за іх ваеннае майстэрства. Знакаміты паэт Вергілій лучыць абое гэтыя ўмельствы ў сваім Энею. Паэт паўсюль і на поўны

голас гаворыць пра яго як пра найхрабрэйшага ваяра і наймудрэйшага сенатара. Што да Ахіла, то ў мірны час бацька прыставіў да яго выхавальнікам Фенікса.

Гамэр называе Фенікса, дасведчанага ў ваенных і грамадскіх навуках, выкладчыкам і настаўнікам жыцця. Аднак яго вучань Ахіл уславіў сябе не мірнымі ўчынкамі, а мужнымі, адважнымі подзвігамі ў час вайны.

Ва ўсе часы кожны народ меў сваіх магутаў, якія ўзорна вызначаліся як на ратным полі, так і на ніве стваральнай працы. Літва на працягу ўжо многіх якоў спараджае знакамітых мужоў, настолькі дасведчаныху грамадзянскім і ваенным кіраванні, што яны нязменна здабываюць вялікую славу. Я ўжо не кажу пра высакародных Гедымінаў, Ягелонаў, Вітаўтаў, якія ўмацавалі аўтарытэт Літоўскага грамадства настолькі, што іх ведае цяпер увесь свет.

Калі б хто захацеў пералічыць імёны ўсіх насельнікаў нашага краю, якія ў ваенны і мірны час спрычыніліся дзейснаю дапамогай сваёй дзяржаве, то мабыць нават сярод самых слаўных народаў знайшоў бы не шмат мужоў, роўных нашым. Я не буду згадваць выбітныя дзеі кожнага з нашых радавітых сямействаў. У кожнага з іх свае вартасці. Бо калі б я намерыўся расказаць пра баявыя подзвігі хоць бы аднаго толькі сямейства Радзівілаў, то наўрад ці давёў бы аповед свой да канца. Таму я не буду закранаць падзеі глыбокай мінуўшчыны. Вазьму толькі трохкі больш за апошнюю сотню год. Ад аднаго твайго дзеда Мікалая Радзівіла, ваяводы Віленскага, пайшло столькі знакамітых нашчадкаў, што, здаецца, у гэтым Траянскім кані хавалася ўся краса нашай знаці, каб аднойчы нечакана выйсці на свет.

А другі Мікалай Радзівіл, твой дзядзька і таксама ваявода Віленскі, вызначаўся мудрасцю й іншымі выдатнымі якасцямі настолькі, што Божай міласцю імператар Максімільян на Канвенце высокіх дзяржаўных мужоў запрасіў твайго родзіча ў кола сваіх прыбліжаных, і такім чынам ён першы ў вашым сямействе атрымаў ад імператара маршальскі тытул і званне.

Яму не саступае Ян, вярхоўны маршалак Вялікага Княства Літоўскага. Кажуць, што ён быў надзелены такімі талентамі і такою рухавасцю розуму, што заўсёды надзвычай паспяхова спраўляўся са сваімі даволі складанымі дзяржаўнымі абавязкамі. А па меншай меры двух ягоных сыноў, Яна і Міколу, ёсць усе падставы параўноўваць з найбуйнейшымі асобамі любога часу. Ян, яшчэ толькі ўвайшоўшы

ў росквіт юнацтва, з першых гадоў здабыў шырокую вядомасць. Яго выбітная чыннасць не сыходзіла з вуснаў людзей. На яго ўскладалі вялікія надзеі. Аднак воляю злога лёсу ён не змог паслужыць грамадству, будучы вымушаным пакінуць гэты свет.

Мікалай, славуты князь на Альцэ й Нясвіжы, дзякуючы прыродным сваім задаткам, а таксама настойліваму і плённаму дасканаленню ў навуках, вызначаўся высакароднасцю і адукаванасцю, дасягнуўшы ў грамадстве самых розных і самых паважаных чыноў і тытулаў. Ва ўсіх галінах дзяржаўнага кіравання ён праяўляў мудрую разважнасць, незвычайную рупнасць, выключную добрасумленнасць. Калі б лёс наканаваў яму даўжэйшае жыццё, мы напэўна не ўбачылі б у нашым грамадстве таго заняўдбаня, таго пачварнага стану рэчаў, які ўганяе ў скруху ўсіх разумных людзей.

Былі, вядома, і крывадушнікі, якія яму зайздросцілі. Але цяпер, калі ён памёр, усе ў адзін голас праслаўляюць яго добрыя ўчынкi і ўзносяць яго аж да зор. Гэты муж сапраўды самааддана спрыяў велічы сваёй бацькаўшчыны, славе свайго народа і сваёй радзіны. Наўрад ці ў цэлым хрысціянскім свеце знойдзецца такі закутак, дзе б не ведалі гэтага славутага імя. Яго вельмі цанілі спачылыя ў Бозе імператары Карл і Фердынанд, а таксама шчасны і сёння на троне Максімільян. Калі князь Мікалай ад імя караля свайго Жыгімонта Аўгуста прыбыў да іх з важнай дыпламатычнаю місіяй, яны прынялі яго добразычліва і абыходзіліся з вялікай прыязнасцю. І пасля вяртання нашага легата на радзіму імператары не пераставалі ўсхваляць веліч гэтага мужа. Заўчасная смерць вырвала слаўнага літвіна з нашага асяродку. Яго так не стае ўсім, хто дбае пра аўтарытэт і бяспеку радзімы. Аднак засталася яго цудоўнае патомства, у якім ужо з ранняга ўзросту праявіліся бацькавы талент і дабрыня. Няма сумневу, што нашчадкі яго стануць неўзабаве красой і апорай усёй нашай краіны.

Вось старэйшы сын Мікалай Крыштаф, якога мудры кароль нягледзячы на малады яго ўзрост узвёў у стан сенатараў. Прырода надзяліла гэтага юнака выбітнымі чалавечымі якасцямі. Ён вызначаецца сталасцю думкі, дарослай разважнасцю, клопатам пра веліч грамадства, палымнее бязмернай любоўю да бацькаўшчыны. Ёсць усе падставы спадзявацца, што такімі будуць і яго браты.

А пакуль няхай далучае да сваіх разумовых і фізічных задаткаў мудрасць розных народаў, наведваючы найбольш цывілізаваныя і моцныя краіны. Там ён удасканаліць сваё валоданне замежнымі

мовамі, да якіх мае выключныя здольнасці, зоймецца вывучэннем розных навук, засвойць практыку ваеннай справы. Такім чынам ён стане вартым сваіх продкаў і, калі будзе ў добрым здароўі, прымножыць даўнюю славу роду словамі й дзеямі.

Але ў тваім родзе, знакаміты магут, квітнела не толькі ўмельства захоўваць мір у грамадстве – шырокую вядомасць заўжды мела і яго ваенная чыннасць. Я не буду пералічаць усіх шматлікіх герояў, якія адважна баранілі айчыну ад нападу раз'юшаных ворагаў. Згадаю толькі бацьку твайго Юрыя Радзівіла, апегага ў нашых хроніках, які адзін ёсць дастатковым сведчаннем ваеннай славы тваёй найзнатнейшай радзіны. Ён атрымаў шмат перамогаў над ворагамі, а па смерці Канстанціна Астрожскага быў абраны гетманам войска літоўскага. Будучы паплечнікам Канстанціна яшчэ ў векапомнай Аршанскай бітве з маскалямі, ён з такой самай мужнасцю і непакіснасцю змагаўся за шчаслівае завяршэнне тае вайны. Потым узначальваў аблогу маскоўскай крэпасці Старадуб, якую паспяхова ўзяў. Тады загінула шмат варожага войска, і Масковію ахаліў жывёльны страх. Калі б пераможца захацеў замацаваць сваю перамогу, дык ужо тады мог бы закончыць вайну. Я ўжо не кажу пра перамогі над маскалямі і скіфамі пры выпадковых сутычках з іх бязладнымі зграямі ці пры адбіцці іх раптоўных нападаў. Ад такіх сустрэч вораг доўга не мог апамятацца.

Пасля свайго бацькі ты, нібы ў спадчыну, атрымаў пасаду вялікага гетмана. На гэтую пасаду цябе прапанаваў кароль Жыгімонт Аўгуст. Паводле яго аўтарытэтнага меркавання, менавіта табе можна было даверыць вярхоўную ўладу над войскам. Кароль меў рацыю. Ты без упынку даваў сведчанні свайго вайсковага таленту, і ў лёгкіх баях, і ў цяжкіх бітвах заўсёды перамагаючы ворага.

Так было і ў памятнай бітве на берагах Улы. Калі ты раптам узнік перад ворагам насуперак усім ягоным разлікам, маскаль, які страшыўся аднаго твайго імені, палічыў за лепшае не выпрабаўваць сумнеўнае жэрабя вайны, а адступіць, кінуўшыся на ўпёкі. Адважуся сцвярджаць, што яшчэ ніколі і нідзе на зямлі не адбывалася такой бітвы. У гэтай сечы была рассяяная і знішчаная вялікая колькасць варожага войска, быў забіты яго ваявода і захоплены ўвесь вайсковы абоз. Тым часам сярод нашых ад варожай рукі не загінуў амаль ніхто. Той перамогаю ты адвёў нашмат большую небяспеку, якая пагражала ўсёй Літве. Пра гэта сведчыць той факт, што на нас ішло яшчэ і другое маскоўскае войска. Але пачуўшы пра поўны разгром хаўруснікаў на Уле, яны паспешліва павярнулі на-

зад і ўцяклі. Калі б гэтае войска аб'ядналася з першым, якое ты разграміў (а далейшыя падзеі сведчаць, што гэта і было іх мэтай), то на Літве, бадай, не засталася б ніводнага мястэчка і вёскі, якія пазбеглі б спусташэння і згубы. Пасля той паразы пачварны і люты вораг прапанаваў заключыць мір, але на такіх непрымальных для нас умовах, што гэта перакрэслівала ўсе твае смелыя і адважныя планы.

Але ты не задаволіўся перамогай над ворагам і гібеллю галоўнага маскоўскага ваяводы. Сваімі разумнымі парадмі ты схіліў на свой бок яшчэ і славутага князя Андрэя з яраслаўскай дынастыі, якому ў Масковіі няма роўных. Гэтым самым ты не толькі ўратаваў яго з жорсткіх кіпцюроў тырана, але і паспрыяў таму, каб колішні вораг стаў слынным грамадзянінам і саюзнікам твайго караля.

Што да князя Андрэя, то, звяртаючыся да цябе з прывітальным і пахвальным словам перад людскім натоўпам, ён сказаў, што калі аднаго непрыяцельскага ваяводу ты адолеў рукою, дык яго перамог сваім красамоўствам. Ты з поўным правам належыш да тых ваяводаў (а такія былі), хто спалучае бліскучы ваенны талент з мудрым дарам слова. Вастрынёй свайго праніклівага розуму ты перасягаеш у нашай Сарматыі многіх выбітных сенатараў, а ў красамоўстве табе ўвогуле няма роўні. На радзіме ты цалкам заслужана займаеш першае месца і па званні сваім, і па сенатарскай годнасці. А пасля таго як табе давялося заняць месца стрэчнага брата, мудрага і знакамітага Мікалая Радзівіла, ты пачаў увасабляць для нас і яго самога. Дай жа нам, усёмагутны і ўселітасцівы Божа, каб стэрпна дзяржавы апынулася неўзабаве ў руках твайго высакароднага сына Мікалая. Розум і мысленне гэтага смелага і дужага юнака – нашмат сталейшыя за яго ўзрост. Тое самае можна сказаць і пра твайго меншага сына Крыштафа, бо і ён прыкметна вызначаецца розумам і целам. Па багацці талентаў твой выбітны род спаборнічае толькі з самім сабою. Сваімі заслугамі перад радзімай ён не дае нам траціць надзею, што ў сёняшнім дзікім разгуле бурлівых хваляў наша грамадства ўрэшце знойдзе спакойны і мірны прычал.

Калі наперадзе выступаюць такія волаты, ніхто не можа сядзець і глядзець, склаўшы рукі. Кожны адчувае абавязак унесці сваю лепту ў агульную справу. Так і я, з ранняга ўзросту і да гэтых дзён будучы пры тваім двары, нязменна бачачы вялікую працу, якую ты аддаваў на карысць айчыны, і натхніўшыся тваім прыкладам, рашыў

далучыць свае тэарэтычныя і практычныя меркаванні адносна стану рэчаў у нашым грамадстве, чым шчырым грамадзянінам сябе лічу, у тым ліку дзякуючы тваёй ласцы і тваёй выключнае дабрыні.

А як бо для дзяржавы няма нічога важнейшага і нічога карыснага за свабоду, то дзеля пашырэння гэтай усеагульнай свабоды я палічыў патрэбным прыгадаць пэўныя парады з кніг вучоных мужоў. Можна быць, я і сам змагу выказаць нешта карыснае тым, на кім ляжыць клопат аб нашай дзяржаве, і тым самым дапамагу пазбавіць грамадства некаторых заганаў. Зрэшты, я не такі наіўны, каб думаць, што ў сваім невялікім творы здолею разгледзець усё, чаго патрабуе значнасць і шырыня тэмы. Але ў вялікіх справах бывае дастаткова ўхвальным ужо адно жаданне. І няхай справядлівы чытач мне даруе, калі заўважыць, што я не ўсюды адпавядаю свайму намеру. Няхай лепш пахваліць маю зычлівасць да нашага люду, а не перабольшвае маю няздатнасць.

Напісанае мною – унёсак даволі сціплы. і ўсё ж я лічу патрэбным прысвяціць гэты твор табе, яснавяльможны ўладар, надрукаваўшы яго пад шчаслівым знакам твайго імя. З Божай волі ты – першая асоба ў нашым грамадстве. Дык вазьмі пад сваю апеку таго, хто ад усяго сэрца зычыць дзяржаве добра, і абарані яго ад нядобра-зычліўцаў.

Вялікі багатыр, здароўя і шчасця табе на многія гады. І няхай атульвае мяне твая заўсёдная ласка.

Адфраўлена з маёнтка майго ў Біпоцішках.

5-га студзеня 1572 года

Вашай Светлай Высокасці кліент і слуга вечны,

Андрэй Волан

Раздзел I

Усе разумныя людзі высока цанілі свабоду

Прырода надзяліла чалавечы род найвялікшымі каштоўнасцямі. Але думаю, найбольшай каштоўнасцю, бадай, ёсць свабода. Хоць чалавек і атрымаў ад маці прыроды добрыя разумовыя і фізічныя задаткі, якія, здаецца, і складаюць сапраўднае шчасце, аднак ва ўмовах адсутнасці свабоды гэтыя задаткі не могуць належным чынам выканаць сваё прызначэнне і ашчаслівіць чалавека. У рабстве няма месца дабрачыннасці, у няволі немагчыма мець добрае здароўе, так неабходнае для жыцця і карысных справаў. Мусіш заўсёды рабіць не тое, што хочаш сам, а што падабаецца нягоднікам, і дзейнічаеш паводле іх прыхамаці. І нездарма ўсе людзі высокага розуму і ўсе добра ўладкаваныя грамадствы надавалі свабодзе выключную і неаслабную ўвагу. Вучоныя мужы адзначаюць, што рабства падрывае або зусім нішчыць усё добрае ў чалавечым грамадстве. Тут варта прыгадаць цудоўныя, мудрыя словы Цыцэрона: «Рабства ёсць найгоршым з усіх бедаў. Супроць яго трэба змагацца не на жыццё, а на смерць». Дый сама рэчаіснасць сведчыць, якім злом аказваецца рабства. Калі афіняне знаходзіліся пад цяжкім гнётам тыранаў, то як ваяры нічым асабліва не праславіліся ў параўнанні з суседнімі народамі. Здабыўшы, аднак, свабоду, яны, нібыта іх падмянілі, лёгка аднялі ў другіх пальму вяшэнства ў ратнай мужнасці. Па словах Геродота, пакуль афіняне здабывалі багацці не сабе, а ўладарам, яны не надта й высільваліся. А калі сталі вольнымі, пачалі працаваць на поўную сілу, бо рабілі на ўсё сваё грамадства, а значыць і на сябе. У тых краях ніколі не дасягнула б такога росквіту філасофія, ніколі не нарадзілася б навука аб самых справядлівых законах, калі б у іх не існавала свабоды, гэтай настаўніцы ўсіх добрых справаў. Дарэчы, варвары, прывучаныя падпарадкоўвацца жаданням тыранаў, заўсёды былі настолькі далёкія ад прыстойнасці і высакародства, што не вельмі адрозніваліся ад астатніх жывёл.

Сярод гарадоў, у якіх свабода прынесла найвышэйшы плён, вылучаецца, канешне, і Рым. Нялёгка нават вызначыць, што яго ўславіла больш: ратныя подзвігі ці мірныя навукі і мастацтвы. Пакуль Рым быў верным і пільным вартуўніком усеагульнай свабоды, ён, нібы з нейкай скарбонкі дабрадзейнасці, спараджаў і шматлікіх імператараў, якія пакрывалі сябе здавай у бітвах, і разважных сенатараў, якія праслаўлялі сябе мудрасцю. Рымляне так моцна любілі і аберагалі свабоду, што не толькі мужна змагаліся за

сваю вольнасць, але і не дазвалялі, каб нехта замахваўся на вольнасць чужую. Сведчаннем можа служыць вайна, якую вёў Квінкцій супраць македонскага цара Філіпа. Гэтая небяспечная вайна вымагала вялікіх высілкаў і сродкаў. А калі яна была паспяхова завершаная, рымляне запатрабавалі ў якасці кампенсацыі толькі аднаго: свабоды грэцкім гарадам. Грэкі ўспрынялі такую высакароднасць рымлянаў з вялікаю радасцю і захапленнем. Нечым боскім здаваўся ім факт, што на зямлі ёсць народ, які з такой прыхільнасцю ставіцца да чужой свабоды. Гэты народ, не збаяўшыся ні цяжкасцяў, ні смяротнае небяспекі, без вагання выступіў супроць магутнага ворага і вызваліў ад прыгнёту іншы свабодалюбны народ. Калі грэкі зноў паспыталі пладоў вернутае свабоды, яны былі настолькі ўсцешаныя, што і словам і справай далі зразумець: з усіх паднябесных рэчаў няма нічога каштоўнейшага за свабоду. І нездарма часта здаралася так, што многія хутчэй выбіралі смерць, чым жыццё ў рабстве. Такую моц і сілу духа праяўлялі не толькі мужчыны. У расшучасці з імі спаборнічалі і жанчыны. Гэткімі былі жанчыны ў кельтаў. Пасля таго як Антанін Каракала перамог кельтаў у вайне, іхнія жонкі апынуліся ў палоне. Рымляне запыталі ў палонніц, што яны хочуць: каб іх прадалі ці забілі. Жанчыны адказалі, што лічаць за лепшае памерці. А калі кельцянак усё ж прадалі, то, пазбаўлення свабоды, яны не пажадалі несці на сабе ярмо рабства і наклалі на сябе рукі. Перад гэтым жанчыны забілі сваіх сыноў, бо і дзяцей, калі б яны засталіся жывыя, чакала рабства. Нешта падобнае расказваюць і пра кантаберыйскіх жанок. Яны таксама пакончылі самагубствам, забіўшы папярэдне сваіх сыноў, каб тыя не трапілі ў рукі ворагу. Нехта вельмі слухна заўважыў: салодкі смак у свабоды, нават калі яна купленая смерцю, і няма нічога агіднейшага за рабства, бо нездарма кажуць: мілей смерць, чым няволя.

Вось эпізод, пра які распавёў Лаэртый. Аднойчы Кратэр, прэфект ваяроў Аляксандра Македонскага, запрасіў да сябе жыць Дыягена Цыніка. Але Цынік, жадаючы паказаць выключную вартасць свабоды, адказаў гэтаму багатаму і магутнаму чалавеку: «Як на мяне, дык лепш лізаць соль у Афінах, чым ласаватца далікатнымі прысмакамі ў Кратэра». Цынік хацеў гэтым самым сказаць, што яму больш імпануе беднасць простага люду, чым раскоша багаццяў, ад якой патыхае рабствам. І яшчэ. Некаторыя лічылі філосафа Калісфена шчасліўцам, бо ён меў у Аляксандра салодкае, усцешлівае жыццё. Цынік жа аднойчы сказаў: «Я лічу Калісфена гаротнікам

і нябогам, бо яму дазваляецца снедаць і абедаль, калі гэтага жадае Аляксандр». Нездарма палявая мыш з вядомай байкі ўпадабала сваё спілае жыццё куды больш за жыццё гарадской мышы. Сяльчанка бачыла, што сваячка мае раскошны стол. Але тая раскоша была звязаная з няспыннымі трывогамі і страхамі. Таму яна не захацела прамяняць свой небагаты харчунак, які магла спажываць у поўным спакоі, на гарадское смакоцце, прыпраўленае мітрэнгай і рызыкай.

Мы паўсюдна пераконваемся: жывёлы прыродаю створаныя так, што заўсёды прагнуць волі. Ім больш падабаецца здабываць ежу на свабодзе, чым мець яе гатовую, але ў няволі. Як гаворыць Авідый:

*Хоць і няблага жывуць салавейка і ласвіца ў клетцы,
Толькі ж у лес да сваіх прагнуць вярнуцца яны.*

Калі пачуццё свабоды ўласцівае нават маленькім тушкам, то нічога дзіўнага, што і чалавек, істота найбольш дасканалая і найбольш свабодная з усіх, створаных Богам, з вялікай упартасцю імкнецца да волі. Чалавек гатовы ісці на смерць, каб скінуць ярмо рабства. Праўду казаў Цыцэрон: «Рабу не патрэбна жыццё, якое не мае ніякай вартасці».

Раздзел II

Пра аблуднасць і недарэчнасць думкі, што свабода – гэта ўсёдазволенасць

Ніводзін разумны чалавек ніколі не сумняваўся, што свабода ўласцівая самой чалавечай прыродзе і ніхто не нараджаецца рабам. Але з прычыны сапсаванасці чалавечай натуры нашае жыццё абложана мноствам злыбедаў. Трэба прызнаць, што і ўзнікненне рабства, якое займае далёка не апошнія месца сярод іншых ліхтун, абумоўлена той жа прычынай. Слалюбства і сквапнасць – гэтыя плады заганнай натуры – спарадзілі спаміж людзьмі вайну, за якой, быццам цень, сунулася рабства. Акрамя вайны, беспрасветная галечка змушала чалавека пайсці ў няволю дзеля куска хлеба. Рабства практыкавалася ў чалавечым супольніцтве і як пакаранне за надзвычай цяжкае злачынства. Але якія б там ні былі асобныя прычыны падняволля, усе яны ёсць вынік грэхападзення чалавечай натуры. Калі б людзі збераглі першапачатковую цнатлівасць,

іх не напаткалі б аніякія беды. Чалавеку служыла б усё, што было створана Богам, і ніхто і нішто не загнала б людзей у ярмо няволі.

Цяпер жа ўсё настолькі перамяшалася, што рэчы, якія павінны былі б дапамагаць людзям, здаецца, адварнуліся ад іх зусім. І толькі прыклаўшы вялікія намаганні, чалавек змушае гэтыя рэчы служыць ягоным патрэбам. А гэта таксама з'яўляецца сведчаннем таго, што мы знаходзімся пад гнётам нявольніцтва. Але ніадкуль так не пагражае чалавеку небяспека пакутнага рабства, як ад самога ж чалавека. Як толькі гэтая жывёліна раскілзваецца ды трапіць усякую прыстойнасць і сціпласць, яна неўзабаве робіцца фанабэрыстай і пыхлівай, сквапнай і жорсткай. Яна імкнецца да ўлады з такім нахабствам, што бачыць сябе шчаслівай толькі, калі трымае іншых у няволі.

Калі мы прыгадаем падзеі мінуўшчыны і паглядзім на тое, што дзеецца сёння, мы не зможам для сябе не адзначыць, што сярод людзей заўсёды знаходзіцца той, хто прагне захапіць неабмежаваную ўладу цаною шматлікіх інтрыг і забойстваў. Пыха і неўтаймаваная разбэшчанасць чалавека з'яўляюцца галоўнай прычынай рабства. Але знаходзяцца людзі, чый розум сапсуты і карумпаваны настолькі, што гэтыя самыя заганы, якія ўжо адны руйнуюць усякую свабоду, яны легкадумна мянуюць свабодай. І шмат хто лічыць, што толькі тады мае поўную, сапраўдную свабоду, калі сваім суровым і грозным абліччам паганяе жуду на слабейшага, па сваёй прыхамаці чыніць над ім гвалт, змушае ўсіх скарыцца дзікаму самаўладдзю. Але ўсялякая празмернасць ператвараецца ў заганы. Людзі, якія выхваляюцца сваёй празмернай свабодай, фанабэрацца не высакародным разуменнем свабоды, а паняццем, найменне якому «разбэшчанае сваволле». Свабода нікому не чыніць зла, тады як рознага кшталту бязэцтва парушае спакой чалавека. Толькі дэспат лічыць прыстойным рабіць людзям ліха па сваёй прыхамаці. Свабода адмаўляе рабства і падтрымлівае панаванне справядлівых законаў. Дэспат жа руйнуе любое вяршэнства закона і ў сваіх дзеяннях кіруецца не розумам, а жарсцю заганных пачуццяў.

Платон у сваім творы «Аб дзяржаве» слухна гаворыць: падобна да таго, як усякая празмерная якасць ператвараецца ў сваю процілегласць, так і некантраляваная свабода дэгенеруе ў неабмежаванае нявольніцтва. Калі грамадства дазваляе чалавеку не зважаць на закон і рабіць усё, што кожны хоча, яно гэтым са-

мым патурае прыхамаці і сваволі мацнейшых і нясе рабства згале-
лым і нямоглым. Каб адшукаць падобны стан рэчаў, далёка хадзіць
не трэба. Амаль усім даводзілася паспытаць гора ад нечыяга сама-
чынства. Як часта жаўнеры, забыўшыся на свае абавязкі, скінуўшы
путы ледзьве не ўсіх законаў, ляцяць на злом галавы туды, куды іх
пацягнуе жарсць. За апошнія гады мы бачылі столькі забойстваў,
столькі згвалтаваных жанчын, столькі абрабаваных маёнткаў
і нават цэлых раёнаў, што большае плягі грамадства не магло
б атрымаць нават ад ворага. І гэтыя ліхадзеі на ўвесь голас, не чыр-
ванеючы, заяўляюць, што маюць права на ўсё, бо яны – вольныя,
хаця ў сапраўднасці аказваюцца нікчэмнымі рабамі сваіх подлых
жаданняў. Зрэшты, і самі яны церпяць несправядлівасць ад больш
моцных.

Дык хай жа будуць як мага далей неразумныя памкненні тых, для
каго свабода – гэта неўтаймаваная вольнасць рабіць усё, што захо-
чаш. Свабода заўсёды мае на мэце высакародныя ўчынкi і заўсёды
спалучаецца са станоўчым ладам мыслення.

Раздзел III

Развагі аб свабодзе і яе сутнасці

Усе даброты бываюць трох кшталтаў. Наконт гэтага сыхо-
дзяцца ў сваіх меркаваннях філосафы, пра гэта сведчыць і сама
рэчаіснасць. Усё, што лічыцца за дабро, бывае альбо духоўным, аль-
бо цялесным, альбо маёмасным. У першай кнізе «Законаў» Платон
назвае духоўныя даброты боскімі – пэўна, таму, што людзі, якія
разумна карыстаюцца гэтымі каштоўнасцямі, адлюстроўваюць
прыроду бога. А Бог ёсць абсалют усіх дабрачыннасцяў. Дабро-
ты цела і даброты фартуны Платон мянуе чалавечымі дабротамі.
І тыя, і другія залежаць ад даброт духоўных і, як малодшыя ста-
рэйшым, павінны ім падпарадкоўвацца і служыць.

З выказваннямі Платона сугучныя выказванні Арыстотэля.
Усё чалавечае шчасце філосаф дзеліць на эўдаманію і эўтыхію.
Эўдаманія лучыць у сабе толькі ўнутраныя, духоўныя даброты, якія
складаюць вяршыню ўсіх вартасцяў і робяць чалавека саўдзельні-
кам сапраўднай шчаснасці. Эўтыхія ахоплівае толькі знешнія, гэта
значыць, толькі цялесныя і маёмасныя даброты.

Яны дадзены чалавеку з адзінаю мэтай – кааб праз гэтых, так бы
мовіць, памагатых навучыць і натхніць людзей чынна здзяйсняць
высакародныя справы.

У «Эўфідэме» Платон гаворыць, што шчаслівымі людзей робіць не само валоданне дабротамі, а іх разумнае выкарыстанне. Бо чалавек, не абазнаны ў мудрасці, не здольны як след распарадзіцца і сваім багаццем. З гэтым выказваннем, бадай, можна пагадзіцца. Сапраўды, чалавечае шчасце заключаецца ў правільным ужыванні дабротаў, а дзейнічаць так можа толькі чалавек разумны. Зрэшты, і мудрэц, на мой погляд, не патрапіць належным чынам скарыстацца сваім добром, калі не будзе свабодны. Усякая чалавечая супольнасць, называная грамадствам, утвараецца дзеля таго, каб людзі праз агульнае паразуменне і ўзаемную падтрымку жылі памысна і шчасліва. А ніякага іншага спосабу забяспечыць прыстойнае і годнае жыццё людзі не вынайшлі, апроч як праз усталёванне міжсобку спакою і міру, гэта значыць – магчымасці свабодна і без турботаў карыстацца сваімі дабротамі. Дый навошта тыя даброты, калі няма як карыстацца імі? Або – як можна разумна выкарыстоўваць даброты, калі не маеш на іх дазволу? Адсюль вынікае, што нармальнае карыстанне каштоўнасцямі павінна спалучацца са свабодай такога выкарыстання. Чалавечае шчасце абумоўленае разумным і свабодным выкарыстаннем уласнасці.

Каб свабода кожнага заставалася цэлай і непарушнай і каб ёю не злоўжывалі сквапныя, прагавітыя, несумленныя людзі, грамадствам былі вынайздзеныя сродкі гамаваць чалавечае сваволле і нахабства. Такімі сродкамі ёсць законы. Яны ўтрымліваюць нормы сумленнага выконвання абавязкаў, а таксама прадугледжваюць пакаранне тых, хто парушае гэтыя нормы. Так што калі нехта не захоўвае грамадскага парадку добраахвотна, яго прымушаюць зрабіць гэта пад пагрозай кары.

Няма ніякай свабоды там, дзе законы або адсутнічаюць, або, калі яны ёсць, то хутчэй каб патураць свавольству ліхадзеяў, а не яго стрымліваць. З гэтага ясна бачна, якая свабода патрэбная. А менавіта – бяспечнае і без ніякага страху перад несправядлівасцю валоданне вышэй памянёнымі дабротамі, роўна як і разумнае, законнае карыстанне імі. Справядлівыя законы ўсяляк умацоўваюць грамадзянскую свабоду і нікому не дазваляюць злоўжываць дабротамі. Яны сцігуюць зламыснікаў, якія шкодзяць сваёй і чужой свабодзе. Бо ўсе парушальнікі справядлівых законаў і пастановаў не толькі падрываюць, але і душаць вольнасць асобы. Калі яны чыняць гвалт, нявечаць чалавека альбо рабуюць маёмасць грамадзян, яны ёсць прыгняцальнікамі чужой свабоды.

І яны губяць уласную свабоду, калі, аддаўшыся блуду і распусце, аказваюцца падлымі рабамі сваіх жаданняў і нявольнікамі злачынстваў.

Ёсць правіннасці, якія шкодзяць толькі самому чалавеку, які іх здзейсніў. Але і гэта не можа служыць апраўданнем ганебных, рабскіх паводзінаў. Сапраўдная свабода адмаўляецца служыць як подласці, так і падлогам. «Усе бязвольныя, – гаворыць Цыцэрон, – усе хцівыя, усе нікчэмныя ёсць рабамі, бо падпарадкаванне зломленага, прыгнечанага розуму, не здольнага на самастойнае мысленне, ёсць рабства». І далей ён кажа: «Ці свабодны чалавек, якім кіруе жанчына, якому яна па сваёй прыхамаці дыктуе законы, пастановы, загады, ставіць забароны, а той ні ў чым не можа ёй адмовіць, не адважваецца запырэчыць? Яна патрабуе – ён дае, яна кліча – ён прыходзіць, выганяе – ён ідзе прэч, пагражае – ён баіцца. Ды я такога, нават калі ён паходзіць з найвыбітнейшай сям’і, назаву не проста рабом, а рабом самым нікчэмным».

Неспатольныя жаданні настолькі збіваюць чалавечы розум з тропу, цягнуць яго то ў адзін, то ў другі бок, што сам чалавек, на думку Цыцэрона, практычна няздольны вызваліцца ад зла, якім ёсць рабства. Аднак дзяржава, як страж супольнай свабоды, дзеля захавання гэтай свабоды ўстанаўлівае законы, скіраваныя супроць злачынстваў, якія чыняць шкоду выключна іншым асобам. Гэтак-сама і я не збіраюся вызваляць людзей ад усякага рабства ўвогуле і зацугліваць іх асабістую свабоду нейкім асабліва суровым законам. На мой погляд, свабода кожнага будзе забяспечаная дастаткова, калі законы ў грамадстве прымусяць людзей жыць так, каб ніхто нікому не шкодзіў.

Раздзел IV

Царская ўлада была ненавісная колішнім грэкам і рымлянам, бо супярэчыла свабодзе

Платон у трэцяй кнізе «Законаў» кажа, што грамадства, чые грамадзяне шануюць законы, знаходзіцца ў добрым і здаровым стане. Людзі павінны падпарадкоўвацца законам, калі хочучь сабе добра. Платон сцвярджае, што свабодным і пазбаўленым страху можа быць толькі той, хто паважае і шануе законы. З гэтым вучэннем Платона ў многім сугучныя выказванні Арыстотэля. У адным са сваіх сачыненняў гэты філосаф робіць, у прыватнасці, такую выснову: «Мы рабы законаў, каб быць свабоднымі».

Аднак у любым грамадстве законы акажуцца нічога не вартымі, калі будзе адсутнічаць дзейсны нагляд за іх выкананнем. Таму заўсёды і ва ўсякай грамадзянскай супольнасці ў першую чаргу старанна абмяркоўвалі, каму даручыць кіраванне дзяржавай, каму даверыць дзяржаўную бяспеку, а таксама якая паўнамоцная ўстанова будзе сачыць за выкананнем законаў.

Ёсць некалькі спосабаў кіравання дзяржавай. Розныя народы ў залежнасці ад сваіх порываў і звычаяў мелі розныя формы дзяржаўнасці. Паступова з іх вызначыліся тры асноўныя, якія адпавядаюць тром відам дзяржаўнай улады. Але сёння ў свеце амаль не знойдзеш іншай формы, апроч адной з тых трох, альбо, як вынік пэўных абмежаванняў, змешанай формы кіравання.

Калі вышэйшая ўлада належыць аднаму чалавеку, а ўсе астатнія яму падудадныя, – гэта манархічная форма праўлення. Пры арыстакратычнай форме ўладу чыняць аптыматы, ці знаць. Кіраванне грамадствам тады даручаецца некалькім найбольш выбітным асобам. Трэцяй формай з’яўляецца дэмакратыя, або народаўладдзе. Тут правяць ужо не манарх і не эліта, а народ.

Усе грамадзяне маюць аднолькавыя магчымасці кіраваць грамадствам і роўныя правы як на заканадаўчую, так і на выканаўчую дзейнасць.

Там, дзе кожная з гэтых формаў дзяржаўнасці захоўвае ўласцівы ёй статус, яна прыносіць грамадзянам шмат добра і карысці. Але старажытныя рымляне і грэкі аддавалі перавагу народаўладству. Панаванне цароў, як супярэчнае агульначалавечай свабодзе, яны ненавідзелі. Але манархічная форма праўлення была ім нялюбая не таму, што сама па сабе ёсць дрэннай. Па тым часе, як піша Юстын, законамі былі меркаванні цароў. А нават калі маглі існаваць і нейкія пісанія законы, то ўстанаўліваліся яны хутчэй з прыхамаці цароў, а не па волі і на карысць грамадзянаў. Усё дзеялася па хаценьню і вяленню самадзержца. Ён сам па сабе, забыўшыся на супольны дабрабыт, кіраваў грамадствам. Такое кіраванне непазбежна спалучалася з падняволеннем і прыгнётам.

Пра законы цары не дбалі зусім альбо дбалі надзвычай мала. Своеасаблівым сведчаннем гэтаму служаць паводзіны адной суполкі знатных рымскіх юнакоў, якія запатрабавалі, каб выгнанных з Рыма цароў вярнулі ў горад. Прычынай такому рашэнню стала тое, што пасля выгнання цароў рымляне абвясцілі ўсеагульную роўнасць і замацавалі яе ў выглядзе адпаведных законаў. Юнакі не змаглі цяпець на сабе вяртыгі законаў. На іх думку, сваволле пры

царах якраз і было свабодай, а падпарадкаванне законам стала рабствам. Як сведчыць Лівій, цар, на іх думку, быў усё ж чалавекам. У яго можна было папрасіць і добрае, і дрэннае. У ім было месца для міласэрнасці і дабрачыннасці. Ён мог угнявіцца і злітавацца, адрозніваў сябра ад злосніка. А законы – глухія і няўмольныя. З іх больш карысці слабаму, а не моцнаму. Калі пераступіш закон, табе ўжо не будзе ні літасці, ні спагады. А жыць бездакорным жыццём сярод сціжмы заганаў і хібаў – нават небяспечна.

Адсюль сама напрашваецца выснова: царская ўлада ўяўлялася тым маладзёнам такой, пры якой манарх дзейнічае, абапіраючыся не на дабро і справядлівасць, і кіруецца ў сваіх словах і справах не розумам і мудрай парадай, а робіць усё, як яму закарціць. Невінаватага ён можа пакараць, а вінаватага апраўдаць. Але такое чыніць не цар, а тыран.

Манарх, які ўзначальвае і вядзе свой народ, кіруе ім з дапамогай законаў і асабістага прыкладу. Ён уяўляе сабой для ўсіх узор чалавека, які жыве сумленным, прыстойным жыццём. Паміж манархам і законам нават ёсць падабенства. Для нас манарх – гэта закон, які здольны гаварыць. Ён прамаўляе сваімі вуснамі дабратворную норму закона, запісаную на паперы ці на скрыжальях.

Згадаю яшчэ некалькі сведчанняў антычных пісьменнікаў адносна манархіі. Пасля таго, як імператар Актавіян Аўгуст вайною дамогся міру і ў Рымскай дзяржаве зноў запанавала спакойнае жыццё, ён вырашыў адмовіцца ад улады і перадаць яе Рыму. Сярод самых блізкіх і знакамітых сяброў, запрошаных ім у якасці дарадцаў, ягоны друг Мецэнат не ўхваліў імператарскага намеру і параіў Актавіяну захаваць уладу. Ён даводзіў, што, калі кесар не тыран, а самаўладца, які чыніць дабро, яго ўлада нічога не адымае ад агульнай свабоды. Мецэнат казаў слушна. Калі пазней гэтая прапанова абмяркоўвалася пры шырокай аўдыторыі ў Сенаце, яе ўхвалілі найвыбітнейшыя і наймудрэйшыя мужы.

За мінулыя стагоддзі, аднак, манархія, або самаўладдзе, набыло сабе кепскую славу. Але ганіць за гэта трэба не саму манархію, якая можа быць для грамадства і карыснай, і выгаднай, а вераломства людзей, якія ўзурпуюць празмерную, не абмежаваную ніякімі законамi ўладу над іншымi. У нашыя дні ўжо не чалавек – тыран над законамi, а закон – гаспадар над чалавекам. І сёння самаўладдзе ўжо не заслугоўвае былой нянавісці і асуджэння. Болей за тое, цяпер яго паўсюль хваляць і менавіта яму аддаюць перавагу самыя магутныя народы.

Зразумела, што і ў нашым грамадстве каралеўская ўлада дзейнічае ў праслах пэўных абмежаванняў. Кароль не мае права ўстанаўліваць якія-небудзь законы без адпаведнай згоды ўсёй грамадзянскай супольнасці. Перш чым атрымаць стэрны кіравання дзяржавай, кароль падчас каранацыі павінен прысягнуць народу і ўрачыста абяцаць, што ніколі і нічога не зробіць насуперак існуючым законам. А калі ён нешта падобнае ўчыніць і яго рашэнні і пастановы парушаць вернасць і святасць прысягі, у такім выпадку яны не будуць лічыцца прававой нормай і не набудуць ніякай юрыдычнай сілы.

Але ўявім сабе, што каралеўская прыхамаць вераломна пераступіла законы, нейкім чынам парушыла свабоду грамадзянаў і дамаглася жаданага. Дык вось нават у гэтым выпадку абвінавачваць трэба не каралеўскую ўладу і яе годнасць саму па сабе, а пэўную асобу – караля, які нядобрасумленна выконвае свае абавязкі, роўна як і тых дарадцаў і ахоўнікаў манарха, якія, хоць і маглі, не ўтрымалі яго ад нядобрага ўчынку.

Калі нехта з іх, баючыся каралеўскае ўсёмагутнасці, не адважваецца раскрыць рота, каб запырэчыць манаршай прыхаматцi, ён паводзіць сябе як нікчэмны баязлівец. Кожны, хто дзеля каралеўскай міласці і дароў маўчыць і не кажа, што ён сам думае, – вінаваты праз сваю несумленнасць і крывадушнасць.

Раздзел V

Якія ў грамадстве павінны быць законы, каб грамадзяне напраўду мелі свабоду

З усяго сказанага няцяжка зразумець: ніякае грамадства не можа ганарыцца сапраўднай свабодай, калі не ўсе яго грамадзяне жывуць адпаведна законам. Ніхто не будзе аспрэчваць, што ў чалавечай супольнасці, дзе адсутнічаюць прававыя нормы жыцця, якія прадугледжваюць пэўныя санкцыі супраць правапарушальнікаў, усе або прынамсі слабейшыя застаюцца ў рабскай прыгнечанасці. Аднак у розных частках свету заўсёды былі і ёсць шматлікія народы, якія, хоць і жывуць адпаведна з законнымі нормамі, але не могуць пра сябе сказаць, што цалкам вызваліліся ад няволі. Таму не без падставы ўзнікае патрэба даць слову «закон» азначэнне, каб у выніку скажонай інтэрпрэтацыі недасведчанымі яго не палічылі за інструмент прыгнёту.

Усе вучоныя ў цэлым пагаджаюцца на тым, што закон ёсць падмурак свабоды. Цьцэрон у першай кнізе «Законаў» вызначае яго як закладзены ў прыродзе найвышэйшы розум, які загадвае, што трэба рабіць, і забараняе, чаго рабіць не трэба. Іншымі словамі, але ўкладаючы ў іх такі самы сэнс, ён у другім месцы піша: «Закон ёсць дадзены багамі здаровы розум, які змушае рабіць дабро і забараняе адваротнае». Да гэтых выказванняў далучаецца Дэмасфен. Ён сцвярджае, што закон ёсць вынаходніцтва і дарунак багоў, якія замацавалі ў галовах людзей паняцці справядлівасці, роўнасці і дабра. Менавіта законы даюць дабратворныя, гаючыя нормы чалавечых паводзінаў ва ўсіх сферах жыцця, спрыяючы захаванню грамадзянскай супольнасці. Таксама і Арыстотэль хоча, каб законы стасаваліся з разумнай прыроднаю рацыяй. Калі ж яны разыходзяцца са справядлівымі натуральнымі правіламі, то ніякіх падставаў называць такія нормы законамі няма.

А хто будзе называць законам, а не пачварным, гніосным злачынствам даўні звычай кіпрыэтаў, якія перад шлюбом змушалі дзяўчат да прастытуцыі, альбо норавы аўгейцаў, якія ў першую шлюбную ноч пускалі сваіх маладзіц на агульнае каханне? Індусы забівалі знямоглых састарэлых бацькоў, а потым забітых з'ядалі, бо лічылі сваё цела за самы пачэсны магільны склеп. Усё гэта цалкам варварскія і жорсткія звычаі, якія не стасуюцца з паняццямі нармальнага чалавечага розуму. А таму абсурдна і недарэчна даваць падобным завадам найменне закона.

Ніякая норма, якая па прыродзе сваёй не абаяраецца на дабро і справядлівасць, не можа мець у чалавечым грамадстве сілу закона. А сярод разнастайных людскіх дасягненняў ёсць нямала паняццяў, прадыхтаваных чалавеку яго натуральным розумам і ўкладзеных у яго свядомасць самой прыродай, у прыватнасці: не гвалціць дзявочай нявіннасці, не квапіцца на чужое дабро і не замахвацца на жыццё. Але насуперак усеагульнаму досведу варварскі, дзікі народ парушыў натуральныя нормы чалавечнасці і ўвёў бязглуздыя, шкодныя для жыцця ідэі ў практыку абрадавых звычаяў. Тым не менш яму не ўдалося зрабіць, каб гэтыя звычаі ператварыліся ў норму і набылі аўтарытэт закона. Урэшце яны выйшлі з ужытку і зніклі.

І ўсе законы, якія супярэчаць нармальнаму розуму, будуць выклікаць супраціў у грамадстве, аж пакуль іх, як гібельныя і разбуральныя, не адменіць сама ўлада або не скасуе паўстаўшы народ. Такім чынам, каб забяспечыць людзям сапраўдную свабоду

і трывалы спакой, пад найменнем закона ў жыццё грамадзянскай супольнасці трэба ўводзіць толькі такія нормы, якія дыктуе розум і падказвае рацыянальная думка.

Ёсць нязменны, пастаянны закон прыроды: не чыніць ні над кім гвалту, кожнаму аддаваць ягонае і, як кажа Цыцэрон, стрымліваць сваю прагнасць, берагчы ўласнае і адводзіць ад чужога думкі, вочы і рукі. Калі жыццё асобы ў грамадстве абароненае ад забойства і здзеку і маёмасці чалавека не пагражае разрабаванне, то і ўвесь народ пачуваецца ў поўнай бяспецы. У такім грамадстве і сэнс салодкага слова «свабода» застаецца ўстойлівым і непарушным.

Раздзел VI

Пра траісты статус грамадзян у нашым грамадстве і пра тое, ці ўсе карыстаюцца аднолькаваю свабодай

Калі дзе-небудзь і былі народы, якія карысталіся вольнасцю, то сваёй прыналежнасцю да іх можа пахваліцца і наш слаўны народ, прычым настолькі, што яму ў гэтым, бадай, належыць пяршыства. Пра гэта гавораць не толькі на нашых соймах. Шматлікія допісы сведчаць, як моцна хваляць нашу свабоду. Кажуць, што такая – уласцівая толькі нашаму народу. Але каб залішняя любоў да свайго не абярнулася пустым самахвальствам і каб людзі мудрэйшыя не пачалі даводзіць нам адваротнае, мы, на мой погляд, павінны быць у гэтых рэчах больш памяркоўнымі і прыслухоўвацца больш да чужых словаў, а не да свайго слаvasлоўя.

Мы нярэдка памыляемся, разважаючы пра стан рэчаў у нашым жыцці, а тым часам чужая ацэнка нашай рэчаіснасці аказваецца нашмат дакладнейшай і праўдзівейшай. Гартаючы замежныя кнігі і даследуючы іх змест, я, здаецца мне, не заўважыў, каб хто-небудзь расхвальваў такое ўжо вялікае шчасце нашага існавання. Многія нават сцвярджалі, што ўсё якраз-такі наадварот. Паколькі ж большасць падзеяў адбываюцца ў будзённым жыцці, навідавоку ў многіх, то нам не спатрэбяцца ні вялікія намаганні, ні доўгія і складаныя разважанні, каб высветліць і вызначыць канкрэтныя факты.

У нашым народзе ў цэлым адрозніваюць тры грамадзянскія станы. Таму будзе дарэчы разгледзець умовы жыцця кожнага

з іх і вызначыць, ці яны раўнапраўныя або свабодай надзеленыя толькі адна нейкая частка грамадства. Мы маем шляхту, гараджан і сялян. Іх вылучаюць і раздзяляюць даволі значныя адрозненні, а менавіта – адметны від дзейнасці, своеасаблівы лад жыцця, неаднолькавы прававы статус. Шляхта, не звязаная з паднявольным механічным рамяством, займаецца толькі вайсковымі справамі, каб заўсёды быць гатовай абараніць айчыну ад варожага навалы. Гараджане садзейнічаюць агульнаму дабрабыту сваімі таварамі або прадметамі ўжытку, якія аднекуль прывозяць або вырабляюць у сваіх майстэрнях. Сяляне апрацоўваюць зямлю і сваёй працай кормяць астатніх.

Што ж да правасуддзя, то па адной і той жа справе існуюць законы асобна для шляхты, асобна для гараджан і асобна для сялян. Ужо адно гэта паказвае: разуменне свабоды тут неаднолькавае. Я ўжо не кажу пра шматлікія крыўды, якія шляхта чыніць простаму люду. Але ў судзе шляхціцу гэта абыходзіцца лёгкім спагнаннем. А вось калі шляхціца пакрыўдзіць або зняважыць прасталюдзін, дык яму пакаранне будзе назначанае нашмат цяжэйшае і суровейшае. Учыненае забойства таксама ўзважваецца правасудзем не на аднолькавых шалях. Для злачынцаў розных станаў пакаранне рознае. Гэта пацвярджае, што толькі шляхта мае перспектыву свабоды, астатнія станы носяць кляймо пэўнай прыгнечанасці.

Сапраўды свабоднымі грамадзянамі можна назваць толькі тых, хто надзелены ў грамадстве роўнымі і аднолькавымі правамі. Калі ж нехта мае юрыдычную перавагу і можа беспакарана чыніць гвалт і насілле, у такім грамадстве адны, па сутнасці, пануюць, а другія гібеюць у падняволлі. Кажучы гэта, я не маю на мэце ліквідаваць усякае адрозненне шляхты ад плебсу. Я хачу, каб роўнасць і справядлівасць, якія належаць усім у арыфметычнай прагрэсіі, не былі падарваныя нейкімі заганнымі інстытуцыямі, каб замест усеагульнай свабоды ў грамадстве не ўзяла верх алігархія або ўлада нямногіх. Няхай за шляхтай застаюцца цэлымі яе прывілеі, у адпаведнасці з якімі яна з ласкі сваіх каралёў і магнатаў вызваляецца ад усіх нявольніцкіх павіннасцей, а таксама ад падаткаў. Але каб улада і правы шляхты на чужую свабоду былі большыя, чым улада і правы іншых на яе свабоду – гэтага не павінны дазваляць ніякі закон і ніякае справядлівае права. Прынцып роўнасці ўсіх перад законам адмаўляе такую няроўнасць як нешта пачварнае і злачынае.

Калісьці па нейкім злашчасным звычаі такую неабмежаваную ўладу мелі рабаўладальнікі. У той час людзі, ахопленыя сляпой прагаю панавання, забылі пра ўсякую гуманнасць і дазвалялі сабе распараджацца жыццём і смерцю рабоў. Але такая празмерная вольнасць была пазней зацугляная з дапамогай законаў. І хоць гаспадары маглі пакараць раба, які правінаваціўся, але забіваць нявольніка беспакarana ўжо не маглі. Каб неабмежаваная ўлада рабаўладальнікаў не перарасла ў дэспатызм, былі нават пазначаныя акалічнасці, пры якіх рабам дазвалялася падаваць скаргу, прычым не толькі на старонніх, але і на сваіх гаспадароў, і выступаць у судзе.

А ў нашага народа няма ўпыну ні на якую хэнць. Селяніну не дадзена права падаваць скаргу не толькі ў сувязі з захопам яго маёмасці. Ён не мае права паскардзіцца на пана нават тады, калі той учыніў забойства. Але чаму б і пану не кіравацца тым, чым кіруюцца іншыя? Чаму яму дазваляецца забіваць столькі халопаў, колькі ён хоча, абы толькі плаціў нязначнай гатоўкай за смерць забітага? Шкада, што наш народ (між іншым, найгуманнейшы) альбо ставіцца да гэтых дзікіх законаў паблажліва, альбо, хоць і не любіць іх, надта ўжо доўга заплешчвае вочы на несправядлівую няроўнасць людзей, не сумяшчальную са здаровым розумам.

У грамадстве дастаткова ўжо, каб людзі адрозніваліся па сваім грамадзянскім стане, родзе заняткаў і абавязках. Няхай кожны робіць сваё і не лезе ў чужую справу, да якой не здатны. Тады захавецца прынцып геаметрычнай, або дыстрыбутыўнай справядлівасці. Калі ж перад законам роўныя не ўсе, калі адна частка грамадзян надзеленая большымі правамі ці вольнасцямі ў параўнанні з іншымі, дык на маю думку, гэта ўжо хутчэй нейкае бесчалавечнае і варварскае дзікуства, а не справядлівае заканадаўства. Камутатыўная справядлівасць, якую філосафы называюць арыфметычнай, не прызнае адрознення паміж чалавекам шляхетным і простым, багатым і бедным, яна ўсіх надзяляе пароўну. Яна не бачыць ніякай розніцы між асобамі і ўсякую ўчыненую шкоду, а таксама забойства карае аднолькавай адпаведнаю карай.

Калісьці прыродны розум вызначыў гэтыя нормы яшчэ ў свядомасці паганскага грамадства і дазволіў захаваць іх у пазнейшых супольнасцях. І вялікая ганьба нам, хрысціянам, што дазваляем колішнім паганцам быць вышэйшымі за нас у прававой справядлівасці і гуманнасці. У Пісанні ёсць шмат справядлівых законаў, навешаных Святым Духам. Гасподзь гаворыць вуснамі Майсея свайму народу (Другазаконне, I): «Судзіце па справядлівасці,

не робячы ніякай розніцы паміж братам і чужаземцам; выслухоўвайце малога так, як і вялікага, не зважаючы на асобу». Мудры цар Саламон кажа: «Царскі пасада, які судзіць бедных па справядлівасці, будзе навекі шчаслівы».

Няхай ніхто не спадзяецца, што трывалы мір і спакой усталяюцца ў грамадстве, дзе мацнейшым паслабілі цуглі і тыя прыгнятаюць слабейшых. Менавіта з гэтай прычыны найчасцей узнікаюць смуты, звады і войны. Усе яны падрываюць і разбураюць грамадства, падаграваюць думкі і жарсці сярод грамадзян і парушаюць між імі згоду, якая ёсць істотнай умовай стабільнага выніку чалавечай дзейнасці. І калі ў якасці прыкладу трэба спалпа на нейкі народ ці краіну, то яскравым узорам такога бедства можа паслужыць суседняя з намі, а значыць, і больш нам знаёмая Лівонія. Яна – наглядны доказ таго, што несправядлівасць можа прыводзіць да самых згубных наступстваў. Хто не ведае, з якою пыхай, з якім нахабствам і жорсткасцю шляхта панавала там над сялянамі і халопамі? Усё гэта вядома добра – настолькі, што спыняцца асобна няма патрэбы. А потым сталася так, што на Лівонію пайшоў вайною маскоўскі тыран. І калі ён шырокім фронтам пачаў пустошыць краіну агнём і жалезам, то яе сяляне ў пераважнай сваёй большасці самі наводзілі рабаўнікоў на маёнтакі шляхты і спешна пераходзілі ў непрыяцельскую веру. Сумнае і мізэрнае відовішча яшчэ і сёння служыць дастатковым сведчаннем таго, якая пляга напаткала той край, дзе людзей забівалі тысячамі, а безліч знатных жанчын і шляхетных дзяўчат, а таксама дзяцей было сагнана ў жорсткую, акрутную няволю.

Таму ўсім, хто хоча, каб яго грамадства было ў бяспецы, трэба імкнуцца да ўсталявання роўнасці людзей розных станаў перад законам. Вядома, умовы жыцця ў адных лепшыя, ў другіх горшыя. Але ніхто не павінен цягнуць несправядлівасць ад іншага з прычыны прававой няроўнасці.

Асабліва ўвага гэтаму надавалася ў мудрай Рэспубліцы вэнэтаў. І хоць стан патрыцыяў, або знаці, карыстаўся ў ёй вышэйшымі прэрагатывамі, а з плебеяў ніхто і ніколі не дапускаўся да кіравання дзяржавай, але за ўсё доўгае існаванне той імперыі ў ёй ніколі не ўзнікалі паўстанні ці смуты. Плебс не меў ніякай зачэпкі патрабаваць пераменаў, у яго не ўзнікаў нават цень недаверу ці падазронасці да патрыцыяў.

Кантарэнус у сваім апаведзе пра Рэспубліку вэнэтаў бачыць прычыну гэтага ў тым, што вэнэты спрадвеку трымаліся звычайна

продкаў, паводле якога ўсе, вялікія і малыя, мелі аднолькавыя правы.

Ніхто не мог беспакarana чыніць несправядлівасць нават прасталюдзіну. Калі ж знатны крыўдзіў плебея, то гэта, кажучы словамі Кантарэнуса, заўсёды лічылася за вялікае святатацтва й значынства. Ветрагон, які хоць аднойчы насмельваўся здзейсніць такое, не меў ніякага шанцу пазбегнуць кары. І яго пакаранне было тым болей суровым, чым вышэйшымі былі яго слава і годнасць.

Няхай бы і нашая шляхта сапернічала сваёй адметнай, прыгожаю сціпласцю з цудоўнай Рэспублікаю вэнэтаў замест таго, каб выхваляцца, у якім жорсткім прыгнеце і бяспраўі яна трымае паспаліты люд. Бо хоць вэнэты і дазвалялі плебеям мець правы, але годнасць і знатнасць патрыцыяў праз гэта ніяк не цярпела. Тое самае было б і ў нас, і нічыя шляхетнасць не пахіснулася б. А пакуль кожны мерае сваю свабоду магчымасцю падняволіць іншых. У выніку прыгожае слова «свабода» ужо страціла значную частку свайго сэнсу.

Нялёгка абмежаваць уладу, калі кожны імкнецца ўзвысіцца, каб закабальць другога. Як слушна павучае Лівій, празмерная свабода, якая ператвараецца ў цяжар для слабейшых, аказваецца неўтаймоўнай і небяспечнай і для саміх самаўладцаў. А вось калі свабода абмяжоўваецца, яна карысная ўсім – і асобнаму чалавеку, і грамадству.

Паколькі ж, аднак, жадаць здаровага і шчаслівага грамадства лягчэй, чым яго пабудаваць, то пакінем гэта на Бога і мудрацоў. А самі коратка прыгадаем, якімі вольнасцямі шляхта карыстаецца ў народзе і дзякуючы якім прэрагатывам узвышаецца над простымі людзям. Але спачатку будзе нялішнім і нават дарэчным даць спіслюю характарыстыку шляхты, акрэсліўшы яе сутнасць і паходжанне.

Раздзел VII

Знатнасць, яе сутнасць і паходжанне

Паўсюль у сваіх сачыненнях і сам Арыстотэль, і многія іншыя філосафы характарызуюць знатнасць як знакамітасць продкаў і славу прашчураў, якая нібыта па нейкім спадчынным праве распаўсюджваецца на іхніх нашчадкаў. Пакаленне, прадстаўнікі

якогавызначыліся асабліваю дабрачыннасцю, ці заслужылі вялікую павагу і пашану, ці праславіліся багаццем і сілаю, амаль заўсёды пакідала сваім патомкам фамільную годнасць і веліч, якою само карысталася пры жыцці. Як сведчыць Арыстотэль, знатнасць складаецца са спалучэння двух кампанентаў: высакародных якасцяў і багацця. Аднак рэчаіснасць паказвае, што аўтарытэту імя садзейнічаюць не так высакародныя якасці, як багацце і тытулы продкаў.

У рымлянаў найменне *patricii* (знатныя) паходзіла ад слова *patres* (бацькі) або *senatores* (старэйшыя), якіх калісьці выбіраў Ромул. Не высакародныя якасці, а пасады і абавязкі пэўных асобаў забяспечвалі ім павагу сярод астатніх. Дый якая магла быць высакароднасць у тым зборышчы, дзе не было ніякай розніцы паміж рабом і свабодным і дзе ўсе яны, цёмныя прасталюдзіны, урэшце знайшлі сабе прыстанак.

Слынным і знатым чалавека могуць зрабіць высакароднасць продкаў, вялікае багацце, годнасць, аўтарытэт ці ўсё разам узятае. Але на чым бы ні грунтавалася слава, яна пераходзіць нашчадкам, і яе называюць знатнасцю. Зрэшты, цяпер мы вядзем гаворку не пра тую знатнасць, якую чалавек заслугоўвае сваёй высокай маральнасцю і дабрадзеінасцю, а пра агульнапрынятую ў народзе знатнасць, падставаю якой служыць рэпутацыя продкаў. Шмат хто на поўным сур'ёзе сцвярджае, нібыта для такой знатнасці пры ўсіх яе іншых выгодах таксама ўласцівая пераемнасць. Словам, семя вартасцяў, якімі валодалі папярэднікі, пераходзіць і да іх нашчадкаў, дзякуючы чаму тыя робяцца такімі самымі, як і продкі. Можна часта пачуць, як цытуюцца такія вершаваныя радкі:

*Моцных выводзяць на свет здаравейшыя, моцныя,
Сіла бацькоў да быка й жарабца пераходзіць.
Голуба міфу – птушкі спакою і згоды
Не спараджае ніколі афол-кыважэрца.*

Вышэй адзначалася, што знатнасць не заўсёды паходзіць ад праяўлення высакародных якасцяў. Часта яе паходжанне абумоўленае багаццем або аказанымі пашанотамі. Таму будзе марнаю спроба звесці да нечага аднаго тое, што ёсць шматаблічным.

Няхай знатнасць дасталася камусьці ад продкаў, слынных сваёй дабрадзеінасцю і выключнаю чалавечнасцю. Але ж гэта не падстава лічыць, што гэтыя якасці абавязкова і самі сабой адродзяцца

ў нашчадках і што ім дзеля гэтага не трэба ўжо ні навукі, ні працы, ні намаганняў, якія ў немалой ступені паспрыялі знатнасці і славе іх папярэднікаў. Я, вядома, не адмаўляю, што вартае найчасцей і спараджаецца вартым. Знатныя нашчадкі нярэдка маюць столькі добрых задаткаў, што дасягаюць багатага плёну, прыкладаючы зусім мала высілкаў. Але ж нельга ўзводзіць гэта ў абавязковы закон, паводле якога знатнымі нібыта нараджаюцца заўсёды і ўсе нашчадкі знатных бацькоў, прычым самым натуральным чынам. Падобнае меркаванне ўяўляецца мне настолькі абсурдным, што высоўваць супраць яго нейкія падрабязныя контраргументы я не бачу ніякае неабходнасці. Сваімі вартасцямі чалавек перадусім абавязаны вялікае ласцы Бога, які, не зважаючы на асобу, надзяляе выбітнымі здольнасцямі, талентам і розумам тых, да каго мае прыхільнасць. Нярэдка дзеці простых бацькоў нараджаюцца з такімі шчаслівымі задаткамі, што дзякуючы сваёй энергіі і дараванням дасягаюць пазней незвычайнае славы. А бывае і наадварот. Патомкі знатных і высакародных продкаў дэгенеруюць настолькі, што здаецца, гэтыя выпадкі толькі й імкнуцца, каб узвысіцца над дабрачыннасцю папярэднікаў сваёю бязэцнасцю, і лічаць прыстойным паганіць сваё жыццё розным паскудствам. Вельмі слушна кажа Патрыярх: «Знатнымі не так нараджаюцца, як становяцца». Ён адмаўляе знатнасць як спадчынную каштоўнасць: «Не па сваёй волі кажу гэта. Сама рэчаіснасць паказвае, што ў знакамітага мужа рэдка ўдаецца знакаміты сын». Каб такую няздатнасць не прыпісвалі нейкаму аднаму веку, згадаю словы найстаражытнейшага паэта Гамэра, які ў засмучэнні праз гэткую злыбеду дадае:

*Надта ўжо мала дзяцей бываюць такімі, як тата,
Дрэнных – дык больш, а здатнейшых за бацьку, на жаль, небагата.*

Па прыклады далёка хадзіць не трэба. Куды ні глянь, паўсюль бачыш, што сыны вельмі рэдка адпавядаюць бацькам па сваіх вартасцях. Мужныя продкі праславілі сябе ў свой час у бітвах з ворагам, а сыны і ўнукі, маладушныя і лайдачыя, аказваюцца няздатнымі да вайсковае чыннасці. Папярэднікі вылучаліся ва ўсім стрыманасцю і памяркоўнасцю, а пасля сябе нярэдка, каб не сказаць заўсёды, пакідалі, на жаль, нядбалых патомкаў, якія купаліся ў раскошы і распусце. З кніг і жыццёвага досведу ўсім нам вядома, што і ў разумных бацькоў дзеці бываюць неразумныя, і ў адукаваных – неадукаваныя, і ў справядлівых і добрых – жорсткія і бесчалавечныя.

Пакінем, аднак, падзеі нядаўняга часу і ўспомнім сіваю мінуўшчыну. Хто не адчуваў замілаванне іудзейскім царом Майсеем? Хто не захапляўся яго незвычайна мудрым праўленнем, нязломнай сілаю духа, справядлівасцю і міласэрнасцю? А вось пра ягоных сыноў Элізара і Гірсама ў Святым пісанні гаворыцца вельмі мала. Гэта сведчыць, што ў Майсеевых сыноў не было і пробліску бацькавых вартасцяў. Дый сам Майсей ніводнага з іх не прызначыў сваім спадкаемцам, хоць законы дазвалялі такую натуральную пераемнасць. Ён бачыў, што сыны не адпавядаюць тым абавязкам, якія выконваў сам, і выключыў іх з гэтага поля сваёй дзейнасці.

А славыты шматлікімі вартасцямі цар Давід? Якіх толькі бед не спазнаў ён ад сваіх подлых і гнісных сыноў. Адзін з іх, урэшце, прагнаў бацьку на край царства, і жыццю і ўсёй маёмасці цара пагражала небяспека. І толькі пасля забойства сына Давід зноў змог спакойна ўладарыць у сваім царстве.

Ад цара Эзэкія, вартага найвышэйшай ухвалы за імкненне адрадыць сапраўдную рэлігію, яго сын Манасія атрымаў у спадчыну царства, але не бацькоўскую дабрадзейнасць. Сын вярнуў культ фальшывага бога і пашырыў яго, жорстка пераследуючы святых прарокаў. Ён асудзіў на пакутную смерць прарока Ісаю.

Калі ж прыгадаць і паганства, то і яно дае нам паўсюдна шмат прыкладаў. Вось некаторыя з мноства. Слаўныя дзеі рымскага імператара і філосафа Марка Антонія праменяцца тым ярчэйшым бляскам, чым нікчэмнейшым аказаўся ягоны сын, які ўзышоў пасля яго на імперскі трон. Германік, знакаміты сваёй мудрасцю і высакароднасцю, пасля сябе пакінуў сына Калігулу – па сутнасці, не чалавека, а вылюдка. Маладушны, пажадлівы, жорсткі, сын быў зусім не падобны да бацькі. Здаецца, Калігулу спарадыў нават не чалавек, а звяруга. Імператар Аўгуст, яскравы ўзор чалавечай годнасці, быў так абураны распустай сваіх дачок, што неаднаразова ўголас паўтараў Гамэравы словы: *«Лепш бы я жанкі не меў і да скону бяздзетны застаўся»*.

Ад выбітных бацькоў вельмі рэдка нараджаюцца вартыя іх дзеці. Таму ўяўляецца вельмі няпэўным і хісткім сцвярджанне, паводле якога нашчадкі разам з шляхецтвам, што дастаецца ім ад папярэднікаў у спадчыну, атрымліваюць, быццам якую маёмасць, і высокія чалавечыя якасці. Як ужо адзначалася, адных прырода надзяляе добрымі задаткамі больш, чым другіх. Пры гэтым, калі ты будзеш лайдаком і не прыкладзеш вялікага намагання і працы, каб узгадаваць і ўзрасціць закладзенае ў цябе зерне, то замест добрага

плёну атрымаеш адзін чартапалох. Талент, які тоіцца ў чалавеку, падобны да іскаркі. Падзьмеш, падкладзеш распалу – і загарыцца яна яркім полымем. А перастанеш дбаць і клапаціцца пра сваю іскарку – давядзеш да таго, што яна ніколі ўжо не засвеціць. Вельмі трапна і мудра пісаў пра гэта паэт Гесіёд. Багі наўмысна зрабілі так, каб памясціць высакароднасць на крутой строме. Дарога туды вядзе цяжкая і цяжкая. І няхай ніхто не падумае, што дасканаласці можна дасягнуць, гуляючы ды палежваючы, што ўсё прыйдзе само сабой і дзеля гэтага не спатрэбяцца ніякія старанні й высілкі.

Тым больш недарэчным і смешным выглядае аблуднае і марнае перакананне тых, хто, атрымаўшы ад продкаў знатнасць, выхваляецца ёю, быццам нейкаю асабістаю вартасцю, з пагардаю ставячыся да астатніх, нават самых таленавітых. Нікчэмныя людзі замест існых каштоўнасцяў ганяюцца за іх ценямі. Не маючы іх саміх, яны цешаць сябе пустымі прывідамі.

Яшчэ больш здзіўляе, што гэтая заганная аблуда – ўласцівая не толькі нашай сучаснасці ці нядаўняй мінуўшчыне, але панавала і ў далёкі старажытны час. Аднак мудрыя і адважныя мужы ў прамовах сваіх і ў пісаннях заўсёды адмаўлялі такія погляды. Салостый, выхваляючыся даўняю сваёй радавітасцю, упікнуў Цыцэрона тым, што той атрымаў знатнасць зусім нядаўна. На гэты марны папрок Цыцэрон адказаў: «Сваёй дабрачыннасцю я стаў для маіх продкаў светачам. Калі раней пра маіх крэўных ніхто не ведаў, дык цяпер памяць пра іх возьме свой пачатак ад мяне. А ты праз жыццё, якім ты жывеш, заслانیў сваіх продкаў, скінуўшы іх у змрок забыцця, і цяпер пра іх, калісь знакамітых, ніхто ўжо не ўспомніць».

Марый, якога nobілі зневажалі за нізкае паходжанне, адказваючы на лянку, даводзіў, што іх разуменне высакародства як неад’емнага спадарожніка знатнасці – памылковае і абсурднае. Іх продкі пакінулі ім усё, што можна: багацце, гербы, памяць пра сябе. А вось высакародства не пакінулі. Яно адзінае, што не даецца і не атрымліваецца як дарунак. Хто хоча праславіцца высакародствам, не павінен быць гультаём і лежабокам. Той жа Марый каза далей: «Каб людзі паверылі мне, я не буду тыкаць ім у вочы выявы сваіх продкаў, выхваляюцца іх перамогамі ці консульскімі рангамі. Калі спатрэбіцца, я пакажу ім свае когі, свае харугвы, свае фалеры і іншыя вайсковыя адзнакі, а таксама шматлікія шнары на маіх грудзях. Гэта ёсць мае продкі, гэта ёсць мая знатнасць. Яна дасталася мне не за так, як ім – проста ў спадчы-

ну. Я здабыў яе цяжкаю працай і чыннасцю, рызыкуючы ўласным жыццём».

Высакародства патрабуе вялікай упартасці ў пераадоленні цяжкасцяў. Яго не здабудзеш гультайствам, не атрымаеш у спадчыну – яно прыходзіць як скутак тваіх усё больш дасканалых учынкаў. Пра гэта сведчыць і паэт, калі кажа:

*Той, хто хацеў дасягнуць у рысталишчах пэўнае мэты,
Змалку вучыўся трываць, змагаўся і ў спёку і ў сцюжу;
З Бахусам не сябраваў, пазбягаў і лобшчыў Венеры.*

Умельства не ёсць вынікам знатнасці. Яно не даецца прыродай, а набываецца стараннем і працай. Але знатнасць дае пэўныя перавагі і прывілеі. У прыватнасці, істотную адметнасць асобам знатнага паходжання надае тое, што іх успрымаюць як своеасаблівых носьбітаў святла ў грамадстве. Зыркi агонь гэтага святла адразу высвечвае ўсё добрае і вартае ўхвалы, што робяць нобілі. І людзі хутка здазнаюцца пра іх высакародныя ўчынкi.

Выхадцы з нізоў пазбаўлены такой ласкі. Толькі ў выніку неймаверных заслуг і неверагодных разумовых і фізічных высілкаў прасталюдзіны могуць здабыць прызнанне й вядомасць. І нават стаўшы знакамітымі, яны вымушаныя цярпець воўчую непрыязь шматлікіх ненавіснікаў і зайздроснікаў. У пацверджанне гэтаму я мог бы прывесці шмат прыкладаў ад самай антычнасці, але ж яно і без таго добра вядома, бо адбываецца амаль кожны дзень.

У знаці такіх перашкодаў няма. Іх ніхто не ўздумае папiкнуць, калі, спасылаючыся на дзедзiўскую ці бацькоўскую славу, яны таксама будуць чыніць на сваім шляху добрыя справы. Слава продкаў бачыцца тут як бы ўласцівай нашчадкам. «Мы ўсе добразычліва ставiмся да людзей знатных, – гаворыць Цыцэрон. – Грамадству карысна, калі ў iм ёсць высакародныя патомкi, вартыя сваіх папярэднiкаў, бо такім чынам жыве і памяць пра знакамітых мужоў, якія ў свой час вызначыліся сваiмi заслугамi перад дзяржавай». А вось калі нехта аказваецца не падобным да сваіх знакамітых продкаў, яго вобраз выглядае тым болей агiдным, чым большыя надзеi ўскладалiся на яго ў святле былой славы яго дзядоў.

Тут дарэчы згадаць словы Ювэнала: «Калі ты, не могучы ўтаймаваць сябе, станеш ахвяраю свайго славалюбства й распу-

сты, калі будзеш сам сябе ганьбаваць сваёю несправядлівасцю і жорсткасцю, то знатнасць продкаў паўстане супроць цябе і высвеціць палымянай паходняю твае подлыя ўчынкі». Знатнасць продкаў ператвараецца для іх нашчадкаў у абавязак ці, дакладней, у норму – быць годнымі высокіх вартасцяў сваіх дзядоў. Як сведчыць Цыцэрон, прадстаўнікі знаці, слаўтыя не так сваім паходжаннем, як распустай, самі выстаўляюць сябе на ўсеагульную ганьбу.

Раздзел VIII

Сёння знатнасць вызначаюць не на тых падставах, як у мінулыя вякі

Даўней знатнымі лічылі пераважна тых, хто ўславіў сябе сваім розумам ці выбітнаю чыннасцю, хоць раней гэта мог быць прасталюдзін, чые продкі нічым адметным не вызначыліся і не пакінулі пра сябе памяці для нашчадкаў, каб запачаткаваць іх знатнасць. Якраз такую знатнасць мае на ўвазе Цыцэрон, калі ў спрэчцы з Салюстыем, які папікаў яго нязнатным паходжаннем, адказвае: «Не спасылайся на продкаў. Лепш быць слаўным сваімі дзеямі, чым ківаць на аўтарытэт папярэднікаў. Лепш жыць так, каб твае патомкі вялі ад цябе пачатак сваёй знатнасці, і самому служыць ім прыкладам дабрадзеяства». Адноўчы сябры параілі Цыцэрону змяніць фамільнае прозвішча, бо яно гучала абразліва і абрасло шматлікімі кепікамі¹. На гэта ён адказаў, што прыкладзе ўсе намаганні, каб уславіць гэтае прозвішча больш, чым здаўна слаўныя прозвішчы рымскіх родаў Катонаў, Катулаў ці Скаўраў. А нейкаму Гармодыю, які зняважліва нагадаў яму пра яго нізкае паходжанне, Цыцэрон адказаў: «Мой род з мяне пачынаецца, а твой табою заканчваецца». Такі самы адказ даў Іпінкрат, калі яго папінкулі цёмным і нізкім радаводам.

Тады кожны, хто захацеў, мог бы подзвігамі сваімі адчыніць браму славы перад патомкамі, ушанаваўшы радавое імя. Але пазней насталі часы, калі знатнасць, якая доўга была натуральнаю, па шчодрасці і з ласкі рымскіх імператараў, якія кіравалі дзяржавай, стала дароўнаю.

Пра гэта сведчаць нормы грамадзянскага права, паводле якіх тытул мусіць быць пацверджаны ганароваю граматай ці іншым

¹ Цыцэрон паходзіць ад лацінскага *cicer* – гарох (заўв. рэдактара).

прывілейным актам. Прадстаўнік простага стану, ушанаваны такім прывілеем, лічыцца ўжо не прасталодзінам, а нобілем. А не маючы такога пасведчання, чалавек не можа прэтэндаваць на знатнасць, колькі б ён ні даказаў сваю годнасць. Тут ужо нічога не залежыць ад нашай волі, ад нашых памкненняў і ўчынкаў. Усё вырашаецца з ласкі ўладара. Як бы хто ні даводзіў, што той вунь ці гэты не вартыя звання нобіля, іх статус будзе лічыцца ўсё адно непарушным. Галоўнае, каб нобіль пацвердзіў сваю годнасць імперскаю граматай.

Разам з тым некаторыя нават і без такой граматы маюць прыналежнасць да знаці – на той падставе, што паходзяць ад продкаў знатнага стану. Праз гэтую даўнюю знатнасць нашчадкі набываюць такія ж набілітэт, які іншыя атрымліваюць з ласкі ўладара. Некалі аднойчы набыты, статус знатнасці, як па спадчынным праве, пашыраецца потым на ўсё патомства.

Такім чынам, адрозніваюць два віды знатнасці. Адна пераходзіць да дзяцей ад бацькоў, і яе па праве называюць радавою. Другая даецца з ласкі манарха, і яе цалкам слухна мянуюць дароўнаю. Як першая, так і другая маюць аднолькавую вартасць. Здаўна ўсталяваўся і замацаваўся звычай, паводле якога разам з манаршымі прывілеямі такія асобы атрымліваюць гербы і іншыя рэгаліі. Гэтыя сімвалы – таксама частковае сведчанне знатнасці і пацверджанне аб прыналежнасці адпаведнага роду да знаці. А каб ніхто не думаў, што набілітэт ёсць нейкай прывіднаю, ілюзорнаю вартасцю, на знаць ускладаюцца пэўныя абавязкі. У сваім жыцці знаць павінна прытрымлівацца канкрэтных нормаў паводзін. Калі ж нехта парушае гэтыя прыказанні, ён страчвае свой прававы статус і лічыцца прасталодзінам.

Кожны народ жыве па сваіх звычаях. У нашым народзе той, хто прэтэндуе на права мець шляхецкую годнасць, павінен валодаць зямельнай маёмасцю, у прыватнасці вёскамі, фальваркамі, замкамі, гарадамі. Прадстаўніку гэтага стану не дазваляецца займацца брудным ці нявольніцкім рамяством. Шляхта павінна жыць толькі ад земляробства і падаткаў з сялян, а таксама з іншых выгодаў, якія можа даваць зямля. Калі ж нехта страчвае свае зямельныя ўладанні і пераходзіць да механічнага рамяства, то болей не лічыцца нобілем і ў сувязі са зменаю жыццёвых умоваў пераходзіць у плебей.

Шляхта можа займацца мастацтвамі і вайсковаю справай. Акрамя таго, на яе ўскладаецца кіраванне дзяржавай. Таму

прадстаўнікі шляхты павінны вывучаць навукі, якія дапамагаюць забяспечваць у дзяржаве мір і спакой і абараняць яе ад нападаў знешняга ворагу. Наогул, для дзяржавы надзвычай важна, каб у грамадстве, дзе ўзаемазалежныя, дзе існуюць розныя інстытуцыі, скіраваныя на карысць чалавеку, існавала і такое саслоўе, якое, грэбуючы ўсімі рамёствамі, старанна займалася толькі тымі справамі, якія садзейнічаюць умацаванню аўтарытэту дзяржавы і забеспячэнню яе патрэб. Калі ж стырно ўлады ў дзяржаве дастаецца асобам нячыстым, калі ваенныя справы даручаюцца людзям подлымі нізкім, якіх цікавіць больш не агульнае дабро, а ўласная карысць, то наўрад ці можна спадзявацца, што пры такім кіраўніцтве ўсё грамадства будзе шчаслівым і здаровым.

У нас дагэтуль не адмысловыя ўмацаванні і не гарадскія мury, а мужнасць шляхты і яе непакісная сіла духа прыносілі дзяржаве перамогу ў барацьбе супроць усякай варожай навалы. Адвага і пачуццё ўласнай годнасці заўсёды цаніліся ў шляхецкім стане настолькі высока, што ў бойцы шляхціц гатовы быў рынуцца ў самую гущу ворагаў і загінуць дзеля адной толькі згадкі пра ягоны подзвіг. У іншых краінах ваяры служаць у войску і ваююць за пэўную плату і ўзнагароду, у нас жа гэтага вымагае чалавечая годнасць і мужнасць асобы. Няхай бы можна было і далей зберагаць даўнюю славу і кроцьці па слядах нашых продкаў, якія будавалі дзяржаву з вялікім умельствам і рупнасцю! Няхай бы нашы нашчадкі з такім самым стараннем дбалі пра паспалітае грамадства, каб зрабіць яго моцным і непарушным.

Але ў нас назіраюцца вялікія перамены. Ледзь не ўсе займаюцца справамі, далёкімі ад таго, пра што дбалі нашыя продкі. Мала каго вабіць высокая чыннасць, большасць стараецца знайсці занятак, які спатоліў бы яе прагу да прыбытку й нажывы. Шляхта не саромеецца гандляваць, ліхвярыць, карчмарыць ці займаецца іншымі нізкімі рамёствамі, калі яны прыносяць даход.

А як бо абавязкі, якія шляхта павінна выконваць у першую чаргу, аказваюцца занядбанымі, то паўсюль пачынае панавать усё большая сапсаванасць нораваў. І хоць такое прыгожае і цудоўнае слова як «высакароднасць» можна пачуць з вуснаў ледзьве не кожнага, на справе высакародная чыннасць уласцівая сёння вельмі нямногім. Шляхта вядзе жорсткую барацьбу за захаванне сваіх свабод і прывілеяў, між тым забываючыся, што раней імі ўганароўваўся толькі той, хто ўсё жыццё займаўся вайсковаю справай і навукімі

аб кіраванні дзяржавай. Чалавеку, які праз сваю знатнасць ці іншыя прывілеі прэтэндуе ўзвышацца над простым людам, не да твару займацца чорнай плебейскаю працай ці рамяством, абы толькі здабыць прыбытак. Там, дзе за аднолькавую працу людзі атрымліваюць розную ўзнагароду, дзе за роўнае даецца няроўнае і тым самым парушаецца закон справядлівасці, – там сеецца семя разладу.

Калі дзе-коледы ёсць народ, чые нобілі могуць пахваліцца сапраўды шырокімі свабодамі і прывілеямі, то, мабыць, першынствам сярод іх валодае наша шляхта. Але чым болей шляхце дадзена прывілеяў, тым болей яна павінна цурацца ўсіх агідных і вычварных праяваў жыцця. У гэтай сувязі будзе дарэчы згадаць некаторыя вады, якія, на маю думку, пэцкаюць прыгожае слова *свабода*, – дзеля таго, каб мы не вельмі хваліліся сваёй шляхецкаю вольнасцю і не думалі, што, цешачыся з вялікай свабоды, можам пераступаць усякія межы. Але перадусім я каротка хачу паказаць, у чым ёсць сутнасць нашай свабоды і чым яна настолькі прываблівая, каб яе прапанаваць іншым.

Раздзел IX

Шляхта ў нашым грамадстве мае намнога большую свабоду, чым нобілі іншых народаў

Каб грамадства заставалася цэлым і непарушным, злачынцы ў ім павінны карацца, а дабрачынцы ўшаноўвацца ўзнагародамі. І на мой погляд, для забеспячэння трываласці грамадства нашыя продкі мелі надзвычай карысныя і спрыяльныя статутныя нормы, паводле якіх шляхце за яе выключныя заслугі перад дзяржавай даваліся найвышэйшыя ўзнагароды. Чыннасць нашай шляхты на карысць айчыны заўсёды была вялікай і слаўнай. Мужна баронячы радзіму ад ворагаў, шляхта не шкадавала ні сіл, ні сваёй крыві і адважна душыла падступныя намеры ўсіх нападанікаў.

Рознастайныя тытулы і ўладныя прывілеі, якімі ў нашым грамадстве карыстаецца адна толькі шляхта, уяўляюць сабой немалую ўзнагароду. Дзякуючы ім шляхце адкрываецца лёгкая дарога да прымнажэння радавой славы і павелічэння дамашняга дабрабыту. Але найвышэйшай і найкаштоўнейшай узнагародай за здзяйсненні і подзвігі застаецца свабода. Свабода ёсць адзінай асновай чалавечага жыцця. І шляхта карыстаецца ёю напоўніцу, абапіраючыся на

даўнія звычаі і законы нашых продкаў. Без свабоды ніякія тытулы і багацці не прынясуць чалавеку шчасця і дабрабыту. Калі свабоды няма, багацці толькі распальваюць хцівасць тыранаў. Іх розум, аслеплены сквапнасцю, прагне нажывы. І тыраны, як галодныя псы, кідаюцца на здабычу.

Яскравым прыкладам гэтаму ёсць Масковія. Яна пераканаўча сведчыць, якая небяспека пагражае дабрабыту кожнага там, дзе адсутнічае свабода. Тыран у Масковіі правіць па сваёй прыхамаці. Законам ён лічыць усё тое, што захочуць яго распаленыя мазгі. Годнасць і маёмасць жыхароў у той краіне ніяк не абароненыя ад несправядлівасці, якую чыніць самаўладца.

У любы момант ён можа не толькі забраць у чалавека ўласнасць, але і сцяць уласніку галаву. Але цёмны і грубы люд, прывучаны да дзікага рабства, не толькі не выступае супроць злачыннай сквапнасці свайго тырана, а ўспрымае яго самавольства і самадурства ледзь не як нябесную кару.

Закон ёсць маральнае правіла, якое дыктуецца здаровым розумам і ўхваляецца боскімі заветамі. Калі тыран так ці іначай парушае законы або слухныя нормы розуму, ён тым самым чыніць не Божыя суд і волю, а, як люты звяруга, прагне задаволіць толькі свае сляпыя жывёльныя інстынкты. Там, дзе над людзьмі стаіць не закон, які іх настаўляе ва ўсіх учынках, а верхаводзіць легкадумная чалавечая воля, – там паўсюль, як справядліва кажа Арыстотэль, грамадствам кіруе і правіць не Бог, а пачвара. Марна спадзявацца, што ў такім грамадстве калі-небудзь будуць мір і спакой. Народ там пачувае сябе так, як авечкі ў авечніку, у якім лютуе воўк.

Наш народ забяспечыў сабе мір і агульную свабоду болей удумліва. Ён абмежаваў караля рамкамі законаў, каб ён не насмеліўся замысліць нешта супроць грамадзян ці паквапіцца на іхнюю маёмасць. Кароль павінен рабіць толькі тое, што прадугледжвае ці патрабуе закон – вярхоўны ўладар як над грамадзянамі, так і над манархам. Самі ж законы, якія паўсюдна маюць прырытэт, устанаўліваюцца не элітай і нават не каралём. Заканадаўства цалкам належыць шляхце. А гэта спрыяе ўмацаванню свабоды. Нават калі шляхта ў чым-небудзь памыляецца, дзе-небудзь адступае ад выкарыстання агульных каштоўнасцяў належным чынам, яна ў любы момант можа змяніць ці палепшыць закон, што бачыцца мне як праява свабоды. І праўда, хіба гэта не свабода – заўжды мець магчымасць спрыяць паспалітаму дабрабыту і рабіць тое, што ідзе на карысць усюму грамадству?

Іншыя народы, народнасці таксама маюць законы. Але тыя законы, выддзеныя па асабістай волі ўладароў ці эліты, не так спрыяюць шчасцю людзей, як дапамагаюць рабаваць слабейшых, бо якія б ні былі законы, усе ўрэшце вымушаныя ім падпарадкавацца, нават калі яны няволяць асобу. Але зняволеным не даецца права змяняць законы, і такія людзі нясуць на сабе вялізнае і відавочнае кляймо рабства.

Сярод вольнасцяў нашага народа немалаважным чыннікам і паказнікам яго грамадзянскай свабоды ёсць абранне караля. Калі ў іншых народаў цары і манархі прыходзяць да ўлады паводле спадчыннага права і натуральнае пераемнасці, то ў нас уладарамі не нараджаюцца – іх выбіраюць усеагульным галасаваннем шляхты. Пры гэтым народ настолькі паважае караля, што пакуль ніводнаму з каралеўскай сям’і не выказваў непрызнання. Сярод аптыматаў каралеўскага паходжання выбіраюцца спрэс айчынныя, а не замежныя асобы. Манарх сведчыць потым, што абраны свабодна, што ёсць каралём не на аснове спадчыннага права, а з ласкі і адабрэння народа, і ў якасці такога будзе правіць грамадствам.

Дзяржава перадаецца каралю разам з дзеючымі законамі. Ён павінен скласці прысягу, што будзе кіраваць краінай у адпаведнасці з нормаў гэтых законаў. На маю думку, якраз дзякуючы такім устанаўленням ва ўчынах нашых каралёў ніколі не ўбачыш фанабэрыстасці і жорсткасці і не заўважыш грубасці ў абыходжанні з народам.

У адрозненне ад нашых каралёў іншыя манархі кіруюць дзяржавамі зусім іначай. Як сведчаць шматлікія факты не толькі ў суседніх, але і ў болей далёкіх краях, тамтэйшыя ўладары абыходзяцца са сваімі падданымі з пачварнай бесчалавечнасцю. Найбольш верагодным мне ўяўляецца, што магчымасць такога варварства закладзеная ў самім статуце дзяржаўнага кіравання. Патомныя манархі ўспрымаюць сваю ўладу як спадчыну, атрыманую ад продкаў. Таму яны не лічацца з жаданнямі народа і не пытаюцца ў яго згоды. Але галоўная і асноўная прычына разбэшчанага, фанабэрлівага царавання ляжыць у статусе ўладара, калі яго ўлада не абмяжоўваецца ніякімі дастаткова моцнымі цуглямі закону ці калі ён скідае гэтыя цуглі, скарыстаўшыся сваёю падступнасцю ці чужымі крывадушнымі парадамі.

Нават калі ў нейкім грамадстве і існуе такая завада, ці звычай, згодна з якім уладаром робіцца той, хто ім ёсць па сваім паходжанні, дык і тады народ павінен дазволіць спадкаецну трона ўзяць уладу,

толькі абмежаваўшы будучага манарха пэўнымі законамі. Сам па сабе пераход манаршага пасада ў спадчыну не будзе перашкаджаць грамадзянскай свабодзе пры ўмове, што ўладар не ўгрузне ў загамах, да якіх яго могуць схіляць ягоныя благія жаданні.

Амаль усе нашыя каралі мелі настолькі ціхі і лагодны характар, што не дазвалялі сабе ўносіць нейкія змены ў дзяржаўныя законы ці нават парушаць іх.

І ўсё ж, каб запабегчы верагоднаму самавольству караля, былі прадугледжаныя сур'ёзныя захады. Без іх, калі б уладар, скажам, меў дазвол самахоць аб'яўляць і весці вайну, маглі б быць парушаныя мір і спакой усяго грамадства. Несправядлівыя і пастаянныя войны, якія развязваюць лютыя і шалёныя ўладары, нясуць грамадствам вялікія беды. З гэтай прычыны шляхта, памятаючы пра асабістыя свабоды, палічыла за неабходнасць абмежаваць верагоднае самапраўства караля і не дазволіла яму аб'яўляць ці весці вайну без адпаведнай згоды наблітэту.

Нельга аднак не сказаць, што часам такая вольнасць перасягае ўсякія разумныя межы. Празмерна узурпаваная народам свабода таксама нясе грамадству шмат бедаў. Закон, прызначаны стрымліваць несправядлівыя войны, нярэдка становіцца перашкодай у справе вызвольных і справядлівых войнаў. Шляхта, упадабаўшы бяздзейнасць і даўно адвыкшы ад вайны, не азваецца на заклікі караля, не бярэцца за зброю і тым самым дазваляе ворагу ўрывацца ў нашыя землі і пустошыць нашу радзіму агнём і мячом. Вядома, у інтарэсах дзяржавы нельга ўхваляць вайну, якую мерыцца развязаць уладар пад уплывам нейкай пустой фанабэрыі. Калі ж вораг паліць і забівае, руйнуе вёскі і гарады, лютуе і жорстка здзекуецца з грамадзянаў, не выступіць супроць такога ліхадзея і не абараніць радзіму, якая ўмольна просіць аб дапамозе, было б ганебнай, подлай, агіднай бяздзейнасцю. Калі свабода нам дарая, дык будзем карыстацца ёю памяркоўна. Іначай неабмежаваная свабода можа ператварыцца ў сваю процілегласць, то бок у рабства. Схіл, каб скаціцца да гэтай бяды, надзвычай круты. Упасці ў яе вельмі лёгка.

Наш народ карыстаецца многімі свабодамі, рупліва ўведзенымі нашымі продкамі. Але, мабыць, найбольшую вартасць мае свабода, згодна з якой шляхта, валодаючы ворнымі ды іншымі землямі, а таксама фальваркамі, замкамі, мястэчкамі, нікому ніякіх падаткаў ці пабораў не плаціць. Кожны шляхціц мае ў нас такое права на сваю ўласнасць, якое ў іншых краінах маюць толькі цары і каралі.

У замежных нобіляў таксама ёсць вялікія ўладанні. Але гэтыя ўладанні – альбо узфруктуарныя, калі гаспадар не мае права перадаваць іх у валоданне каму-небудзь іншаму, альбо на маёмасць адпаведна з апэнкай накладаецца такі падатак, што ўладальніку застаецца зусім нязначная частка даходу.

У нашым народзе шляхта распараджаецца сваёю маёмасцю, як хоча. Свае ўладанні яна можа перадаць нашчадкам, скарыстаць на ўласныя патрэбы, а дзе выгадна, то і прадаць. Калі ж узнікае пагроза нападу ці ёсць якая патрэба ў агульнаграмадскіх сродках, дык складкі робяць нават і сяляне і падданыя шляхты, але не ў такой меры, як загадае кароль ці запатрабуе нейкая частка эліты, а столькі, колькі ўхваліць на сваім сойме шляхта. Так набілітэт забяспечвае сабе спакойнае і надзейнае ўладанне маёмасцю. Уладальнікам не пагражае ні рабаўніцтва, ні раскраданне, ні залежнасць ад чужой прыхамаці.

Нельга не сказаць і яшчэ пра адну акалічнасць. Толькі шляхце належыць арганізацыя войска дзеля выправы ў паход і збройнай абароны айчыны. Пры гэтым не вызначаецца, якую колькасць жаўнераў павінен прывесці з сабой кожны шляхціц. Усё залежыць ад яго сродкаў і ўсведамлення ўласнай годнасці. Галоўнае, каб ён не пасылаў замест сябе кагось іншага, а з'явіўся сам са сваімі жаўнерамі і пры поўнай амуніцыі. Магчыма, і тут варта было б мець пэўныя абмежаванні. Хай бы пры няроўных маёмасных умовах не ўсе неслі аднолькавы цяжар, пад якім адны ажно падаюць, а другія яго нават не адчуваюць.

Увогуле, для грамадства надзвычай важна, каб тыя, хто атрымлівае ад яго больш выгодаў, адпаведна ўкладалі больш сродкаў і працы ў яго бяспеку. Тады нідзе не будзе падрывацца роўнасць, якая аб'ядноўвае грамадзян краіны. Нельга, вядома, адмаўляць магчымасць кожнага свабодна распараджацца сваёй маёмасцю. Але не ўсе аднолькава шчыра ставяць бяспеку сваёй дзяржавы вышэй за асабістае майно і выгоды. І такіх, хто ўхіляецца ад выканання сваіх абавязкаў перад айчынай, трэба пры дапамозе законаў прымусяць дапамагаць дзяржаве адпаведнымі сродкамі.

Паводле Цыцэрона, свабода – гэта, апроч усяго іншага, абавязак дзейнічаць разумна, справядліва, выконваць неабходнае і мець ясна азначаны жыццёвы шлях. Таму скаргі на ўціск свабоды будуць беспадстаўнымі, калі законы, насуперак жаданню скаржніка, змушаюць да высакародных, дабрадзейных учынкаў. Дзяржаўныя законы – найлепшыя вартаўнікі свабоды. Яны, як настаўнікі, вучаць правільна весці ўсялякія справы. Розніца паміж беззаконнем

і свабодай заключаецца ў тым, што незаконнае дзеянне кіруецца толькі жаданнем бягучага моманту, а свабода стрымлівае безразважныя, аблудныя памкненні цуглямі розуму. З гэтай прычыны заканадаўцы павінны ўважліва прыглядацца да зместу законаў, каб пад аздобай свабоды, заснаванай на законах грамадства, у жыцці і моравы людзей не пранікла вераломнае самачынства. Такое магчыма, калі законы адыходзяць ад маральных правілаў, увасобленых у нашай свядомасці Богам, ці калі законы, якія накіроўваюць грамадзян на дабрачынныя дзеянні, адсутнічаюць увогуле.

Але ў нас дагэтуль не стае законаў, якія забяспечвалі б трывалы і шчаслівы дабрабыт. На вялікі жаль, некаторыя законы, у свой час адзінагалосна прынятыя нашымі продкамі, разыходзяцца з Божымі нормамі і многім нямала шкодзяць. Прыгадаем факты. Іх няшмат, але і яны даюць падставу меркаваць пра многае, прынамсі, пра патрэбу ў лепшай форме дзяржаўнай улады. І мы просім заканадаўцаў таксама паразважаць пра гэта.

Раздзел X

Несправядлівы закон аб забойстве, які дзейнічае ў нашым грамадстве, шмат у чым шкодзіць агульнай свабодзе

Некалі Дэмафен вельмі трапна сказаў, што нічога так не садейнічае дабрабыту грамадства і свабодзе народа, як аўтарытэт закона. Мір і ўсеагульная свабода грамадзянаў найбольш забяспечаныя там, дзе чалавеку не пагражае забойства, а яго маёмасці – рабаўніцтва. Адсюль вынікае, што мы шмат у чым абавязаныя законам, галоўная мэта якіх – прадухіленне ўсякай несправядлівасці ў чалавечым грамадстве. Дзякуючы магчымасці пакарання законы стрымліваюць ліхадзеяў ад злачынстваў. Як сведчыць Платон, людзі мала адрозніваліся б ад самага лютага звяра, калі б жылі без ніякіх законаў.

Прырода не стварыла чалавека такім абазнаным, каб яму былі дакладна вядомыя чыннікі, якія спрыяюць агульнаму дабрабыту. Дый нават калі б ён быў дасведчаны ў гэтым, дык і тады не заўсёды мог бы рабіць усё, што хоча. Менавіта з гэтай прычыны Дэмафен гаворыць, што мы, бадай, маем большую карысць ад законаў, чым ад прыроды, бо чалавек у запале пачуццяў робіцца ахвярай сваіх прагных жаданняў, якія прымушаюць яго дзейнічаць на злом

галавы. Але нягледзячы на тое, што чалавечая натура сама па сабе схільная да аблуд і заганаў, законы вядуць яго, накіроўваюць і змушаюць рабіць дабро. Не без падставы Дэмасфен называе закон вынаходніцтвам і дарункам бессмяротных багоў. Вучоныя мужы ўвасобілі гэты дар у юрыдычныя нормы.

Пастулаты прававой навукі закладзены ў нашу свядомасць Богам. Яны, у прыватнасці, патрабуюць нікому не чыніць шкоды, не рабіць іншым таго, чаго мы не хочам сабе. А каб ніхто не сумняваўся, што гэта ёсць норма Божага закону, Бог сам пасля патопу ўстанавіў і абвясціў усяму чалавецтву закон: «Хто праліе кроў чалавечую, таго кроў праліе чалавек». Бог не толькі санкцыянуе закон, які забараняе супрацьпраўнае забойства або гвалт у адносінах да іншай асобы, але і стварае ўладу, якая ажыццяўляе выкананне гэтага закону і мае права караць забойцу і забяспечыць мір у грамадстве. Мір гэты магчыма ўсталяваць толькі тады, калі парушальнікам спакою пагражае суровая кара і яны на сваёй шкуры адчуваюць зло, якое прычынілі іншым.

Гасподзь нам ясна растлумачыў, якімі павінны быць законы, прызначаныя ахоўваць бяспеку грамадзянскай супольнасці. Суровасць пакарання мусіць адпавядаць цяжкасці злачынства. Прысуд павінен выносіцца толькі за тое, што ёсць у дэлікце. Калі ж пакаранне аказваецца суровейшым за віну злачынцы, то гэта жорсткасць, а калі лягчэйшым, то самавольства. Як адно, так і другое нельга назваць справядліvasцю.

У грамадстве, дзе справядліvasць у загоне ці адсутнічае зусім, непазбежна ўзнікаюць звады і смуты, якія нясуць разарэнне і пагібель ўсяму астатняму. Таму няхай кожны задумаецца, як у нашай дзяржаве павінна ацэньвацца пакаранне за ўчыненае забойства. Цяпер гэтае пакаранне – несувымернае злачынству. У параўнанні з учынкам яго можна назваць проста забавай ці жартам. Я ўжо не кажу пра забойства плебеяў ці іншых людзей нізкага паходжання. Забойства прасталодзіна, як і забіццё скаціны, караецца спагнаннем нязначнай грашовай сумы. І просты люд вымушаны дагэтуль цярпець ганебны цяжар такога прыгнету.

Але гаворка пойдзе пра шляхту. Яна выхваляецца сваёй вольнасцю і, спасылаючыся на яе, ставіць сябе вышэй за многія іншыя народы. Што ж, тут яна мае рацыю. І шматлікія ўзоры чыннасці нашай шляхты (пра якія згадвалася раней) сведчаць пра гэта. Але ж як бо шляхта церпіць несправядлівы закон аб забойстве і так нізка цэніць свае галовы, то непазбежна накладае тым самым ганеб-

нае кляймо на сваю свабоду і нявечыць астатнюю сваю годнасць. Па згаданым законе шляхціц, які забіў чалавека шляхетнага звання, павінен заплаціць мізэрную суму грошай і адседзець год у турме. Хто не бачыць, што гэты закон супярэчыць Божаму прыказанню і не сумяшчальны з ім? Толькі тупы, абмежаваны чалавек не разумее, што такі нарматыўны акт не толькі не супыняе злачыннай разбэшчанаасці, але яшчэ больш абвастрае і распальвае яе. Ён парушае Божы закон і нішчыць большую частку выгодаў, якія нясе свабода.

Дзіўна, што, з аднаго боку, заканатворцы прызнаюць, што паводле Божлага закону забойства павінна карацца забойствам. Але ў той жа час абвінавачваюць Бога ў празмернай жорсткасці і суровасці. І каб змякчыць Божую строгасць, выдаюць больш літасцівы і спагадлівы да забойцаў закон. Як смешна выглядаюць гэтыя высілкі смяротнага чалавека, якога з усіх бакоў абступаюць блюзнерства і ліхадзейства. Ён мала што хоча пасупернічаць у спагадзе і міласэрнасці з усёмагутным і бессмяротным Богам, дык яшчэ й дамагаецца прызнання свайго вяршэнства. Але рэчаіснасць паказвае, што ўсё гэта – несусветная бязглуздыца. Бог строга карае за чалавеказабойства менавіта дзеля таго, каб суровасцю свайго пакарання прадухіліць забіццё чалавека чалавекам. А нехта змякчае Божую кару настолькі, што фактычна патурае зламьсніку ў душгубстве. І хто варты большае пахвалы? Бог, які заўсёды клапаціцца аб уратаванні чалавека і гневаецца на вылюдкаў, што пасягаюць на чалавечае жыццё, аказваецца ўрэшце жорсткім. А сын зямлі, якога не надта кранае чалавеказабойства і які мяркуе, што забойцу дастаткова лёгкага пакарання, заслугоўвае пахвалу за спачуванне і літасць. Гэтак памыляецца кволая чалавечая мудрасць, калі, падымаючы свой чубок, мерыцца ўзляцець вышэй за Бога.

Калі нейкі нарматыўны акт не адпавядае рацыянальным высновам розуму і не стасуецца з паняццямі ісціны, якія чалавек атрымаў ад Бога, то такая юрыдычная ўстава не будзе мець трывалай асновы. Так і разгляданы закон, ці, дакладней, беззаконне, не супадае з перакананнямі большасці грамадзян і таму не прымаецца імі. Чым чалавек руслівей дбае пра бяспеку грамадства і агульны мір і спакой, тым мацней працівіцца несправядліваму закону і прагне яго адмены.

Паглядзіце на сумнае становішча рэчаў, на страшныя беды, да якіх у нашым грамадстве спрычыніўся гэты закон. Нямногія шляхетныя дамы абмінулi смутак і жаль. Большасць напаткала вялікая

страта. Тут жонка аплаквае мужа, тут няшчасны бацька аплаквае сына, а там сын – забітага бацьку. Свабода забіваць разраслася і пашырылася неймаверна. Забойцы беспакarana пазбаўляюць людзей жыцця і не баяцца ніякага суду. Бо хто з такіх душагубаў з ахвотаю не пагодзіцца гадок пацярпець няўтульнасць зняволення ў вязніцы ды ахвяраваць нязначнай грашоваю сумай, абы толькі магчы ў гнеўным запале і шале здзейсніць сваё злачыннае жаданне? Як часта мы чуем галасы гэтых шаленцаў, якія амаль без даі прычыны пагражаюць камусь забойствам і заяўляюць, што пачалі ўжо адкладаць выкупныя?! Дзе тая грамадзянская свабода, заснаваная на добрых і справядлівых законах?! Ці ж можна лічыць чалавека свабодным, калі нехта мае права купіць ці забіць яго, як скаціну? Забойцы, як мяснікі, купляюць у нашым грамадстве людзей, потым іх забіваюць, а родзічам плацяць гатоўкай. Нават скаціна мае пэўную перавагу: яна прадаецца са згоды гаспадара і па дамоўленай непасрэдна з гаспадаром цане. А родзічам, якія маюць права кроўнай помсты за ўчыненае забойства, галоўшчына выплачваецца нават без іхняга жадання і згоды. Але ёсць і сваякі, абьякавыя да такога злачынства. Ім рупіць толькі атрымаць грошы. Але ж гэта дзікуства, калі смерць родзіча не ўспрымаецца як цяжкая непapраўная страта, а разглядаецца адно як прыбытак. Так людзі прывучаюцца да звярнай жорсткасці. Замест глыбокага смутку з прычыны смерці блізкага чалавека яны адчуваюць задавальненне. Дайшло ўжо да таго, што пра чалавека, які памёр натуральнай смерцю, жартаўнікі і дасціпнікі кажучь, ён, лічы, і не памёр, бо ад той смерці сыны пакуль ніякага прыбытку не мелі. Вельмі шкада, што народ церпіць гэты ганебны, несправядлівы закон, які наносіць вялікую шкоду свабодзе.

Першай умовай свабоды ёсць наша бяспека. Чалавеку не павінны пагражаць самавольства, гвалт ці забойства, а яго скарбу і майну – грабеж і разарэнне. Бо і валоданне самымі вялікімі багаццямі болей не цешыць, калі жыццё ўладальніка ў небяспецы. Наш народ заўсёды імкнуўся, каб законы як мага надзейней баранілі яго набытак. І калі ён карае смерцю рабаўнікоў і зладзеяў, то смяротны прысуд забойцам быў бы тым больш справядлівы. Жыццё чалавека – каштоўнасць нашмат даражэйшая за ўсё астатняе. Наўрад ці знойдзецца такі вар'ят, які, у раз'юшанасці і шале, будзе гатовы ахвяраваць жыццём, абы пакінуць непарушным багацце. А наш закон патрабуе, каб рэчы цаніліся намі вышэй за жыццё. Забойцы, заплаціўшы пэўную

суму грошай, пазбаўляюцца кары, тым часам як зладзеі не могуць выкупіць сваё жыццё ніякімі грашыма і ніякімі вязніцамі. Вось да якой ступені наш закон аб забойстве абсурдны і несправядлівы. І з гэтай прычыны ў нас развялася безліч чалавеказабойцаў. Не дзіва, што на адным сойме абмяркоўвалася прапанова стварыць з такіх крымінальнікаў войска.

Можна сабе ўявіць, колькі сумленных і чэсных людзей загубілі гэтыя нелюдзі, гуляючы на свабодзе і пазбягаючы кары. І няма ніводнага, хто пасля аднаго забойства не чыніў бы і далей сваё ўпартае і шматахвярнае катаўства. Беспакараных абыхлых ужо душагубаў пры думцы аб чалавечай крыві апаноўвае такі шалёны сверб, што яны толькі і мараць, каго б звесці са свету, І ўсяляк шукаюць зачэпкі для новага злачынства. Гэтыя чалавеканенавіснікі ніколі не пераставалі б забіваць людзей, калі б самі не станавіліся ахвярамі іншых забойцаў. Там, дзе не дзейнічае закон, справядлівая Божая кара ўсё адно насцігне злачынцу. Тыя ж, хто ўстанавіў законы, якія нясуць чалавеку шкоду і гібель, без сумневу, панясуць за гэта яшчэ большую адказнасць.

У сваіх размовах і думках мы праклінаем пачварную жорсткасць маскоўскага тырана кожны раз, калі да нас даходзяць жахлівыя чуткі і праўдзівыя гісторыі аб гнісных забойствах, якія ўчыняе над сваімі падданымі люты манарх. Але ў той жа час самі церпім законы, якія паблажлівасцю сваёй патураюць шматлікім тыранам у чалавеказабойстве. І пакуль забойца лічыць, што можа дзейнічаць беспакарана, не так ужо важна, хто тыранствуе – самаўладца ці прыватная асоба. Не без прычыны шляхта амаль заўсёды ходзіць у атачэнні ўзброенай да зубоў вялікае світы. Законы не засцерагаюць нобіляў ад небяспекі, таму і ўся іх надзея толькі на зброю.

Так ужо павялося, што за кожную крыўду, асабліва за чаркай, крыўдзіцелю пагражаюць забойствам і прагнуць здзейсніць пагрозу. І нярэдка яна такі спраўджаецца. З абодвух бакоў, нібы чужаземныя ворагі, выступаюць узброеныя дружыны, і, на вялікі жаль, у ход пускаецца ўсё дзеля ўзаемнага вынішчэння. Сутычкі адбываюцца жорсткія. Гібельная варажнеча і поўныя ўзаемнай нянавісці міжусобныя бойкі патанаюць у моры крыві. І ў гэтай крывавай калатнечы ўдзельнічаюць не толькі яе завадатары. У яе ўцягваюцца ўсе, хто павязаны з імі сваяцтвам ці блізкаю дружбай. Сябры і сваякі імкнуцца ўсяляк пасобіць і дапамагчы ваеўнікам. Робячы такую паслугу, яны разлічваюць на ўзаемнасць. Бо калі нешта падоб-

нае здарыцца з імі, былыя хаўруснікі змогуць патрабаваць ад тых, каго падтрымалі, такой самае дапамогі.

Залішне казаць, якіх выдаткаў вымагае вайсковы рыштунак. А колькі горычы трэба праглынуць, калі бачыш пустыя клеці і свірны. Ужо няма нічога свайго – усё належыць усім. Падчас застоляў, каб гаспадара выпадкам не папракнулі ў скупасці, ён вымушаны шчодро і ўдосталь частаваць сваіх субяседнікаў. Бо ва ўзброеных сутычках саўдзельнік рызыкне не толькі маёмасцю, але і жыццём.

Усе згаданыя бедствы спараджае закон, які ставіцца да забойцаў вельмі добразычліва і сваёй мяккасцю, паблажлівасцю яшчэ больш патурае разбэшчанасці нахабнікаў. Згодна з гэтым законам зброя ёсць адзіным сродкам бяспекі ўсіх і кожнага. Нікчэмным, рабскім, цалкам нявольніцкім бачыцца мне жыццё чалавека, які заўсёды страшыцца мацнейшага. Гэты нявольнік можа пазбавіцца свайго рабства толькі тады, калі сам набярэцца моцы і ўлады больш за таго, каго ён баяўся.

Паміж жыццём чалавечым і жыццём звяроў ёсць розніца. Звяры забяспечваюць сваё існаванне сілай, і таму іх баяцца слабейшыя. Людзі ж з дапамогай законаў ствараюць грамадзянскую супольнасць, у якой моцныя і слабыя, багатыя і бедныя маюць аднолькавыя правы статус. Калі ж роўнасць у статусе тым ці іншым спосабам парушаецца, то няхай ніхто не грэе надзеі, што такая супольнасць будзе трывалай і даўгавечнай. Яе лучнасць хутка будзе раз'едзеная міжусобнымі сваркамі, і яна загіне.

Калі ў нас дагэтуль усё яшчэ ўзнікаюць бойкі, звады, зацятыя спрэчкі, то галоўнай іх прычынай застаецца закон аб забойстве. Менавіта ён падбухторваў і падбухторвае да падобных узрушэнняў. Нельга абысці маўчаннем і тое, што не на ўсіх забойцаў накладваюцца грашовыя санкцыі. Пакаранню падлягае толькі той, каго злавілі на месцы злачынства і пасадзілі ў вязніцу. Калі забойца ўпек і быў злоўлены потым, то ён падлягае суду толькі пры ўмове, што цела забітага яшчэ не паспелі аддаць зямлі. Гэта выглядае ўжо зусім смешным і недарэчным. Ну які злачынца будзе такі бяздзейны, каб пасля задуманага і ўчыненага забойства не пастарацца як след сябе засцерагчы, уцячы куды-небудзь і не дацца быць злоўленым? Які дурань палезе ў пашчу небяспекі і аб'явіцца перад судом, калі ведае, што цела яшчэ захоўваюць і даследуюць? Хай пройдзе час, адбудзецца пахаванне, і нябожчыкава цела ўрэшце пакрые зямля. Цяпер душагуб можа адкупіцца за ўчыненое забойства мізэрнай грашоваю сумай і будзе пачуваць сябе анігадкі.

Пра яго хіба што будзе хадзіць нядобрая слава ды наганяць на людзей страх.

Паколькі ўсім забойцам прадугледжваецца неадпаведна лёгкае пакаранне, то нават зламыснае пазбаўленне жыцця не лічыцца сур'ёзным крыміналам. Таму вінаватых у забойстве не абмяжоўваюць у правах. Асуджаныя карыстаюцца тымі ж тытуламі, тымі ж прывілеямі і прэрагатывамі, якія мелі раней, да злачынства. Трэба таксама згадаць, што падчас судовага разбору ўсе наперабой стараюцца дапамагчы падсуднаму як парадай, так і дзеяннем. Болей за тое, самі судзіі выступаюць у ролі заступнікаў падсуднага, не звважаючы на пратэсты і нязгоду пацярпелых, і заклікаюць бакі да замірэння. Зрэшты, дзе ёсць несправядлівыя законы, там ёсць і прадажныя суды. І гэта цалкам натуральна: адно адпавядае другому.

Нельга абмінуць і факт, што пры сённяшнім законе, які так нізка цэніць жыццё грамадзян, меней цяжкія правапарушэнні – напрыклад, пабоі, раненні – злачынствам нават не лічацца, і злачынцы застаюцца амаль зусім без пакарання. Хоць за цялесныя пашкоджанні, нанесеныя шляхце, законы ўстанаўліваюць пэўны грашовы штраф, але гэтая сума аказваецца настолькі мізэрнай, што яе сорамна атрымліваць. Дый далёка не кожнага задаволяць спагнаньня ў судовым парадку грашы. Таму большасць пацярпелых адварочваюцца ад зневажальнай платы за сваю кроў. А як бо мяккасць пакарання нікога не ўтрымлівае ад злачынства, то амаль усе, каму былі прычыненыя цялесныя пашкоджанні, звяртаюцца не ў суд, а гараць жаданнем паквітацца за кроў таксама крывёю.

Здараецца, што ў судзе крымінальная справа заканчваецца, як лічаць, даволі шляхетна. Абвінавачаны караецца абібоцкай адсідкай у межах пэўнага месца. Там ён альбо задае храпака, альбо на ўсю поўніцу п'е са сваімі сябрукамі, ладзіць пад музыку святы і пыхліва зневажае збітага і знявечанага ім чалавека. А на тым чалавеку бывае столькі ран і столькі ўсякіх пашкоджанняў, што небарака ў хуткім часе канае ці на ўсё жыццё застаецца нямоглым і хворым.

Па нашых законах і цяжкае, і лёгкае цялеснае пашкоджанне кампенсуецца аднолькавай грашоваю сумай. Ужо куды надзейней бароніць свабоду грамадзянаў Карнэліеў закон, змешчаны ў Грамадзянскім кодэксе. Мера пакарання ім устанаўліваецца ў залежнасці ад характару пашкоджання. Падсудны павінен выплаціць такую грашовую суму, якая, па вызначэнні судзіі, кам-

пенсеу нанесенае пашкоджанне. А калі за нязначнае правапа-рушэнне і сур'ёзнае злачынства прадугледжваецца аднолькавае пакаранне, то ад справядлівасці не застаецца нічога. Калі ж грамадзяне ўсе разам і кожны з іх паасобку хочучь абараніць сваю свабоду, яны павінны ўмацаваць яе дзейнымі законамі. Нельга, каб законы сваёю мяккасцю распальвалі подлыя памкненні людзей. Грамадству патрэбны законы, якія справядлівай і адпаведнаю строгасцю былі б здольныя прадухіліць баламутныя ўчынкі зламиснікаў.

Раздзел XI

Адсутнасць у нашым грамадстве законаў, якія каралі б за пралюбадзейства, значна парушае палітычную і грамадзянскую свабоду

Калі ў грамадстве адсутнічаюць законы, то, як сведчыць Цыцэрон, няма патрэбы вызначаць, каму што належыць. З гэтай прычыны мудраўшыя мужы і вучонейшыя заканазнаўцы, кіруючыся сваім прыродным інстынктам і здаровым розумам, стварылі законы, якія вучаць людзей справядлівасці і прыстойнасці і пад пагрозай пакарання ўтрымліваюць заблудных ад распусты ці намераў завалодаць чужым. Зберагчы чалавечую супольнасць і мірнае, спакойнае яе існаванне можна толькі тады, калі з дапамогай законаў утаймаваць нястрымныя чалавечыя жаданні і жарсці, каб ніхто і ніколі не насмельваўся параніць ці забіць іншага. Законы яднаюць людзей у адно цэлае – народ. Цалкам слухна сказаў Дэмасфен: «Законы – гэта душа грамадства». І падобна як цела, развітаўшыся з душою, апускаецца і падае, так і грамадства, у якім не дзейнічаюць законы, прыходзіць у заняпад і гіне. Не дарма Геракліт Эфескі кажа, што грамадзяне павінны дбаць пра законы больш, чым пра гарадскія муры. Без гарадскіх муроў грамадства існаваць можа, а вось без законаў зберагчы сваю цэласць і непарушнасць яму ніколі не ўдасца. У свой час персы, усвядоміўшы карысць законаў, знаёмілі сваіх дзяцей з дзеючымі прававымі нормамі яшчэ ў малалецтве. Гэты звычай перанялі крыцыяне. Іх дзеці павінны былі запамінаць законы, хорам спяваць гімны багам, славіць подзвігі ваяводаў, што мусілі быць для кожнага ўзорам дабрачыннасці і мужнасці.

Ніякую супольнасць людзей, якая не мае законаў і дзе кожны робіць, што хоча, нельга назваць сапраўдным чалавечым грамадствам. Такая супольнасць будзе нагадваць хутчэй зборышча хіжых звяроў. Толькі ў звярыным асяродку мацнейшы перамагае слабейшага і тым забяспечвае сваё існаванне. А мэта законаў – гарантаваць чалавеку спакойнае валоданне ўласнасцю і абараніць яго ад несправядлівасці. Нездарма ў сувязі з гэтым некаторая неабдуманасць нашых заканадаўцаў выклікае вялікае і ўсеагульнае параканне. Так імі не выдадзена ніякіх законаў, якія тычыліся б маральна-этычных паводзінаў сужэнцаў. Заканатворцы не палічылі патрэбным паставіць заслон агіднаму пралюбадзейству і пазашлюбным сувязям і не стварылі адпаведных законаў. А тым не менш, на думку вучоных мужоў, апаганьванне чужога ложка ёсць злачынствам, бліжкім да забойства. Гэтае злачынства разбурае тую супольнасць, з якой, нібы з крынічкі, бярэ пачатак наш радавод. Не было амаль ніводнага народа, які дапускаў бы памаўзліваю юрлінасць. За распусту адпаведныя законы прадугледжвалі суровае пакаранне. Нават у жывёльным асяродку прыродны інстынкт прымушае некаторых жывёл жорстка пераследаваць самку, якая сваёй нявернасцю апаганіла шлюбную повязь. Як апавядае Пліній, леў, калі пачуе пралюбадзейства львіцы з леапардам, абрушвае на блудніцу ўвесь свой звярыны гнеў. Праўда, славы пачуцця рэўнасці не ведаюць і боек за самак між сабой не вядуць.

Здаровы сэнс вучыць, што ў шлюбе трэба старанна і рупна дбаць пра душэўную чысціню. А ў нас, тым не менш, дагэтуль не выдадзена законаў, якія прадугледжвалі б пакаранне за распусту і юр. Такая бяздзейнасць у пэўнай меры супярэчыць прыродзе. Калі законатворцаў не кранае голас Богага закона, які патрабуе караць за падобны грэх, то, можа, яны прыслухаюцца да голасу большасці народаў, якія з дапамогай эдыктаў ці іншых уставаў імкнуцца не дапусціць разбэшчанасці ў грамадстве. Дыядор Сіцылійскі сведчыць, што ў егіпцянаў за спеты на пралюбадзействе юрлівец атрымліваў да тысячы ўдараў розгамі. Юрлівым жанчынам адразу насы, каб сваім знявечаным тварам яны адпуджвалі ад распусты іншых. Парфіяне і арабы за такое злачынства заўсёды каралі смерцю. Коліс Залеўк выдаў для насельнікаў Локры закон, па якім асуджанаму за пралюбадзейства выдзіралі абодва вокі. Але аднойчы здарылася так, што спралюбадзейнічаў яго сын. Лакрыйцы, зважаючы на выбітную бацькаву чыннасць на карысць грамадства, гатовыя былі сыну грэх дараваць. Залеўк доўга не пагаджаўся, але, саступіўшы

шматлікім просьбам народа, прыняў больш памяркоўнае рашэнне, якое, тым не менш, адпавядала прынцыпу роўнасці ўсіх перад законам. Ён вырваў адно вока спачатку ў сябе, а потым адно вока ў сына. Гэтак Залеўк аддаў належнае закону, але абаім захаваў зрок.

У рымлян закон і звычай дазвалялі мужу забіць няверную жонку, пра што сведчаць даўнія помнікі: у прыватнасці, пралобадзеяў сурова каралі паводле закона Юлія. Прыводзіць карысныя ўстанаўленні супроць парушальнікаў шлюбнай вернасці ў іншых краінах будзе, бадай, нават залішнім. Бо ў наш час амаль ва ўсіх, нават у варварскіх народаў, далёкіх ад ушанавання Хрыста, такое злачынства беспакараным не застаецца. Не без падставаў гэтая акалічнасць павінна выклікаць у нас цалкам натуральнае пачуццё сораму. Мы ж называем сябе хрысціянамі, выхваляем сябе свабодай, справядлівымі законамі, належным дзяржаўным ладам. Але дазваляем подлыя, ганебныя ўчынкі, ад якіх патыхае рабствам. Сапраўды, той, хто можа, але не працівіцца ліхадзею, фактычна патурае ліхадзейству. І не трэба наіўна думаць, што згаданая гнюснасць ніяк не шкодзіць свабодзе. Ніхто не можа быць свабодным, калі яго жыццю штось пагражае. А ці лічыць сябе ў бяспецы сужэнец, чый ложка беспакарана апаганьваюць каханкі? Не. Калі жонка здраджвае мужу, уся любоў пралобадзейкі да яго знікае. Яна толькі і думае, як бы звесці мужа са свету. І багацці, якія павінны былі б садзейнічаць дабрабыту і выхаванню дзяцей, могуць стаць здабычай падступных юрліўцаў.

Хто знайшоў прыстойную жонку, кажа Эклезіяст, знайшоў і спосаб разбагацець. У асобе жонкі ён мае памочніцу, паплечніцу, надзейную апору свайго спакою. А здрадлівая, бессаромная жонка, якую той самы Эклезіяст называе паршываю сучкай, усё дабра прамантачыць і пусціць на свае зламысныя патрэбы ўвесь мужаў побытак. Але няма несправядлівасці болей жорсткай, чым калі народжаныя ад пралобадзейства дзеці займаюць месца дзяцей легітымных і нахабна адымаюць у сапраўдных, законных спадкаемцаў маёмасць і іншыя жыццёва неабходныя сродкі. Я ўжо не кажу пра злачынныя забойствы, якія распусныя жонкі здзяйсняюць з дапамогай атруты ці іншых таемных сродкаў. А нярэдка гвалт з мужа ў адкрытую чыняць самі каханкі. Факты такога насілля настолькі шматлікія, што, бадай, і не варта згадваць усе гнюснасці, што плывуць з клаакі гэтай разбэшчанасці.

Такое ліхадзейства чыніць шкоду не толькі асобнаму чалавеку і яго маёмасці, яны ўцягваюць у вір паўсюднага разарэння і згу-

бы ўсё грамадства. Што стала прычынай падзення Троі? Што сутыкнула столькі народаў і падштурхнула іх да ўзаемнай разні і знішчэння? Што спрычынілася да пагібелі столькіх плямён і народаў? Толькі пралюбадзеіства Парыса. А калі была згвалтаваная Лукрэцыя, колькі нягодаў скаланала Рым, колькі яму выпала перажыць напасцяў, колькі забойстваў? У ізраільскім народзе таксама пасля гвалту, учыненага з жонкі Левіта, было вынішчанае цэлае пакаленне беніямітаў. З гэтай самай прычыны цяжкая кара спасцігла і Давіда разам з усім ягоным патомствам і нават царствам. Падзеі гэтыя настолькі добра вядомыя, што няма сэнсу спыняцца на іх падрабязна. Помсцячы за ўчыненыя злачынствы, усёмагутны і справядлівы Бог хоча, каб парушальнікі яго канонаў і заветаў заўсёды атрымлівалі належную адплату. Божы гнеў абрынуўся на ізраільцянаў, і яны апынуліся пад гнётам жорсткага рабства. Сярод іншых правінаў таго народа быў і такі цяжкі грэх, як распуста. Вуснамі прарока Ераміі (5. 7-8) Гасподзь гаворыць: «Я карміў іх дасыта, а яны пералюбы чынілі і натоўпамі хадзілі ў дамы блудніц. Гэта – укормленыя коні, і кожны з іх іржэ на жонку другога. Няўжо Я не пакараю за гэта і ці не адпомсціць душа Мая такому народу, як гэты?» Подлае апаганьванне чужога ложка, як і іншыя забаронныя сувязі, змушаюць Бога да помсты паганскаму народу. І гэта павінна ўсяляць апраўданы страх у астатніх. Гасподзь папярэджвае, што за такую мярзотную разбэшчанасць ягоны гнеў насцігне не толькі ізраільцянаў, але і ўсе іншыя народы.

А мы не стрымліваем распусты строгімі законамі, мы дазваляем дзейсніцца гэтым гніосным злачынствам. Беспакараная свабода грашыць разраслася ў нас неймаверна. Многія лічаць такія ўчынкi за подзвіг і выхваляюцца сваім пяршыньствам у шматлікім апаганьванні чужога сужэнства. Бо калі нешта не прадугледжвае пакарання, яно ўспрымаецца як нешта дазволенае і нават прыстойнае.

Некаторыя гісторыкі, у тым ліку Сабэліюс, пішуць, што згодна са звычаямі і поравамі літвінаў нашым жанчынам са згоды мужоў дазваляецца мець палобоўнікаў. З яго словаў, у народзе такіх палобоўнікаў называюць сямейнымі памагатымі. Але ж мы, насельнікі Літвы, добра ведаем, што гэта няпраўда, і Сабэліюса, зрэшты, знакамiтага пісьменніка, можна абвінаваціць у легкадумным пашырэнні фальшывых звестак. Літвіны вызначаюцца прыстойнымі звычаямі, пабожнасцю, адукаванасцю і іншымі станоўчымі якасцямі так, што могуць сваімі вартасцямі з поспехам

сапернічаць за пяршыньства сярод іншых народаў. Не трэба думаць, быццам наш народ такі дзікі і варварскі, што ліквідаваў маральна-этычны закон, закладзены ў сьвядомасьць людзей самою прыродай. У нашым народзе, сапраўды, ніколі не было юрыдычных нормаў, якія каралі б за пралюбадзейства, таму жанчыны маглі вязьбязна і больш-менш свабодна займацца любоўю. Нічога дзіўнага, што пры такіх абставінах некаму пачало мроіцца, быццам наш народ праз свае законы і звычэй ўспрымае адзюльтэр як нешта дазволенае і прыстойнае, хоць кожны сумленны чалавек у нас лічыць распусту за ліхадзейства. Таму, каб зняць гэты агідны, ганебны ярлык, пачэплены ўсім літвінам, нашы заканатворцы павінны абавязкова ўвесці строгі закон супроць шлюбнай нявернасьці і стрымаць пажадлівасьць пралюбадзьяў.

Як бо ўсякае грамадства складаецца з мужчын і жанчын, то, калі не стрымліваць ворагаў і гвалтоўнікаў жаночае цноты, гэта можа давесці да разбурэння самых яго асноваў. Што да жанчыны, то, страчваючы сваю цнатлівасьць, яна страчвае і дзявоцкасць, якая так яе ўпрыгожвае.

Вядомыя выпадкі, калі прыстойныя жанчыны пасля згвалтавання не хацелі жыць і па сваёй волі прымалі смерць. Калі пехта гвалтам пазбаўляў іх цноты, жыць далей ім было няміла. Так, Лукрэцыя, апаганеная Тарквініем, учыніла самагубства. А калі Апіі у сваёй злачыннай пажадлівасьці зняславіў дачку Віргінія, той палічыў за лепшае забіць яе, чым выстаўляць на агульнае ганьбаванне. Рымскія законы цалкам справядліва каралі гвалтаўніка, які належаў да знаці, канфіскацыяй паловы маёмасці. А распусныя прасталюдзіны падлягалі спярша цялеснаму пакаранню, а потым выгнанню.

Разнастайным юрліўцам вельмі лёгка падмануць неабачлівых дзяўчат. Не дасягнуўшы сталага ўзросту, яны няздольныя распазнаць гнюснасьць і надта хутка даюць сябе спакусіць. Каб гэтае ліха, а разам з ім і ганьба, і з'едлівыя кпіны іх абмінулі, свабоднае грамадства мусіць мець законы, якія бароняць жаночую цноту і строга караюць юрліўцаў. Мы ведаем, што нават у самых прыстойных і знатных сем'ях нярэдка здараюцца ганебныя ўчынкі, якія няславяць увесь род. Разбэшчаныя нахабнікі, стрымліваныя ніякім законам, як галодныя псы, рыскаюць па ўсіх дамах і чыняць свае паскудныя справы. Адзінае, што можа ўтаймаваць гэтых юрліўцаў, – страх перад справядлівай законнаю карай. Апроч таго, свабоднае хрысціянскае грамадства павінна пазбавіцца ад прытонаў распу-

сты, публічных дамоў з іх бессаромнымі прыслужніцамі і паставіць жорсткі заслон перад свабодай разбэшчанаасці, якую суд Божы забараняе палкам. Ёсць, праўда, пэўныя кананічныя нормы, якія дзеля прадухілення пралюбадзейства, кровазмяшэння і яшчэ цяжэйшых злачынстваў дапускаюць памянёную загану. І нярэдка паганскія пісьменнікі папускаюць лейцы, якія стрымліваюць распусту. Але мудры заканадаўца не павінен кіравацца такімі скажонымі меркаваннямі. Мудры заканадаўца аддае перавагу парадам здаровага розуму і перадусім патрабаванням ці забаронам, якія пад пагрозай суровага пакарання ставіць Божы закон.

Паводле вучэння св. Яна Хрызастома, увесь чалавечы род, створаны Богам, варты павагі і пашаны. Чалавека нельга зневажаць без сур'ёзнай правіны або злачынства. Але агорнутаму нястрымнаю жарсцю, яму бывае вельмі цяжка суняць свае злачынныя намеры. І нярэдка, адкінуўшы ўсякі страх, ён кідаецца ў цяжкі агіднага, цяжкага юру. Скажоная недарэчная паблажлівасць не толькі не стрымлівае распалены розум юрліўца ад ліхога ўчынку, а наадварот – падштурхвае да яго, пгго прыводзіць у выніку да пачварных правапарушэнняў. Апанаваны пажадай юрлівец не зважае ні на якія разумныя нормы і, як сведчыць Калумела, не думае ўжо ні пра што, акрамя лобощчаў. Задавальненне сваёй неадольнай цягі ён уяўляе за найвышэйшую слодыч, а няўдачу ўспрымае як самую страшную кару.

Марна спадзявацца, што чалавек, які ўгруз у распусце і пераступае ўсе нормы прыстойнасці, знойдзе час на высакародныя ўчынкі і праявы душы. Яму, як той нячыстай свінні, карціць толькі адно – хутчэй павалаяцца ў смуроднай тхлані ўцехаў. Я ўжо не кажу, што жыццю юрліўцаў пагражае ўвесь час небяспека. Заразныя хваробы як справядлівая Божая кара неадступна пільнуюць пажадлівых сладастраснікаў. А нярэдка яны паміраюць і ад атрутнага зеля блудніц ці гінучь ад ран, атрыманых у бойках.

Дык няхай жа народ наш, занепакоены гэтай злыбедаю, ачысціць грамадства ад пошасці, якая не стасуецца з прынцыпамі свабоды. Мы не павінны цярпець на нашых шматлюдных соймах натоўпы распусных нахабнікаў, бо гэта ганьба для ўсёй краіны і боль для кожнага яе пабожнага грамадзяніна. Чаму злодзею за крадзеж нават невялікай маёмасці, якую можна лёгка зноўку набыць, у нас назначаецца смяротнае пакаранне, а спакуснік і разбэшчаны гвалтаўнік, якія назаўжды губяць дзявочую цноту, не заслугоўваюць хоць нейкага пакарання? Мы марудзім і пазіраем

праз пальцы на пачварнае бязэцтва, што пануе паўсюдна. Але Божая помста ўжо блізкая, і мы заплацім за сваю марудлівасць сурова карай. Хутка мы дойдзем, што замест свабоднага грамадства ў нас не будзе ніякага.

Раздзел XII

Дзеля забеспячэння агульнай свабоды і грамадзянскага дабрабыту трэба выдаць законы, якія абмяжоўваюць п'янства

Акрамя іншых высокіх вартасцяў, наш народ славіцца сваімі гуманнасцю і гасціннасцю. Няма, бадай, ніводнага іншага народа, дзе так зычліва ставяцца да ўсякага прыстойнага чалавека і так дружалюбна прымаюць не толькі сваіх, але і замежных гасцей. Па нашых краях можна падарожнічаць без вялікіх выдаткаў, нават маючы вялікую світу. Тутэйшае жыхарства сардэчна запрашае гасцей да сябе ў дом і задарма прапануе шчодры частунак. Я маю на ўвазе не заезныя дамы, хоць і там гасцю прапаноўваюць усё патрэбнае за болей справядлівую цану, чым у іншых народаў. Я вяду гаворку пра нашых сялян і шляхту. Іх дамы адчыненыя ўсім. Гаспадары гатовы сустрэць наведніка з самай сардэчнай гасціннасцю. Не задаволіць гасця напоўніцу ці выклікаць у яго хоць нейкае падазрэнне ў скупасці лічыцца за найвялікшы грэх. Залішне казаць пра адметную ветласць, нязменную далікатнасць і заўсёдную гатоўнасць неадкладна і ва ўсім дапамагчы. Са свайго штодзённага досведу гэта добра ведае кожны.

Але ёсць хвароба, якая нярэдка разбурае і нішчыць спакойнае, мірнае жыццё многіх людзей, – гэта дурная звычка піць і патрабаваць ад іншых піць столькі ж. Загана ўкаранілася да таго, што стала ледзь не агульным законам, і благім яго наш народ не лічыць. Зрэшты, не мінула гэтая бяда і іншыя народы. Папойкі ў іх часцяком бываюць нават горшыя, чым у нас. Але запазычавць непрыстойныя, нізкія норавы нам не варта. Для нас прыкладам павінны стаць цвярозасць і ўмеркаванасць. Вялікаю стрыманасцю тут вызначаюцца гішпанцы. Не саступаюць ім італьянцы і французы. А наш народ, роўны па сваіх вартасцях іншым, не можа пасупернічаць з імі ў слаўнай цвярозасці. Дык можа, калі нішто не пераконвае наш люд кроць у нагу са слыннымі цывілізаванымі нацыямі, яго навучаць пазбягаць гэтай жывёльнай, цалкам недастойнай хрысціян асало-

ды туркі? Бо гэты варварскі паганскі народ надае цвярозасці такое важнае значэнне, што лічыць патрэбным аддаваць прапойцаў на ганьбу і караць бізуном.

Залішне прыгадваць, колькі незлічоных ліхтугаў, здаваў, смутаў, грамадзянскіх міжусобіцаў спарадзіла п'янства. Яскравым сведчаннем гэтых бедаў ёсць наша будзённая рэчаіснасць. Амаль кожная сутычка, у якой гіне чалавек, кожная бойка, што нясе разарэнне і страты, адбываецца там, дзе перапiтых да страты розуму выпівох агортваюць шал і прага да ўзаемнага збройнага вынішчэння.

Цалкам слухна казаў Ізакрат: чалавек, чый розум занадта абцяжараны хмельнымі напоймі, паводзіць сябе, як воз, з якога выпаў вазніца. Падобна таму, як калёсы, страціўшы кіроўцу, ляцяць напралом, так і чалавек з адурманеным розумам здольны чыніць незлічоныя правапарушэнні. Паводле Платона, ап'яненне не толькі моцна ўзбуджае нашы органы пачуццяў, але і разбурае адчуванні, памяць, кемлівасць, разважнасць. Таму некаторыя мудрыя праўнікі патрабуюць, каб падсуднага, які здзейсніў цяжкае злачынства ў п'яным стане, каралі падвойнаю карай. Бо ён вінаваты, што наўмысна пазбавіў сябе здоровага розуму і зрабіў схільным да любога злачынства. Не дарма святы Базылік называе ахмяленне то вінным, то добраахвотным д'яблам, які са згоды чалавека пранікае ў яго глуды і авалодвае імі.

Але ў нас насуперак здароваму сэнсу лічаць, што чалавек не заслугоўвае пакарання, калі пераступіў закон у стане алкагольнага ап'янення. Маўляў, ён зрабіў гэта не намерана. І часцяком злачынцу апраўдваюць на той падставе, што злачынства было здзейсненае ім па дурасці, абумоўленай памарачэннем розуму ад выпітага віна. А тым часам п'янчуг, якія няхай нават і не ўчынілі правапарушэнняў, трэба караць самым строгім чынам, бо яны самахоць страцілі розум і давялі сябе да быдлячага стану. Так, іншы раз п'янчуга нічым нікому не пагражае. Але п'янства трэба абмяжоўваць яшчэ і таму, што яно руйнуе цела, здароўе, здольнасці саміх п'янчуг. Яны не ў стане весці ніякія справы. А значыць, п'яныя напоі шкодзяць не толькі самім прапойцам, але і ўсяму грамадству. Як порсткі ўвішны звер, алкаголь нястомна цікуе новых ахвяраў, каб уздзець іх на свае рогі. Вось чаму ахвочыя да спіртнога заслугоўваюць не толькі асуджэння, але і строгай кары.

У нашых гарадах, мястэчках, вёсках можна бачыць падвышiўшых і п'яных нахабнікаў, якія бадзююцца, трывожаць людзей, зневажаюць і ляяць кожнага стрэчнага. Калі пачнеш абурацца – толькі

наклічаш на сябе бяду. А пройдзеш моўчкі – панясеш у сэрцы глыбокую крыўду. Я ўжо не кажу пра дзікія вар’яцкія начныя крыкі, якімі поўняцца нашы вуліцы. Ашалелы сп’янелы натоўп, вораг цішыні і спакою, не дае хоць на час звесці вочы, то тут, то там усчынаючы то бойку, то панажоўшчыну.

Саламон у сваіх Прытчах кажа, што віно спараджае глумліўцаў, п’янка прыводзіць да буйства. І кожны, хто знаходзіць у ахмяленні асалоду, робіцца безразважны. А вось яшчэ сведчанне Ксенафонта: персідскі цар Кір, будучы яшчэ хлапчуком і жывучы ў свайго дзеда Астыягена, вельмі трапна пажартаваў з падчашага Сака. Унучак сказаў, што Сак, які налівае віно цару і гасцям, напэўна, падмешвае ў яго атруту. Бо ад такога пітва ўсе раптам страчваюць розум, чмураюць і пачынаюць паводзіць сябе непрыстойна і недарэчна. Цар нібыта забывае, што ён цар, а гасці не памятаюць, што над імі ёсць уладар. Аляксандр Македонскі пасля шматлікіх слынных подзвігаў і слаўных перамог упаў у такое п’янства, што ў папойках сваіх пазабіваў многіх сяброў. За гэта яго ўзненавідзелі. А непераможнае Ганібалава войска, пакрысе аслабленае і зняможанае гулянкамі і папойкамі ў час пастояў, страціла сваю мужнасць і сілу і ў выніку было паступова разбітае і знішчанае рымлянамі.

Такімі прыкладамі поўняцца ўсе святыя і свецкія кнігі. Яны апавядаюць пра страшную смерць ці ганебныя, гнюсныя ўчынкі тых, хто даваў сябе зацягнуць у агідны вір п’янства. Але нам няма патрэбы шукаць фактаў у далёкіх замежных землях, бо само будзённае наша жыццё дае нам выдатна адчуць усю мярзотнасць прапойцаў. Мудрэц у прыпавесцях сваіх прамаўляе: «Дзе многа п’юць, там лямант і стогны». Некалі ў спартанцаў, чыя дзяржава вызначалася слаўнымі інстытуцыямі, быў звычай прывозіць п’яных рабоў і паказваць дзецям, як яны ванітуюць. Мярзотнае, брыдкае відовішча павінна было адпудзіць малалетак ад пераймання ганебных і паскудных паводзінаў п’янчуг. Кажуць, што і цар Кір катэгарычна забараняў свабодным і знатым людзям ужываць усякае віно. А вось рабам п’янства дазвалялася.

Але ў нашым народзе шляхта і вышэйшая значь не даюць люду простага і нізкага звання перахапіць у іх гэткую славу. Нават больш – яны ўсяляк імкнуцца ўзяць у гэтым над прасталюдзінамі зверхнасць. Так што людзям цвярозым, не схільным да крайнасцяў, ужо й няможна трымацца залатой сярэдзіны. Калі ў дом шляхціца прывалаклася п’яная кампанія, ён згодна са звычайем павінен гэта цярпець, выпіваць з імі разам і старацца здабыць іх прыязнасць.

І адзіным клопатам у такіх гулянках ёсць старанне не адстаць ад субяседніка па колькасці выпітага. Бо адмову піць чарка ў чарку могуць палчыць за найвышэйшую знявагу. І часта здараецца, што слабасільнаму, які не хоча загінуць ад клінка, даводзіцца падрываць свае кволяы духоўныя і цялесныя сілы і гінуць ад непамернасці выпітага. Часам гаспадар, унікаючы такой злыбеды, мерыцца прыбраць келіхі, але п'янчуга распэньвае гэта за пагарду да сваёй асобы і кідае на недалужніка такі пагрозлівы позірк, абкладае яго такім моцным слоўцам, што той воляй-няволяй скараецца і прымушае сябе дапіць усё да дна.

П'янства, безразважная звычка піць прыводзяць урэшце да таго, што большасць выгодаў свабоды, якія ўжо самі па сабе робяць чалавечае жыццё чалавечным, аказваюцца для нас страчанымі. Калі не спыніць п'янства строгімі санкцыямі, то пры цяперашнім разгуле гэтай здаўна ўкаранелай злачыннай звычкі няма надзеі, што цвярозасць у нашай краіне знойдзе належнае месца і ўмеркаванасць стане агульным правілам.

Некалі ў Грэцыі былі пітныя судзі. Іх называлі *ойноптасамі*. Гэтыя судзі маглі пакараць кожнага, хто перабраў меру, выпіўшы залішне віна. Сённяшнія туркі б'юць п'яных палкамі, каб гэтая кара стрымлівала выпівох і змужала іншых ставіцца да пітва з большай перасцярогаю. Дзякуючы цвярозасці туркі вельмі ўзмацнілі сваё грамадства, пра што яскрава сведчаць шматлікія паразы хрысціянства.

А ў нас? Па меры таго як наш народ адыходзіў ад умеркаванасці, ашчаднасці, стрыманасці, якія былі ўласцівыя продкам, ён страчваў дабрачыннасць, высакароднасць, цнатлівасць, вайсковую дысцыпліну, трываласць перад нягодамі. Ён стаў як жанчына распешчаны. У нас часцяком бяздзеінічаюць суды, амаль усе крэслы судзіў пустаюць, а паны, як кажа прарок, здольныя хіба толькі піць віно ды праяўляць сваю моц у п'янстве.

Сярод моладзі юнакі ўжо не імкнуцца здабыць пяршыньства ў высакародных і мужных справах, а забаўляюцца высцігамі, хто вып'е больш агромністых келіхаў. Заезныя дамы, якія мусяць забяспечваць сваім і замежным гасцям надзейны прытулак, дзень і ноч поўняцца п'яным збродам. Такія дамы цалкам справядліва называць не корчмамі, а бандыцкімі прытонамі. Хутчэй за ўсё, з такіх прытонаў і выпаўзаюць шайкі зладзеяў, каб цікаваць на дарогах багатых наведнікаў. І ўжо, несумненна, яны спараджаюць плеймы жабракоў, якія бадзяюцца потым па вёсках і жаруць чужы дармовы хлеб.

Кожны, на каго звальваецца п'яная напасць, страчвае свой набытак і дабрабыт, робячыся голым, як той бізун. Шматлікія факты няспынна сведчаць нам пра вялікія беды, якія ў выніку празмернага ўжывання моцных напояў абрынуліся амаль на ўсё грамадства. Збядненне і п'янства сялян дайшлі да таго, што пустыюць палеткі, і нават у майстэрнях не ўбачыш майстроў.

Няма нічога карыснейшага, больш дабратворнага для здароўя грамадства і больш дзейснага для ўмацавання агульнай свабоды, чым паўсюднае выкараненне такога ліха, як п'янства. П'янчуг трэба стрымліваць рознымі відамі пакарання. У залежнасці ад асобы і яе статусу гэта можа быць або нейкае ганебнае кляймо, або зняволенне, або штраф.

Раздзел XIII

У свабодным грамадстве вельмі патрэбныя законы аб выдатках на раскошы

Усе мудрацы ў цэлым згаджаюцца, што ва ўсякім грамадстве прысутнічаюць дзве немалаважныя заганы: раскоша і прагнасць. І гэтак сама, як ашчаднасць і ўмеркаванасць садзейнічалі ўмацаванню цэлых імперый, сквапнасць і празмерныя багацці спараджалі ў краінах вялікія бедствы і прыводзілі да разбурэння і гібелі ўсяго грамадства.

Адбiць небяспеку, якая пагражае бацькаўшчыне, здольны толькі той, хто рухавы і дужы, чый розум не распешчаны ўцехамі і чыё цела прывучанае да памяркоўнасці ў харчаванні і загартаванае фізічнаю працай. А хто купаецца ў раскошы і не прывык саступаць спакусам, той жыве ляготным, лайдачым жыццём, якое не нясе ніякай карысці айчыне. Людзі, заклапочаныя аздабленнем свайго жылля, спажываннем далікатных страваў, набыццём элегантных убораў, узвядзеннем велічных збудаванняў, маюць патрэбу ў значных сродках. І ўвага такіх людзей нярэдка скіроўваецца на супрацьзаконнае, несправядлівае авалоданне чужою маёмасцю. Калі ж у грамадстве пачынае квітнець такі неадлучны спадарожнік раскошы, як сквапнасць, у ім узнікаюць нянавісць і варажнеча. Пастаянныя ўзрушэнні руйнуюць грамадства і прыводзяць да заняпаду. Яскравым прыкладам гэтага служыць тайная змова, зладжаная Катэлінам. Яе вытокамі сталі якраз гэтыя дзве гніюсныя крайнасці чалавечай натуры – раскоша і сквапнасць. Менавіта яны падштурхнулі

Катыліну задумаць патаемны замах на айчыну. Тады знайшлося нямала малойцаў і несумленных грамадзян, якія, жывучы, што называецца, на шырокую нагу і прамангачыўшы сваё багацце, паклалі прагнае вока на ўласнасць іншых. Неўзабаве яны распачалі супроць грамадства вайну. Калі б Цыцэрон не папярэдзіў пра небяспеку і ўлады не прынялі адпаведных засцерагальных захадаў, нахабныя хціўцы з іх падступнымі вераломнымі замысламі несумненна задушылі б свабоду прыстойных грамадзянаў. Пралілася б кроў, загінулі б многія нявінныя людзі. І хоць падобныя ліхадзействы не заўсёды заканчваюцца трагічна і не кожны раз нясуць пагрозу грамадзянскай вайны, але марнатраўства заўсёды адчувальна нішчыць дабрабыт асобнага чалавека, спараджае вялікую дарагавізну і харчоў, і адзення, кладзецца цяжкім гнётам на няшчасны люд. Ужо з гэтай прычыны празмернае матаўства неабходна абмяжоўваць.

Ва ўсіх знаных грамадствах лічылася, што ў ліку іншых важных законаў павінен быць і закон, які стрымлівае непамерныя выдаткі грамадзян. Так, Оппіеў закон у рымлян патрабаваў, каб жанчыны насілі на сабе не больш, як на паўунцыі золата. Ім не дазвалялася апранаць рознакаляровыя строі і ездзіць у конных павозках па горадзе ці мястэчку, а таксама ў наваколлі бліжэй як за мілю ад гэтых паселішчаў. Закон аказаўся вельмі карысны. Калі рымскіх жанчын пазбавілі магчымасці насіць дарагое ўбранне, яны пачалі ахвотна ахвяраваць срэбра і золата на папраўку дзяржаўнага скарбу. А стан рэчаў у дзяржаве тады быў сапраўды кепскі. Ганібал-пераможца выматаў у рымлянаў усе сілы. І калі б Оппіеў закон не пастанавіў забраць прадметы раскошы ў насельніцтва, выплачваць воінам заробак зусім не засталося б сродкаў. А без гэтага немагчыма было спыніць наступ Ганібала-пераможцы, які пагражаў мурам горада. Праўда, пазней, у перыяд росквіту Рымскай дзяржавы, гэты закон з легкадумнай ініцыятывы трыбунаў быў адменены, і ўсе жаночыя аздобы зноў былі дазволеныя. Катон, зрэшты, прадбачыў нядобрае і ўжо тады бурна даводзіў трыбунам, што такая адмена паслужыць дрэнным узорам. Наколькі справядлівай была яго перасцярога, досыць пераканаўча сведчыць тое, што раскоша пачала сапернічаць з прагнасцю, і ў выніку пачаўся найбольшы заняпад Рымскай імперыі.

Але не будзем шукаць далёкіх прыкладаў. Звернемся да некаторых падзеяў блізкіх, сучасных і зусім недалёкіх, з якіх таксама будзе няцяжка зрабіць выснову, што агідная прага да нажывы ў спалучэнні

з раскошай прыносілі нават самым магутным імперыям і царствам разарэнне і гібель.

Калі больш за стагоддзе назад люты турак аблажыў Канстанцінопаль, яго грамадзяне змаладушнічалі. Нягледзячы на тое, што імператар Канстанцін настойліва прасіў і нават патрабаваў грошай для набору войска, людзі закопвалі свае скарбы ў зямлю, хавалі ў сховах, абы толькі не аддаць каштоўнасцяў і значнай часткі срэбра і золата на карысць грамадства. Націск туркаў, чым далей, тым усё больш мацнеў. Але абаронцаў на гарадскіх мурах было надта мала, і яны не маглі даць адпор варожаму наступу. А пры спустошанай дзяржаўнай скарбніцы набраць падмацаванне магчымасці не было. Пры слабым супраціве малалікага гарнізону дзёркасць ворага расла ўсё больш. Расла і надзея, а потым і ўпэўненасць туркаў, што горад можна ўзяць. Пасля чарговага моцнага і імклівага штурму Канстанцінопаль нарэшце паў. Імператар быў забіты, грамадзяне знявечаныя і пасечаныя насмерць. Горад з усімі яго каштоўнасцямі і безліччу срэбра і золата перайшоў пад уладу жорсткага ворага. А калі ўсе схаваныя скарбы потым павыцягвалі з тайнікоў і выставілі перад вачыма супастата, той здзівіўся незвычайнай дурасці насельнікаў. Кажуць, ён уголас абураўся гнюснай прагавітасцю хціўцаў, якія ў цяжкую для айчыны гадзіну так ганебна клапаціліся толькі пра свае багацці.

Сапраўды, калі б гэтыя багацці былі патрачаныя на паспалітыя патрэбы, то існавала б магчымасць выйграць любую, нават самую цяжкую вайну. Але багацеі, тупагаловыя рабы золата, былі гатовыя хутчэй ахвяраваць жыццём, чым аддаць свае скарбы. І гэтыя скупцы загінулі або апынуліся ў жорсткай няволі. Іх багацце не прынесла ім радасці. Яно стала здабычай ворага, каб наталіць не іх, а яго прагавітыя жаданні.

Вось так сквапнасць асляпляе розум чалавека. Грамадзяне, прызвычаеныя да багацця і раскошы, зусім не дбаюць пра бяспеку дзяржавы. Яны рупяцца толькі пра свае прыватныя інтарэсы і тым самым імкліва набліжаюць уласную згубу. Гэтая загана практычна ў нас на вачах давяло квітнеючае некалі Вугорскае каралеўства да такога бяды, да такога жалю вартай нядолі, што для нас, вугорскіх суседзяў, лёс іх грамадства павінен служыць знакавым напамінам пра неабходнасць абмяжоўваць раскошу і сквапнасць. Бо там першапрычынаю стала любоў да багацця. Сярод знаці пачаліся высцігі ва ўсякага кшталту раскашаваннях і баляваннях. Паступова чэзлі ўзаемная прыязнасць і згода. Дзяржаўныя патрэбы прыходзілі

ў занядбанне. Саперніцтва штурхала ўсіх на міжусобныя сутычкі і вынішчэнне. Нікому нават не было ў галаве, што трэба адагнаць ворага ад межаў дзяржавы. А вораг, між тым, ужо штурмаваў трывалыя вугорскія фартэцыі і ўмацаванні. Знаць жа тым часам выхвалялася у конных і пешых маршах неверагоднымі сваімі багаццямі, прымушаючы шпацыраваць полчышчы жаўнераў, ззяючых золатам і срэбрам. Усіх апанавала такая фанабэрыя, што ніхто надта не прыслухоўваліся да голасу караля, які заклікаў да вайсковага рушэння. Эліта падпарадкоўвалася яму з вялікаю неахвотай, і кожны збіраўся, калі хацеў, а не ў адзін час, як патрабавалі надзвычайныя абставіны і навислая небяспека. Тады кароль Людовік, пакінуты на волю лёсу, з невялікім конным атрадам і небагатым ваенным рыштункам вырушыў сам супроць моцнага, узброенага да зубоў ворага. У няроўным змаганні кароль страціў жыццё і каралеўства, пакінуўшы Вугоршчыну жорсткаму ворагу на рабунак і разарэнне.

Калі Саліман разглядаў трупы вяльможаў, яму прынеслі галаву нейкага стрыгонскага біскупа Уладзіслава. Кажуць, што супастат папракнуў нават мёртвага біскупа ў ганебнай скупасці. Той жмінда хоць і меў скарбы, у прыватнасці вялікую колькасць золата, але каралю, які прасіў сродкаў на ваенныя патрэбы, адмовіў. Біскуп не хацеў даваць золата задарма, пагаджаючыся яго хіба што пазычыць.

Няхай жа нашаму народу ніколі не давядзецца бачыць такога сумнага відовішча, якое здарылася ў Вугорскім каралеўстве. Але і ў нас раскоша і сквапнасць ужо дасягнулі такіх памераў, што па размаху баляванняў, па вычварнасці ўбранняў і ўпрыгожанняў мы апырэджваем усіх вядомых сібарытаў, а па вынаходству новых спосабаў выкалочвання грошай перавышаем, бадай, самога Веспасіана, які выціскаў прыбытак ажно з мачы. Сёння можна сустрэць нават людзей нізкага звання, якія ходзяць у ядвале, перлах і золаце. Шалёная прага мець вытанчаныя аздобы настолькі засела ў галовах некаторых франтаў, што яны без вагання прадаюць фальваркі, землі, а часам і ўсю сваю спадчыну, абы толькі ўсе бачылі, як зіхаць на іх золата і пурпур, як гарцуюць яны на конях у каралеўскім бляску. Каб набыць у далёкіх краінах чужаземныя прадметы раскошы, ганарліўцы трацяць не толькі шмат срэбра і золата, але і наўзахапкі збіраюць збожжа і экспартуюць яго ў заморскія землі. А найвышэйшым паказчыкам нашай неразважнасці і дурасці ёсць тое, што гэтае ж збожжа

вяртаецца зноў да нас, але ўжо па нашмат большай цане. Празмерная дарагоўля і нястача хлеба нясуць нашаму народу страшныя беды. І сведчанне гэтаму – шматлікія целы памерлых ад бяскорміцы й голаду, якія валяюцца па ўсіх гарадах, мястэчках і вёсках.

У недалёкім мінулым, пра якое памятаюць яшчэ нашы бацькі, такіх бедстваў не ведалі, хоць не кожны год удаваўся ўрадлівым. Здаралася, пры неспрыяльным надвор'і ўраджай быў дрэнны. Але ж збожжа, якое людзі адкладвалі на працягу некалькіх гадоў, разам з іншымі харчовымі запасамі засцерагалі народ ад недадання і голаду, ужо не кажучы пра галодную смерць. Тады яшчэ нікому не карцела так мець пурпурныя і ядwabныя строі. Збожжа і іншы наедак не абменьвалі на заморскі тавар. І ніхто не баяўся голаду, калі надараўся неўрадлівы год. Людзей не вабілі турэцкія, гішпанскія, італьянскія ці арабскія коні. Ставала тых, якіх гадалі дома. Імі карысталіся і ў ваенны, і ў мірны час. І коні гэтыя былі не якія-небудзь нядошлыя ці замораныя, а моцныя, цягавітыя. Як і самі гаспадары, яны маглі вытрываць любое ваеннае ліхалецце. А цяпер, калі тутэйшыя паны ўпадабалі коней, якіх купляюць аж за горы золата і не іначай, як у далекіх чужых краях, на ўсіх напала такая лягота, такая млявасць, што немагчыма ўжо ні каня выпхнуць са стайні, ні вершніка адарваць ад цёплага месцейка. Не дзіва, што паўсюль толькі й квітнее паказная раскоша. Адзін выхваляецца перад другім ужо не подзвігамі і не мужнасцю, а раскошным убраннем і багаццем закусі ў сваіх застоллях. Нашыя продкі падавалі на стол усяго адну страву, цяпер жа на баляваннях вялікіх паноў можна ўбачыць, як сталы гнуцца пад цяжарам і трыццаці, і сарака страваў. Калі ўлады не стрымаюць такіх непамерных выдаткаў, немінуца ўзнікне пагроза, што людзі з меншым дастаткам пачнуць галадаць.

Некалі імператару Гэльягабалу захацелася праславіцца шчодрай гасціннасцю і вытанчаным хлебасольствам. Ён падаў на стол шэсцьсот страўсавых галоваў, каб пачаставаць субяднікаў страўсавымі мазгамі. Але ж як бо ў нас столькі страўсаў няма, то нашыя паны, у якасці процівагі, з'ядаюць амаль такую ж колькасць рознай іншай птушкі і ўсякае смакаты. Законы павінны, як цуглямі, стрымаць такое вар'яцкае абжэрства і згубнае марнатраўства. Грамадзян трэба прымусіць жыць умеркавана, бо ўмеркаванасць ёсць калі не крыніцай, то ахавальніцай і аздобай усякай чалавечае вартасці.

Грамадству надзвычай важна, каб ніхто не злоўжываў сваёю маёмасцю і каб кожны падпарадкоўваў свае жаданні загадам розуму – творцу справядлівых законаў. Калі чалавек хоча трымацца годнага, здаровага ладу жыцця, ён не павінен ганяцца за бруднымі ўцехамі, шкодзячы і сабе, і іншым. Я ведаю, што многія будуць супроць закона аб выдатках на раскошу. Яны зараз пачнуць на ўвесь голас даводзіць, што гэта – таксама своеасаблівае рабства. Такі закон, маўляў, пазбавіць грамадзян права свабодна распараджацца сваімі рэчамі і стане на іх незвычайным цяжарам. Але ж папярэднія аргументы дастаткова паказалі, што дабрачыннасць, прадрыкаваная розумам, не пярэчыць свабодзе. Таму не трэба наракаць на новы закон, калі ён карысны грамадству. Паводле Лівія, Катон рашуча выступаў за пралангацыю Оппіевага закона аб выдатках на раскошу. Ён цалкам слушна казаў, што хваробе лягчэй запабегчы, чым шукаць супроць яе лекі. На жаль, людскія жарспі ўзнікаюць раней, чым прымаюцца скіраваныя супроць іх законы. Калі б мы бачылі, што і цяпер усе трымаюцца ўмеркаванасці і ашчадлівасці, як было ў нашых продкаў, то нас менш за ўсё турбаваў бы закон, які абмяжоўвае раскошу. Яна, гэтая раскоша, проста не існавала б. Але ж вельмі многія сёння, адкінуўшы ўсякія абмежаванні ў адзенні і ежы, глыбока ўгрузлі ў непрыстойных уцехах. А таму, калі мы хочам зберагчы наша грамадства, мы павінны з дапамогай законаў стрымаць тых ненасытных, якія ператварыліся ў рабоў раскошы і марнатраўства.

А калі знойдзецца раптам зласлівец, які, наследуючы Дуронію, пачне выказваць незадавальненне законам, што змушае скажнікаў да ашчаднасці, то, па-мойму, такі чалавек будзе заслугоўваць цэнзарскага асуджэння. Некалі ў Рыме Дуроній запатрабаваў скасаваць закон, які абмяжоўваў выдаткі на банкетаванне. Як сведчыць Валерыюс, гэты прамоўца бесцырымонна ўзышоў на растральную трыбуну і сказаў: «Рымляне, вы ні ў якім разе не павінны цягнуць цяжкія цяжкія, якімі вас закіралі. Вы аблытаныя, звязаныя нязноснымі путамі рабства. Выдадзены закон загадвае вам быць ашчаднымі. Дык ліквідуем гэтую пачварную імперскую норму, пакрытую іржой дзікай старасветчыны. Навошта свабода, калі не маеш дазволу нават пры жаданні загінуць ад раскошы». Цэнзары пакаралі Дуронія ганебнай вымовай і выгнаннем з сената.

Выгнанец меў скажонае паняцце аб свабодзе. Пад свабодай ёнразумеў магчымасць чыніць зло і распуснічаць. Але ж свабода мае на ўвазе выключна прыстойнае жыццё і беззаганныя ўчынкі.

А в ось калі чалавек скараецца такім жорсткім гаспадарам, як ненавольнае абжэрства і неўтаймаваныя плоцевыя ўцехі, то гэта якраз і ёсць самым агідным рабствам. Як трапна заўважае Валерыюс Максімус, у гэтых заганых нікнуць усе чалавечыя вартасці, бякнуць перамогі, пацямнелая слава абарочваецца ў ганьбу, а духоўныя і фізічныя сілы слабеюць так, што ўжо й невядома, адкуль пагражае большая небяспека: ад варожага палону ці жарсцяў, якія цябе апанавалі. Гісторык прыводзіць даволі пераканаўчы эпизод з жыцця Вальсініяў. Якая сумная і ганебная пляга, якое рабства абрынулася на той горад, калі яго насельніцаў агарнула прага да непамернага багацця й раскошы. А некалі гэта быў магутны горад, вядомы сваімі звычаямі і законамі, якія служылі надзейнымі вартаўнікамі сапраўднай свабоды. Ён лічыўся сталіцай Этрурыі. Калі ж яго раз'ела раскоша, горад абрынуўся ў бездань несправядлівасці і заганаў, апынуўшыся пад уладай недасведчаных, але пыхлівых рабоў. Спачатку толькі некалькі найбольш нахабных адважыліся пралезці ў сенат, але неўзабаве рабы захапілі ўсю ўладу ў дзяржаве. Па іх прыхамаці пісаліся і перапісваліся тастаменты. Знаці забаранялася ладзіць банкеты й застоллі, а рабы жаніліся на дочках сваіх гаспадароў. Пазней была ўвогуле санкцыянаваная беспакаранасць распусных сувязяў з удовамі і чужымі нявестамі. Ніводнай дзяўчыне не дазвалялася выходзіць замуж за знатнага, пакуль які-небудзь раб першы не пазбавіць яе дзявоцкасці. У такім вольным, ганебным рабстве аказалася жыццё грамадзян, разбэшчаных раскошаю і пажадай. У вачах кожнага яно ўяўляецца сёння поўнай пачварнасцю.

Калісьці Лікур, таксама знакаміты сваімі юрыдычнымі ўстанаўленнямі, прапанаваў абмежаваць з дапамогай законаў раскошныя банкеты і іншыя баляванні, назваўшы іх узбуджальнікамі непатрэбных жарсцяў, і заклікаў падданных да памяркоўнасці. У спартанцаў былі не толькі законы, скіраваныя супроць п'янства, але і нарматыўныя акты, якія тычыліся адзення, і эфорам даручаўся паўсядзённы агляд вопраткі грамадзян. Эліян расказвае, што, калі выяўлялася, што ўбранне не адпавядае спілсці і прыстойнасці, вінаватых каралі па ўсёй строкасці закона. Павучальна і паказальна тое, што толькі жанчынам лёгкіх паводзінаў дазвалялася насіць залатыя, срэбныя і жамчужныя ўпрыгожванні. Гэта павінна было адварнуць сумленных, цнатлівых жанчын ад усякай раскошы і падахвоіць іх да суперніцтва ў цнотце, разважнасці і ашчаднасці. Такія правілы дагэтуль захоўваюцца ў Венецыянскай рэспубліцы.

І самі бяседы, і строі бяседнікаў там маюць пэўныя абмежаванні. Так, асобы, якія падалі на стол аднаго ці двух каплуноў, а разам з імі ялавічыну, бараніну ці якія-небудзь далікатэсы і моцныя прыправы, падлягаюць штрафу. Калі застолле – не выселле і не якая-небудзь іншая вялікая ўрачыстасць, жанчынам знатнага паходжання не дазваляецца насіць каралі, перлавяыя аздобы, надзяваць ядвобныя строі. Абмяжоўваецца велічыня пасагу. Нават самаму багатаму забараняецца даваць у пасаг больш за шэсць тысяч залатых. А раней некаторыя адвальвалі і па шэсцьдзсят тысяч дукатаў.

Тым часам у нашай краіне ў людзей рознага паходжання і рознага стану раскоша дасягае неверагодных памераў. Асабліва вызначаюцца ў гэтым жанчыны. У аздобах і строях ім дадзена такая свабода, што ўзнікае ўражанне, быццам на жаночае ўбранне ідуць грошы ўсяго грамадства. Жанчыны стараюцца паказаць сябе ва ўсім блыску свайго багацця, ва ўсёй красе разнастайных убораў, ва ўсім харакстве самацветаў, якія аж зіхцяць чырванню й золатам. І ў пасаг за іх патрабуюць многія тысячы. У выніку прыстойныя, шляхетныя дзяўчаты, у чым доме меншы дастатак, не могуць выйсці замуж. Яны або так і старэюць, застаючыся векавухамі, або згаджаюцца на ганебнае замужжа. Нашыя продкі былі нашмат ашчаднейшыя. Па іх законах і звычаях, нават самыя знакамітыя сем'і давалі ў пасаг усяго трыццаць марак.

Як заўважае Кратэў, мужчыны чакаюць ад сваіх жанок якасцей, якія ўпрыгожваюць жанчыну – іначай кажучы, робяць яе прыстойнейшаю. А жаночай прыстойнасці спрыяюць не золата, не пурпур і не смарагды, а пабожнасць, памяркоўнасць і цнатлівасць. Аднак сёння замест спаборніцтва ў вартасцях ладзяць высцігі ў раскошы і бессэнсоўных аздобах. Ад жанчын лёгкіх паводзінаў не толькі не адварочваюцца, а наадварот – падчас фэстаў і баляванняў пралюбадзейкі і ўдовы, што апаганілі сябе юрлівасцю і распустай, ахвотна запрашаюцца за сталы. Цэніцца толькі багацце. Цнатліваю лічаць і тую жанчыну, якая ганарліва імчыць у мнагаконнай калясніцы ці выходзіць на шпацыр у строях, вышываных золатам, пурпурам і перламі, каб выставіць сябе на ўсіх вуліцах і вулічных скрыжаваннях.

Раскоша стала прычынай і шмат якіх іншых заганаў, надта ўласцівых сённяшнім нашым жанчынам. Яны не могуць доўга ўседзець у сценах свайго дома, а бегаюць адна да адной, каб памянціць за трапезным сталом языкамі, а іншы раз і, куляючы навывперадкі вялікія келіхі хмельнага, спазнаць полымя любоўнай

жарсці. Такія вылазкі не да твару прыстойным жанчынам. Пра гэта сведчыць і зробленая Фідыем статуя Венеры, ля чых ног прымасцілася чарапаха. Фідый намякае гэтым, што жанчыне больш пасуе быць нешматслоўнай і бавіць час дома. А Плутарх піша, што ў егіпціян нявестам, каб яны не выходзілі з дому, не дазвалялася нават насіць сандалі.

У свой час Цыцэрон, разважаючы аб сквапнасці і раскошы, вельмі трапна сказаў: «Калі хочаце пазбавіцца ад сквапнасці, вам трэба пазбавіцца ад яе маці – раскошы». Маральныя заганы і вычварныя звычкі жанчын, якія немінуча вядуць да яшчэ горшага, можна выправіць, забараніўшы раскошу, бо менавіта раскоша служыць той цэрай, якая распальвае разбэшчанасць. Калі раскошу не трымаць у цуглях законаў, жанчыны не толькі прамантачаць маёмасць сваіх бацькоў, дзядоў і іншых продкаў, а давядуць да пагібелі ўвогуле ўсё грамадства. Раскоша дасягнула ўжо такіх памераў, што здаецца, вярнуўся той век, калі Праперцый, апісваючы жанчын, пісаў так:

*Столькі ўжо ўбранства на ёй, што патомкам яшчэ дасталося б,
Свой сараматны тرافей важна нясе міма нас.
Меры не знае, зноў просіць абноваў, а муж калі раптам
Будзе марудзіць, дык ёй мусіць урон апаціць.*

Калі Катон, як піша Лівій, прапаноўваў не адмяняць закона аб абмежаванні раскошы, то ён аргументаваў гэта так: «Рымляне, няўжо вы хочаце навізаць вашым жанчынам суперніцтва, у якім багатыя жонкі захочуць мець тое, чаго не здолее мець ніводная іншая, а бедныя будуць надрываць жылы, каб хоць неяк унікнуць пагарды. У выніку дойдзе, што жанчына пачне саромецца таго, чаго саромецца не трэба, і не будзе саромецца таго, чаго не саромецца нельга. Хай купляе тое, што можа купіць за свае грошы. А калі грошай бракуе, хай звяртаецца да мужа. Праўда, угаварыць мужа не заўсёды можна. Аднак я лічу нікчэмным таго, хто бачыць, як нехта чужы дае яго жонцы тое, чаго не даў ён сам. Але паспрабуйце адпусціць цуглі слабавольным неўтаймаваным жывёлінам і пачакайце. Тады кабеты ўжо самі, без вас пачнуць утаймоўваць свае прыхамаці».

Каб запабегчы гэтай загане і не запляміць прыгожага імя свабоды, дзяржава павінна стварыць законы, якія перакрываюць усе крыніцы сілкавання злашчаснай раскошы і ўрэшце ліквідуюць яе.

Раздзел XIV

Няправільнае ўжыванне законаў моцна шкодзіць свабодзе

Ніхто, бадай, не будзе аспрэчваць, што законы забяспечваюць цэласць і непарушнасць грамадзянскай свабоды і ствараюць умовы для агульнага дабрабыту, пры якіх кожны адчувае сябе абароненым ад ліхадзейства. Але нярэдка бывае, што і пасля законна вынесенага прысуду многія лічаць сябе пакрыўджанымі і пакаранымі беспадстаўна. Таму, каб законы, па сваёй сутнасці прызначаныя служыць апорай свабоды, не ўспрымаліся як інструмент крыўды і ліха, пры іх ужыванні трэба праяўляць вялікую асцярожнасць. Але нішто не можа служыць падставай, каб ганіць законы, заснаваныя на дабры і справядлівасці. Прычына таго, што законы, прызначаныя бараніць невінаватага, нясуць яму разарэнне і гібель, палягае, галоўным чынам, у зламыванасці або невуцтве суддзяў.

Многія знакамітыя філосафы дасціпна адзначалі, што амаль кожны закон мае хоць нейкую недасканаласць. Пры вялікай разнастайнасці чалавечай дзейнасці і ўсемагчымых яе абставінах ніводзін закон не можа быць бездакорным настолькі, каб не вымагаць ці настойліва не патрабаваць пэўнага свайго абмежавання. Часам суддзі, называючы сябе строгімі выканаўцамі пісанага закона ці проста па недасведчанасці, аказваюцца няздольнымі вызначыць, што ў той ці іншай справе найбольш адпавядае справядлівасці. І тады законы, закліканыя абараняць сумленнасць, робяцца небяспечнымі якраз таму, каму не павінны шкодзіць. Нездарма ў народзе з даўніх часоў ходзіць вядомая прымаўка: «Найвышэйшы закон – найвышэйшая несправядлівасць». Гэтая прымаўка, якая ўзнікла з жыцця, стала вынікам памылак і махлярства суддзяў. Бо калі суддзя ў разгледанай справе не бярэ пад увагу асобу падсуднага і не ўлічвае іншыя акалічнасці, ён аказваецца не слугой правасуддзя, а служкай судзілішча, злоўжываючы аўтарытэтам законаў і чынячы несправядлівасць.

У свой час Арыстотэль сказаў, што права само па сабе ёсць дабро. Але разам з тым зазначыў, што дабро і справядлівасць – сутнасці болей высокія, чым права. Добрым Арыстотэль называў таго, хто ў дачыненні да правапарушальніка выступае не проста як строгі суддзя, а здольны адысці ад пэўнай прававой нормы, хоць закон пры гэтым для яго застаецца законам. Філосаф так вы-

казваецца не дзеля таго, каб ва ўсякім судовым працэсе адвесці суддзю ад прававой нормы і дазволіць яму вырашаць справу, як уздумаецца. Ён мае на ўвазе магчымасць удасканалваць закон, калі гэтага патрабуе справядлівасць. Закон абагульняе з'явы рэчаіснасці і не знае выключэнняў. Таму ён не можа і не здольны ўлічыць усе адмысловыя акалічнасці, хоць патрэба ў такіх адрозненнях узнікае. Артыкулы закона ўказваюць на звычайныя, звыклія падзеі, не закранаючы спецыфіку асобных з'яваў і здарэнняў. І тым не менш такі прававы акт застаецца законам, бо ў сваёй недакладнасці вінаваты не ён і не заканадаўцы, а тыя ці іншыя асаблівасці канкрэтных індывідаў. Закон мае справу з тыповымі акалічнасцямі. Але нярэдка асобныя з іх маюць такія атрыбуты, якія могуць нават прэрэчыць агульнай канцэпцыі выпадку. Адсюль, зусім дапушчальна ўносіць папраўкі ў тую частку закона, дзе заканадаўца нешта апусціў, або ў чым-небудзь памыліўся, або што-небудзь занадта абагуліў. Дый сам заканадаўца, калі б ён прысутнічаў, параіў бы зрабіць тое ж самае. А ведаў бы ён пра гэтыя абставіны раней, то ўдасканаліў бы і юрыдычныя нормы. Закон гаворыць агульна, прытым толькі пра некаторыя выпадкі будзённага побыту. А калі нешта не адпавядае тыповаму паняццю і мае сваю асаблівасць, тут суддзя мусіць паразважаць, што зрабіў бы заканадавец, калі б пісаў дадзены артыкул кодэкса, і адпаведна змякчыць суровасць закона. Але пры наяўнасці акалічнасцяў, на якія закон указвае канкрэтна, суддзя не мае права адыходзіць ад нарматыўнага акта. Падобны адыход ёсць найвялікшае злачынства.

Змякчэнне санкцый нарматыўна-прававога акта на аснове справядлівасці магчымае толькі тады, калі справа мае нейкую спецыфіку, абумоўленую асобай чалавека, а таксама акалічнасцямі часу, месца ды іншымі абставінамі. З гэтым пагадзіўся б і заканадаўца. Вось прыклад. Пры пакаранні зладзеяў многія народы ўжываюць закон, які патрабуе пазбаўляць такіх злачынцаў жыцця праз павешанне. Закон агульна гаворыць пра ўсіх, хто зламысна ўчыняе крадзеж. А калі цішком сцягнуць нейкую невялікую пажыву чалавека змушаюць беднасць і голад, ці ж у гэтым выпадку пакаранне не трэба зменшыць? Ці можна пазбаўляць жыцця небараку, які здзейсніў менш цяжкае злачынства, чым зацяты крымінальнік? Але ўявім, што праўнік будзе трымацца літары закона і пакарае такога правапарушальніка смерцю. У такім выпадку будучы ўсе падставы сказаць, што суддзя не разумее сутнасці добра і справядлівасці,

а таму хутчэй парушыў закон, чым выканаў належным чынам усе яго патрабаванні.

Бадай, ніводзін закон не можа быць бездакорны цалкам. Час безупынку спараджае штось новае і патрабуе ўносіць у закон разумныя ўдакладненні. Рабіць іх павінны толькі разважныя добразычлівыя мужы. Але і ў гэтым выпадку не трэба думаць, што некалі знойдзецца такі дасціпны і праніклівы розум, які здолее ахапіць усе шматлікія, амаль бясконцыя жыццёвыя казусы нейкай нормай закона. Гуманная і мудрая ўлада мусіць разважна прыкладаць закон, як тую цялярскую лінейку, да неаднолькавых рэчаў. Прыгадаем тут словы, прамоўленыя аднойчы Тэрэнціем: «Мне няма патрэбы рабіць усё ў адпаведнасці з маім правам». Слушна кажа пра гэта і Цыцэрон у трэцяй кнізе «Аб законах»: «Улада – гэта закон, які гаворыць. А закон – гэта нямая ўлада, гэта – справядлівасць, якая не мае душы; гэта – усеагульнае прадпісанне». Па прычыне разнастайнасці рэчаў закон не можа вызначыць усё. Улада ж ёсць адушаўлены закон. Узброеная слушнымі меркаваннямі розуму, яна інтэрпрэтуе няяснасці закона, ліквідуе двухсэнсоўнасць, радавое паняцце зводзіць да відавых, аналізуе ўважліва асобныя акалічнасці здарэнняў. Недарэмна некаторыя мудрыя філосафы хочучь, каб закон быў не жалезным, а свінцовым.

Дзеянні чалавека адбываюцца ў самых розных абставінах. Іх немагчыма ахапіць адной і той самай нормай закона. Таму суддзя пры разумным асэнсаванні справы павінен заўсёды кіравацца прынцыпамі добра і справядлівасці, не пераступаць межы правасуддзя і праз гэта апошнія не ператвараць найвышэйшы закон у найвышэйшую несправядлівасць. Так вучаць знакамітыя філосафы, так вучыць Платон. Паводле Платонавага вучэння, «закон, хоць і ўтрымлівае ў сабе ўсё самае лепшае, самае справядлівае, але не можа заўсёды дзейнічаць належным чынам». Разнастайнасць чалавечых дзеянняў, нестабільнасць чалавечага жыцця, шматлікія асаблівасці рэчаў з'яўляюцца прычынай таго, што ніводная навука не можа ўстанавіць нешта простае, універсальнае, прыдатнае для ўсяго і ва ўсякі час. Так і заканадавец не можа прадбачыць дабро для кожнага, калі жадае тварыць дабро для ўсіх. Як паясняе Арыстотэль у першым раздзеле другой кнігі «Вялікая этыка», заканадаўца не мае магчымасці вызначыць рэч з усёю дакладнасцю, а гаворыць пра яе толькі наогул. Справядлівы ж суддзя канкрэтызуе прававую норму і выбірае тое, што стваральнік закона хацеў бы

абазначыць, але не здолеў. Справядлівасць, якую грэкі называюць *epiikeia*, не парушае закона, а тлумачыць яго і ўдасканалвае. Удасканалванне, аднак, павінна ўжывацца толькі там, дзе шалю дабра і справядлівасці пераважае артыкул закона. Пры гэтым неабходна ўважліва прааналізаваць час, месца, асобу чалавека.

Святое пісанне дае нам прыклады такой дабрыві і памяркованасці. Вядома, што Божы закон патрабуе, каб вінаваты ў забойстве расплачваюся галавой. Паводле гэтага закону забойцаў каралі смерцю. Але некалі сам Гасподзь Бог загадаў Майсею выбраць гарады, якія служылі б прыстанішчам для злачынцаў, што ўчынілі забойства не наўмысна, а па неасцярожнасці. Няма ладобных прыкладаў і ў творах паганскіх пісьменнікаў. Усе яны сведчаць, што многія судовыя справы вырашаюцца на аснове гуманнасці. Сапраўднае права, ці, па словах Цыцэрона, сапраўднае правасуддзе, нярэдка дзейнічае не ў межах закона, а ў межах дабра і справядлівасці. У сваім выступленні ў абарону Цэцыны ён рэзка крытыкуе акуратыстаў, якія прытрымліваюцца літары закона і не ўлічваюць думкі, намеру і волі заканадаўцаў, што напісалі закон.

Правільна вырашаюць справу не акуратызм, не кручкатворства, не мудрагелісты і забытаны закон, а дабро і справядлівасць. Кіравацца толькі напісаным – значыць скажаць ісіціну. Разважны суддзя абараняе за думу і волю заканадаўцы. Такую справядлівасць, або *epikeian*, Юстыніян называе мудрасцю ўладароў. Гэтая мудрасць хаваецца ў сэрцах людзей і вызначаецца на падставе чалавечых учынкаў. Закон не можа даць яе дакладнага апісання. І не ўсякі чалавек можа яе спасцігнуць, тым не менш гэтая мудрасць ёсць стрыжнем усякага права. Платон у сувязі з гэтым кажа, што пазбыцця зла ў грамадстве можна толькі пры наступных умовах: альбо кіраванне дзяржавай у свае рукі возьмуць людзі, узброеныя правільнай філасофіяй, альбо дзяржаўныя мужы па нейкім боскім натхненні зрабяцца філосафамі. Бо толькі такая філасофія вучыць кіраванню дзяржавай. Яна дапамагае пазнаць сутнасць законаў і авалодаць навукай права.

Калі чалавек не валодае такімі ведамі, нельга спадзявацца, што ён зможа чыніць справядлівы суд ці захоўваць у грамадстве ўзаемную згоду. Таму вельмі важна, каб да стэрна ўлады дапускаліся асобы, якія валодаюць дакладным, бездакорным веданнем законаў. Калі ж такое немагчыма, то, па меншай меры, у справах права-

суддзя дзяржаўныя мужы павінны звяртацца па разумную парадку да юрыстаў і ў адпаведнасці з іх прапановамі і заключэннямі ўладжваць і вырашаць усе спрэчкі. У свой час рымскія імператары Аўгуст, Веспасіян, Траян, Гадрыян, Антоній, Аляксандр і іншыя кіравалі імперыяй вельмі добрапрыстойна, бо ў дзяржаўных справах заўсёды карысталіся надзейнай дапамогай юрыстаў. Найбольш эфектыўнай аказваецца ўлада, якая дзейнічае на аснове законаў. Разумна, правільна кіраваць грамадствам можа толькі ўладар, які выдатна арыентуецца ў законах, ведае, чым розніцца права, дабро, справядлівасць. Прававая недасведчанасць нярэдка становіцца прычынай цяжкіх пралікаў, якія наносяць вялікую шкоду людзям. Пра гэта ў дастатковай ступені сведчаць і падзеі сёвай мінуўшчыны, і наша сённяшняе жыццё.

Рымскі імператар Манлій надзвычай строга прытрымліваўся літары сваіх эдыктаў і законаў. Ён настолькі ігнараваў прынцып справядлівасці, што ўрэшце гэта ператварылася ў прыказку, якая засталася жыць у пакаленнях. Калі нехта выдаваў жорсткія загады, пазбаўленыя ўсякай гуманнасці, іх называлі «манліевымі ўказами». Аднойчы Манлію даручылі ўзначаліць войску ў Лацінскай вайне. Ваяваць трэба было супроць суседзяў, якія па мове, звычаях, узбраенні, арганізацыі войска нічым увогуле не адрозніваліся ад рымлян. Каб унікнуць памылкі, консулы загадалі рымлянам змагацца супроць ворага толькі ў агульных шэрагах. Але сталася так, што Ціта, сына консула Манлія, паслалі ў разведку. Калі выведнік наблізіўся да стану ворага, на яго напаў лацін Гемін Месцый. У сутычцы Ціт забіў нападніка. Тады консул Манлій за непаслушэнства бацькоўскай і консульскай уладзе і парушэнне выдзенага ім закона загадаў пакараць сына смерцю. Але ж як у двубоі Ціта з Месцыем, так і ў агульнай бітве небяспека блытаніны, якую хацеў прадухіліць сваім законам Манлій, войску не пагражала. Ворага ўдалося перамагчы. Сын заслугоўваў не пакарання смерцю, а пахвалы і ўзнагароды. Консул аднак выканаў патрабаванне закона. Ён ужыў у дачыненні да сына артыкул, які строга караў воіна, калі той змагаўся па-за межамі агульнага шэрагу. Манлій занадта цвёрда трымаўся знешняй абалонкі закона, не паглыбляючыся ў яго сэнс і значэнне, і таму аказаўся бязлітасным паслугачом строгай дысцыпліны, а не сапраўдным абаронцам справядлівасці.

Нашмат мудрэйшыя былі арэпагіты. У многіх судовых справах яны без вагання ішлі на змякчэнне выраку, калі гэтага

патрабавала справядлівасць. Вось адзін са шматлікіх векапомных выпадкаў, якія прыводзіць Валерый Максімус у першым раздзеле сваёй васьмай кнігі. Адна ўрадженка Смірны забіла мужа і сына, калі даведалася, што яны забілі яе старэйшага сына, народжанага ад першага мужа. Справу перадалі Далабэлле, праконсулу Азіі, а той адаслаў крымінальную справу на судовы разбор і рашэнне арэпагітам у Афіны. Ён не мог вызваліць жанчыну, якая запляміла сябе двума забойствамі. Але не мог і асудзіць яе, бо забойствы былі ёю ўчыненыя ад гора і распачы. Разгледзеўшы справу, арэпагіты загадалі, каб абвінаваўца і падсудная вярнуліся да суддзяў праз сто гадоў. Ускосна ўхваляючы дзеянні жанчыны, яны знялі з яе абвінавачанне ў злачынстве, паколькі забойства яна ўчыніла ў стане моцнага афекту.

Вось так разумная ўлада, якая ў пэўным сэнсе ўяўляе сабою жывы, адушаўлены закон, выконвае належную ёй праваахоўную ролю. Яна не ўсюды і не заўсёды прытрымліваецца літары закона, а судзіць у адпаведнасці з яго духам і мэтанакіраванасцю. Усё гэта патрабуе добрага розуму і вялікай жыццёвай практыкі. Арыстотэль недарэмна лічыў судаводства надзвычай складанай справай. Святы Аўгустын у адным з твораў справядліва хваліць Піфагора за тое, што ён выкладаў сваім вучням навуку аб кіраванні грамадствам як заключную дысцыпліну, калі слухачы былі ўжо адукаваныя, мелі рознабаковыя веды і спазналі сутнасць мудрасці і шчасця. Піфагор бачыў, што грамадству ўласціва шмат бурных нягод, і таму хацеў, каб да стэрна дзяржаўнага кіравання дапускаўся чалавек, які зможа ўмела ўхіліцца ад усіх скал і рыфаў або, пры неабходнасці, сам зрабіцца скалой, каб супрацьстаяць разлютаванай стыхіі.

А ў нашым грамадстве на пасаду суддзяў і чыноўнікаў прызначаюцца людзі, сярод якіх многія зусім не дасведчаныя ў грамадскіх справах. Гэтыя назначэнцы вучацца судзіць і кіраваць толькі з уласнай практыкі. Выконваючы свае абавязкі, яны вельмі часта знаходзяцца пад уплывам сімпатыяў, антыпатыяў, злосці, сквапнасці і іншых падобных чалавечых заганаў. Калі яны вырашаюць спрэчкі і пішучь дэкрэты, імі кіруюць не закон і справядлівасць, а сляпыя і легкадумныя парыванні.

У нашых судах мала звяртаюць увагі на справядлівасць. Суддзі не лічаць правамерным хоць у нейкай меры адступіцца ад агульнай юрыдычнай нормы нават тады, калі сапраўднае правасуддзе раіць іншае і ясна паказвае на магчымасць адступлення ад літары

закона. Яны самі шмат разоў прызнаваліся, што каралі невінаватых і наносілі гэтым вялікую шкоду асуджаным. Але паколькі голас закона знешне прадпісвае пэўную юрыдычную форму, то суддзі заяўляюць, што намераныя і далей трымацца гэтае формы, не звважаючы на магчымасць змякчэння выраку на аснове прынцыпу справядлівасці. Усё гэта адбываецца з прычыны прававога невуцтва. А без прававой адукаванасці нельга спадзявацца, што для грамадзян калі-небудзь настануць дабрабыт і шчасце.

Як каза вуснамі Ксенафонта Сакрат, было б аблудаю думаць, што без настаўніка немагчыма дасягнуць майстэрства ў нескладаных рамёствах. Але будзе крайняю дурасцю меркаваць, што кожны сам па сабе здольны кіраваць дзяржавай. Караблю без спрактыкаванага стэрнавога ў бушуючым моры пагражае сур'ёзная небяспека. Так і грамадства пры дрэнным кіраванні зазнае найгоршыя злыбеды. Пазбегнуць гэтага можна толькі тады, калі грамадствам будзе кіраваць чалавек, які з'яўляецца мудрым правіцелем, дасведчаным ахоўнікам законаў і разумным іх інтэрпрэтатарам. Платон у «Меноне» зазначае, што справядлівасць захоўвае ў цэласнасці і грамадства, і многае іншае, а несправядлівасць усё разбурае. Аднак ва ўсякім чалавечым грамадстве справядлівасць можа існаваць пры ўмове, што ў ім ёсць законы, створаныя на карысць грамадзян, і што ўладатрымальнікі накіроўваюць гэтыя законы на паспалітае дабро.

Раздзел XV

Законы не садзейнічаюць захаванню грамадзянскай свабоды, калі няма ўлады, якая сочыць за іх выкананнем

Ніякае грамадства, ніякая грамадзянская супольнасць, ніякі мір і спакой паміж людзьмі не могуць існаваць без законаў. Ніякі чалавек з нармальным розумам не падумае аспрэчваць, што дабрадзеіства свабоды залежыць ад правільнага і ўпарадкаванага заканадаўства. Паводле Плутарха, мэтай законаў ёсць справядлівасць. А справядлівасць патрабуе сумленна жыць, нікому не чыніць шкоды, кожнаму аддаваць тое, што яму належыць па праве, за добрыя справы ўзнагароджваць, а за дрэнныя – караць. Сапраўдную свабоду мае толькі той, хто не баіцца над сабой ніякага гвалту і вядзе спакойнае бяспечнае жыццё, у якім няма месца ліху.

Вядома, аднак, разумнае, слухнае выказванне Пампонія, у якім ён сцвярджае, што адно толькі існаванне законаў мала значыць для грамадства, калі ў ім адсутнічае правасуддзе. З гэтай прычыны кожнае грамадства павінна як мага болей прадумана і рупліва паклапаціцца аб стварэнні інстанцыяў нагляду і аховы правапарадку. Яны павінны садзейнічаць выкананню грамадзянамі ўсяго карыснага, што патрабуюць справядлівыя законы, і стрымліваць асоб, ахвочых да правапарушэнняў, пагрозай магчымага пакарання.

Красамоўна выказваецца наконт закона Дэмасфен: «Нельга чакаць, што законы прыбягуць самі і сваёю прысутнасцю дапамогуць несправядліва пакрыўджанаму, які просіць заступніцтва. Яны складаюцца з літар і ёсць, па сутнасці, усяго толькі пісьмовымі знакамі. Законы робяцца дзейнымі, калі вы, судзі, пацвердзіце іх і пакажаце, што яны заўсёды абараняюць таго, хто мае ў гэтым патрэбу. Вось так законы набіраюць моц праз вас, а вы мацнееце праз моцныя законы».

Такога ж меркавання трымаліся і ўсе знакамітыя філосафы. Платон у шостаі кнізе «Законаў» гаворыць, што мала карысці ад добрых законаў там, дзе няма добрай улады, якая магла б ахоўваць і здзяйсняць іх. Ахоўнікі і здзяйсняльнікі законаў павінны мець вострае вока, ведаць сапраўдны стан рэчаў і праяўляць мудрасць у вырашэнні справаў, каб праз памылку ці невуцтва не нанесці грамадзянам вялікай шкоды і цяжкай страты. Падчас моцнага шторму на моры неспрактыкаваны стэрнік або перакуліць карабель, або разаб'е судна аб скалы. Так і галоўны ахоўнік дзяржавы і законаў кіне грамадства ў бездань цяжкіх бедстваў, калі не валодае мудрасцю суцішаць хваляванні і ўтаймоўваць смуты і не скіроўвае ўсё свае памкненні і думкі на забеспячэнне дабрабыту грамадзянаў.

З мудрасцю суседзіць дабрачыннасць. У спалучэнні з мудрасцю дабрачыннасць заўсёды захоўвае грамадства цэлым, здаровым і непарушным. Існуе шмат відаў дабрачыннасці, якімі павінна вызначацца ўлада. Але справядлівасць і цвёрдая воля з'яўляюцца тут галоўнымі чыннікамі. Без іх немагчыма правільнае рашэнне справы. Яны ёсць вартасці, без якіх службовая асоба не можа адпавядаць свайму званню і пасадзе. Само слова «справядлівы» абазначае таго, хто судзіць і выносіць рашэнне на аснове справядлівасці і ў адпаведнасці з законам. Калі ж судзіа адыходзіць ад справядлівай законнасці, то ён не варты свайго наймення. Нездарма Арысто-

тэль называе суддзю адушаўлёным законам. У сугучнасці з ім Цыцэрон лічыць, што ўлада – гэта закон, які гаворыць уголас, а закон – гэта нямая ўлада.

Цвёрдасць волі азначае здольнасць асобы не паддавацца ніякім мальбам і просьбам, ніякім запалохванням і пагрозам мацнейшых, якія хацелі б перашкодзіць законнаму правасуддзю. У сваёй прамове «У абарону Сестыя» Цыцэрон раіць усім, хто пры ўладзе, засяроджваць свае намаганні на прымнажэнні паспалітых выгодаў. Нярэдка здараецца, што суддзя мусіць цярпець у імя грамадства беды, весці вайну і варагаваць з многімі нахабнікамі і нягоднікамі, а часам і з тымі, хто мае сілу.

Старадаўнія мысліцелі калісьці казалі, што ўсім судам уласцівыя чатыры галоўныя заганы, а менавіта любоў, нянавісць, падкуп і страх. Справядлівасць у спалучэнні з цвёрдасцю волі робіць чалавека трывалым, узбройвае яго разнастайнымі сродкамі абароны, і ён аказваецца здольным адбіць лавіну гэтых ліхтугаў. Вось чаму кожны, хто зычыць грамадству добра і шчасця, павінен заўсёды як мага руплівей дбаць, каб суддзямі працавалі людзі высокіх маральных якасцяў, поўныя рашучасці ні на ёту не адыходзіць ад законнасці і справядлівасці і не браць пад увагу магчымасць атрымаць узнагароду ці ўзбіцца ў чыёнебудзь прыхільнасць.

Вялікай пахвалы за свабодалюбства заслугоўвае шляхта нашага народа. Яна мае права выбіраць суддзяў свабодна, гэта значыць па сваім уласным жаданні, без чужой ласкі і волі. З вялікага мноства народу не так ужо цяжка выбраць чалавека, які вызначаецца розумам, дабрадзейнасцю, вераю і рупіцца найперш не пра свае выгоды, а пра дабрабыт грамадзян усёй краіны. Пажадаць можна хіба толькі больш прыстойнай, зладжанай арганізацыі выбараў, каб пазбавіць іх усякай мітусні і неразбярыхі. Бо пакуль што абранне адбываецца выкрыкамі з натоўпу. Сярод рознагалосых меркаванняў і пажаданняў немагчыма выбраць нешта пэўнае і дакладнае. І часцяком здараецца, што ўсё вырашае тлумнае зборышча, а не разумныя, дасведчаныя мужы. Уладу атрымліваюць людзі, якія гэтага не заслугоўваюць. А тым часам асоб вартых увагай звычайна абдзяляюць.

У грамадстве вэнэтаў, напрыклад, захавалася вельмі карысная практыка, якая дазваляе ўнікнуць такога бязладдзя. Хоць выбары органаў улады там ёсць прывілеем знаці, але ўдзельнічае ў іх не ўсё бясконцае мноства нобіляў, а толькі іх абмежаваная колькасць. Падчас каміцыяў, калі паўналетнія нобілі збіраюцца на вы-

бары ў магістрат, у цэнтры выбарнікаў ставяць урны са срэбнымі шарыкамі ў перамешку з нешматлікімі залатымі. Колькасць усіх шарыкаў адпавядае колькасці прысутных. Кожны мае права выцягнуць адзін шарык. Калі нобіль выцягвае срэбны шарык, ён пазбаўляецца вотуму, страчвае права голасу і выпадае. Галасаваць можа толькі той, каму пашанцуе выцягнуць залаты шарык. Такім чынам атрымліваецца, што кожны мае права аказацца пры ўладзе, але непасрэдна ўдзельнічаць у дзяржаўных справах могуць нямногія. І ўсё гэта адбываецца без усякага тлуму і буйства. Калі б і мы выбіралі ўладу і прымалі ўставы так, як гэта адбываецца ў слаўным Венецыянскім грамадстве, дык не марнавалі б столькі часу на нашых соймах і намнога дзейней спраўляліся б з бясконцаю плыню спраў.

Але якім бы спосабам ні выбіралі вярхоўных асоб судовай улады, усё адно – з прычыны вялікай заганнасці чалавечага роду выбраць суддзю ва ўсіх адносінах дасканалы і заўжды бездакорнага немагчыма. У галовах людзей тоіцца шмат аблудаў і забабонаў. І забабоны гэтыя, тлумячы чалавеку розум, збіваюць з тропу і перашкаджаюць убачыць ісціну. Дзеля магчымасці скасаваць памылку, дапушчаную недасведчанымі ці занадта строгімі суддзямі, у нас з нечай разумнай ініцыятывы выдадзеныя законы, згодна з якімі незадаволены судовым рашэннем можа падаць апеляцыю ў вышэйшую інстанцыю. Ніхто не павінен цяпець урон і пакуты ад прысуду цвердалобага ці падкупленага судзі. Апеляцыйная практыка прысутнічае і ў іншых грамадствах, якія даражаць грамадзянскай свабодай.

Ажыццяўленне паспалітага правасуддзя без ніякага двурушніцтва, на аснове закона з'яўляецца вельмі істотным для грамадзянскай свабоды. І няма больш дзейснага сродку адмены несправядлівых прысудаў, чым прыпыненне юрысдыкцыі ніжэйшага судзі праз апеляцыю да вышэйшага. Паколькі ж у розных народаў у якасці вышэйшых інстанцый выкарыстоўваюцца розныя інстытуцыі, будзе дарэчы прыгадаць, што робіцца ў гэтай галіне ў іншых грамадствах, і шляхам параўнання выбраць найбольш прыдатнае для нас.

У нашай краіне апеляцыі з усіх судаў ідуць у Трыбунал самога караля, і бясконцыя цяжбы вырашае адзін чалавек. Ці гэта нармальна? У народзе такую апеляцыю называюць стогадовай адтэрміноўкай прававога рашэння. Судовыя справы, пачатыя яшчэ нашымі продкамі, ператварыліся ўжо ў хадзячыя прымаўкі. Яны застаюцца нявырашанымі дагэтуль, і невядома, ці будуць закончаныя хоць калі-небудзь. Не трэба, аднак, думаць, што прычына тут

у нядобразычлівасці або марудлівасці караля. Нават калі б кароль, знаёмячыся з апеляцыямі, быў такі старанны і руплівы, што спаў бы не больш, чым патрабуецца для здароўя, і не дазваляў бы адрываць сябе ад працы на розныя прыемныя ўцехі, дык і тады яму аднаму немагчыма было б асіліць усю процьму дасланных справаў. Нават калі б ён працаваў не пакладаючы рук, шчыраваў безупынку аж да сёмага поту, усё роўна не змог бы адзін адолець бясконцую лавіну разнастайных справаў і ўладзіць агромністае мноства ўсялякіх спрэчак.

Пра гэта сведчыць і прыклад славутага правадыра ізраільскага народа Майсея. Ён з такою гарлівасцю і самаадданасцю аддаваўся вырашэнню спрэчак і разнастайных судовых справаў, што цэлы дзень толькі тым і займаўся. Потым, аднак, зразумеў, што яму не пад сілу такая непад'ёмная ноша. Параіўшыся з цесцем Ёторам, ён выбраў з народа вялікую колькасць людзей, якія вызначаліся жыццёвым досведам, разважнасцю і богабаязнасцю. Яны ўзвалілі на свае плечы ўвесь цяжар апеляцыяў. Майсею перадавалі толькі найбольш сур'ёзныя справы.

Вярхоўны ўладар у грамадстве мае ўдосталь і іншых клопатаў. Гэта і захаванне цэласнасці рэлігіі і непадкупнасці судоў; гэта і стварэнне дзейснай улады, здольнай абараніць краіну ад знешняй пагрозы; гэта і пабудова замкаў і крэпасцяў, забеспячэнне іх на выпадак вайны зброяй, амуніцыяй, правіянтам, грашыма. Для апеляцыйных справаў павінны назначацца нешматлікія чыноўнікі, якія, падзяліўшы паміж сабой абавязкі, змогуць разгледзець і давесці да ладу тое, што адзіночку зрабіць вельмі складана. Але мы сёння хочам, каб пра ўсё дбаў адзін чалавек. У выніку, нідзе нічога не робіцца. Вялізная глыба справаў, пазбаўленая апірышча, пачынае ўрэшце хістацца, а потым рушыцца ў бездань. Закон, як бачым, не забяспечвае грамадзянам міру й спакою. І адбываецца так таму, што расчараваныя скажнікі, страціўшы ўсякую надзею на судовае рашэнне спрэчак, лічаць за лепшае самім пакараць крыўдзіцеля, чым цярапець ад яго шкоду. Калі чалавеку нанеслі цялеснае пашкоджанне або прычынілі ўрон ягонай маёмасці, сёння лічыцца ледзь не нармальным брацца за зброю замест таго, каб звяртацца да закона, які без улады ўсё адно не мае ніякай сілы. Мне сорамна згадваць шматлікія забойствы апошніх гадоў і пералічваць вялікую колькасць разрабаваных вёсак і замкаў. Усё гэта чынілі, у тым ліку, і тыя пакрыўджаныя, хто, страціўшы апошняю надзею на закон і спрэядлівасць, рашылі дабівацца праўды з дапамогай

зброі. Залішне называць імёны знатных людзей, якія патрацілі ўсё багацце на бясконцыя спрэчкі ў судах і дажываюць жыццё ў беднасці і нястачы. Гэтае ліха спасцігла, мусіць, ужо большую частку нашых грамадзянаў і безупынна душыць іх цяжкім рабскім прыгнётам.

Нашае жаданне славіцца сваёю свабодай будзе марным, пакуль мудрэйшыя прадстаўнікі нашай знаці дзякуючы сваёй разважнасці не знішчаць гэтае зло цалкам. Прычым я не думаю, што на пошук лекавых сродкаў спатрэбяцца нейкія празмерныя намаганні. Слаўныя хрысціянскія грамадствы даюць нам найвыдатнейшыя ўзоры арганізацыі сваіх судов. Праўда, пераняць гэтыя ўзоры цалкам нашаму народу не дазваляюць празмерная колькасць судовых справаў і пэўныя іншыя перашкоды. Але ж унёсшы нязначныя змены, мы маглі б пабудаваць форму судовага працэсу, якая мала чым адрознівалася б ад прапанаваных мадэляў. Прыклад, варты пераймання, дае нам славуная Парыжская курыя парламента Францыі. Яна мае назначаных суддзяў, якія працуюць у ёй пастаянна, рашаючы ўсе судовыя справы, што накіроўваюцца ім у парадку апеляцый. У належнай паслядоўнасці яны засядаюць у трох палатах. У першую палату прызначаюцца трыццаць суддзяў з чатырма старшынямі. Яны выслухоўваюць спрэчкі бакоў, накіроўваюць дасланія апеляцыі іншым суддзям, вызначаюць тэрміны судовага разбору справаў, прычым менш складаныя разбіраюць і вырашаюць самі. Другая і трэцяя палаты налічваюць па восемдзсят суддзяў з чатырма старшынямі ў кожнай палаце. Усе яны судзі высокай кваліфікацыі і аналізуюць справы надзвычай уважліва. Пасля адпаведнага рашэння або выраку трэцяя палата назначае бакам дзень абвяшчэння прысуду. Французы называюць такі прысуд *arrestum*, ці то канчатковым вердыктам, які не падлягае абскарджанню. Той, каго судзі прызнаюць вінаватым, павінен выплаціць курыям шэсцьдзсят турынскіх ліўраў. Калі чалавек лічыць, што ягоную справу зразумелі няправільна ці прааналізавалі недастаткова, ён мае права накіраваць матэрыял зноў у суд. Але папярэдне мусіць заплаціць суддзям падвойную грашовую суму.

У чацвёртай палаце суддзяў шэсць. Гэта так званыя Дварцовыя міністры. Яны прымаюць да разгляду справы асоб, падначаленых карало, або тых, хто мае пэўныя прывілеі, і на іх не распаўсюджваецца юрысдыкцыя іншых курыяў. Гэтыя асобы могуць дасылаць апеляцыю ў парламент. Справа перадаецца ў Сенат, калі выявіцца, што яна закранае інтарэсы ўсяго грамадства або з'яўляецца складанай ці важнай і патрабуе скрупулёзнага аналізу. Усе пастановы згаданых

інстанцыяў выконваюцца няўхільна. У парламенце ёсць асэсары, або памочнікі суддзяў. Іх называюць яшчэ пэрамі Францыі. Усяго пэраў дванаццаць. Назначаюцца яны з найвышэйшай эліты: шасцёра – духоўнага стану, шасцёра – свецкага. Прысутнічаючы на пасяджэннях, яны сядзяць першымі пасля старшыняў, з якімі абмяркоўваюць справы, падсудныя пэрам і каралю. Праўда, цяпер аўтарытэт пэраў з вядомых прычынаў паменшыўся. Вось так выглядае працэс разгляду апеляцыйных справаў у французскім правасуддзі.

Гішпанцы маюць амаль такія самыя інстытуцыі. У Гішпаніі дзейнічаюць юрыдычныя Канвенты, з якіх асабліва вылучаюцца два: Вальядалідскі і Гранадскі. У кожны з гэтых Канвентаў выбіраюцца па семнаццаць слухачоў, або суддзяў, глыбока абазнаных у юрыспрудэнцыі. Судзі, раздзеленыя на чатыры класы, вырашаюць усе грамадзянскія справы, прымаюць да разгляду апеляцыі, пацвярджаюць рашэнні іншых суддзяў альбо ўносяць у іх пэўныя карэктывы. Апеляцыя на вердыкт суддзяў Канвента не дапускаецца, аднак падача просьбы ў Канвент дазваляецца.

Вывучаючы юрыдычныя інстытуцыі двух гэтых слаўтых хрысціянскіх грамадстваў, мы, змушаныя да гэтага крайняю неабходнасцю, маглі б таксама стварыць нейкую падобную форму судовае працэдур, якая адпавядала б звычаям нашага народа. Але ж пакуль нашы грамадзяне ўсіх станаў, распачаўшы судовую цяжбу і змардаваўшы сябе разнастайнымі выдаткамі, пачынаюць лютаваць і забіваць адзін аднаго ў міжсобных бойках і звадах. Гэтае вялікае няшчасце настойліва патрабуе як мага хутчэйшага лекавання. Не трэба слухаць легкадумаў, якія хочуць узваліць увесь цяжар лекавання на караля, быццам на нейкага Атланта, які павінен трымаць неба. Само жыццё паказвае, што адзін чалавек не здольны справіцца з агромністаю лавінай апеляцыяў. Пра тое ж сведчаць і ўмудронныя багатым вопытам слаўныя старажытныя грамадствы. У іх заўсёды лічылася, што манарх не можа асіліць такую ношу. Дык не будзем пагарджаць мудрымі парадамі старажытных законнікаў, а скарыстаемся з іх цудоўных узораў вядзення судовых справаў.

Паколькі вярхоўны ўладар не здольны разгледзець вялікае мноства апеляцыяў, трэба, каб за дзяржаўны кошт выкананне гэтых абавязкаў было альбо ўскладзенае на кожнай канкрэтнай тэрыторыі на суддзяў, або каб у асобных княствах былі створаныя галоўныя кансісторыі, у склад якіх увайшлі б некалькі юрыстаў і столькі ж прадстаўнікоў шляхты, а таксама ваявода ці кашталян у якасці старшыні. Яны будуць знаёміцца з апеляцыйнымі справамі

і сумесна выносіць рашэнне па скаргах бакоў. Ёсць яшчэ Калегіумы так званых канонікаў. Але мне думаецца, што канонікі не надта падыходзяць на гэту важную дзяржаўную пасаду.

Створаныя ўстановы далі б магчымасць і ашчадней траціць дзяржаўныя сродкі, і далучыць нічым не занятых спецыялістаў, глыбока абазнаных у пытаннях Богага і чалавечага права, да пачэснай, так неабходнай грамадству і карыснай дзяржаве дзейнасці. Разам з тым доступ да гэтай пасады будзе закрыты ўсякаму нікчэмнаму трутню, бо складанасць звязаных з ёю абавязкаў патрабуе сапраўднай вучонасці, уласцівай толькі чалавеку выключнай пабожнасці і вялікай эрудыцыі.

Пры вырашэнні апеляцыйных справаў трэба сачыць, каб той, хто хоча ўнікнуць судовых санкцыяў, не злоўжываў выгодамі апеляцыі, створанай выключна дзеля таго, каб пазбегчы магчымай несправядлівасці суддзяў. Як юрыдычны сродак яна прадугледжаная для дапамогі сумленнаму пацярпеламу, а не для патурання свавольніку, які не падпарадкуецца суду. Немэтазгодна дазваляць апеляцыю па справе, акалічнасці якой пераканаўча пацвярджаюцца паказаннямі сведкаў, а таксама іншымі судовымі доказамі. Калі суддзя судзіў справядліва, калі не было ніякага гвалту ці пагрозы ўжывання гвалту, пададзеная апеляцыя мусіць лічыцца неабгрунтаванай і беспадстаўнай. Каб запабегчы падачы такіх апеляцыяў, ёсць досыць дзейсны сродак: калі падаўца апеляцыйнай скаргі прайграе справу, ён па рашэнні суда павінен кампенсаваць страты супраціўнаму боку. Нічога гэтага нашы законы не прадугледжваюць. Адсюль і неймавернае мноства судовых суцяжніцкіх справаў, якія, здаецца, не завершацца ўжо ніколі. Ад такой неразбярыхі невінаваты бок церпіць шкоду і страты. Нельга абмінуць маўчаннем і той адчувальны ўрон, які наносіцца зыскоўпу марудным, зацяжным судаводствам, а таксама дзеяннямі адказчыка, які па даўняй заганнай завядзёнцы ўсяляк перашкаджае зыску. І адно і другое прыводзіць да таго, што зысковец, без перадыху заняты апастыльнымі ўжо клопатамі і выдаткамі, траціць апошняю надзею на справядлівасць і вымушаны адмовіцца ад судовай справы. У крымінальным судаходстве, прызначаным для пакарання злачынцаў, усё робіцца хутка: заяву аб узбуджэнні крымінальнай справы можна падаць замкаваму старосту ў любы час. А вось па падачу грамадзянскіх зыскаў, у якіх вырашаюцца спрэчкі паміж людзьмі, прызначаны пэўны тэрмін, бо судовыя слуханні адбываюцца толькі тры разы ў год. Такія пасяджэнні было б нялішнім і ка-

рысным для ўсіх праводзіць часцей, каб несправядліва пацярпелы бок не быў вымушаны заставацца пакрыўджаным надта доўга.

Трэба вынішчыць шкодную звычку, калі адвакаты-кручкатворы могуць звесці пададзены зыск на ніпго. Яны пільна вызіраюць самыя нязначныя хібы і за нейкае адно прапушчанае ці памылкова напісанае слоўца пазбаўляюць зыскоўца права на зыск. Часта бывае, што праз хітрамудрыя выкрутасы юрыдычных кручкатвораў ці, хутчэй, па недасведчанасці суддзяў, якія дазваляюць нахабнікам здэкавацца з сабе, справы зацягваюцца на доўгі час і не могуць дайсці да суда. Хоць суды і створаныя для хуткай і дзейснай дапамогі пацярпелым, але па нейкай недарэчнай завядзёнцы яны абарочваюцца ў сваю процілегласць. Праз патуранне самавольству настырных прахвостаў суды ператвараюцца ў месца, у якім дапускаецца крывадушная і блытаная інтэрпрэтацыя справаў і чыніцца несправядліваасць.

Калі матывы зыску выкладзены ясна, адказчык не мае права без важкай прычыны ўнікаць судовага працэсу. Гэтаксама і ў крымінальных справах – нельга чакаць, пакуль абвінаваўца ці скажнік давядуць справу да ведама суда. Здараецца, што яны адсутнічаюць ці чагосыці баяцца, або па іншай прычыне не паведамляюць пра злачынства, куды трэба. Тады суддзя ў парадку выканання свайго службовага абавязку павінен сам праводзіць расследаванне і рабіць здзейсненае злачынства прадметам судовага разбору.

Эсхін мае рацыю, калі кажа, што ад грамадства, якое не валодае сродкамі сілавога ўздзеяння на злачынцаў, няма карысці. І ў такім грамадстве, дзе зламыснікам за іх ліхадзейства не пагражае адпаведная кара, ніхто не можа сябе лічыць свабодным.

Калі б спалучыць усё сказанае тут з тымі законамі і звычаямі, на якіх ужо грунтуецца свабода нашага народа, мы атрымалі б, напэўна, найлепшае і найшчаслівейшае з грамадстваў. Бо і цяпер няма ніводнага народа на ўсёй зямлі, які мог бы ці наогул адважыўся б супрацьпаставіць сваю свабоду нашай.

Андрэй Волан

Пра шчаслівае жыццё або найвышэйшыя чалавечыя вартасці

Пераклад з лацінскай мовы выкананы У.К. Шатонам па выданні: Andrea Volano. De vita beata sive summo hominis bono. Dialogus. Vilnae. Imprimebat Salomon Sultzer, 1596. Рэдактар перакладу Зміцёр Колас.

Дыялог

Знакамітаму сваёй знатнасцю, дабрачыннасцю, вучонасцю і пабожнасцю дарагому, шануюнаму сябру і сваякупану Марціну Букавецкаму

У жыцці няма нічога прыемнейшага за сяброўскую кампанію. І я, мой слаўны, дарагі Букавецкі, часта журуся, што мы разлучаныя такою адлеглаю даллю і не можам сапернічаць у дружбе й сяброўстве. Падабенства звычай, інтарэсаў мацней яднае тых, хто мілы адзін аднаму сэрцам. Мне думаецца, якім бы салодкім было маё жыццё, калі б я мог часта сустракацца з табою, адчуваць прыемнасць нашае дружбы і адпачываць у душэўных размовах з табою. Мне не аднойчы даводзілася бачыць цябе і размаўляць з табой на важных Соймах Каралеўства. І я, бадай, паспеў зведаць і здольнасці твайго розуму, і тваю вучонасць, і тваю пабожнасць. У нас амаль поўнае супадзенне поглядаў і пачуццяў. Якое было б шчасце ў жыцці, калі б наша першае знаёмства і дружба дапаўняліся частымі сяброўскімі сустрэчамі. У дадатак (а гэта павінна яшчэ больш умацоўваць нашу дружбу) твой бацька, чалавек знатны і прыстойны, шчыра сябраваў са мной, калі мы былі яшчэ хлапчукамі і вучыліся ў аднаго і таго ж настаўніка. З пісьмаў, якія ты прыслаў мне, я таксама даведаўся, што маці твая, найшляхетнейшая жанчына (з ёю лучыць мяне пэўнае радство), лічыць нас сваякамі. Гэтым яна сцвердзіла вялікі закон дружбы, якая існуе паміж намі.

Але я ўжо казаў, што вялікая адлегласць з яе нялёгкамі шляхамі пазбаўляе нас непасрэднай блізкасці і звычайных сяброўскіх сустрэчаў. Аднак і далеч не можа адняць у нас магчымасці з дапамогаю пісем засведчыць нашу ўзаемную любоў і праз іх пасярэдніцтва весці частыя размовы. Як мне стала вядома, ты цікавішся маімі тэкстамі. Дагэтага, напэўна, спрычынілася больш твая прыхільнасць да мяне, чым мае творы. Што карыснага можа даць вучоным мізэрны, кволы талент, не навучаны амаль ніякім навукам? І ўсё ж я рашыў далучыць да пісьма свой невялічкі твор, які напісаў не так даўно. Але не таму, што лічу сябе здольным даследаваць гэтую праблему дастойным чынам, а проста, каб не парушаць маю звычку нешта пісаць, калі надараецца часіна, свабодная ад штодзённых клопатаў. Мне, які мае за плячыма столькі гадоў і стаіць ужо на схіле жыцця, нічога так не пасуе, як разважаць аб узнёслых, нябесных рэчах і на ўсіх вёслах і ветразях, паколькі наперадзе засталася нямнога шляху, імкнуцца дасягнуць прыстанку найвышэйшага чалавечага спакою і шчасця. Я не сумняваюся, што з дапамогаю міласэрнага Бога і Боскіх павеваў спадарожнага ветру дасягну сваёй мэты.

А ты напаўдарозе. У цябе яшчэ многа маладых сілаў. Збіраючыся пераадольваць бурнае мора сучаснага жыцця, заўсёды май на ўвазе той прычал, які ўратае цябе ад небяспекі. Жадаю, каб ты з Божай ласкі быў доўга яшчэ побач і разам са мною, каб табе пастаянна шчасціла, каб дапамагаў радзіме і сябрам ва ўсім, што для іх карысна. І няхай тая дабрачыннасць, якую ты праяўляеш да маёй асобы, застанецца і маім блізкім.

Гэты невялічкі твор, які прысвячаю табе, чытай у асяродку нашых сваякоў ці сяброў. Перадай ім мае найлепшыя пажаданні. Хацеў бы таксама, каб да цябе далучыўся наш агульны родзіч, сусед твой, Мацяш Сарэмскі. Хай бы ён толькі паправіўся ад сваёй цяжкай хваробы. Я вельмі паважаю і люблю гэтага чалавека за яго бездакорны лад жыцця, эрудыцыю, пабожнасць і выключную да мяне прыхільнасць. Хацеў бы таксама выказаць найлепшыя пажаданні адважным магутам Вастрарогам і Краташынскім, ад якіх ты перадаваў мне прывітанне ў сваім нядаўнім лісце. Дай Божа, каб яны сваімі подзвігамі набылі такую славу, якую заслужылі калісьці іхныя продкі. Здароўя ім і сілы. Хай будуць моцнай апорай царквы і дзяржавы.

Усяго добрага табе, мой найдаражэйшы дружа.

Любі мяне, як любіў заўсёды.

Адпраўлена з маёнтка майго Б'юцішкі 2-га лютага, 1596 г.

З любоўю да цябе, Андрэй Волан

Суразмоўнікі Эвэргет, Філахрэмат, Яўгеній, Філацім, Эўсэбій, Філідон

ЭЎСЭБІЙ. Выказванне, згодна з якім для чалавека найлепшае – альбо не нарадзіцца зусім, альбо як найхутчэй памерці, спрадвеку вядомае ўсім і паўтаралася ў многіх прамовах і творах. Сэнс гэтага выслоўя мне бачыцца ў тым, што жыццё кожнага чалавека надзвычай благое і няшчаснае: ледзь ён паспявае ўбачыць гэты свет і глынуць першы раз жыццядайнага паветра, як на яго навалываецца ўсякая навалач. І пачынаючы з гэтага моманту на ўсім жыццёвым шляху яго, нібыта ў бушуючым моры, кідаюць і круцяць віхуры будзённых навалніцаў. Чалавека не адпускаюць трывога і страх. Ён носіць у сваім целе безліч хваробаў, якія неўзабаве пускаюць парасткі, набіраюць сілу і пачынаюць грызці яго нутро. І ў такім стане бедалага мусіць гібець у сваім мізэрным, пакутным жыцці, поўным горычы і смутку. А што казаць пра разнастайную небяспеку, якая ўвесь час і адусюль падпільноўвае чалавека і, яшчэ не настаўшы, безупынку даймае і мучыць яго боязю магчымай бяды, а ўжо спаймаўшы і засліўшы гаротніка, асуджае на самыя цяжкія пакуты.

Выглядае, што прызначэнне і лёс, наканаваныя чалавеку ў яго жыцці, зводзяцца да таго, каб пастаянна змагацца з хваробамі і страхамі. Калі ж надарыцца нешта радаснае, гэта лепш разглядаць як знак нейкай яшчэ большай будучай злыбеды. Нездарма той малады камедыянт, які даў сябе падмануць фальшывай праяве шчасця і сам віншуе сябе з такою ўдачай, жадае хутчэй памерці, а не застацца жыць, каб нейкая новая скруха не азмрочыла яго радасці. Гэтак сама і ад смяротных, якія марнеюць у немачах і напасцях, нярэдка можна пачуць, што яны хочуць хутчэй памерці, бо смерць азначае канец усім пакутам і бедам і вызваляе ад усякай болі. Праўда, само паняцце смерці настолькі супярэчыць чалавечай прыродзе, што яе клічуць, бадай, толькі прытворшчыкі. Гэта пацвярджае і наступная прыпавесць.

Стары дзед нёс вязанку галля. Праз нейкі час ён так знямогся, што скінуў ношу долу і ў распачы пачаў клікаць смерць. А калі тая раптам з'явілася і спытала, чаго ён яе клікаў, стары, стараючыся неяк ад бязносай ухіліцца, сказаў, што клікаў яе, каб дапамагла падняць з зямлі ношу.

Смерць кідае чалавека ў жах. Сярод шматлікіх ліхтугаў, якія чорнаю хмарай вісяць над людзьмі, страх смерці за ўсё мацнейшы. Гэтаму не супярэчыць і факт, што некаторыя вар’яты, а таксама тыя, чыё сумленне точыць незагойная рана, часам накладаюць на сябе рукі. Іх глуды затлумленыя настолькі, што яны спадзяюцца ўсыпіць той страх, які не могуць адолець розумам. Але і рынуўшыся насустрач пагібелі, самагубцы не здольныя цалкам вызваліцца ад жуды і не адчуваць, нават уцякаючы ад пакутаў, дзікага перадсмяротнага жаху. Дый людзі старыя, лядашчыя не маюць асаблівага жадання паміраць. Прыгнечаныя мноствам хваробаў і старэчаю немаччу, дзяды ўсё роўна баяцца смерці, і чым яна бліжэйшая, тым большы іх апаноўвае страх. Хоць няма ніякіх прычынаў, каб больш ці нават менш старацца зберагчы такое жыццё. Бо калі яно згасае, слабнучь і ўсе пачуцці: вочы слепнучь, вушы глухнучь, рукі дрыжаць, а хісткія ногі ледзьве трымаюць хворае цела. Як кажа Эклезіяст, замест хрусткага перамолвання ежы зубамі бачна слабое, ледзь улоўнае комчанне бяззубага рота. Так жуючы, старэча глытае страву вельмі марудна і з вялікаю цяжкасцю. У яго бы падманам аддымаюць харчы, і яму пагражае галодная смерць. Апошняя сцэна старэчага жыцця – суцэльныя хваробы й пакуты. Няшчасны, нямоглы, няздольны пацешыцца вясёлым ззяннем святла, пазбаўлены ўсіх колішніх сваіх радасцяў, ён гібее амаль у беспрасветнай цемры.

Але і маладосць не засцерагае чалавека ад разнастайных бедаў. Наадварот, самага здаровага чалавека, чые органы пачуццяў служаць яму беззаганна, яна гоніць у пашчу віхураў лёсу, шпурылае на скалы фартуны, кідае на іклы самай страшнае небяспекі. І агорнуты жахам, ён апынаецца ў бушуючым віры чарговай навалы.

Прырода падарыла людзям сон, каб яны, знясіленыя і змардаваныя дзённаю працай, хоць на кароткі час пазбавіліся ўсякай мітрэнгі. Але і ў начным адпачынку чалавеку нярэдка мрояцца жахі. Складаецца ўражанне, што і начны адпачынак даецца смяротным не дзеля таго, каб яны маглі хоць на час унікнуць шматлікіх турботаў, а, бадай, каб узвалілі на сабе новыя. Вечны рупесак, пачварны страх і жудасныя прывіды не пакідаюць чалавека ні днём, ні ноччу. І няма яму ні душэўнага спакою, ні суцішэння. Так што, па-мойму, памыляюцца мудрагелі, якія сцвярджаюць, нібыта ёсць сродак, з дапамогай якога можна ўрэшце здабыць шчаслівае і светлае жыццё. Хіба можа быць шчаслівым гаротнік, якога ўвесь час даймаюць нялёгкі клопат, пастаянная трывога і хворасць? Бадай, справядліва казаў паганскі паэт: да скону і пахавання шчаслівым нельга назваць нікога.

ФІЛДОН. Але ж стоікі і іх паслядоўнікі, здаецца, адкрылі слушную дарогу да шчаслівага жыцця. Яны кажуць, што ўзброілі чалавека філасофіяй, якая дае магчымасць пазбегчы сумнага і пакутлівага існавання пры ўмове, што кожны прывучыць сябе строга выконваць прадпісанні іхняй навукі.

ЭЎСЭБІЙ. Я знаёмы з іх выдумкамі. Стоікі даводзяць, што галоўнае ў чалавеку – розум. Паводле іх вучэння, найвышэйшае чалавечае шчасце ў здаровым розуме, іначай кажучы – у правільным мысленні і беспамылковых канклюдзіях. А што да матэрыяльных і фізічных дабротаў, то гэтым атрыбутам стоікі раяць вялікага значэння не надаваць. Яны, маўляў, ад чалавека не залежаць і яму непадуладныя. Калі з цела здараецца нешта нядобрае ці нейкая навала нішчыць тваё майно, – не варта бедаваць, падрываючы сэрца душэўнымі перажываннямі. Усё гэта не тваё. А па чужому гору не плачуць.

Розум у такім стане, маўляў, набывае абсалютны спакой і дасягае поўнай апатыі. Апатыю ж стоікі цэняць надзвычай высока. Яны лічаць, што акурат апатыя і ёсць найвышэйшае дабро і сапраўднае чалавечае шчасце.

ФІЛДОН. А па-мойму, гэта проста прыгожае пустаслоўе, а не правільнае мысленне. Стоікі прапануюць парадоксы, якія не адпавядаюць чалавечай прыродзе і не знаходзяць пацверджання ў чалавечым грамадстве. Сам Бог стварыў чалавека такім, што яго прырода складаецца не толькі з духоўнага, але і з цялеснага. Цела ж не можа быць здаровым, калі яго пазбавіць такіх рэчаў, як ежа, адзенне. У сваю чаргу, і душа з прычыны сваёй цеснай повязі з целама таксама церпіць, калі чалавек пакутуе ад холаду, голаду ці іншых нягодаў. Адмаўляць такое – значыць прыпадобніць чалавека да нейкага цурбана ці каменя, які не адчувае ні пакутаў, ні радасцяў, ні асалодаў. Паўсядзённая рэчаіснасць сведчыць, што з’явы прыемныя прыносяць задавальненне і розуму, а непрыемныя, блія прычыняюць яму расстройтва. Таму меркаванне стоікаў бачыцца мне абсурдным. Каб пазбавіць чалавека душэўных узрушэнняў, яны адымаюць у яго здольнасць успрымаць боль. Ды такі стод ужо і не чалавек, а, хутчэй, валун ці бервяно.

На мой погляд, геданісты робяць слушней. Яны не аб’яўляюць вайны прыродзе і не пнуцца адмовіць тое, што прырода адмовіць не дазваляе. Кожны з іх проста стараецца ўнікнуць душэўнай трывогі. Кожны жыве вясёлым шчаслівым жыццём, поўным уцех і прыемных пачуццяў. Напэўна, менавіта гэта меў на ўвазе му-

дрэц, калі ў Эклезіясце казаў, што сярод мноства чалавечых памкненняў самым сапраўдным шчасцем для чалавека ёсць магчымасць добра паесці і выпіць, павесяліцца, напамадзіцца, апрануцца ў дарагое адзенне, спачыць у абдымках каханай, словам, шчасце – гэта ўсё, што прыносіць прыемнасць і асалоду. На дасягненне такога шчасця і трэба скіроўваць свае намаганні.

Чалавечая прырода не церпіць болі і працівіцца ўсякай нястачы. Таму чалавек больш за ўсё любіць уцехі. Яны поўняць яго слодыччу і радасцю жыцця, лагодзяць і песцяць ягонае цела, ствараюць яму добры настрой. Нездарма ж маладзёны (Кн. выслоўяў, 2) бачаць найвышэйшае дабро ва ўцехах. Яны пастаянна падахвочваюць адзін аднаго лавіць усякую мімалётную асалоду, цешыць сваё цела віном і песціць разнастайнымі пахамі й масцямі. Нікога нельга пазбаўляць прыемных пачуццяў. Кожны павінен пакідаць пасля сябе весялосць. Гэта іх лёс, гэта іх прызначэнне.

ЭўСЭБІЙ. Але ж мудрэц гаворыць, што гэты голас – голас бязбожнікаў. Аслепленыя жывёльнаю жарсцю, яны, бы ашалелыя, імкнуцца яе задаволіць. Ніхто не страшыцца Богага суду, не зважае на веліч закладзенай ім у чалавека прыроды, а безаглядна апускаецца ніжэй за ўсякае быдла. І нічога дзіўнага, калі гэтае быдла, пазбаўленае розуму і агорнутае неўтаймоўным пачуццем, горача прагне цялесных уцехаў.

Але Саламон у Эклезіясце гаворыць не ў прамым сэнсе. Сярод іншых марных чалавечых памкненняў ён пералічвае самыя нізкія чалавечыя вады. Бывае, што чалавек усё жыццё ганяецца за прыемным і, забыўшыся пра блізкі Божы суд, легкадумна аддаецца распусце. Хлопча, які, упіваючыся сваёй маладосцю, прабаўляе ўвесь час у пачуццёвых уцехах, вяселлі і пацешных забавах, прапаведнік папярэджае, што за ўсё гэта давядзецца адказваць перад Богам. Дый сёння ў час сваіх вакханаліяў чалавек не настолькі страчвае розум, каб не адчуваць дакору сумлення і не думаць з жахам, што на яго можа абрынуцца Божы гнеў. Сёння нікому не трэба казаць, што следам за мімалётнаю асалодай заўсёды ідзе пакута і вусціш. Брыдкія, западта вольныя паводзіны азмрочваюць і трывожаць душу. А вось памяркоўная стрыманасць заўсёды дорыць і ахоўвае душэўны спакой.

Жыццё рабоў, якія страцілі свабоду і вымушаныя служыць прыхамаці гаспадароў, вартае жалю. Але хіба не меней няшчасны той, хто трапіў ва ўладу найдзічэйшых уцехаў і стаў ахвярай гэтых

сваіх лютых катаў? Чалавек спачатку паддаецца неадольнай спакусе, але потым яго спасцігае суровая кара. Плутарх цалкам слухна кажа, што ўцехі нават шкодныя чалавеку, бо змяншаюць яго трываласць і сілу. А гэта спараджае шматлікія немачы і хваробы, і чалавек ужо ў маладосці пачынае старэць. З меркаваннем Плутарха сутучныя выказванні Цыцэрона, па словах якога распусная маладосць цягне за сабою лядачую старасць. Калі ж хто спярдае, што ў пачуццёвых уцехах заключаецца найвышэйшае шчасце, то ён гаворыць голасам не чалавека, а бадай, жывёлы. На думку Архіта Тарэнцага, няма большага зла, закладзенага прыродай у чалавека, чым ягоная прага да ўцехаў. Уцехі ёсць вораг розуму і путы развагі. Яны слепяць чалавечую свядомасць і не маюць нічога агульнага з найвышэйшымі каштоўнасцямі. Там, дзе прага да ўцехаў перамагае, усе магчымыя чалавечыя вартасці аказваюцца занябанымі.

Але на маю думку, прырода тут невінаватая, хоць, напраўду, кожны наш орган станоўча рэагуе на ўсё прыемнае. Галоўная прычына – у злоўжыванні ўласцівасцямі чалавечай прыроды. Шмат хто, папускаючы сваім жаданням і жарсцям, не вытрымлівае ўмеркаванасці, якой патрабуе прырода. І тады асалода, прызначаная на ўмацаванне цела, нясе яму гібель. Ёсць рэчы для цела прыемныя і заўжды неабходныя – напрыклад, ежа, адзенне. Без іх чалавек жыць не можа. Але ў іншых ніякай жыццёвай неабходнасці няма. Сярод можна назваць пераяданне, абжорства, непрабуднае п'янства, любоўную разбэшчанасць. Усё гэта не толькі не садзейнічае ўмацаванню здароўя, падтрыманню і захаванню чалавечай прыроды, а наадварот, нясе вялікую шкоду. Тым не менш, людзі не ў меру ласяся на асалоду, пагружаюць у размаітых уцехах і стараюцца ўволю насыціцца імі. Яны падманліва лічаць сябе найшчаслівейшымі, хоць напраўду – самыя што ні на ёсць няшчасныя. Няхай жа гэтая аблуда абміне кожнага прыстойнага чалавека. А згаданым вышэй заганам месца, хутчэй, у свінарніку, а не ў чалавечай супольнасці, дзе кожны хоча жыць у згодзе са сваёю прыродай і быць такім чынам шчаслівым.

ФЛАЦІМ. Я. Эўсэбій, цалкам з табою згодзен і галасую за твае прапазіцыі, як той казаў, абедзвюма рукамі. Па-мойму таксама, людзі, у якіх галоўная мерка ва ўсім – асалода, заслугоўваюць ганьбавання. Салодкія ўцехі, як справядліва адзначае Саламон, нясуць жывому целу пагібель. Урэшце ўсе яны змяняюцца смуткам, бо выклікаюць у чалавека, хутчэй, пачуццё раскаяння, чым прыемны ўспамін.

Мяне вабіць іншае. На маю думку, самы шчаслівы – той чалавек, які, дасканалячы свае вартасці, дасягае вяршынь і заслугоўвае найвы-

шэйшую пашаноту. Яго ўсхваляюць, на яго глядзяць, як на бога, яму пяюць славу і выконваюць усе яго настаўленні. Менавіта таму самыя разумныя і таленавітыя, прыносячы сваімі думкамі і ўчынкамі шмат карысці грамадству, тым не менш мэту сваіх высілкау бачаць у тым, каб здабыць як мага шырэйшую вядомасць свайму імя і ўславіць у вяках сваю смеласць і мужнасць. Цары, імператары, ваяводы, воіны, філосафы, прамоўцы не сядзяць, ганебна склаўшы рукі, і не аддаюцца марнаму летуценню, а імкнуцца да вышыннь дабрачыннасці і, ператварыўшыся ў светачаў сярод агульнай цемры, ззяюць нязгасным агнём, застаючыся ў памяці і на вуснах людзей. А сталыя наведнікі корчмаў, прытонаў, прасталюдзіны, занятыя чорнай работай, і ўсякія іншыя, хто да пашанот не ахвочы, праходзяць незаўважанымі. Само жыццё такіх людзей нагадвае смерць. Іх, нічым не адметных, амаль ніхто і не ведае. Выглядае, быццам яны і не жылі на свеце.

ЁЎСЭБІЙ. Так ужо яно заведзена ў людзей, што не кожны можа рабіць тое, што робіць іншы. У залежнасці ад здольнасцяў і дастатку кожны займаецца сваёй справай. З усяе разнастайнасці людскіх заняткаў чалавек выбірае той, да якога найболей здатны. Але на маю думку, славалюбы вельмі памыляюцца, калі бачаць шчасце ў пашане і так за ёю ганяюцца. Бо нярэдка такія асобы, наадварот, трапляюць у пастку розных заганаў і самі пазбаўляюць сябе свабоды. А свабода павінна быць чалавеку даражэйшая за ўсё. Калі ж ён разам з тым хоча карыстацца і добраю славай, то абавязаны клапаціцца пра дабрабыт грамадства. У вольны час ён не павінен ухіляцца ад спраў, аддаючыся млявасці і бяздзейнасці.

Паўсядзённы вопыт паказвае, што ўсе сферы адміністрацыйнага кіравання звязаныя з вялікімі клопатамі і турботамі. Асабліва многа мітрэнгі маюць тыя, хто па сваіх годнасці й званню стаіць на вышэйшай ступені. Рэзідэнцыя ўладара знаходзіцца ў безупыннай аблозе натоўпу, безліч людзей патрабуюць яго аўдыенцыі. І манарх не можа спасылацца на адсутнасць вольнага часу. Іначай яму давядзецца пачуць тое, што аднойчы пачуў імператар Адрыян, да якога прыйшла з просьбай жанчына. Калі Адрыян сказаў, што ў яго няма часу, то ў адказ атрымаў: «Дык не будзь імператарам». Гэтыя словы прымусілі такі імператара спыніцца і выслухаць жанчыну.

У кіраўніка дзяржавы такая безліч усялякіх справаў, што Дэмафен у свой час ахарактарызаваў яго становішча такім параўнаннем: «Калі б на ростанях пачыналіся дзве дарогі, з якіх адна вяла б на трон, а другая ў апраметную, то мудрэц абраў бы апошнюю». З гэтым

сугучныя і словы аднаго цара, прамоўленыя падчас уручэння яму дыядэмы. Кажуць, што, прыняўшы дыядэму і крыху патрымаўшы яе ў руках, цар сказаў: «О, тканіны ласкут! Калі б хто-небудзь ведаў, колькі трывог, небяспекі й няшчасцяў звязана з гэтым вянцом, то не падняў бы яго, нават калі б той проста ляжаў на зямлі».

Манарх шчаслівы тады, калі яго лічаць дастойным кіраваць дзяржавай, а ён, у сваю чаргу, скіроўвае ўсе свае думкі на паляпшэнне дабрабыту грамадства, а не на сваю карысць. Тыя ж, хто імкнецца толькі да пашанотаў, але не дбае пра ўсеагульнае дабро і не рупіцца пра заможнасць сваіх грамадзянаў (часам нават сабе ва ўрон), – такія шчасця здабыць не змогуць. Такога ўладара немінуча напаткаюць ўсе магчымыя беды: ён сам накліча іх на сваю галаву.

Што можа быць горш за нялюбасць народа і ўсведамленне, што цябе ўсе ненавідзяць, няславяць і ганяць апошнімі словамі? Бо, вядома ж, свайму ненавісніку людзі жадаюць найгоршага. І таму гэтага чалавека заўсёды мучыць вялікі страх. Ён ведае, што супроць яго плятуцца інтрыгі. Нават калі сапраўднай змовы няма, усё адно надта многія грамадзяне хочуць ягонай смерці. Знакаміты паэт-трагік, разважаючы пра найвышэйшае шчасце, зазначаў, дарэчы, што для Юпітэра няма большай і лепшай ахвяры, чым несправядлівы цар. Сам той паэт аддаваў перавагу не багаццю цароў, не пурпурным убранням і не палацам у залатым ззянні, а спакою і цішы. І ў старасці ён хацеў бы памерці ў ціхім закутку як просты чалавек.

Сказанае пра ўладароў тычыцца кожнага, хто кладзе ўсе сілы і сродкі, каб узяцца да славы, але разам з гэтым робіцца адкрытай мішэнню для стрэл ненавіснікаў і злых языкоў нядобразычліўцаў. Бо ў вачах такога прадажнага судзі, як натоўп, жыццё знакамітых людзей абуджае не так ухваленне, як зайздрасць. І як толькі славалюб развітваецца з гэтым светам, ужо амаль ніхто і не памятае, ці ён жыў.

ФЛАХРЫМАТ. Ну, калі такое адбываецца з усімі, хто хоць нейкім бокам дакрануўся да славы, то, па-мойму, шчаслівымі могуць быць прынамсі тыя, хто не лезе ў палітыку, а ўсе сілы аддае прымнажэнню багацця і грошай. Грашавітыя людзі абаронены ад злыбедаў лёсу. Іх ніколі не гнятуць нястача і беднасць. Яны заўсёды маюць усё патрэбнае ў такой меры, што не баяцца голаду і іншых бедаў, якімі пагражае нэндза. Усе лічаць галечу за пакутны цяжар, а з гэтага вынікае, што шчасцем, відаць, ёсць багацце і поўны дастаток. Па прыклады далёка хадзіць не трэба. У цяперашнім грамадстве бедны не можа пабудаваць добры дом, аздобіць цела дарагім

шыкоўным убраннем, жыць, як душа жадае. А багаты здольны нават на большае: калі ёсць ахвота, ён можа скарыстаць свае сродкі на якую заўгодна раскошу і ўцехі.

ЁЎСЭБІЙ. Але ж Бог, дэміург усяго існага, стварыў чалавека такім, што ён задавальваецца і малым – самым сціплым адзеннем і нязначнаю колькасцю ежы. Чалавечая прырода патрабуе столькі, колькі вымагае неабходнасць, а не папада і прыхамаць. Чалавек, які жыве ў згодзе з прыродай, робіцца свабодным ад турботаў і клопатаў, звязаных з набыццём рэчаў, і мірна цешыцца душэўным спакоем, без якога немагчыма шчаслівае жыццё. А той, хто займаецца збіраннем і прымнажэннем і без таго немалых грошай, толькі мардуе сябе няспыннымі трывогамі і бяссоннымі ночамі. Яму ніколі няма спачыну. Такі руплівец сам сябе пазбаўляе прыемнасці чалавечага існавання.

Усе багацеі аднолькавыя: чым больш яны багацеюць, тым мацнейшую адчуваюць прагу да золата. Ёсць людзі, якія, імкнучыся ўсімі спосабамі разбагацець, жывуць, аднак, сціпла і адмаўляюць сабе нават у самым неабходным. Іх ежа, адзенне сведчаць пра вялікую беднасць. З кожнага кута у іх доме крычыць убогасць і нястачай. Пра такіх багацеяў можна сказаць, што яны багатыя не для сябе, а для іншых. Калі яны паміраюць, іх багацці, здабытыя імі ў поце чала, забіраюць тыя, хто іх перажыў. А пакуль яны жывуць па прынцыпе: і сам не гам, і другому не дам, – і пастаянна баяцца падпусціць да сябе каго-небудзь блізка. Акурат, як сабака, што ляжыць у хляве на сене: і сам сена не есць і валу есці не дазваляе.

Прыгадаем Тантала, якога часта згадваюць паэты. Знаходзячыся ў апраметнай і маючы вакол мноства пітва і ежы, ён увесь час мусіў пакутаваць ад голаду і смагі. Тое самае і багацей: жыве мізэрным, убогім жыццём, недаядае і галадуе – абы зэканоміць. Такое ж становішча і ў гаротніка асла, які на сваёй хрыбеціне носіць правізію і іншы цяжар, а корміцца жухлай травой, якую яму кладуць на подсіл.

Зрэшты, ёсць і іншыя багацеі, для якіх багацце ёсць сродкам жыць у раскошы і шыку. Яны не саджаюць свайго Плутаса ў вязніцу, а, выпягнуўшы са схова, прымушаюць служыць салодкім разгульным забавам. Але ад такога жыцця мы ўжо адмовіліся, паказаўшы, якія згрызоты сумлення мучаць пасля матальгу, што аддаўся ўцехам і блуду. Нельга лічыць шчаслівым чалавека, які валодае агромністымі багаццямі, – усё адно, ці дасталося яно ад продкаў, ці ён сам нажыў яго сваёй працай і розумам. Акрамя ўжо згаданых заганаў, багатыя маюць яшчэ адну, пра якую народная прымаўка кажа: усякі багацей або сам няправедны, або ўладальнік няправеднага. Немагчыма, каб

нейкі сярмяжнік без падману і гвалту стаў раптам заможны, прыдбаў добрае імя і аказаўся надзвычай багатым. Мабыць, і Сулла ў свой час небеспадстаўна пачуў папрок: «Як магло стацца, што ты стаў знянацку такі багаты і знатны, калі бацькі нічога табе не пакінулі?»

Але дапусцім, што чалавек набыў багацце без крупельства, сваім мазалём. Тады цяжка нават пералічыць, колькі яму, ахвочаму разбагацець, давялося перажыць нягодаў, сцярпець пакутаў і праліць поту. Ужо сама няўтольная прага да набыцця заўсёды ўзбуджае і нікому не прыносіць душэўнага заспакаення. А ў змардаваным розуме і целе, як сведчыць Цыцэрон, здароўя быць не можа. Чалавека, чый розум страчвае стабільнасць і раўнавагу, філосафы называюць вар’ятам. Вось чаму, калі апантанаму прагаю да нажывы хочучь ліха, яму зычаць доўга жыць – каб ён яшчэ многія гады цярпеў душэўныя пакуты, трывогі і хваляванні. Бо апроч бясконцага карпення дзеля здабыцця ўсё новай маёмасці, не меншым злом ёсць і вечны страх за сваё дабро. Гэтае пачуццё скоўвае чалавечы розум і пазбаўляе яго рашучасці. Багач увесь час баіцца, што праз падман ці якую неспадзяванку ўвесь яго скарб зараз знікне ці кудысь прападзе. А калі такое сапраўды здараецца, душу скнарліўца пачынаюць душыць і мучыць незлічоныя хваробы, нядужасць і немач. Дык ці можна назваць чалавека шчаслівым, калі ўсе яго памкненні і думкі прасякнуты страхам і пакутнаю горыччу? Не, ён хутчэй гарапашнік. Ужо куды болей шчаслівы той, чыё вечна жывое сэрца безупынку раздзірае ў апраметнай арол, ці той, што, ніколі не ведаючы спачыну, мусіць варочаць кавалак скалы, штурхаючы яго да вяршыні.

Бо як ні круці, скнарліўца чакае смерць, ад якой не адкупішся ніякім золатам. Яна, як кажа Гарацый, косіць і малых і вялікіх. Багацей усё жыццё мардуе сябе марнай і няўдзячнаю працай, а потым у адну фатальную хвіліну мусіць пакінуць раптам усё, што так доўга збіраў. У адным сваім творы Аўсоній памяшчае найбагацейшага з цароў Крэза ў апраметную, дзе той сустракаецца з Дыягенам Цынікам, які аднойчы, яшчэ пры жыцці, з’едліва з яго пасмяяўся. І тут мудрэц зноў звяртаецца да Крэза з такімі словамі: «О, Крэзе, найбагацейшы з цароў, якая карысць табе цяпер ад твайго багацця? Ты цяпер гол як сакол і нават бяднейшы за мяне. Я чым быў багаты, тое маю і сёння. А ў цябе з былых скарбаў не засталася нічога».

Сапраўды, чалавек сярэдняга дастатку не жадае нічога больш, апроч спрыяльнага лёсу. Ён задаволены тым, што мае, і стаіць нават вышэй за самога Аляксандра Македонскага. Таму было мала зямное кулі. Ад сыгасці ён, як казалі скіфы, адчуваў голад. Меў

рацьню паэт, калі пісаў, што ўладальніка вялікіх багаццяў не назавеш шчаслівым. Слова «шчаслівы» больш пасуе чалавеку, які разумна карыстаецца дарункамі багоў і ўмее трымаць нават крайнюю нэндзу. Так і Біблія прадпісвае багатым ліць слёзы. Смеючыся з іх золата і срэбра, Святое пісанне прарочыць ім жалю варты лёс на тым свеце ўжо з тае прычыны, што багацце для багатых стала богам, а не сродкам дабрачыннасці. Нездарма скупасць называюць ідалапаклонствам. Усе думкі і клопаты багацея прыкаваныя да яго скарбу. Ён перакананы, што яго дабрабыт залежыць не ад Бога, а толькі ад куфра з грашыма.

ЯЎТЕНІЙ. А што ты думаеш пра шчасліўцаў, якія нарадзіліся ў знатнай сям’і і атрымалі знатнасць яшчэ ў матчыным улонні? Іх лічаць шчаслівымі, бо яны заўсёды на вачах у людзей і пра іх усё ведаюць. Ад нараджэння ўзнесеныя да слаўных вяршыняў, яны лёгка бароняць сябе ад усялякае варажнечы і паўсюль аказваюцца першымі.

ЭЎСЭБІЙ. Вядома, Фартуна шмат паспрыяла такім спадкаемцам, адразу ўзнёшы іх на пачэснае, ганаровае месца. Але ж адначасова пад пагрозай страты добрага імя яна загадала ім быць узорам той дабрачыннасці, дзякуючы якой іх продкі здабылі пашану і славу. Калі ж знатны нашчадак аказваецца гультаём і лодырам, калі ён загразае ў распусце і блудзе, то вядомасць продкаў не толькі не дапамагае яму, а наадварот – выкрывае і высвечвае яго ліхія ўчынкі тым выразней, чым ярчэйшаю была слава яго бацькоў і дзядоў. Рымлянін Марый, які вызначаўся высокімі вартасцямі, слухна кляіміў сваіх зласліўцаў за іх фанабэрыю. Гэтыя зайздроснікі патрабавалі сабе ўшанавання як нечага натуральнага і абавязковага, а да яго, чалавека новага, не радавітага, ставіліся з пагардай. «Хіба гэта не крывадушнасць? – гаворыць Марый. – Яны аднолькава імкнуцца да ўзаемавыключальных рэчаў: да салодкіх упех і да пашаны за добрапрыстойнасць. Выступаючы з прамовамі ў вас у Сенаце, яны да нябёсаў уносяць подзвігі сваіх продкаў і лічаць, што за гэта і яны дастойныя славы. Але сапраўднае становішча зусім не такое: чым лепш ім живецца, тым большай робіцца іх разбэшчанасць». І такое здараецца нярэдка.

Слава продкаў служыць патомкам як светач. Яна не дазваляе рабіць употай ні добрае, ні дрэннае. Пра гэта высакамоўна гаворыць і паэт Ювенал: «Калі ты, бы ўтрапёны, прагнеш пажады і славы, калі да крыві лупцуеш сваіх памагатых, калі цябе цешыць, як ліктар апускае бяздушны тапор, тады знатнасць тваіх продкаў паўстане супроць цябе і зырка асвеціць твае брудныя ўчынкі». Чым

вышэйшы статус ліхадзея, тым болей яўнымі, болей відочнымі будуць ягоныя ліхадзействы.

Знатнасць нікому не гарантуе непакіснай славы. Больш за тое, яна чарніць і пляміць чалавека, які здзейсніў гніосныя злачынствы. Смеху варты той, хто хоча, каб яго лічылі знатным за адно толькі паходжанне, а сам не імкнецца да беззаганнага, прыстойнага жыцця, не дбае, каб вызначыцца адметнаю чыннасцю, і нічога не робіць, каб прымножыць славу свайго роду. Такая фанабэрыя ўкаранілася ў свядомасці некаторых настолькі, што яны атаясамліваюць радавінасць з дабрадзеінасцю і мяркуюць, што для значнасці іх персоны не патрэбныя ні розум, ні праца, а дастаткова толькі нарадзіцца nobiliter.

Па цяперашнім звычаі знатным, ці шляхціцам, лічыцца той, хто валодае пэўнай зямлёй і маёнткам і, калі патрабуе дзяржава, служыць у войску. Але ў сваёй пераважнай большасці гэта людзі, як правіла, малавядомыя, бедныя. Яны жывуць, як звычайныя сяляне, не ведаюць свайго радаводу і не могуць згадаць ні багацця, ні подзвігаў сваіх продкаў, каб хоць гэтым адным, як кажа філосаф, засведчыць сваю знатнасць. І так ужо павялося, што мы знатных шукаем сярод знатных. Уведзеныя ў зман чалавечай аблудай, мы лічым знатнымі аднолькава і людзей слынных, і людзей простых.

Кожны, хто хоча пакрыць сябе нязгаснай, неўміручаю славай і выпягнуць свой род з цемры да святла, павінен імкнуцца чыніць дабро. На думку вучоных мужоў, чалавек, які вылучаецца найбольшаю дабрачыннасцю, якраз і набывае найбольшую знакамітасць. А паэт заўважыў, што дабрачыннасць і ёсць знакамітасць.

ЭВЭРГЕТ. Я ўважліва слухаў, як ты разважаў над рознымі асаблівасцямі чалавечай натуры. Некаторыя ты ўхваляў, іншыя ганіў, і ўрэшце я прыйшоў да высновы, што чалавек можа стаць шчаслівы толькі тады, калі ўсімі ягонымі думкамі і ўчынкамі будзе кіраваць дабрачыннасць. Я сапраўды лічу, што шчаслівы толькі той дабрадзеі, які не дазваляе сабе адыходзіць ад разумных правілаў прыстойнасці і ўсякую чумную разбэшчанасць, што пануе ў головах людзей, стараецца ўтаймаваць і падпарадкаваць здароваму сэнсу. Такім вось чынам, такім, як мне здаецца, манерам і можна здабыць душэўны спакой і дасягнуць рэальнага шчасця.

ЭЎСЭБІЙ. Ты разважаеш слушна. Толькі дабрадзеіства адкрывае дарогу да шчасця. І людзей дабрадзеіных заўсёды чакаюць пашана і слава. Але чалавечы розум такі слабы і недасканалы, што сам не здольны разабрацца ладам, дзе тое дабро, да якога трэба імкнуцца. Чалавек памыляецца, і нярэдка, прыкінуўшыся добром,

яго апаноўвае зло. І нават калі розуму, асвечанаму Божаю мудрасцю, адкрываецца дабро праўдзівае, ён усё адно не можа ўстояць перад шкоднымі, згубнымі прыхамацямі чалавечай волі. Будучы разбэшчанай, воля не зважае на тое, што розум ухваляе і прапануе, а апантана імкнецца да таго, што ён ганіць і не прымае. Дасягнуўшы сваёй мэты і паспытаўшы асалоды, яна ўжо не можа пазбыцца гэтай заганы, быццам яна і ёсць вяршыня шчасця.

Многія людзі жывуць у варажнечы. І разам з тым горка аплакаваюць сваю няшчасную долю, скардзячыся, што страсці, якія іх апаноўваюць і збіваюць з тропу, аддаляюць іх ад узніслых намераў. Чалавек не робіць нічога добрага, бездакорнага, вартага пахвалы. Тое, чаго ён выракаецца як нейкай погані, ён сам жа прагне атрымаць па сваёй волі. У агромністай людскай грамадзе не знойдзеш разумніка, які ад прыроды, з жыццёвага досведу ці праз навуку аказаўся б такім дасведчаным, каб ні разу не парушыць маральны закон і не кінуцца безаглядна ў грэх. Але не будзем чапаць маральных канонаў, якіх патрабуе праўдзівая рэлігія. Засяродзімся на крытэрыях, неабходных для захавання грамадзянскай супольнасці.

Перадусім пакажыце мне чалавека, які ва ўсіх сваіх рашэннях нязменна вылучаўся б разважнасцю, ва ўсіх непамыслых абставінах праяўляў бы цвёрдасць характару, заўсёды службыў бы прыкладам сумленнасці, справядлівасці і, у дадатак, умеў бы ўтаймоўваць свае жарсці, ніколі ні ў чым не схібіўшы і трымаючыся ва ўсім памяркоўнасці так, што ўсё яго жыццё ўвасабляла б узор дабрачыннасці.

Каб стаць бездакорным нават у адной са шматлікіх праяў дабрачыннасці, трэба прыкласці шмат намаганняў. Яшчэ цяжэй быць дабрачынным у многіх сферах і пры гэтым ніколі не пакрываць душой. І калі некаму ўдаецца хоць бы ў нечым адным вызначыцца сапраўды выбітнаю чыннасцю, гэтым самым ён ужо ступае на ўвенчаную славай сцяжыну, да якой ідзе кожны, хто імкнецца дасягнуць у жыцці шчасця. Як казаў Цыцэрон, слава – не прывід, а сапраўды рэальная рэч. Слава – гэта ўсеагульная ўхвала выбітных учынкаў асобы, чыю вартасць пацвярджаюць і непадкупныя судзі. Слава – гэта, так бы мовіць, своеасаблівы адбітак дабрачыннасці. І такую адзінадушную ўхвалу найлепшых мужоў атрымлівае толькі той, хто кіруецца ў сваіх учынках патрабаваннямі Богага розуму, хто вылучаецца дасканаласцю мыслення і таленту, хто ў асабістых і грамадскіх справах клапаціцца найперш пра паспаліты дабрабыт і ўмацаванне аўтарытэту дзяржавы і хто не пераступае закон. Усе разнастайныя праявы дабрачыннасці

знаходзяцца між сабой у такой цеснай сувязі, што без узаемнай падтрымкі не могуць выконваць свайго прызначэння і садзейнічаць гармоніі розных відаў чалавечай дзейнасці.

Чалавек павінен заўсёды звяртацца да вышэйшага розуму, каб той праменнем сваім азарыў яго думкі і паказаў шлях да так жаданай гармоніі жыцця. А ўсё, што не адпавядае здароваму сэнсу, што супярэчыць вучонай мудрасці, – не павінна заслугоўваць пахвалы. Але ў зямным жыцці ідэя абсалютнай дабрачыннасці – неспасцігальная для чалавека. Хоць невялікая іскарка Богага святла ў галовах людзей усё ж ёсць. Тым больш чалавек варты ўсякага асуджэння, калі і гэтая светлая кропка мала адпавядае свайму прататыпу. Пацвярджаць гэта нейкімі прыкладамі няма патрэбы. Пра гэта сведчыць сама рэчаіснасць.

Як вядома, здаровы розум раіць не рабіць неаддуманых учынкаў і праяўляць усю сваю мудрасць, каб прадбачыць іх магчымыя, спрыяльныя і неспрыяльныя, наступствы. Трэба ўсё ўзважваць і разважаць правільна. Але чалавечы розум часцяком памыляецца. Калі яму трэба выбраць між добром і злом, ён нярэдка кіруецца фальшывымі, аблуднымі меркаваннямі. У выніку ўсе чалавечыя задумы рушацца. І нябога расплачваецца цяжкімі маральнымі пакутамі.

Цьцэрон, які вызначаўся вялікім талентам, высокай адукаванасцю і багатым жыццёвым вопытам, тым не менш аднойчы прызнаў, што і яго розум недасканалы. Вось гэтыя красамоўныя словы: «О, які ж я нязменны дурань! Як часта тое, чаго няма, беспадстаўна лічыцца існым. Як моцна ты, рымскі народ, памыляешся на мой конт. О, мая горкая заўчасная старасць, спрычыненая легкадумна праведзенымі гадамі!»

Чалавечы розум занураны ў густы туман невуцтва і ахутаны моракам шматлікіх аблудаў, таму не дзіва, калі чалавек пачынае вярці несусвецціці ці апынуўшыся на раздарожжы, не ведае, куды далей ісці. Бадай, Ювенал меў рацыю, калі пісаў:

*Спрэе на абшарах зямель ад Гадаў на ўсход і да Ганга
Мала хто выбраўца мог з туману аблудаў і здолеў
Адрозніць, што ёсць дабро, а што сапраўднае ліха.*

Толькі магутны велічны непераможны розум можа вытрымаць усе нягоды і горасці. Нават пад пагрозай смерці ён не адыдзе ад высакароднай мэты і хутчэй абярэ смерць, чым будзе ратавацца ганебнымі ўцёкамі. Гэта – маральныя якасці годнага чалавека.

Але ці шмат хто меў такую сілу розуму, ці шмат хто ў фатальных абставінах быў такі моцны, каб без усякай боязі рынуцца ў пашчу небяспекі, насустрач смерці? У галовах людзей жыве прыроджаны страх, і калі навальваюцца цяжкасці, іх рухі скоўвае аняменне. Бывае, у крытычных абставінах і моцны духам не праяўляе той смеласці і рашучасці, якіх патрабуе сапраўдная мужнасць.

Але бывае і наадварот – чалавек, апынуўшыся ў цяжкім становішчы, дзейнічае так актыўна і праяўляе такую сілу духу, што, здаецца, яго не зламіць ніякай навалю. А ў спрыяльных умовах пачынае паводзіць сябе вельмі пыхліва і фанабэрыста: ганарлівец не можа спакойна чуць нават самага малога папроку да сваёй асобы і праз любую дробязь здольны страціць самавалоданне і ўчыніць гучную сварку.

Гэтаксама цяжка чалавеку заставацца абыякавым да разнастайных прывілеяў, быць раўнадушным да багацця і, бачачы ці маючы ўсё гэта, захоўваць душэўны спакой і разважнасць здоровага розуму. Аляксандр Македонскі, які пагарджаў небяспекай і цяжкасцямі, быў заўсёды ўзорам мужнасці і адвагі ва ўсіх сваіх чыннасцях. Калі ж яму спрыяла Фартуна, ён рабіўся надзвычай амбітным. Адноўчы ён, зусім не саромеючыся, аб'явіў сябе сынам Юпітэра. Так паводзяць сябе і іншыя. У неспрыяльных, складаных абставінах яны праяўляюць непакісную цвёрдасць, здольнасць трымаць любя напасці і беды, якія на іх абрынаюцца. А вось калі ім спадарожнічае ўдача, становяцца такімі пыхлівымі і жорсткімі, што не спыняюцца і перад гвалтам.

А што казаць аб справядлівасці, якой у шэрагу чалавечых вартасцей належыць першае месца. Калі чалавек у грамадзянскай супольнасці лічыцца справядлівым, яго ўжо за адну гэтую дабрачыннасць можна называць добрым. Але ў паўсядзённым жыцці наўрад ці знойдзецца такі ідэальны тып, які заўсёды выконваў бы свой абавязак сумленна і чэсна, цвёрда трымаўся б справядлівасці і ніводнага разу яе не парушыў бы.

Справядлівасць заключаецца ў тым, каб пашанаваць і паважаць Бога, любіць бацькоў і айчыну, у абыходжанні з людзьмі ніколі нікога не крыўдзіць і не прыніжаць не толькі ўчынкам, але і словам. Спадарожнікамі справядлівасці ёсць вера і праўда. У справядлівага чалавека ніколі не разыходзяцца слова і справа. Ён не парушае ніводнай дамоўленасці ці пагаднення і стараецца прадухіліць усякі падман. Але справядлівы чалавек не задавальняецца толькі тым, што сам нікому не робіць шкоды. Праўдалюб, наколькі можа, стараецца яшчэ і прадухіліць шкоду, якую мерацца нанесці ўсім астатнім іншыя. Каб адвесці ад слабейшых зло і абараніць іх ад

моцнага ліхадзея, справядлівец не ашчаджае ні сілы, ні сродкаў, і яго не спыніць нічыя гнеў і абурэнне.

Дык вось жа няхай кожны разважыць і скажа, ці выконвае ён так ужо бездакорна свае абавязкі, ці заўсёды паводзіць сябе бескарысліва і добрасумленна. Нават прыстойныя людзі дапускаюць у сваіх думках і дзеях безліч аблуд і памылак. Прыватныя інтарэсы настолькі прытупляюць вастрыню розуму, што сярод многіх тысяч людзей нялёгка знайсці чалавека, які больш рупіўся б пра чужое, чым пра сваё. Хто па сваёй велікадушнасці і шчодрасці (а гэта і ёсць часцінка справядлівасці) ахвяраваў уласныя сродкі на карысць тых, хто варты такой дапамогі і такога садзейнічання? Хто аддаваў значныя сумы грошай на падтрымку чагось высакароднага, узніслага замест таго, каб патраціць іх на нешта неабавязковае, непатрэбнае ці нават непрыстойнае. Непраўдзівыя здані добра нярэдка збіваюць чалавека з тропу так, што ён прымае за добро загану, якія з добром нават не мяжуюць. Напрыклад, багацей прамантачвае і марна траціць усе свае скарбы, а яго, няхай і даволі млява, хваляць як дабрадзея.

Разгледзім яшчэ адну чалавечую вартасць – памяркоўнасць, якая надзвычай упрыгожвае чалавечае жыццё і адкрывае простую дарогу да астатніх вартасцяў. Паўсядзённы досвед яскрава сведчыць, што гэтая адметная якасць сустракаецца даволі рэдка. Амаль усе з самага маленства маюць схільнасць да прыемных целу ўцехаў і ўвесь час кідаюцца ў пошуках асалоды. Чалавеку нялёгка з дапамогай аднаго толькі розуму стрымаць свае нізкія памкненні і душэўныя парыванні і быць узорам цвёрдасці, памяркоўнасці і пастаянства. Я тут не кажу пра тых разбэшчаных вырадкаў, якія па сваёй агіднай пажаднасці горшыя за скаціну і не маюць нічога агульнага з высакароднай чалавечай прыродай. Я вяду гаворку пра звычайных людзей, якія, ведаючы Божыя і чалавечыя законы, стараюцца ўладкоўваць сваё жыццё адпаведна з імі. У іх жыцці няма нічога непрыстойнага, ганебнага, распуснага. Яно не супярэчыць нормам здаровага розуму. Але жыццёвая дарога гэтых людзей настолькі коўзкая, што яны ледзь могуць па ёй ступаць, не паслізгваючыся. Часта нават найбольш устойлівыя аказваюцца не без хібаў і ляцяць неўзабаве потырч. Чалавечыя галовы спатайма агортвае ўсялякая пошасць, якая імкнецца пагасіць святло розуму і, утульна схававшыся ў цемры, унікнуць яго ўлады.

Узяць хоць бы гнеў – ён ёсць нішто іншае як прыкмета слабавольнасці, пры якой для ўзважанай памяркоўнасці няма мес-

ца. Гнеў і раз'юшанасць адмятаюць прэч тое, што настойліва раіць розум. Але ці знойдзецца чалавек, надзелены такою спакойнай разважнасцю, што яго ніколі не ахоплівала жарсць помсты і ён не становіўся рабом злосці і гневу? А колькі розных іншых заганаў пануе ў галовах людзей – пералічыць іх усе немагчыма. Будучы ворагамі чалавечай свядомасці, гэтыя заганы ўсяляк перашкаджаюць аднаўленню розуму з дабрачыннасцю.

Усе святлыя, якіх гняе цяжар грахоў, слёзна моляць і просяць Бога вызваліць іх ад гэтага зла. Дый, бадай, кожны, шчыра паразважаўшы сам-насам, адчуе сябе вінаватым у многіх блузнерствах. Дык як жа тады ён можа дасягнуць спакою душы і шчаслівага бесклапотнага жыцця, калі ў яго свядомасці паўстае той страшны суд, на які Бог пакліча ўсіх грэшнікаў, і кожны з іх павінен будзе адказваць за сваё зямное жыццё, якое не адпавядала Божым заветам і Божай волі?

ЭВЭРГЕТ. Аднак некаторыя глыбакадумныя філосафы ўсё-такі бачаць шчасце ў дабрачыннасці. Чалавечай прыродзе не дадзена, сцвярджаюць яны, нічога прыгажэйшага і болей велічнага, чым розум. А паколькі розум вучыць узнёсламу і вядзе да высакародных учынкаў, то найвышэйшага шчасця чалавек можа дасягнуць толькі тады, калі будзе жыць у адпаведнасці з веліччу сваёй прыроды і выконваць тое, што дыктуе разважнасць.

ЭЎСЭБІЙ. Мы раней досыць красамоўна ўжо даказалі, што чалавечыя мазгі ахутвае цемра аблудаў, а ён не мае нават паходні, каб выбраць правільную дарогу. І нават калі перад ім загарэецца нейкі агеньчык, у небаракі не стае сілы ісці за ім следам. Ён неўзабаве паварочвае назад – да сваіх аблудаў і вадаў – і ў іх атачэнні соладка спачывае.

Паганскія філосафы, пазбаўленыя Богага святла, былі няздольныя ўбачыць прычыны такой заганнысці чалавечага розуму і не маглі зразумець, ад чаго ўзнікае чалавечае грэхпадзенне. Нічога дзіўнага, што, памыляючыся ў разуменні добра, яны нават недасканалае, знявечанае дабрадзеіства лічылі за найвышэйшае шчасце. Досыць пераканаўча пра такую аблуду гаворыць Цыцэрон. Ён сцвярджае, што прырода надзяліла чалавека розумам, які дазваляе яму дасягнуць любых вартасцяў і без навукі ўсведамляць разнастайныя ўласцівасці многіх рэчаў. Але маральная сапаванасць зайшла так далёка, што губіць зерне ўсіх вартасцяў і гасіць іскаркі, падораныя чалавеку прыродай.

Паўстае пытанне, чаму дрэнныя норавы маюць такую сілу, што могуць знішчыць у чалавеку прыродныя задаткі, закладзеныя

ў яго свядомасць як непарушны закон. Мы ведаем, што прырода – чышнік настолькі моцны, што ўсё, дадзенае ёю жывым істотам, немагчыма вырваць ніякім спосабам. Хто калі зрабіў ільва, ваўка ці мядзведзя рахманымі свойскімі жывёламі, каб яны назаўжды пазбавіліся сваёй дзікасці і ніколі ўжо не вярнуліся да ранейшых звычак? Цалкам справядліва казаў паэт: «Калі прыроду прагоніш у дзверы, яна пралезе ў замочную шчыліну». На думку Цыцэрона, іскаркі, закладзеныя ў чалавека прыродай, не загарацца ніколі, бо хутка гасяцца скажонамі памкненнямі і дрэннымі паводзінамі.

Святло, якім Бог аздобіў чалавечую прыроду, было настолькі аслабленае грэхападзеннем першых людзей, што правільную дарогу цяпер агортвае густы, непраглядны туман. Заганныя паняціці, няўцяямныя паводзіны вырастаюць з зерня разнастайных аблудаў, пасеяных у галаве чалавека. Гэтыя аблуды і даюць гнілыя плады. А там, дзе іскаркі чалавечых вартасцяў разасобленыя, яны не могуць сабрацца ў адзіны агонь і зашугаць зыркім польымем. Можна падумаць, што яны закінутыя ў чалавечую прыроду толькі дзеля таго, каб пераканаць чалавека ва яго нямогласці і паказаць, што сваёю грэшнасцю ён заслугоўвае асуджэння. Нават добрыя ўчынкі не робяць чалавека жыццё шчаслівым. Наадварот, дабрачыннае жыццё аказваецца найчасцей гаротным, бядачым. Дабрадзей адчувае сваю мізэрнасць, нікчэмнасць, бачыць марнасць сваіх высілкаў. Яму застаецца шукаць шчасця не ў сабе, а звонку. Ва ўсякім разе ён пачынае разумець, што толькі сваімі сіламі поспеху не даможацца. Яму неабходная дапамога.

Шматлікія мудрацы на працягу стагоддзяў былі няздольныя разгадаць таямніцу чалавечага шчасця. Блукаючы ў глыбокай цемры няведання, яны не маглі ўбачыць святла вышэйшага розуму. Толькі хрысціяне, асвечаныя промнямі Божай праўды, нарэшце спасціглі, у чым заключаецца шчаслівае, увенчанае сапраўднымі дабротамі жыццё. Яны не абмяжоўваюць яго хуткапынным і тленным зямным існаваннем, не акрэсліваюць скупымі тэрмінамі людскіх паняціцяў. Шчаслівае жыццё для хрысціянаў – у вечным царстве нябеснай велічы. Там чалавечая душа, пазбаўленая ўсіх заганаў і азораная жыватворным спазнаннем Бога, заўсёды будзе славіць Усявышняга. А чалавечая цела, здабыўшы несмяротнасць, злучыцца з душою. Чалавек перастане пакутаваць ад хваробаў і цяжкай працы і зможа цешыцца салодкім, прыемным спакоем.

Аднак не ва ўсіх лёс аднолькавы. Шчаслівы ён хіба толькі ў праведнікаў. Стаўшы на заветны шлях, яны шыбуюць па ім

напрасткі і ўзыходзяць да шчасця, якога марна шукалі ў зямным ліхалецці. Але па дарозе гэтыя святыя вымушаныя цярапець вялікія нягоды і беды. Таму яны не баяцца смерці, якая заканчвае ўсе чалавечыя пакуты. Таму з лёгкасцю пераносяць боль, нястачу і іншае ліха, пакутна-радасна сустракаючы незлічоныя злыбеды і ўпарта ідучы пуцявінай, якая вядзе іх да шчасця.

ЭВЭРГЕТ. Ты маеш рацыю. Амаль кожнаму бліжэй сваё. Большасць людзей занятыя пагоняй за нядоўгатрывалымі, мінучымі дабротамі. А што тычыцца розуму, яго выхавання на прынцыпах дабра і пабожнасці, – такое амаль нікога не абыходзіць. Тым часам, як ты сам даводзіш, ад гэтых атрыбутаў у істотнай меры залежыць чалавечае шчасце. Прынамсі розум, узрошчаны на згаданых прынцыпах, адкрывае чалавеку заветны шлях. А без гэтага нават сярод тых, хто будзе ўпарта імкнуцца да шчасця і накіроўваць ўсе свае намаганні на дасягненне гэтага мэты, некаторыя пойдучь не па адной дарозе, а выберуць розныя пуцявіны. Перад вялікаю разнастайнасцю навук многія падарожныя пачнуць вагацца, сумнявацца і разважаць, які шлях для іх лепшы. Таму я хацеў бы, каб ты, дарагі Эўсэбій, падраязна распавёў, якая дарога да шчасця карацейшая. Адважуся таксама паручыцца і за тваіх апанентаў. Спадзяюся, што яны пераменяць свае меркаванні, адмовяцца ад сваіх перакананняў і, выслухаўшы твой аповед, не пагрэбуюць тваімі парадамі.

ЭЎСЭБІЙ. Няма, па-мойму, іншай дарогі, апроч пазначанай Госпадам, які і ёсць сама ісціна. Калі Сын Божы папрасіў Айца нябеснага адкрыць, што ёсць самым правільным і разумным, то пачуў адказ: вечнае жыццё, сутнасць якога ў пазнанні адзінага праўдзівага Бога і вестуна яго Ісуса Хрыста. Гэтымі словамі ён хацеў сказаць, што ўсе астатнія чалавечыя намаганні і спробы знайсці нейкае іншае шчасце, апроч спасціжэння Бога, як і меркаванні, што яно можа быць не ў авалоданні вечным жыццём, а ў нечым іншым, – аблудныя і марныя.

Трэба таксама мець на ўвазе вось што: дзеля належнага пазнання Бога патрэбны не сачыненні філосафаў, а звесткі, якія ўтрымліваюцца ў святых кнігах. Філосафы, нават самыя праніклівыя, аказваюцца дрэннымі інтэрпрэтатарамі, калі гаворка заходзіць пра Божую ўсёмагутнасць. Яны вельмі прынізілі Бога, выдумаўшы, што сусвет вечны. Гэтыя мудрагелі не прызнаюць Бога як творцу ўсяго існага, адмаўляюць яму ў здольнасці прадбачання – гэтай неабходнай умовы ўладарыць і кіраваць. Іх выказванні пра несмяротнасць душы заўсёды вельмі дваістыя і сумнеўныя.

Складаецца ўражанне, што яны, прапаноўваючы свае тэзы для дыспутаў, самі думаюць іначай. А што казаць пра ўваскрашэнне мёртвых? Яны аб'яўляюць веру ў гэта блюзнерствам і адкідаюць яе як памылку і выдумку.

Але святых прароцтва даюць нам праўдзівое пазнанне Бога. Мы верым, што ён сапраўды ёсць творца гэтага сусвету. Без яго жадання і волі нічога наогул немагчыма ў гэтым агромністым механізме. Усявышні бачыць усё настолькі, што самыя прыхаваныя чалавечыя думкі не застаюцца для яго тайнай. Мы ведаем ласку, цяплянасць і мудрасць Бога. Мы ўслаўляем яго міласэрнасць і дабрату. Ён увасобіў у чалавечай плоці свайго адзінага сына, каб той выратаваў грэшны чалавечы род, зрынуты ў бездань апраметнай і прывёў яго да трона нябеснай славы. У адпаведнасці са Святым пісаннем мы прызнаём, што Хрыстос ёсць сынам існага Бога, сам ёсць існым Богам, а таксама існым чалавекам. Гэтыя існасці ў ім не змешваюцца, не пераходзяць адна ў другую. І хоць кожная з іх мае свае атрыбуты, але няма дзвюх асобаў, двух Хрыстосаў. Асоба ёсць толькі адна – наш Бог Ісус Хрыстос.

Сын Божы зрабіўся пасярэднікам паміж Богам-айцом і ўсім родам чалавечым. Гасподзь быў укрываваны дзеля ўратавання грэшных. Навекі ўслаўлены, ён сваёю крывёй вярнуў царкву да праўды, перамог смерць, грэх і сатану. Ён пайшоў на згубу і прыняў смерць за смяротных людзей. Святое пісанне гаворыць пра нікчэмнасць чалавечага роду, апаганенага колішнім грэхпадзеннем, і таму праклятага назаўсёды. Пазбавіцца сатанінскай тыраніі чалавек змог толькі тады, калі сын Божы ўзяў усю віну на сябе і, пакутніцкай смерцю выкупіўшы грэх, выратаваў чалавека ад наканаванай яму пагібелі. Праведны памёр за няправедных. Бязгрэшны зрабіўся грэшным за нас, каб мы, як кажа апостал, спазналі Божую справядлівасць. Хрыстова справядлівасць змагалася з чалавечай хібнасцю. Чалавека за яго грэшнасць спасціг Божы гнеў і вечны праклён. Але Хрыстос сваёй душэўнаю чысцінёй і справядлівасцю выбавіў чалавека ад Богага гневу і вечнай смерці.

Як бачым, сумная планіда, якая напаткала першага чалавека, адбылася па яго віне. Ён аддаліўся ад безгрэшнай сваёй прыроды. Яго аблуднасць разбурыла праведнасць, якую падараваў яму Бог. Таму ён павінен быў панесці наканаваную яму кару і цяпець пакуты вечнае смерці. Толькі Божы сын пазбавіў чалавека ад гэтых пакутаў. Аўгустын сугучна са Святым пісаннем гаворыць, што Хры-

стос, абсалютна бязгрэшны, прыняў на сябе прызначаную нам кару. І праз яго мы атрымалі дараванне нашых грахоў.

Найвышэйшая Божая справядлівасць патрабуе, каб чалавек, створаны па вобразе Бога, заўсёды захоўваў гэтае падабенства і ў адпаведнасці з Божымі заветаў і волевыяўленнем шчыра ўшаноўваў Бога. Але Адам, першы чалавек, не паслухаўся свайго Творцу і тым самым пазбавіў сваё патомства светлага розуму, адварнуў патомкаў ад Бога. Яны перасталі разумець Божую ісціну і ў шалёным утрапенні памкнулі за сваімі жаданнямі, якія не мелі нічога агульнага з Богам. Як заўважае Аўгустын, прыродзе, пераможанай злом, спатрэбілася свабода.

З ласкі ўсяміласцівага Бога наш Гасподзь, шкадуючы род чалавечы, цалкам выканаў закон і прыняў смерць, якая прызначалася грэшнаму чалавеку. І як праз непаслушэнства аднаго грэшнікамі зрабіліся безліч астатніх, так і праз пакору аднаго праведніка праведнікамі сталі многія іншыя. Вечнае жыццё – гэта Божы дар. Яно даецца толькі тым, чый розум праз Евангелле вучыцца пазнанню Бога і Богага сына Ісуса Хрыста. Дабратворнае ўздзеянне Святога духа ўзбройвае чалавека непарушнай верай ва Усявышняга. Хрыстос глыбока ўваходзіць у сэрцы людзей, а людзі, паяднанія з ім, створаныя плоць ад яго плоці, засцярожаныя толькі праведнасцю і пакорай, паўстаюць перад абліччам Бога-айца, як непахібныя і бязгрэшныя. А Хрыстос, міласэрны для тых, каго палюбіў, працягвае дарыць ім сваю дапамогу і ўрэшце праз Духа святога стварае, замест ранейшага, зусім новага чалавека, чый розум і воля дзейнічаюць у адпаведнасці з Божым законам.

Як адзначае апостал, усе святыя прысвячаюць сваё жыццё Богу і пабожнай сваёю працай імкнуцца заслужыць нябесную ўзнагароду, ці то вечнае жыццё. Хаця плоць час ад часу і сіліцца падпарадкаваць сабе дух, але Хрыстовы пакорнасць і справядлівасць заўсёды бароняць святых. Хрыстос просіць дараваць ім за іх блюзнерства, каб саграшыўшых не насцігнуў справядлівы гнеў караючага Бога. Дарэчы, плоць была б знішчаная раней, калі б гэтае нядоўгатрывалае аблачэнне не было скінутае. «Сыны, – павучае святы Ян, – не грашыце. А калі хто саграшыць, таго мы папросім з’явіцца перад Ісусам Хрыстом, які ёсць сама міласэрнасць не толькі да грахоў нашых, але і да грахоў усяго сусвету». Гэтаксама і Бернард глыбока ўпэўнены, што царква ўгрунтаваная не на заслугах сваіх, а на сваёй міласэрнасці: «Ёсць тры віды міласэрнасці, на якіх грунтуецца нашая надзея, менавіта замілаванне ўсынаўленнем, праўдзівасць абя-

цання і моц адплаты. І няхай мая неразумная свядомасць абураецца колькі заўгодна, пытаючыся: «Хто ты? Чым праславіўся? За якія такія заслугі хочаш атрымаць тое, што просіш?» Я без ваганняў адкажу на гэта: «Я ведаю, у каго веру, і ўпэўнены ў яго міласэрнасці. Ён усынавіў мяне з вялікай любоўю. Ён трымае сваё абяцанне. Адаючы, ён усёмагутны». А вось яшчэ словы малітвы: «Прасвятлі вочы мае – і зраблюся я мудры. Не прыгадвай грахоў і заганаў майго юнага невуцтва – і буду я праведны. Вядзі мяне, Госпадзе, па дарозе тваёй – і я ўжо святы. А калі не праліецца кроў твая за мяне, то не будзе мне паратунку». Аўгустын гаворыць у гэтай сувязі наступнае: «Каб не грашыць, розум павінен накіроўвацца Хрыстом. Калі ж розум саграшыў, то ачышчае яго ад граху той жа першасвяшчэннік Хрыстос».

Чалавек, пакуль жыве, мусіць усяляк імкнуцца пазнаць праўдзівага Бога і ягонага сына Хрыста. Гэта ёсць найвялікшае шчасце і найвышэйшае дабро. Гэтаксама чалавек павінен пазнаць і сябе, дакладней, сваю мізэрнасць і сваю нікчэмнасць. Змардаваны нягодамі, ён заўсёды ўрэшце звяртаецца да міласэрнага Бога і просіць Хрыста аб дапамозе і паратунку. Словамі прарока Гасподзь павучае: «Няхай не хваліцца мудры сваёй мудрасцю, моцны – сваёй сілаю, багаты – сваім багаццем. Няхай кожны хваліцца тым, наколькі ён пазнаў Мяне». Святы апостал Павел, каб збіць з чалавека пыху і схіліць яго да пакоры, пісаў: «Што з таго, што ты чагось не атрымаў? А калі атрымаў, дык чаго мовіш так, быццам нічога не атрымаў? Калі нехта штось хваліць, то аддае належную пашану Богу, ад якога праз Ісуса Хрыста мы атрымалі столькі дабротаў. Створаны Богам Хрыстос ёсць для нас мудрасцю, святасцю і збавеннем».

Некалі сатырык сказаў, што прыемна быць знакамітым сярод знакамітых, славіцца гераічнымі подзвігамі, вызначацца талентам і вучонасцю. Цудоўна, калі чалавек, хоць на сваім веку, усталёўвае мір і спакой на зямлі. Добра, калі чалавек мае багацце, да якога, дарэчы, ласы і кожны прасталюдзін. Багацце дае карысць і прыбытак, дорыць магчымасць атрымліваць цялесныя і іншыя даброты, адкрывае доступ да ўсіх асалодаў, асабліва да ўзаконеных і дазволеных. Але ўсе такія выгоды часовыя, нядоўгатрывальныя. Гэта – рэчы тутэйшага, зямнога жыцця. Нярэдка яны аказваюцца небяспечнымі нават для саміх уладальнікаў. Мінучыя зямныя рэаліі не забяспечваюць шчасця, якога мы ўсе шукаем. Шчасце знаходзіцца ва ўлонні вечнага нябеснага спакою. Яго не азмрочыць ніякае ліха, не знішчыць

ніякая хвароба, ні душэўная, ні фізічная. Дык павярніце, сябры, сюды вашыя позіркi. Забудзьце пра марныя летуценні гэтага свету. Імкніцеся да нябеснага, якое не знікне ніколі.

ЭВЭРГЕТ. Вядома, мы ў малітвах сваіх папросім Усявышняга, каб ён сваім Святым духам выкараніў заганную нястрыманасць нашай плоці. Калі шкодныя жаданні знікнуць, мы будзем маліць, каб Бог накіраваў нашыя сэрцы і думкі на існасці толькі нябесныя. І каб урэшце прывёў нас да прычалу найвышэйшага шчасця.

О Михалоне Литвине

Михалон Литвин (лат. Michalon Lituanus) – посол Великого княжества Литовского в Крымском ханстве, белорусский гуманист, мемуарист и этнограф XVI в. Составил в 1548–1551 гг. записки «О нравах татар, литовцев и москвитян» (лат. De moribus tartarorum, lituanorum et moscorum), изданные в Базеле в 1615 г.

Настоящее имя М. Литвина неизвестно. Предполагается, что это мог быть деятель Великого княжества Литовского Михаил Тышкевич или Венцеслав Миколаевич, секретарь великокняжеской канцелярии.

Трактат обращен к молодому королю Сигизмунду Августу, с которым Литвин делится своими наблюдениями, а также дает советы по усовершенствованию общества, выступает против коррупции должностных лиц, доказывает равенство всех перед законом.

Исследователи считают, что идеи Литвина нашли отклик в Статуте Великого княжества Литовского 1588 г., поскольку там появились соответствующие правки. Запрещалось одному человеку занимать несколько государственных должностей, за убийство простолодина шляхтича отдавали под суд. Была проведена судебная реформа.

MICHALONIS LITVANI
DE MORIBVS
TARTARORVM,
LITVANORVM ET MO-
SCHORVM, FRAGMINA X.
multiplici Historia
referta.

ET

IOHAN. LASICII POLONI
DE DIIS SAMAGITARVM,
CÆTERORVMQ. SARMATARVM,
ET FALSORVM CHRISTIANORVM,

Item

DE RELIGIONE ARMENIORVM.
Et de initio Regiminis Stephani
Batorij.

Nunc primùm per

I. IAC. GRASSERVM, C. P.

ex Manuscripto Authenticò edita.

B A S I L E Æ,
Apud CONRADVM WALDKIRCHIVM.
M D C. XV.

Михалон Литвин

О нравах татар, литовцев и москвитян десять фрагментов, содержащих различные истории

Перевод с латинского языка выполнен В.И. Матузовой по изданию: Michalonis Lituani De moribus tartarorum, lituanorum et moschorum fragmina X, multiplici historia referta et Johannis Lasicii Poloni De diis samagitarum, caeterorumque sarmatarum et falsorum christianorum. Item de religione armeniorum et de initio regiminis Stephani Batorii. Nunc primum per J. Jac. Grasserum, C. P. ex manuscripto authentico edita. Basillae, apud Conradum Waldkirchium, MDCXV. P. 1–41, 1615.

Фрагмент первый

Хотя татары (tartari)¹ считаются у нас варварами и дикарями, они, однако, хвалятся умеренностью жизни и древностью своего скифского племени, утверждая, что оно происходит от семени Авраама², и они никогда ни у кого не были в рабстве, хотя иногда бывали побеждены Александром³, Дарием⁴, Киром⁵, Ксерксом⁶ и другими царями и более могущественными народами: а ныне оно разделено на разные орды (ordas)⁷, то есть народы (nationes). Ведь за соседними с нами перекопскими (Pescopenses)⁸ [татарами] и тесно связанными с ними белгородскими (Belhorodenses) и добруджскими (Dobricenses), живущими на границе Молдавии (Moldaviae), к востоку находятся сильные орды, враждебные перекопским. Одни – ногаи (Nahai)⁹, другие – астраханы (Chastorakani)¹⁰, третьи – за рекой Танаисом (Tanais), называемой Волгой (Volha)¹¹, заволжские (Zawolsca), [это] родина царя Батыя (caesaris Bati)¹², разорителя Венгрии (Ungariae), некогда господствовавшая над

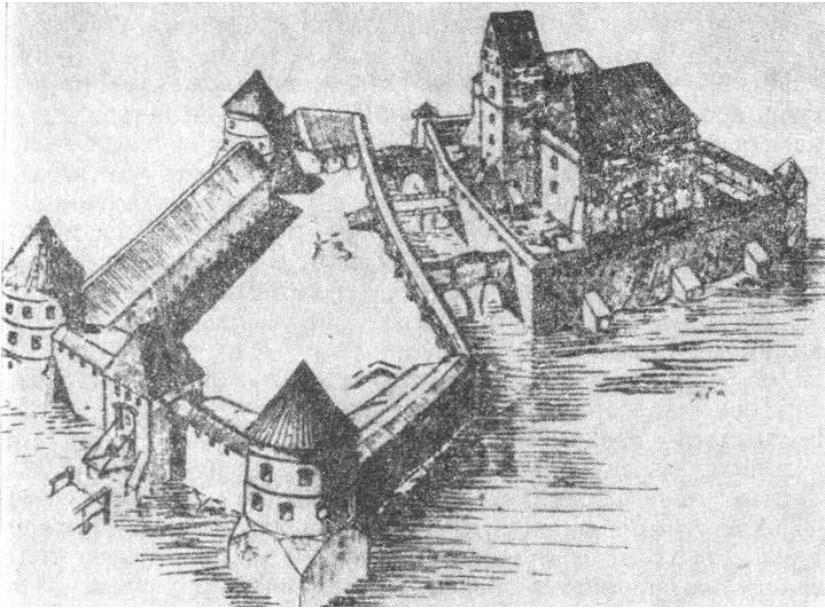

москвитянами (Moschorum) и всеми рутенами (Ruthenorum)¹³, принадлежащая ныне нагайцам (Nahaiensibus), четвертые – казанские (Kozanii)¹⁴, пятые – казахские (Kazaczka)¹⁵, также Бухара (Buchar)¹⁶, Самарканд (Samarghan)¹⁷ и, говорят, многие другие, разделенные между 12 императорами (imperatoribus), как обещал Господь предку их Исмаилу¹⁸ в книге Бытия, 17, что он родит двенадцать вождей и превратится в великий народ. Из всех же народов татарских только более слабые, но ближайšie к нашим землям (regiones) перекопские, опасны нам, как из-за отсутствия у нас бдительности, так и из-за близости и благоприятного расположения места, куда они могут уйти (recertaculum). Ибо у перекопских [татар] есть место отступления, укрепленное самой природой. Ведь два болотистых озера, одно из которых называется Меотийским (Meotis)¹⁹, простираются от моря в[нутрь] суши примерно на тридцать миль (milliaria)²⁰ в длину, а друг от друга они отстоят почти на столько же у истоков и на [всем] протяжении; концами же они сближаются друг с другом и разделяются узким перешейком; там, где они оканчиваются, они соединяются рвом и высоким валом, имеющим врата, которые являются единственным входом в эту землю (provincia) по суше. Посему и небольшая крепость (castellum), находящаяся у этих врат, и весь заключенный в этом заливе полуостров мы называем Перекоп (Prekop)²¹, он прежде носил название Таврики (Taurica)²², ибо это место обитания и владения (imperium) трапезундских греков (Graecorum Trapezuntinorum)²³, так что до сих пор сохраняют греки там свой греческий язык и веру (religionem). А полуостров этот омывается Понтийским морем (marі Pontica), которое в этой части называется Понтом Эвксинским (Pontus Euxinus)²⁴, и хотя положение его укрепленное, все же не настолько, чтобы все это – и широкие озера, и рвы, и высокий вал, и крепкая маленькая крепость – могли помешать продвижению мало-мальски обученного войска. И добираются до тех единственных врат Таврики от дальних крепостей Литвы (Litvaniae)²⁵, Черкасц (Czerkasi)²⁶ и Брацлава (Braczlaw)²⁷ за шесть дней, идя всегда поросшими травой и повсюду очень ровными полями²⁸, на которых нигде не встречаются ни горы, ни леса, ни болота, ни трудные для переправы реки, кроме Борисфена (Borysthenem)²⁹. Так ведь и сама Таврика по эту сторону Альп (Alpes) и близ моря (maritima) повсюду покрыта горами и лесами, и ее ныне населяют коренные (aboriginibus) греки. В других же местах она, вся равнинная, населена здесь татарами и повсюду удобна и легка для жизни смертных; она

весьма обильна хлебом, вином, мясом и солью³⁰. Ведь соль там в ямах, в некоторых реках родится наподобие крепкого льда от солнечного жара; во время летнего солнцестояния она сверкает в обилии своем, ничем не уступая хрустало. И всякий злак и виноград родит там в изобилии земля, быв однажды вспахана и кое-как взборонена. А скот, рабочий и мелкий, даже и зимой живет на пастбищах и всегда пасется на воле. Ведь после того, как их оставляют, они, освобожденные от поклажи, изможденные и тощие, там, в поле, снова тучнеют. Пучки травы, добытые копытами из-под снега, ничуть не хуже, чем у нас лучший корм и под крышей. Ведь и климат там помягче, а почвы, где болотистые, где соленые. А травы, растущие там, более вкусные; они всегда зелены и превосходны для откорма скота; называются они типеч (tipecz)³¹. Вот почему рассказывают, что некогда там было такое многочисленное население, что каждый греческий город имел по тысяче храмов, и притом с таким горделивым духовенством (clero), что настоятели (antistites) и архимандриты (archimandritae) их въезжали в святилища лишь верхом. Да и поныне, хотя некоторые города там разрушены, все же размерами очертаний их и развалин они являют былое величие, а особенно тот, который мы некогда называли Солхат (Solhoth)³², москвитяне (Mosci) – Крым (Krym), греки – Феодосия (Theodosia)³³, и старый стольный град (metropolis) Корсунь (Korsunij), князь (princeps) которого крестил народ рутенский и нарек его христианским³⁴, после же он стал добычей нашего народа и был разорен им³⁵. Вот почему Киев (Kiowia) наш в мозаиках и инкрустациях храмов своих до сей поры хранит точные свидетельства об этом разграблении; из добычи которого гнезненской базилике подарена дверь³⁶. И с этим вот Корсуном мы обошлись так, что он вынужден был заплатить дань таврическим (Tauricensibus) христианам, погрязшим в роскоши и праздности, для того чтобы получить в помощь, поработив людей наших, отряд татар со стороны Заволжской Орды (orda Zawolsca) для заселения поместья (feudalem). А когда постепенно окрепла там сила татарская и разрослась поистине до размеров целого народа, то они выдвинули себе в князя (principem) Темиркутла (Temirkuthla)³⁷, одного из соплеменников своих, и был он назван царем (caesar). А предки Священного Величества Вашего³⁸, поработив этих царьков (caesarianis), враждебных вассалов (vassalis) греков, давали им в цари подвластных себе татар из Литвы. А последний царь из Литвы Ачкирей (Aczkirei)³⁹, родившийся здесь близ Трок (Troki)

и отсюда посланный в те владения (ad impregium) блаженной памяти Витовтом⁴⁰ (Withowdo), правя в Таврике, родил там сына Менгли-Кирея (Menglikirei)⁴¹. Менгли-Кирей же [родил] нынешнего царя Сап-Кирея (Sapkiriei)⁴² и братьев его, родившихся и правивших прежде: Махмет-Кирея (Machmethkirei)⁴³, Садет-Кирея (Sadetkirei)⁴⁴ и Хас-Кирея (Chaskirei)⁴⁵. Таким образом, знаменитое имя предка служит ныне всем потомкам, последовательно сменявшим его у власти. Ведь это тот род Киреев (Kireorum)⁴⁶, насажденный там могучей десницей предков Священного Величества Вашего, который ныне в благодарность за свое преуспеяние причиняет нам заботы. И вот уже славится Таврика и людьми и властью пришельцев; однако ее города Манкуп (Mancup)⁴⁷, Каффа (Caffa)⁴⁸, Керчь (Kercze)⁴⁹, Козлев (Kozlew)⁵⁰ и другие приморские [города] сохраняли свободу от них, пока, вот уже около семидесяти лет, не были взяты турецким (turcica) отрядом, с помощью военной силы Константинополя (Constantinopolitanis)⁵¹. И с тех пор потомки местных греков, попав под иго Турции, платят ей поголовную дань. Хотя еще и теперь они, занимаясь земледелием, виноградарством и скотоводством, не нищенствуют, но имеют даже серебряные украшения, так как они живут в мире и общей справедливости, под наиболее разумным языческим управлением, все же они ведут там жизнь не слишком радостную. Ведь их не уважают и ни во что не ставят их магометанские владыки. И они не только пренебрегают общением с ними, но и смотрят на них искоса и заставляют самих владельцев серебряных украшений работать, особенно по воскресным и пасхальным дням. Христианин не имеет там никакой власти ни над рабом, ни над слишком дерзким сыном, если он раз только представится правителю (magistratui). Даже сам глава семейства теряет свои права, если донесут, что он позволил себе неуважительное слово или хотя бы движение пальца в отношении к их религии.

Ведь тому, как переменчива судьба, сама Таврика служит достаточным свидетельством, ибо положение людей ее совершенно изменилось: [потомки] патрициев лишены чести и свободы, унижены, отданы в рабство, отвержены, потеряли свои права и платят поголовную подать магометанам; а эти настоятели, некогда надменно презирующие церкви божи, ныне презируемые сами и отверженные, пресмыкаются перед дикими татарами и турками. Города же ее, о великих богатствах, гордыни, веселии и всяческой роскоши которых разносилась молва, ныне пришли в упадок и многие опустели, прочих же, сровнявшихся с землей,

Резиденция великого князя литовского в Тракае. *Реконструкция*

позабыты уже и названия; и властвуют ныне над ними не благородные христиане, прирожденные их властители, но языческий пришелец, не так давно освободившийся из рабства, а также [получивший] и власть и свободу, даруемую здесь потомкам вассалов. Ведь настолько выросла численность татар в Таврике, что они выставляют на войну почти тридцатитысячное войско, но собранное принудительно, так как должны [идти] все как один, кто только способен сесть на коня, и [даже] пастухи и не владеющие оружием. Поскольку, когда я был там, и когда царь послал половину их и сына своего на помощь туркам⁵², ходившим недавно на Венгрию, то их насчитывалось тогда пятнадцать тысяч. Хотя и ходили избранные, однако снаряженные по обычаю своему, а именно – многие безоружные, и едва ли у десятого или двадцатого из них был при себе колчан или дротик, а в панцирях было их еще меньше; но одни по крайней мере были вооружены костяными⁵³, другие – деревянными палками, третьи – с пустыми ножнами на поясе⁵⁴. Щитов и копий и прочего подобного оружия они и вовсе не ведают⁵⁵. Вот так они никогда не [были] обременены ни оружием, ни запасами пищи и никаким другим грузом из того, что составляет военные обозы, кроме небольшого количества поджаренного про-

са или измельченного сыра⁵⁶. Однако никто из них не отправляется без множества свежих ремней, особенно когда им предстоит совершить набег на наши земли. Ибо тогда их более заботят путы, чтобы вязать конечности наши, чем доспехи для своей защиты. У них всегда в запасе множество коней для войны, так что большая часть их войска ведет с собой по пяти коней, к тому же неоседланных. Посему они очень быстро совершают набеги и любой путь благодаря такой быстрой смене коней и весьма легко бегут от настигающего врага; также и следы их устрашают обилием, а они не боятся в войске своем ни усталости, ни голода. Также в походе они весьма выносливы, легко переносят голод, жажду, усталость, бессонные ночи, жару, холод, всякую непогоду и любые трудности. Ведь военные набеги они всегда совершают без повозок и безо всякого обоза, за исключением упомянутого мною множества коней⁵⁷. Безо всякого труда они преодолевают даже в зимнее время широкие степные просторы, бездорожье, создаваемое глубоким снегом и настом, хотя затвердевший снег и лед обдирают ноги коней. Быстрые полноводные реки, которые в суровое зимнее время на севере к тому же страшно трещат от лопающегося льда и трудны для переправы, они, однако, преодолевают без судов, но только на конях; сами они держатся за гривы, а к хвостам привязывают мешки, [положив их] на деревянные брусья или на связки камыша, чтобы переплыть без промедления, легко и быстро⁵⁸. А в сражении они более стойкие, чем москвитяне (*Moschovitae*), хотя и хуже вооружены, и, всегда первыми вступая в битву, стремятся захватить левый фланг войска противника с тем, чтобы сподручнее было обстреливать. Также нередко, обратившись в бегство, повернув вспять, они останавливаются и, когда преследующий враг уже рассеян, нападают на него из засад, и так подчас они, побежденные, отнимают победу у победителей⁵⁹. Когда же без уловок и военной хитрости, но честно, лицом к лицу, приходится вступить в сражение с ними, то наши воины превосходят их, даже если тех намного больше. Так что весьма часто мы мерялись силами под победоносными знаменами блаженной памяти отца Священного Величества Вашего^{59a}.

Ведь и спустя пять месяцев после поражения христиан от магометан, последней битвы короля Людовика⁶⁰, двоюродного брата Св. Величества Вашего, в календы февраля, в год [от Рождества] Христова 1527 в тех ровных степях близ Черкас (Czerkassi) при

Сигизмунд I Старый (1506–1548)

реке Ольшанице (Olssanicza), двадцать пять тысяч тех перекопских татар (Precopensium Tartarorum) пали от руки нашей, а было там нас не более трех с половиной тысяч⁶¹. И прежде у Клецка (Kieczko) погибло двадцать семь тысяч их, поверженных девятью тысячами наших⁶². Тогда как в других [местах] и у крепости Давида (Davidis Castellum)⁶³, и у Стрешина (Stressino), Чечерска (Czczersko)⁶⁴, Лопушна (Lepussno)⁶⁵, а также в тех широких степях, в Лебедине (Lebedino), и у Белой Церкви (templum album)⁶⁶, и на реке Суле (Sula), и в прочих битвах, сколько бы ни сражались с ними в этом столетии наши люди, выходило на поверку, что мы сильнее. Ведь и при Сокале (Sokal)⁶⁷ они одолели нас не военной силой, но хитрость и сложность местности сослужили им; наше войско полегло, коварно завлеченное на место только что сожженного города, где повсюду зияли провалы погребов, то есть подземелий, ям и подземных ходов. И тут-то впервые возгордился против нас род Киреев, перенеся к себе в Таврику обагренные кровью доспехи воинства нашего. Также после, при Очакове (Oczakow)⁶⁸, хотя не менее доблестным было войско наше и также вышло победителем над ними, но все же по оплошности уступило победу побежденному Ослам Солтану (Oslam Soltano)⁶⁹, послав ему в крепость для переговоров вождей своих, не ведая, что сказано: кто во время войны обсуждает хитрость или доблесть врага?

Так вот, всегда мы были бы сильнее перекопских [татар], если бы не их уловки, хитрость и коварство. А образ жизни татар, кото-

рым они кичатся, патриархальный, пастушеский, какой некогда, в золотой век, вели святые отцы, и из них также избирались народом вожди, короли и пророки⁷⁰, один из которых сказал: «Господь взял меня от овец»⁷¹. Вот так до сей поры живут татары, следуя за стадами и бродя с ними по степям туда и сюда. Нет у них ни дворов, ни домов, одни лишь переносные шатры, сделанные из лозы и тростника, крытые козым войлоком, защищенные плетеными рогожками и циновками⁷², они везут их с собой на повозках⁷³ вместе с женами и детьми. Землю они не возделывают, даже самую плодородную⁷⁴, довольствуясь тем, что она сама приносит, [то есть] травой для пастьбы скота. Вот почему по совету Соломона они питаются одним молоком⁷⁵, не зная хлеба и сикеры⁷⁶, в трезвости и умеренности, ибо по закону им также запрещено пить вино и есть свинину⁷⁷. И хотя они едят мясо мелкого и крупного скота, а также конину, однако только тогда, когда [животные] уже пали или околевают, падя, стало быть, здоровое стадо⁷⁸. Ибо в стадах состоит все их достояние. Ведь они не владеют никаким недвижимым имуществом, кроме колодцев, а ими – совместно со своими единоплеменниками. о движимом же они не пекутся; настолько оно не в чести, что имеют они повседневную, да и то небогатую домашнюю утварь и простейшее снаряжение, необходимое для верховой езды и военного дела. Только к этому они относятся бережно, и, не ведая других дел, они считают, что человека благородного бесчестит какая-либо усердная работа, кроме этого

Набег татар на Венгрию. Гравюра XVI в.

[военного дела]; тем старательнее должны они следовать предписанию закона своего, который им предназначено распространять силою оружия. Также в этой дикости они не обладают ничем, кроме умеренности и воздержания, и все они живут без излишеств и в крайней нужде⁷⁹. Ведь точно так же говорится в Священном Писании: «Научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть в обилии и в недостатке»⁸⁰. Также: «Кто собрал многое, не имел лишнего, и кто мало, не имел недостатка»⁸¹. Так ныне и у варваров сих, ни один богач не задыхается от алчности, а бедняк не умирает от голода и не страдает от холода, и никто при такой бедности и нужде не побирается. Ведь у них не часто [встречается] кутила, равно как и страждущий от голода, и нищий, и обманщик, стяжатель чужого, и сутяга, и судья несправедливый, и лжесвидетель, и клятвопреступник, а также вор и разбойник. Вот почему им нет дела, чтобы беспрестанно заботиться об охране имущества и обременять себя оружием дома, чтобы постоять за себя. Ведь путешественнику по земле их излишне и противозаконно иметь при себе оружие. Свято чтут они у себя мир и правосудие, возвращая каждому то, что принадлежит ему, неприкосновенным и не изъятым в пользу чиновников в качестве десятины или под каким-либо иным названием. Ибо не наживе, но справедливости служит занятие правосудием у этих безбожных язычников. Ведь оно у них не мирское, а священное, и отправляется оно священниками кадиями (Cadios)⁸², которые посвящаются в это священное звание особою присягою, причем из многих избираются менее отягощенные нечестивыми делами, за которые будут судимы другие. А чтобы правосудие велось успешнее, судопроизводство свободно от проволочек крючкотворов и не зависит от наговоров клеветников. Если обвиненный старается укрыться от суда и, позванный обвинителем в суд прикосновением к краю его одежды, не является тотчас же, то с этого момента как изблещенный уже считается осужденным. Ведь его избивают палками, как это предписывается божественным законом. Также не место в суде обвинителю и свидетелю, не вполне твердо усвоившему из закона, что необходимо для защиты, или тому, которого уличили в том, что он однажды отдал вина или был замечен в каком-либо ином пороке. Также предстают они пред судом его, то есть судьи кадия (Cadij), и знать, и вожди с народом равно и без различия и, кроме верховного предводителя, чье величие они также полагают выше человеческого, все воедино, а также все до единого живут по одному и тому же за-

кону. Также они обнаруживают равенство и однообразием одежды и сходным образом жизни, считая беззаконием и достойным наказания, даже избияния палками, если кто-нибудь из людей их носит платье, шапку или длинные волосы не так, как в их земле и не по древнему обычаю, или если кто-нибудь имеет у себя особую пищу, не разделяя ее с присутствующими, или сам хозяин (*patronus*) возьмет что-либо, прежде чем выставлено всем, разделено на куски и тщательно смешано, так чтобы каждому из присутствующих досталось одинаковое. И в пути все дорожное у них общее, но все же они наперебой стараются услужить любому старшему по возрасту или немощному. Дома они также гостеприимны к каждому путнику и чужаку предоставляют задаром и пищу и кров, но на расстоянии от стойбищ (*statuagum*) их⁸³. Впрочем, в остальном они не так уж учтивы, ибо у них никоим образом не дозволено смотреть на их жен гостю, другу, а также сотрапезнику, в какой бы он ни был милости; и они держат их [жен. – В. М.] бедных взаперти в удаленных покоях, и, не говоря уже о пиршествах, но и от синагог (*synagogaum*)⁸⁴ и от всяких обычных принародных дел они совершенно отстранены и переложена на них вся портняжная и сапожная работа, впрочем не без их согласия. Но они [мужчины] между тем не довольствуются супругами своими, как издревле велит человеческий обычай: каждому – единственная, [но] кичатся числом их, тем более что и закон их призывает каждого иметь по четыре жены, а на каждую из них – по десять наложниц, и чем особенно отличаются мужчины – они ищут не приданого невест, не ради плотских их прелестей соединяются, но еще почти и в лицо не видя, выведывают, насколько возможно, об их душе и нравах, и они не гнушаются в браках и служанками своими, пленными и купленными. Вот почему они [жен. – В. М.] в браке верны, послушны, живут душа в душу, терпимы к наложницам, пользующимся милостями мужа, также стыдливы, так что у них совершенно неслыханным является грех прелободейства, смертный для каждого и грозящий казнью⁸⁵. И кроме того, поскольку эти варвары знают, что нет ничего спасительнее для народов, чем доблесть и военная дисциплина, и что мужество состоит в твердости, то, отвергая изнеженность и избалованность, ведут жизнь суровую, с детства занимаются верховой ездой и уже с колыбели они ездят верхом, равно как и в глубокой старости от этого не отучаются. От повозок же отказываются как старики, так и немощные, чтобы не изнежиться и поберечь лошадей. Ибо они так берегут

коней, что даже барон (Ваго)⁸⁶ их, которого за пределами его земли сопровождают сотни его собственных всадников, по своей стране ездит верхом один. У них даже знатная женщина, если ей необходимо прибыть ко двору царя, не смущается тем, что ее везет [в повозке] один вол, а если повозка тяжела, – то два, хотя и сидит дома взаперти, сверкая золотом и драгоценными камнями. Впрягать же в повозку лошадь, даже самую никудышнюю, для любого из них считается тягчайшим грехом, хотя бы в конюшне его была тысяча коней. А жизнь людей сих сурова и мрачна, за исключением предводителей их. Ибо предводители скифов (scytharum)⁸⁷, при всеобщей умеренности народа их, сами между тем живут в роскоши. Как [например] нынешний перекопский царь⁸⁸, ныне переложивший военные дела на сыновей, [который] сам охотно предается удовольствиям в куцах жен своих. Особенно красив один [его] сад, который славится местоположением, постройками, ухоженностью, разнообразием трав и деревьев, и тем изяществом, с каким они посажены. Когда он в раю своем⁸⁹ принимает гостей, во время роскошных пиров, то хотя и вкушает из деревянной и глиняной посуды, как бы из отвращения и презрения к богатству, все же восседает на расшитых золотом подушках, опираясь локтями и ногами на серебряный стол, который украшают фиалы из золота и драгоценных камней и разные роскошные яства, и услаждается при этом звуками кифар, цимбал, кастаньет, песнопений и прочими пустяками, полагая, что это ему позволительно при общем воздержании в народе⁹⁰.

Живут же народы татарские без излишеств, послушные Священному Писанию, в котором говорится: «Не пейте вина ни вы, ни дети ваши, вовеки; и домов не стройте, и семен не сейте, и виноградников не разводите и не имейте их, но живите в шатрах во все дни жизни вашей, чтобы вам долгое время прожить на той земле, где вы странниками»⁹¹. Вот так и живут они на земле той многие дни, вольные, независимые и всегда уверенные в своей неистребимости. Поскольку они презирают роскошь и не владеют ничем недвижимым и подверженным захвату, то все свое добро, куда бы они ни передвигались, имеют при себе. Вот почему сии кочевники имеют единственно движимую [собственность] – идущих с ними скот и рабов⁹².

И хотя владеют перекопские [татары] скотом, обильно плодящимся, все же они еще богаче чужеземными рабами-невольниками, почему и снабжают ими и другие земли. Ведь у них не столько

скота, сколько невольников. Ибо они поставляют их и в другие земли (provinciis). Ведь к ним чередой пребывают корабли из-за Понта и из Азии, груженные оружием, одеждой, конями, а уходят от них всегда с невольниками. Ибо все их торги (emporía) и места сбора податей (telonea) полнятся только товаром этого рода, на который к тому же у них всегда спрос, [он годится] и для торговли, и для залога, и для подарка, и всякий из них, по крайней мере имеющий коня, даже если на деле раба у него нет, все же, полагая, что всегда может приобрести их множество, обещает по контракту (in contractibus) с кредиторами (creditori) своими в назначенный срок заплатить им за одежду, оружие и резвых скакунов тоже живыми, но не конями, а людьми, притом нашими единокровными. и они спокойно дают такие обещания, как если бы в своих зверинцах и скотных дворах они всегда держали этих наших пленников. Вот почему один иудей там в Таврике у тех единственных врат ее, стоящий во главе таможи (teloneo), видя, что туда постоянно ввозится бесчисленное множество пленных людей наших, спрашивал у нас, все так же ли наши земли изобилуют людьми или нет и откуда здесь такое множество смертных. Так у этих разбойников всегда в наличии такая собственность не только для торговли с любимыми странами, но и для удовлетворения у себя дома своей жестокости или прихоти.

Ведь очень часто [встречаются] среди этих несчастных людей весьма сильные, которых если не оскопили, то отрезали уши и [вырвали] ноздри, прижгли раскаленным железом щеки и лбы и принуждают закованных в путы и оковы днем трудиться, ночью [сидеть] в темницах, и поддерживает их скудная пища, [состоящая] из мяса околевших животных, гнилого, кишашего червями, какого даже собаки не едят. А женщин самых юных они держат для разврата, а некоторых из них, обученных искусствам, даже приглашают на пиршества для увеселения, чтобы играли они на арфах и кифарах и танцевали. Если же среди наших пленных сородичей оказываются женщины, чей благородный вид [выдает] их знатное происхождение, то их отвозят к Таласию (Thalasio) и в его райские кущи⁹³.

Следует сказать и о другом, что они делают там с такими людьми. А именно: когда происходит торг, этих несчастных ведут на многолюдную рыночную площадь, группами, построенными наподобие отлетающих журавлей и по десять вместе связанных за шеи, и продают их десятками сразу с аукциона, причем торговец, чтобы

повысить цену, громогласно возвещает, [что это] новые невольники, простые, бесхитростные, только что пойманные, из королевского народа, не московского (Moscovitico). Ибо род москвитян (Moschogum), как хитрый и лживый, весьма дешево ценится там на невольничьем рынке. Итак, этот род товара тщательнейшим образом оценивается в Таврике и за большую цену покупается чужеземными купцами, чтобы продать [его] дороже более отдаленным и диким [народам]: сарацинам (Sarracenis)⁹⁴, персам (Persis), индусам (Indis), арабам (Arabibus), сирийцам (Syris) и ассирийцам (Assyriis). И ведь любой из них алчет [получить] невольниц отсюда в жены, однако без насилия и беззакония, но по правилу, предписанному свыше, Господом во Второзаконии, 21. Ибо и любимейшая жена нынешнего турецкого (Turcagum) императора⁹⁵ мать перворожденного [сына] его, который будет править после него⁹⁶, похищена была из земли нашей. Также и перекопский Сап-Кирей, рожденный от христианки⁹⁷, ныне имеет и жену-христианку. И все служители, евнухи, писцы и разные ремесленники этих тиранов (tyrannogum) и лучшие воины янычары (janiczari), которые там уже с детства обучаются воинскому искусству и дисциплине и из которых в конце концов выбирают вождей (Duces) и баронов (Barones), происходят от нашей христианской крови⁹⁸. И поэтому, когда они там покупают невольников, то осматривают не только открытые взору органы и зубы, чтобы не были они ни редкими, ни темными, но обследуют также и самые сокровенные части тела. и если у кого обнаруживают родимое пятно, опухоль, шрам или иной скрытый порок или недостаток, то такого возвращают. Но даже и при таком осмотре покупаемого, тем не менее хитроумные барышники и нечестивые торговцы способны на обман, создавая приманки. Ведь тех более красивых мальчиков и девушек, которые попадают в толпу пленников, не сразу выводят [на продажу], но [сначала] хорошенько откармливают, одевают в шелк, белят и румянят, чтобы продать подороже. Иной раз самые красивые и целомудренные девушки нашей крови оцениваются здесь на вес золота. А случается, красивую невольницу, едва купив, тут же перепродают, тщательно приукрасив, чтобы поднять цену и получить барыш. Делают это и в прочих городах этого полуострова, а особенно в Каффе. И случилось там, что толпы этих несчастных невольников отправлялись с торга прямо на корабли. Ибо этот порт удобнейшим образом граничит с морем и по этому своему ненасытному и преступному местоположению он не город, а по-

глотитель крови нашей. И вот там эти скитальцы, столпившиеся на берегу перед тем, как взойти на корабли, увидели, что мы печалимся за них, [стоящих] перед нашими глазами. Тогда один из них, знакомый мне и земляк, как бы прочитав наши мысли по печальному выражению лиц, ответил за всех, не спуская с меня глаз: «Не надо вам, – сказал он, – любезный брат, печалиться о нас, изгнанниках, страждущих так; хотя, как это ни горько и печально, мы отправимся в путь, покинув милую землю отчизны, переправляясь туда, откуда никогда не вернемся, и чем дальше от границ отчизны увезут нас, тем сильнее день ото дня будет сжигать нас тоска по родной земле; однако нам суждено уже нести этот неминуемый жребий с невозмутимой душой, так как мы не единственные и много нас, товарищей по несчастью, и когда мы видим, что остальные остаются здесь, в Таврике, не в лучшем положении, которым выпал такой же жребий, клейменнные эти, помеченные тавром⁹⁹, даже с изуродованными лицами, мы знаем на опыте, что¹⁰⁰ на родине их равно ожидал по обыкновению не более радостный исход: близким нашим, как мы видели, отрубали, отсекали и отрывали от тел их руки, ноги и головы, трепещущие сердца и вырезанные легкие бросали в огонь, а, выпотрошив животы их, из остывающих кишок выхватывал дикий враг внутренности для жертвенного гадания, желчные пузыри и желчь для мазей¹⁰⁰. Впрочем¹⁰¹, было бы много лучше и нам, если бы, претерпев все до одной эти да и другие жестокости, мы умерли бы близ отчих ларов и теней, исповедуя нашу веру, и рядом с могилами предков, а тела наши были бы гораздо счастливее, чем теперь, даже если бы они были обезображены и растерзаны и пожраны хищниками; но поскольку это нам заказано, сохраняет нас на продолжительное время для глумления им слепой рок, которому надо повиноваться, и эта горесть ваша и сожаление не помогут нам¹⁰¹. Скорее нам должно опасаться, чтобы не постигла и вас та же участь, то есть, чтобы и вы когда-нибудь не сели на эти уносящие нас корабли и чтобы наконец все племя наше не погибло, потому что день ото дня все больше гибнет его питомцев. А этого поистине всячески следует страшиться, если вы, каковыми ныне являетесь, будете продолжать впредь упорствовать в ваших весьма пагубных нравах, неминуемо влекущих вас к гибели. Итак, если есть у тебя сколько-нибудь любви к родине или верности князю, или по крайней мере веры в Бога, то надлежит тебе о той неминуемой опасности поведать князю и тем, наконец, кто его окружает, так как ныне вы поня-

ли, каковы обстоятельства, испытываемые здесь людьми. И если ничто другое не заставляет тебя этого сделать, то да подвигнет тебя хотя бы любовь к вере истинного Бога, именем которого мы, несчастные, теперь только чувствующие всю цену отечества и свободы, закликаем тебя, дабы желанная отчизна по крайней мере получила от нас этот последний залог нашей любви»¹⁰². Выказав это и тяжело вздыхая, он был увлечен на корабль, поднимаясь в десятке своей, прочно скованной, и исчез на высоком судне, увиденный [вместе с ней], оставив нам такое завещание.

Конец первого фрагмента

Несколько слов к читателю

В следующих за этой книгах Михалон жалуется главным образом на испорченность нравов своего народа, пагубнее которых ничего нет, и горячо просит, чтобы они были исправлены прежде всего ради отражения врагов, и предлагает способы исправления. Однако мы опустили подобные жалобы, поскольку мы исследуем не что иное, как относящееся к учительнице жизни истории.

Извлечение из второго фрагмента

Москвитяне (Mosci) и татары намного уступают литвинам (Lituanis) в силах, но превосходят их трудолюбием, любовью к порядку, умеренностью, храбростью и прочими достоинствами, которыми упрочиваются королевства. Приносят татарам эти достоинства те выгоды, что они владеют множеством скота, отнятого у нас, и, так со временем возвысившись, они услаждаются ежегодными дарами от Священного Величества Вашего, [будучи], как известно, друзьями-союзниками, с которыми и прежде литвины всегда заключали договоры. Они привычны к верховой езде, ведут войны без обозов, у них обилие вольных коней и нет городов, которые бы они обороняли. Москвитяне (Mosci) каждую весну из татарской Ногайской орды (orda tartarica Nohaiensis) в обмен на одежду и другие дешевые вещи получают многие тысячи коней, наиболее подходящих для войны¹⁰³. Турки фракийские (turcae Thracae) шлют нам по высокой цене коней самой дрянной породы, старых, загнанных, снедаемых таящимися в них болезнями: ибо продавать христианам здоровых коней или оружие считается у них грехом и преступлением. А предки наши довольствовались рожденными на родине лошадьми; они всегда были готовы к войне с копьями, щитами, доспехами и с мешками, полными муки. Героинь литовских, отправляющихся в храм или на пир, везут в парадных экипажах, то есть в висячих носилках, запряженных шестериком или восьмериком одного и того же цвета; А скиф (scytha) безнаказанно уходит, ведя столько же связанных ремнями людей. А у татар, особенно богатых конями, не принято впрягать коней даже в повозку предводителя. Турки и прочие сарацины (saraceni), сходящиеся пять раз в день в местах, предназначенных для молитвы, снимают обувь и моют холодной [водой] даже срамные свои места¹⁰⁴. Они, а также татары, москвитяне (Moscovitae), ливонцы (Livones), пруссы (Pruteni), из бережливости непрерывно носят одну и ту же одежду, а у нас она и дорога и разнообразна.

У татар длинные туники без складок и сборок, удобные, легкие для верховой езды и сражения; их белые остроконечные войлочные шапки сделаны не для красоты; их высота и блеск придают толпам [татар] грозный вид и устрашают врагов, хотя почти никто из них не носит шлемов. Этому приему также подражают москвитяне (Mosci). А делаются эти шапки из овечьей

шерсти, часто моются и купленные за один грош (grosso) долго им служат.

Хотя одни только москвитяне (Mosci) богаты соболями и другими подобными зверями, однако, запросто дорогих соболей не носят. Но, посылая их в Литву (Litvaniam), нежных изнеженным, получают за них золото¹⁰⁵, а по краям своих шапок из козьей шерсти укрепляют золотые бляшки и драгоценные камни. и не портят их ни дождь, ни солнце, ни моль, как соболей.

Конец второго фрагмента

Извлечение из фрагмента третьей книги

Они [москвитяне] до такой степени не признают пряностей, что и за пасхальными трапезами довольствуются такими приправами: серой солью, горчицей, чесноком, луком и плодами своей земли не только простолоудины, но даже и высшая знать; (optimates), и верховный вождь (summus dux) их, захвативший наши крепости, коих уже кичливо насчитывает 73¹⁰⁶.

На пиршественном столе князя (principis) среди золотых сосудов и местных яств [бывает] все же немного перца, однако его подают сырым отдельно в чашах, но никто к нему не прикасается. Алитвины питаются изысканными заморскими яствами, пьют разнообразные вина, отсюда и разные болезни. Впрочем, москвитяне (Mosci), татары и турки, хотя и владеют землями, родящими виноград, однако вина не пьют, но, продавая христианам, получают за него средства на ведение войны. Они убеждены, что исполняют волю божью, если каким-либо способом истребляют христианскую кровь.

Татары перекопские точно так же не признают пряностей и пьют молоко и колодезную воду, которая во всей равнинной Таврике редко встречается не горькая, а еще реже – чистая, разве только отыщется очень глубоко в недрах земли. Предки наши избегали заморских яств и напитков. Трезвые и воздержанные, всю свою славу они мыслили в военном деле, удовольствие – в оружии, конях, многочисленных слугах и во всем сильном и храбром, что служит Марсу; и когда они отражали чужеземцев, то расширили свои [пределы] от одного моря до другого, [и] называли их враги хоробра Литва (Chogobra Litwa)¹⁰⁷, то есть храбрая Литва. Нет в городах литовских более часто встречающегося дела, чем приготовление из пшеницы пива и водки¹⁰⁸. Берут эти напитки [и] идущие на войну и стекающиеся на богослужения. Так как люди привыкли к ним дома, то стоит им только отведать в походе непривычной для них воды, как они умирают от боли в животе и расстройства желудка. Крестьяне, забросив сельские работы, сходятся в кабаках. Там они кутят дни и ночи, заставляя ученых медведей увеселять своих товарищей по попойке плясками под звуки волынки. Вот почему случается, что, когда, прокутив имущество, люди начинают голодать, то вступают на путь грабежа и разбоя, так что в любой литовской земле за один месяц за это преступление платят головой больше [людей], чем за сто или двести лет во всех землях

татар и москвитян (Moscovum), где пьянство запрещено. Воистину у татар тот, кто лишь попробует вина, получает восемьдесят ударов палками и платит штраф таким же количеством монет. В Московии (Moscovia) же нигде нет кабаков. Посему если у какого-либо главы семьи найдут лишь каплю вина, то весь его дом разоряют, имущество изымают, семью и его соседей по деревне избивают, а его самого обрекают на пожизненное заключение. с соседями обходятся так сурово, поскольку [считается, что] они заражены этим общением и [являются] сообщниками страшного преступления¹⁰⁹. У нас же не столько власти (magistratus), сколько сама неумеренность или потасовка, возникшая во время пьянки, губят пьяниц. День [для них] начинается с питья огненной воды. «Вина, вина!» – кричат они еще в постели. Пьется потом эта вот отравка мужчинами, женщинами, юношами на улицах, площадях, по дорогам; а отравившись, они ничего после не могут делать, кроме как спать; а кто только пристрастился к этому злу, в том непрестанно растет желание пить. Ни иудеи (judaei), ни сарацины не допускают, чтобы кто-то из народа их погиб от бедности – такая любовь процветает среди них; ни один сарацин не смеет съесть ни кусочка пищи, прежде чем она не будет измельчена и смешана, чтобы каждому из присутствующих досталось равное ее количество.

Василий III. Гравюра XVI в.

А так как москвитяне (*Mosci*) воздерживаются от пьянства, то города их славятся разными искусными мастерами; они, посылая нам деревянные ковши и посохи, помогающие при ходьбе немощным, старым, пьяным, [а также] чепраки, мечи, фалеры и разное вооружение, отбирают у нас золото¹¹⁰.

Прежде москвитяне (*Moscovitae*) были в таком рабстве у заволжских татар (*tartarorum zavolhensium*), что князь их [наряду с прочим раблепием] выходил навстречу любому послу императора и ежегодно приходящему в Московию (*in Moscoviam*) сборщику налогов (*sensus exactori*) за стены города и, взяв [его] коня под уздцы, пеший отводил всадника ко двору. И посол сидел на княжеском (*ducali*) троне, а он сам коленопреклоненно слушал послов¹¹¹. Так что и сегодня заволжские и происшедшие от них перекопские [татары] называют князя москвитян (*Moscovum*) своим холопом (*cholor*), то есть мужиком (*rusicum*). Но без основания. Ведь себя и своих [людей] избавил от этого господства Иван (*Johannes*), дед того Ивана [сына] Василия, который ныне держит [в руках] кормило власти, обратив народ к трезвости и повсюду запретив кабаки¹¹². Он расширил свои владения, подчинив себе Рязань (*Rezani*), Тверь (*Twer*), Суздаль (*Susdal*), Володов (*Volodow*) и другие соседние княжества (*comitatibus*)¹¹³. Он же, когда король Польши Казимир (*Casimiro rege Poloniae*) и князь Литвы (*duce Litvaniae*)¹¹⁴ сражался в Пруссии (*Prussia*) с крестоносцами (*cruciferos*) за границы королевства, а народ наш погрязал в распущенности, отнял и присоединил к своей вотчине литовские земли (*Litvanicas provincias*), Новгород (*Novohrod*), Псков (*Pskow*), Север (*Siewier*) и прочие¹¹⁵; он, спаситель и творец государства, был причислен своими [людьми] к лику святых. Ведь и стольный град свой он украсил кирпичной крепостью¹¹⁶, а дворец – каменными фигурами по образцу Фидия¹¹⁷, позолотив купола некоторых его часовен (*sacellorum*). Также и рожденный им Василий (*Vasilius*)¹¹⁸, поддерживая ту же трезвость и ту же умеренность нравов, в год 1514 в последний [день] июля отнятую у нас хитростью Михаила Глинского (*Michaelis Hlinscii*)¹¹⁹ крепость и землю со Смоленском (*Smolensco*) присоединил к своей вотчине¹²⁰.

Вот почему он расширил стольный град свой Москву (*Moscowam*), включив в нее деревню (*vico*) Наливки (*Nalewki*)¹²¹, создание наших наемных воинов, дав ей название на позор нашего хмельного народа. Ведь «налей» соответствует латинскому «*Infunde*». Точно так же рожденный от него, правящий ныне¹²², хотя и отдал нам одну

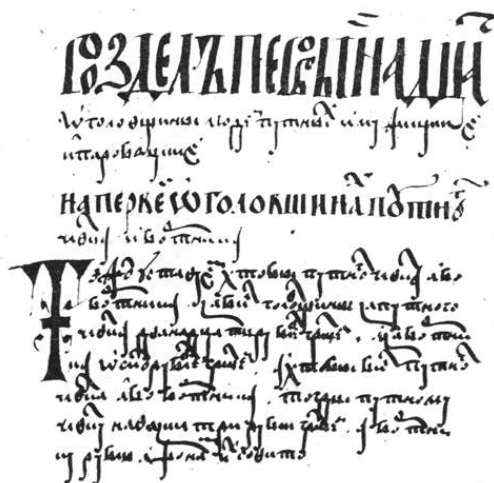
Успенский собор Московского Кремля

крепость¹²³, но между тем в наших пределах воздвиг три крепости: Себеж (Sebesz), Велиж (Velisz), Заволочье (Zawlocz)¹²⁴. Он в такой трезвости держит своих людей, что ни в чем не уступает татарам, рабом которых некогда был; и он оберегает свободу не мягким сукном, не сверкающим золотом, но железом; и он держит людей своих во всеоружии, укрепляет крепости постоянной охраной; он не выпрашивает мира, а отвечает на силу силой, умеренность его народа равна умеренности, а трезвость – трезвости татарской (tartaricam); говорят, что образом жизни он подражает образу жизни нашего героя Витовта (Vitovdum).

Извлечение из четвертого фрагмента

Татары превосходят нас и в правосудии¹²⁵. Ведь они возвращают немедленно каждому то, что ему принадлежит. У нас же забирает судья (iudex) десятину (decimam partem) [от стоимости] спорной вещи (rei iudicatae) у невиновного истца (ab actore), и эта плата судье называется пересуд (Peressud)¹²⁶. Она подлежит уплате тут же, в суде. Когда же дело касается небольшого клочка земли, то дают не десятину, но сто грошей, каждый стоимостью двух круциат (cruciatos), немецких монет, да еще половины круциаты¹²⁷, хотя спорная вещь и не стоила того. От большего же всегда берет десятину, от всего владения в целом, сколько бы ни оттягали по суду.

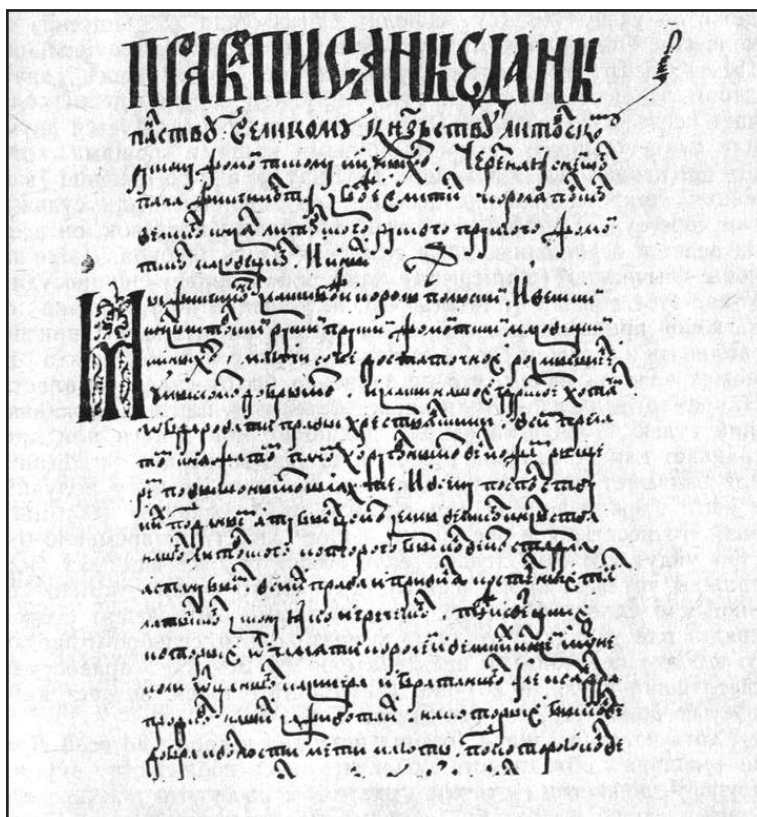
В делах же о личных обидах и оскорблениях, вменяющих в вину насилие, он берет у ответчика (а гео) крупную сумму, столько, сколько присуждает истцу¹²⁸. А присуждает он истцу из такого своего корыстолюбия, даже открыто поддерживая клеветующего, за любое его оскорбление мужчине – по двадцати коп¹²⁹ грошей, женщине – по сорок, за убыток же, который клеветник нанес, принеся ложную клятву, по сто и тысяче, если даже оказывается, что все его имущество не стоит и одной копы. И за убийство выносится приговор не по божьему закону, чтобы отмщалось кровью за кровь, но в виде денежного штрафа с судейской десятиной¹³⁰. Поэтому здесь так часто совершаются убийства. И пусть даже пря-

I Литовский статут. Дзяльньский список.
Фрагмент. Статья о головщине

модушный истец, выиграв дело, удовлетворится смиренными словами ответчика, но не судья. Ведь он [судья. – *В. М.*] всегда гребет деньги, из одного – штрафные, из другого – десятинные.

Он берет десятину и за утверждение сделок и договоров. В уголовных же делах берет не десятую часть, а все, что ни оказалось бы краденого или отнятого у разбойника, и этот его доход называется лице (*Litze*)¹³¹. Когда же краденую вещь, [найденную] у вора или у отнявшего ее, нужно нести к другому судье, всю ее стоимость полностью берет первый судья. Так что у нас отыскивающему украденную вещь необходимо заплатить властям (*magistratum*) больше, чем стоит сама вещь; посему многие, видя это, не осмеливаются из-за этого вступать в тяжбу за свой воровски уведенный или силой отнятый скот. Вор же, пойманный с поличным, не подлежит суду того места, где совершил преступление или был пойман, но его долгими путями ведут на суд к его господину, подчас к тому, в чей дом он сносил краденое¹³². Вследствие чего кражи совершаются безнаказанно. А у соседних с нами татар и москвитян (*Moscus*) судебное разбирательство надо всеми подданными вельмож (*baronum*) и дворян (*nobilium*) как в гражданских, так и в уголовных делах передано не какому-то частному [лицу], но общественному и законному (*ordinario*) чиновнику, [причем] трезвому и живущему вместе с другими. Наши же делают это поодиночке и пьют, удалив свидетелей (*arbitris et testibus*), и могут делать, что им угодно. Получает также у нас председатель суда (*praeses*) кроме штрафа за преступление 12 грошей с лошади, которую кто-то украл и, объявив ее бродячею, отводит в конюшню суда¹³³. Также и с человека, ни за что посаженного в тюрьму, он получает столько же грошей, полагая, что это вознаграждение законно, [так как] и тюрьмы и конюшни должны оплачиваться. Также и слуга судьи, исполнитель приговора, получает десятину от спорной вещи. Десятину даже без суда берет он с должника или с кредитора, или с вещи, оставленной под залог, даже если он не отказывается от уплаты долга. И писарь (*notarius*) получает десятину за составление решения, а за любую другую работу тоже кое-что: только за печать на вызове в суд по грошовому делу [берет] четыре. И чтобы все продавалось дороже, необходимо [сделать] повторный вызов в суд¹³⁴ и его скрепить печатью и подписью помощника писаря (*protonotarii*), поскольку писарь может быть занят другими [делами], и потому иногда, если этого не сделать, ответчик ускользает без вызова в суд, так как бежать свойственно его натуре. Также бе-

I Литовский статут. Дзяльньский список. Заголовок

рет другой служитель (apparitor), виж (Wisz)¹³⁵, назначающий день суда, даже по самому мелкому делу, если он представляет воеводу (palatine) – пятьдесят грошей, если его наместника (vicarii) – 30, если королевский или таким называет себя – 100. Берет столько же, то есть 100 или 50, или самое малое 30, еще один. А тот, кто вызывает ответчика и приводит по делу с вызовом, называется децкий (deczki)¹³⁶. Берет столько же и член суда (satelles), который с началом тяжбы отрягается для вызова или опроса свидетелей, для осмотра поля или луга, вытоптанного или отравленного чужим скотом или иного менее серьезного ущерба. Если у бедняка не окажется таких денег, у него отбирают скот. Несправедливо и то, что если бедняку понадобится призвать (к суду) кого-то из магнатов (e magnatibus), то даже за огромное вознаграждение он не сыщет служителя. Не менее несправедливо и то, что мой бо-

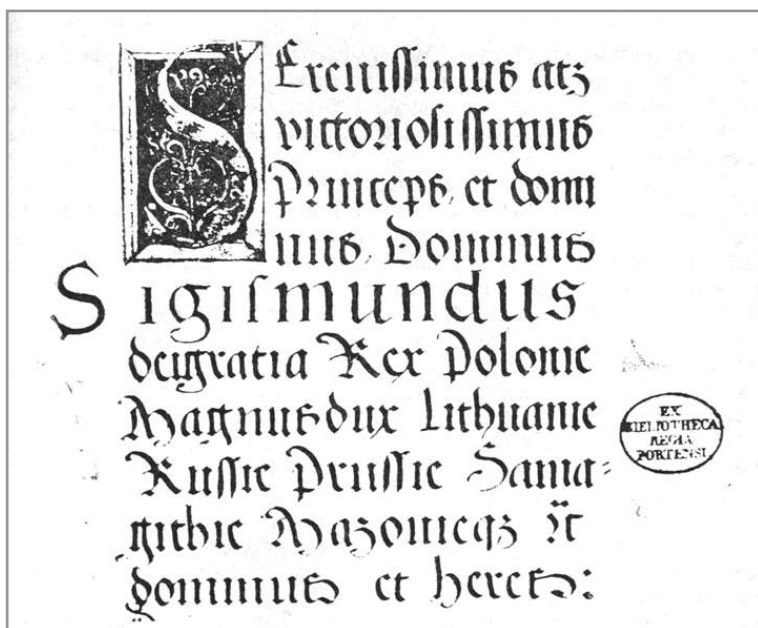
лее имущий сосед, хотя бы владеющий частью общего со мною села (pagi), имеет другую подсудность¹³⁷: его не так легко вызвать в суд, как меня. И чтобы лишить нас права пользования апелляцией (appellationis), оно обложено огромным штрафом, как [об этом сказано] в Лит[овском] стат[уте], разд[ел] 6, ст. 1¹³⁸. Против имущих запрещены также вadiumы (vadia)¹³⁹, которые служат для бедных оружием и словно оборонительным щитом. К тому же всякий назначается в свидетели в любых делах, кроме межевых¹⁴⁰, и [ему] вполне доверяют без присяги, и он делает лжесвидетельство жизненным поприщем. Общественной книги для занесения в нее купчих (venditiones) и прочего у нас нет, кроме частных листов (schedas)¹⁴¹. Ответчик, даже если доказано, что он похитил чужое имущество или совершил насилие, приводится в суд лишь по истечении месяца после вызова¹⁴². К тому же, если у меня похитят лошадь, стоящую 50 или 100 грошей, в самое горячее время полевых работ, то я не могу позвать похитителя в суд прежде, чем заплачу за позов (citaturо) члену суда полную стоимость похищенной лошади, хотя после не только не получу возмещения убытков, но и виновного привлекут к суду лишь месяц спустя. Итак, пострадавший (iniuria affectus) или все оставляет похитителю, или все равно отдает [под давлением] силы и хитрости.

Во время обнародования литовских законов¹⁴³ (legum litvanicorum) вол стоил 50 грошей, корова – 30¹⁴⁴. Ныне эти цены намного выросли. А в других местах, находящихся под властью короля Польши, ответчику не предоставляются такие поблажки и не требуются такие расходы, чтобы вызвать в суд. Но служитель получает за вызов ответчика в суд полгроша. А королевская грамота, по которой вызывают в суд, имеет вес и без подписи помощника писаря. И [она] не так дорого стоит, даже по указу (edicto) короля Сигизмунда (Sigismundi) в польском Пиотрковском стат. (stat. polonicis Piotrcoviensibus) 1511 года [от Рождества] Христова [ее] повелевалось давать даром. И судья даже при самой крупной спорной вещи получает не десятую часть ее [стоимости], но довольствуется двумя или самое большее четырьмя малыми нашими грошами, которые оцениваются в 8 немецких круциат. У нас по причине [взимания] трижды двойных десятин [со] спорной вещи судья – сам себе судья: и словно насадив наживку на крючок, он всегда ведет к осуждению, даже затемняя часть законов. Даже законы язычников (ethnicozum) запрещают оплату правосудия. У нас этот обычай [платить. – В. М.] возник не так давно от пагубной

привычки высшей знати (*prosecum primozum*) приспособлять законы к своим выгодам, в силу которых никто не может владеть ничем, что не зависело бы от судебной власти. Например: если кто-то или враждебный мне, или поддерживающий судью и ищущий выгоду похищает мои деньги или присваивает данное взаймы (*depositum*) или вверенное (*creditum*), или занимает мою землю, я ничего из этого не могу получить у него, прежде чем не дам судье и приближенным (*familiaribus*) его десятины и все прочие поборы, на что непременно быстро уйдут все мои деньги, если точно так же еще раз или дважды тот же самый честный друг этого судьи открыто со мной проделает. Если же подосланный (*emissarius*) судьею крадет или украдкой отнимает у меня золото, серебро и прочее, то все это переходит к председателю¹⁴⁵. Вот как правосудие, светлейший князь, в вотчине (*patrimonio*) твоей воздает каждому по делам его, вот оно святое право¹⁴⁶.

Хотя из числа знати (*ortimatum*) два воеводы во всей Литве исполняют обязанность судьи, находясь поблизости друг от друга¹⁴⁷, но разве достаточно их, чтобы рассудить тяжбы столь многих людей и стольких земель? Особенно потому, что они же заняты го-

I Литовский статут. Лаврентьевский список. Фрагмент заголовка

сударственными делами. Ибо они называются воеводы (voivodae), то есть предводители войска (belli duces). Понятно, что поэтому они, занятые множеством и общественных и частных дел, разбирают тяжбы в праздничные дни, когда они свободны. Но плохо еще и то, что у них нет постоянного места суда (tribunalia). Часто надо пройти более 50 миль, чтобы обратиться в суд за разбирательством о нанесенном ущербе. Несчастные люди идут от границ Жемайтии (Samagitia) и Ливонии до пределов Мазовии (Masovia) и Московии в поисках обычного судьи. До сих пор ежегодно 40 дней, посвященных у нас поминовению страстей Господних, посту и молитве, мы постоянно проводим в делах, разбирая тяжбы¹⁴⁸. Эти воеводы имеют своих наместников, которые тоже, хотя тело, сидят обыкновенно вместо суда среди шума пирушек, мало сведущие в юриспруденции (iurisprudencia), но исправно взимающие свой пересуд. А москвитяне (Moscovitae) хвалятся тем, что от нас переняли законы Витовта (leges Vitowdinas)¹⁴⁹, которыми мы уже пренебрегаем, а от татар – оружие, одежду и способ ведения войны без обозов, [без] редкостных яств и напитков.

Извлечение из пятого фрагмента

Рассердившись на кого-либо из своих, москвитяне (*Moscovitae*) желают, чтобы он перешел в римскую или польскую веру (*romanae sive polonicae religionis*), настолько она им ненавистна. У нас, к сожалению, нет гимназий¹⁵⁰. Мы изучаем московские письмена (*litteras Moscoviticis*)¹⁵¹, не несущие в себе ничего древнего, не имеющие ничего, что бы побуждало к доблести, поскольку рутенский язык (*idioma Ruthenuva*) чужд нам, литвинам, то есть италианцам (*Italianis*), происшедшим от италийской крови.

То, что это [именно] так, явствует из нашего полулатинского языка и из древних римских обрядов, которые не так уж давно у нас исчезли, а именно сожжение человеческих трупов, гадания, прорицания и прочие суеверия, до сих пор бытующие в некоторых местах, особенно в культе Эскулапия (*Aescularii*)¹⁵², почитаемого в виде змеи, в каком он переселился некогда из Эпидавра (*Epidauru*) в Рим (*Romam*). Почитаются и священные пенаты, моря, лары, лемуры,

Владислав Ягайло (1385–1434)

Возвращение Ягайлы в Люблин после Грюнвальда

горы, пещеры, озера, священные леса. Но едва лишь этот священный и постоянный [обряд] римский (Romanogum) и еврейский (Hebgeogum) жертвосожжения превратился в обычай, как под волной крещения погас ignis, то есть огонь¹⁵³. Ведь и огонь, и вода, воздух, солнце, месяц, день, ночь, роса, заря, бог, человек, devir, то есть деверь, внук, внучка, ты, твой, мой, свой, легкий, тонкий, живой, юный, ветхий, старый, око, ухо, нос, зубы, люди, стой, сиди, поверни, выверни, переверни, вспаханный, взбороненный, посеянный, семя, чечевица, лен, конопля, овес, скот, овца, змея, скобы, корзина, ось, колесо, ярмо, вес, куль, тропка, почему, ныне, протянутый, втянутый, затянутый, вытянутый, купленный, некупленный, сшитый, несшитый, повернутый, вывернутый, перевернутый, первый, один, два, три, четыре, пять, шесть, семь и многие другие [слова] звучат в литовском языке так же, как и в латинском¹⁵³. Ведь пришли в эти края наши предки, воины и граждане римские, посланные некогда в колонии (in colonias), чтобы отогнать прочь от своих границ скифские народы (gentes Scythicas). Или в соответствии с более правильной точкой зрения, они были занесены бурями Океана при Г. Юлии Цезаре¹⁵⁴. Действительно, когда этот Цезарь, как пишет Луц[ий] Флор (Luc. Florus)¹⁵⁵, победил и перебил германцев (Germanis) в Галлии, и, покорив ближайшую часть Германии, переправился через Рейн (Rhenum) и [поплыл] по Океану в Британию (in Britanniam), и его флот был разметан бурей, [и] плавание было не слишком

удачно, и пристали корабли предков наших к побережью, то, как полагают, они вышли на сушу там, где ныне находится крепость Жемайтии Плотели (Ploteli)¹⁵⁶. Ибо и в наше время приставали иные заморские корабли к этому самому побережью. Здесь наши предки, утомленные и морскими трудностями и опасностями, и владеющие огромным количеством пленных, как мужчин, так и женщин, начали жить в шатрах с очагами, по военному обычаю, до сих [пор] бытующему в Жемайтии. Пройдя оттуда дальше, они покорили соседний народ ятвягов (jaczvingos)¹⁵⁷, потом роксоланов (goxolanos), или рутенов (ruthenos)¹⁵⁸, над которыми тогда, как и над москвитянами (Moscis), господствовали заволжские татары; и во главе каждой рутенской крепости стояли так называемые баскаки (basskaki)¹⁵⁹. Они были изгнаны оттуда родителями нашими италами (italis), которые после стали называться литалами (litali), потом – литвинами (Litvani). Тогда с присущей им отвагой, избавив рутенский народ (populis Ruthenicis), земли и крепости от татарского и баскакского рабства, они подчинили своей власти все от моря Жемайтского (a mari Samagitico), называемого Балтийским (Balteum), до Понта Эвксинского, где [находится] устье Борисфена, и до границ Валахии (Valachiae), другой римской колонии и земель Вольни (Voliniae), Подолии (Podoliae), Киевщины (Kijoviae), Северы (Siewer), а также степных областей вплоть до пределов Таврики и Товани (Towani), [места] переправы через Борисфен, а отсюда распространились на север к самой крайней и самой близкой к стольному граду Московии крепости [называемой] Можайском (Mozaisco), однако, исключая ее, но включая Вязьму (Wiazmam), Дорогобуж (Dorohobusz), Белую (Biela), Торопец (Toropetz), Луки (Luki), Псков (Pskov), Новгород (Novihorod) и все ближайшие крепости и провинции¹⁶⁰. Впоследствии воинской доблестью расширив так владения их, они добыли корону с королевским титулом князю (principi) своему Миндовгу (Mindawgo), принявшему святое крещение¹⁶¹. Но по смерти этого короля погибли как титул королевский, так и христианство, пока соседний христианский с нами народ польский (gens Polona), не вернул нас к святому крещению и высокому королевскому титулу, в год [от Рождества] Христа 1386. Он пригласил счастливо правящего здесь прадеда Священного Величества Вашего, блаженной памяти Владислава (Wladislavum), по-литовски (Litvanice) называемого Ягелло (Jagelonem)¹⁶², чтобы объединенная доблесть двух граничащих

друг с другом народов усилилась в отражении общего врага имени христианского. В эту землю стекся изо всех других земель самый скверный народ иудейский (judaica), уже распространившийся по всем городам Подолии, Волыни и других плодородных областей; [народ] коварный, ловкий, лживый, подделывающий у нас товары, деньги, расписки, печати, на всех рынках лишаящий христиан пропитания, не знающий иных способов [поведения], кроме обмана и клеветы; как доносит Священное Писание, это злейший народ из рода халдеев (chaldaeorum), развратный, греховный, неверный, подлый, порочный.

Извлечение из шестого фрагмента

Татары превосходят нас не только воздержанием и благоразумием, но и любовью к ближнему. Ибо между собой они сохраняют дружеские и добрые отношения. С рабами, которых они имеют только из чужих стран, они обходятся справедливо. И хотя они или добыты в сражении, или [приобретены] за деньги, однако более семи лет их не держат [в неволе]. Так предначертано в Священном Писании, Исход, 21. А мы держим в вечном рабстве не добытых в сражении или за деньги, не чужеземцев, но нашего рода и веры, сирот, бедняков, состоящих в браке с невольницами¹⁶³. И мы злоупотребляем нашей властью над ними, ибо мы истязаем, увечим, казним их без законного суда, по любому подозрению¹⁶⁴. Напротив, у татар и москвитян (Moscoss) ни один чиновник не может казнить человека, пусть и уличенного в преступлении, кроме столичных судей; и то – в столице. А у нас по всем деревням и городам выносятся приговоры людям. До сих пор мы берем налоги на защиту государства от одних лишь подвластных нам бедных горожан и беднейших земледельцев, обходя владельцев земель¹⁶⁵, тогда как они многое получают от своих латифундий (latifundiis), пашен, лугов, пастбищ, садов, огородов, плодовых насаждений, лесов, рощ, пашек, ловов, кабаков, мастерских, торгов, таможен, морских поборов (naulis), пристаней (portogiis), озер, рек, прудов, рыбных ловов, мельниц, стад, труда рабов и рабынь. А гораздо лучше шли бы военные дела и собирались нужные для нас подати, которые взимались бы с каждого человека, если бы пришло к концу начатое измерение всех земель и пашен, [принадлежащих] как шляхте, так и простому люду (plebeiorum)¹⁶⁶. Ибо тот, у кого земли больше, больше и вносил бы.

Извлечение из седьмого фрагмента

Татары всегда держат своих жен взаперти. Наши же ходят без дела в гости друг к другу, вмешиваясь в мужские компании, одеты чуть ли не по-мужски. Вот откуда рождается соблазн. Они же ставят себе целью заполнить людьми землю, о которой говорится, что она создана для обитания, и распространить род человеческий во славу Господа. Кроме того, поскольку не каждая женщина плодovitа, и не во всякое время месяца доступна для мужчины, и не всегда способна зачать, а, однажды зачав потомство, в это время не должна быть познана, ибо жена берется ради потомства, а не похоти, а от одного соития иногда бывает зачат плод не единственный, как видно на примере Фамари и Ревекки¹⁶⁷. Поэтому, говорю я, татары так заботятся о жизненной силе мужского семени и остерегаются, как бы оно не растратилось впустую. Они следуют указаниям природы и достойному похвалы обычаю древних, о которых [говорится] в Библии, – они все, как один, имеют многих жен¹⁶⁸. От этих браков они обретают большие по сравнению с нами силы, приобретают великое множество детей и родственников, а жены их, чем их больше, тем более ими любимы, и они наслаждаются счастливыми браками. Они не ищут ни большого приданого за невестами, ни красоты, ни славного рода, вплоть до того, что верховные вожди берут себе жен из купленных ими невольниц.

Впрочем, у нас, вопреки обычаю древних и святых людей и [согласно] животной природе (да не оскорбим этим слух благочестивых), иногда приходят многие к одной женщине, не ожидая от этого ни потомства, ни родства, ни иного плода дружбы, не боясь Бога. Они ищут приданого, ценят красоту, которой женщины привязывают к себе и покоряют мужчин. Они [женщины. – В. М.] становятся надменными и стремятся к тому, чтобы быть не столько непорочными, сколько денежными и красивыми, даже если деньги порой мнимые, [а] лица крашенные. Вот что получило распространение в народе нашем после обнародования известного закона Лит[овский] стат[ут] разд[ел], 4, ст. 7, по которому в приданое женщины назначается определенная часть наследства¹⁶⁹. Вот почему, возгордившись, они нередко пренебрегают добродетелью, неуважительно относятся к опекунам, родителям, супругам и готовы даже покушаться на их жизнь. Этим множеством жен достигается то, что соседние с нами перекопские татары, столько раз наголову разбитые нами, снова плодятся. Не так давно в войске

Ослам Солтана¹⁷⁰ были собраны сразу 40 сыновей некоего Омельдеша (Omeldes) ¹⁷¹, сильные, рожденные случайно в один год, может быть, и месяц, женами и наложницами его. Эта когорта из 40 братьев была великолепна. И ныне у реки Ваки (Vaka) есть большая татарская деревня (villa), издревле называемая Сорок Татар, то есть братьев¹⁷². Известно, что обычай покупки невест, который существует у татар, был также у израильтян (israelitas), Бытие, 29 и 1 Царств, 18¹⁷³. Точно так же некогда и у нашего народа родители [жениха] должны были давать за невесту выкуп, который у жемайтов (Samagitis) называется крено (Krieno)¹⁷⁴. Но ныне нас покупают приданым жен, и мы, стремясь обрести знатную родню, превращаемся из-за них в рабов.

Ни татары, ни москвитяне (Mosci) не дают женщинам никакой воли. А в народе говорят так: «Кто даст волю женщине, тот у себя ее отнимет». Они не имеют у них прав. У нас же некоторые главенствуют над многими мужчинами, владея селами, городами,

Прием литовских послов в Москве в 1542 г.
Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

землями, одни обладая правом пользования, другие – по закону наследования. Одолеваемые похотью, они живут разнузданные под видом девства или вдовства и докучают подданным, одних преследуя ненавистью, других возвышая и губя слепой любовью, поскольку «горче смерти женщина» и «всякая злость мала в сравнении с злостиею жены». Экклезиаст, 7 и 25¹⁷⁵.

И хотя власть женская достаточно позорна, даже в собственном доме, однако у нас принадлежат им крепости [вблизи] земель москвитян (Moscorum), татар, турок, валахов (Valachorum), которые следует вверять лишь сильным духом мужам¹⁷⁶. Следовательно, не зря предки Священного Величества Вашего не давали женщинам воли и этого права наследования. Но выдавали их замуж по своему, а не по их разумению¹⁷⁷: мужам, знатным не по богатству, не по роду, а по достоинству заслужившим знатность, проливая в сражениях кровь и свою и вражескую. Итак, даже храбро сражавшимся конюхам отдавались здесь жены за геройство; а назывались они Саконы (Sakones) и Сунгайлоны (Sungailones)¹⁷⁸.

Извлечение из восьмого фрагмента

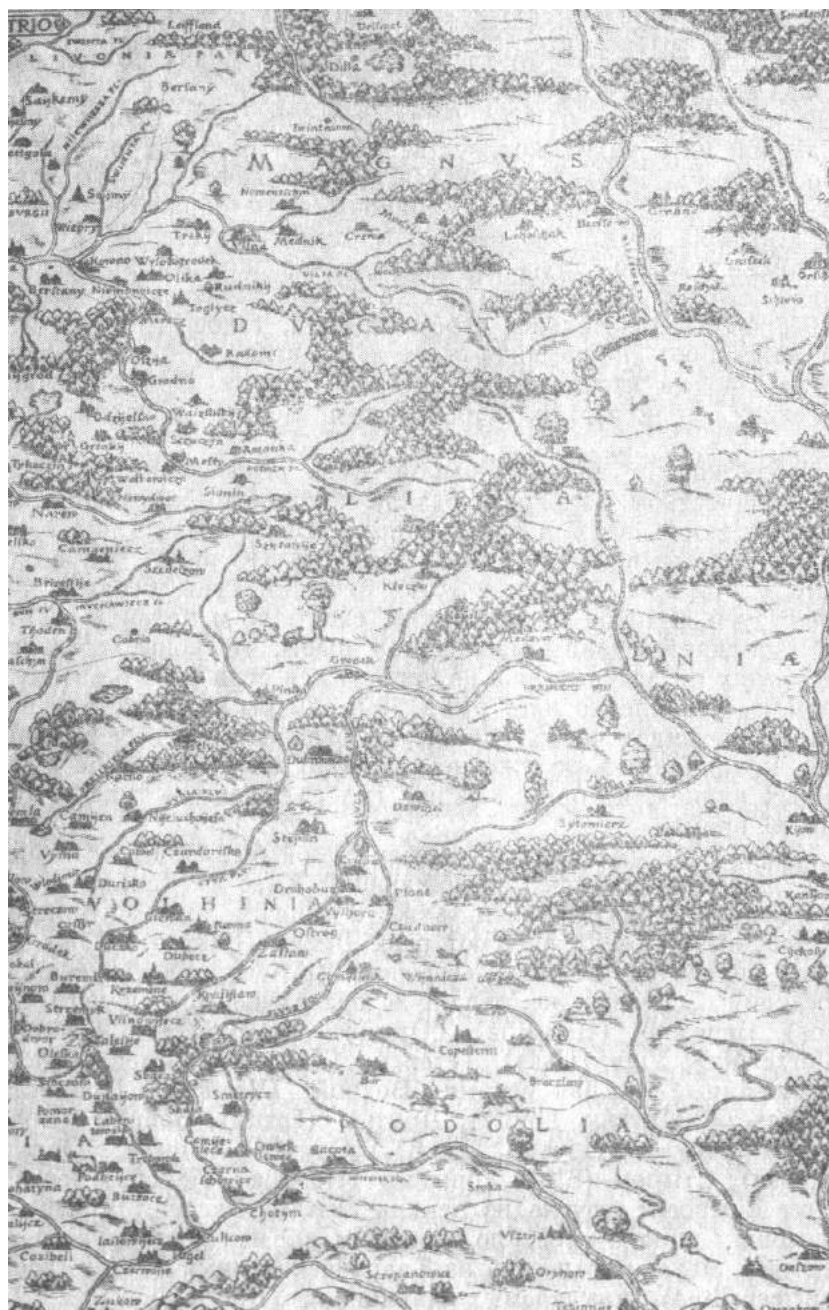
Иные, прельстившись этими дарами, нередко даже из народа, стали хорошими воинами, с помощью которых предки Священно-го Величества Вашего вдоль и вширь раздвинули свои владения, так что даже ныне посреди Таврики и Московии и в других землях (provinciis) видны следы предков Величества Вашего: ведь там названы в честь Гедимина¹⁷⁹ и Витовта (Gediminei ac Vitowdini) валы, холмы, колодези, мосты, дороги, рвы, лагеря и стены¹⁸⁰, разрушенные их метательными машинами, о других же помнят, что они были уничтожены палками (baculis) литвинов¹⁸¹. Но все же ни в кости и ни в безделии не увядало мужество юных, они постоянно упражнялись в военном деле по обычаю их римских предков, ведь они не ждали объявления войны или грубого вторжения врага, или благоприятного летнего времени, но или из-за частного или из-за не слишком грубого нарушения начинали войну, иногда они нападали на стольный град москвитян (Moscovum) Москву перед Пасхой и там с поверженными врагами заключали мир¹⁸². А ныне князь их страшен нам, поскольку он постоянно обучает людей своих воинскому искусству. Не подобает никому из местных жителей вечно сидеть дома, но надлежит по очереди посылать их на защиту границ. Над этой нашей ленивой беспечностью враги наши татары обычно зло насмеваются, когда мы после пирушек погружены в сон, [а] они нападают со словами: «Иван, ты спишь, [а] я тружусь, связывая тебя»¹⁸³. Ныне наших воинов погибает в безделье по кабакам и в драках друг с другом больше, чем врагов, которые нередко разоряли нашу отчизну. А между тем в ратном деле на полях сражений в Подолии и Киевщине с трезвым и ловким врагом они имели бы большую возможность достичь воинской славы и могли бы превратиться из новобранцев в опытных воинов и вождей, и не надо было бы для этого искать людей на стороне. Предки Величества Вашего не гнушались подданными своими, в интересах которых было храбро сражаться и умирать за свои обычаи и отчизну. И если бы двоюродный брат Священного Величества Вашего король Венгрии (Himgariae) Людовик (Ludovicus) не предпочел наемников своим собственным воинам, им бы не пренебрегли в походе, не бросили бы в сражении и не растоптали бы при бегстве¹⁸⁴. Узнал цену их верности дед и его, и Величества Вашего блаженной памяти Казимир (Casimirus), сражаясь с крестоносцами при Хойнице (Choinicze) в Пруссии; там, когда войско его пришло в замешательство, а он, исполняя долг

воина и вождя [и] изнемогая от усталости и тяжести доспехов, на раненном коне был тут же окружен воинами народа нашего [и], пересев на другого [коня], рассеяв вражеские полчища, спасая от неминуемой гибели¹⁸⁵. Подражая этому, и москвитяне (*Mosci*) не готовят в войско воинов-наемников, [которые] когда-нибудь уйдут из их земли (*e regione*), и не расточают на них деньги, но стараются поощрять своих людей к усердной службе, заботясь не о плате за службу, но о величине их наследства. Ныне же наши воины, охраняющие границы, хотя и пользуются многими пожалованиями и льготами и имеют преимущества по сравнению с другими воинами, однако пренебрегают ими, позволяя заниматься военным делом и защищать отечество беглым москвитянам (*moscovitis*) и татарами. Мы ежегодно подносим дары царю перекопскому (*caesari graecopensi*), тогда как наша литовская и жемайтская (*Litvana et Samagitana*) молодежь была бы полезнее в войске, обладая как врожденной отвагой, так и физической силой, и будучи более твердой и нескгибаемой при обороне. Но не понимают наши начальники (*summates*), что и государство стареет в праздности, и тела юношей более укрепляются на воинской службе, чем дома.

Фрагмент девятый

В Литве один человек занимает десять должностей, тогда как остальные исключены от исполнения их. А москвитяне (Moscus) соблюдают равенство между собой, множество обязанностей не возлагается на одного. Управление одной крепостью осуществляется одновременно двумя наместниками (prefectis), двумя писарями (notarii) в течение года или самое большее двух лет¹⁸⁶. Это ведет к тому, что придворные (aulici), надеясь получить власть (praefecturae), более ревностно служат своему князю; и подданные пользуются милостью властей (praesidibus), поскольку в этом они должны дать отчет или предстать за это перед судом. Ведь осужденному (damnato) за взятки (repetundarum), надлежит вступить в поединок с пострадавшей стороной, даже с плебеем (plebeio). И пусть даже будет разрешено обвиненному (incusato) выставить на поединок другого вместо себя, все равно, если он потерпит поражение, обвиняемый (accusatus) приговаривается к уплате штрафа. Так что при дворе весьма редко слышатся жалобы на притеснения.

Даже и в повседневных делах блещет хитроумие этого варвара. Ведь он настолько ничем не брезгает, что продает мякину, сено и солому. На пирах же его используются большие золотые и серебряные чаши, называемые соломенными, то есть отлитые на выручку от сена и мякины. Осмотрительное распределение должностей приносит еще и ту выгоду, что те, кого он посылает защищать границы земель, исполнять общественные дела, а также отправлять зарубежные посольства, выполняют все эти поручения не на полученные от князя средства, а на собственный счет¹⁸⁷. И если только все будет выполнено по приказу и повелению его, то в качестве вознаграждения они получают от него не наличные деньги, но отдельные из уже упомянутых префектур. Подобное этому было уже у римлян (Romanos), как свидетельствует Лука в Деяниях, гл. 24. «По прошествии двух лет, – говорит он, – на место Феликса поступил Порций Фест»¹⁸⁸. А у нас, напротив, те, кого куда-нибудь посылают, даже если они еще не заслужили, все же вдоволь получают денег из казны, хотя многие и возвращаются, ничего не сделав. При этом они в обузу тем, через чьи владения лежит их путь, [и только] загоняют находящихся в их распоряжении лошадей, которых мы называем подводами (podwodas). А в Московии использование таких лошадей позволено лишь гонцу (tabellario),

Подолия. Фрагмент карты Великого княжества Литовского. XVII в.

отправляющемуся срочно по государственному делу; быстро скача на них и часто меняя усталых (ведь повсюду для этого есть быстрые и свежие [кони]), они скоро разносят вести¹⁸⁹. В Литве же канцелярия (cancellaria) Вашего Величества не скупится на раздачу грамот (diplomatum) для такого рода поездок. Кроме того, наносится ущерб подводам, [которыми пользуются] для перевозки личного имущества придворных. И вследствие нехватки подвод мы без оповещения подвергаемся нападению врагов, опережающих вести об их появлении, посланные от самых границ. Ведь были не так давно освобождены от этой обязанности (ministerio) те, которые, издавна получив ее вместе с землей, должны были выполнять ее по всем дорогам от земель москвитян (Moscorum), татар и турок до стольного града нашего Вильны (ad Vilnam). Эти их привилегии (privilegia) следовало бы упразднить как вредные для блага государства. Имеется уже великое множество московских (Moscorum) перебежчиков, нередко появляющихся среди нас, которые, разведав дела и разузнав о деньгах, состояниях и обычаях наших, беспрепятственно возвращаются восвояси; пребывая у нас, они тайно передают своим наши планы¹⁹⁰.

Иван IV. Парсуна XVI в. Копенгаген

А у татар они ходят в невольниках, у ливонцев (*Livoniensibus*) же таких убивают, хотя москвитяне (*Mosci*) не занимали никаких их земель, но всегда связаны с ними вечным миром и договором о [добро]соседстве. Более того, убивший получает кроме имущества убитого определенную сумму денег от правительства. Ибо открылось молящемуся Иисусу, сыну Сирахову: «Не верь врагу твоему вовек», «не ставь его подле себя, чтоб он, низринув тебя, не стал на твое место»¹⁹¹; если бы и мы руководствовались этими советами, то не потеряли бы ни крепостей, ни земель Северских (*provincias Severenses*). с ними отпали от нас Можайск (*Mozaiski*) и Ошомачиц (*Ossomacitz*)¹⁹². Города эти были бедны, когда перешли к нам, а от нас отошли богатые и усиленные целыми землями, которые были вверены их управлению (*administrationi*). Ведь это род людей коварных и вероломных, всегда неискренних и ненадежных. Вернувшись на родину и став полководцами (*duces*), они дерзко опустошали наши земли (*regiones*). Среди перебежчиков москвитян (*Moscus*), которые глубокими ночами убивали жителей Вильны и освобождали из тюрьмы пленников своего рода, был один священник (*presbyter*), который, тайно проникнув в королевскую канцелярию (*cancellariae regiae*), доставлял своему князю (*ducem*) копии договоров (*foederum*), постановлений (*decretorum*), указов (*consiliorum*)¹⁹⁰. Другой купил у одной девушки евхаристию, используемую при таинстве причастия, для чародейства и ворожбы. И когда в 1529 году вся Вильна сгорела дотла¹⁹³, то такие вот пронырливые и преступные люди немедленно донесли своему князю (*principi*). Здесь в соборной церкви блаженного Станислава (*Stanislai*)¹⁹⁴, крытой свинцом с золочеными верхами, украшенной также драгоценными камнями, вместе со многими золотыми, серебряными сосудами, сгорело и около трехсот старинных знамен, добытых в победах над роксоланами, москвитянами (*Moscogum*), алеманами (*Alemanogum*) и другими народами. После победы над москвитянами (*Moscus*) при Орше (*ad Orsam*) в день Рождества Девы Марии, 8 сентября 1514 г., когда убитых и взятых в плен было восемьдесят тысяч¹⁹⁵, к этим знаменам были присовокуплены еще 12. Ведь этим хитрым человеком перебежчику, возвратившемуся даже ни с чем, установлено вознаграждение: рабу – свобода, плебею – знатность, должнику, опутанному долгами, – свободу от долгов, преступнику – прощение. Есть у нас славная крепость и град Киев (*Kiovia*). Она, однако, как и прочие, запущена: с холмов ее, как гласит народная поговорка роксоланов, можно видеть многие

другие места. Главная среди прочих крепостей и земель, поставленная на реке, со всех сторон окруженная полями и лесами, она обладает настолько плодородными и легкими для обработки почвами, что всего раз вспаханные на двух волах они дают щедрые всходы. Родятся также дикие травы, с корнями и стеблями, пригодными для пищи человека, и деревья с разными изысканными плодами, а также виноград. Чем более ухожен виноград, тем крупнее грозди; кроме того, по берегам реки в обилии растет дикий виноград. В дуллистых от старости дубах и буках роятся пчелы, мед которых изумителен на цвет и вкус.

В лесах и полях обилие таких животных, как зубры, онагры, олени; их в таком количестве убивают ради шкур, что все мясо из-за чрезмерного изобилия выбрасывают, кроме филейных частей. На диких коз и кабанов они не обращают внимания. Антилоп, когда они переходят зимой из степей в леса, а летом – в степи, такое множество, что каждый крестьянин убивает тысячу. По берегам рек то и дело встречаются домишки бобров. Поразительное изобилие птиц, такое, что дети весной наполняют лодки яйцами уток, лесных гусей, журавлей, лебедей, потом птенцами их заполняют садки. Орлят держат в клетках ради перьев, чтобы потом делать оперение для стрел.

Собак кормят дичью и рыбой. Ведь реки кишат невероятным количеством мальков и разной крупной рыбой, поднимающейся из моря вверх, в пресные воды. Некоторые из них называются золотыми, прежде всего Припять (Pripietz). В одном месте, у Мозыря (Mozir), у устья речушки Туры (Tur)¹⁹⁶, свежей струей вытекающая из источника, ежегодно в календы марта, она наполняется таким множеством рыбы, что копье, вставленное в гущу ее, застревает и не падает, как если бы его воткнули в землю. Так плотно идет рыба. Я и сам бы этому не поверил, если бы не видел часто, как отсюда беспрестанно вычерпывают рыбу и наполняют ею ежедневно около тысячи повозок чужеземных купцов, которые каждый год съезжаются туда в одно и то же время.

Из всех же имеющихся там рек самой большой и обильнейшей является Борисфен, снабжающий Киев не только огромным количеством рыбы, но также и многим другим. В него с востока выше Киева впадают реки Десна (Dessna), Сейм (Siem) и другие из земли Северной (provincia Sevieriensi) и Московии. с севера же, запада и юга вливаются в него Сож (Sos), Березина (Beresina), Припять (Pripietz), Словечна (Slorzestia), Уша (Ussa), Тетев (Teterew),

Рпев (Rpiew), образованные каждая реками Вехрой (Vechra), Пропастью (Propasz), Ипутью (Iputz), Друтью (Drutz), Бобром (BoBr), Титвой (Titwa), Птичью (Pczit), Случем (Slucz), Опесой (Oressa), Стырем (Stir), Горынью (Hoginia), Пенной (Piena)¹⁹⁷. Текут и многие другие из земель Литвы, России, Волыни и Московии; вниз и вверх по всем ним в Киев доставляется рыба, мясо, меха, мед и соль из Таврических лиманов (ex lacunis Tauricensibus), называемых Качибичов (Kaczibiciow)¹⁹⁸. Там наполнить целый корабль солью стоит десять стрел.

Полезен также Борисфен всем землям Величества Вашего для отражения набегов татар. Ведь и у плывущих по нему ниже Черкасс (Cerkassi) в одиннадцати местах встают на пути пороги (limina), имеющие свои названия¹⁹⁹. Они представляют трудности из-за крутых и лежащих поперек пути подводных камней. Их можно преодолеть, только разгрузив суда, а из-за высоких, крутых, скалистых берегов к ним нельзя пристать, а переправа возможна лишь в нескольких местах ниже Черкасс (Cirkassi). Они [переправы] называются Кременчуг (Kermeczik), Упск (Upsk), Гёрбердейев Рог (Hierbedeiewrog), Машурин (Massurin), Кочкош (Koczkosz), Товань (Towanu), Бурхун (Burhun), Тягиня (Tyachinia), Очаков²⁰⁰. Если бы в этих местах стояли даже небольшие морские отряды, то они могли бы преградить путь огромным татарским полчищам. Ведь, когда они переплывают, как обычно, без судов, привязавшись к коням и безоружные и нагие, то их разбивают те, которые устремляются на суденышках с островов, из камышовых зарослей и ивняка.

Но насколько наш Борисфен опасен для перекопских [татар] летом, настолько удобен зимой, ибо, когда прекращается судоходство, они спокойно пасут свои стада за рвом на островах и в ивниках этой реки. Поэтому они говорят, что он струится медом и молоком²⁰¹. Ибо он, протекая в верховьях лесистыми и медоносными, в низовьях – степными и пригодными для пастбы местами, дает местным жителям обилие молока и меда. Поэтому они убеждены, что им следует хранить мир и союз с великим князем Литвы, владыкой Борисфена. Вся эта река, от истока до устья, а именно и на востоке и на западе, протекает по землям, [находящимся] с древних времен под властью литовской, близ крепостей, перечисленных мною, – Вязьма (Viazma), Дорогобуж (Dorohobusz), Смоленск (Smolensko), Дубровна (Dubrownu), Орша (Orssa), Могилев (Mohilew), Рогачев (Rohaczow), Быхов (Bihow), Речица (Reczicza),

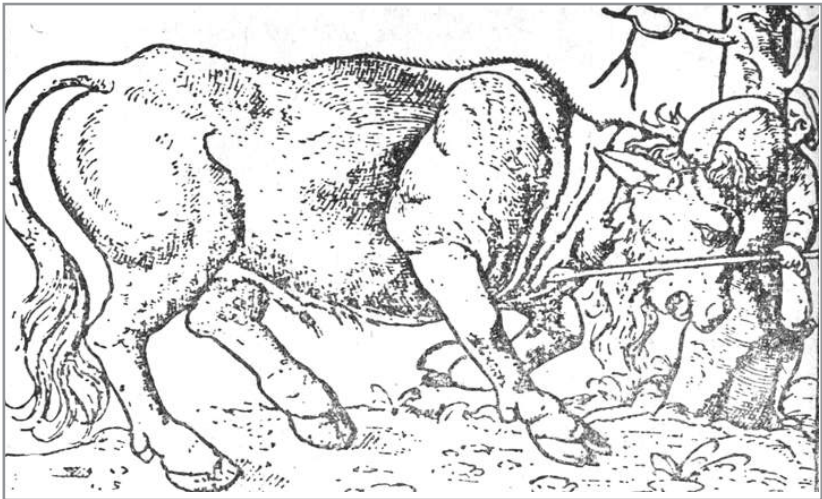
Любеч (Lubecz), Чернобыль (Czornobil), Киев (Kiow), Канев (Kaniew), Черкассы (Czerkassi) и Дашов (Dassow), иначе – Очков. Там он впадает в море, разделенный на двенадцать рукавов. Все вместе они называются Лиман (Linien), [а один из них] близ устья Днестра (Dnestri) имеет название Видово (Vidovo), по имени поэта Овидия, [так как] полагают, что он жил в изгнании в этой части Понта²⁰². Так считается, что и Илион (Ilium), или Троя (Troiam), некогда находились на киевской территории (territorio Kioviensi), в плодороднейших степях и живописнейших лесах²⁰³. Здесь можно видеть памятники, от которых ныне сохранились развалины, подземелья, гроты, мраморные плиты и остатки мощных стен. Это давно покинутое, но весьма удобное для обитания место называется ныне Торговица²⁰⁴ (Torgovitzza).

Киев изобилует также и заморскими товарами. Ведь каких только каменьев, шелковых [одежд], вытканых золотом, шелков, курений, благовоний, шафрана, перца и прочих пряностей ни доставляют из Азии, Персии (Perside), Индии, Аравии (Arabia), Сирии (Syria) на север (Septentrionem), в Московию, Псков (Plescoviam), Новгород (Novogardiam), Швецию (Sveciam), Данию (Daciam), не каким иным более надежным, более прямым и более проторенным путем, но именно этим, древним и весьма наезженным, ведущим от порта Понта Эвксинского, то есть от города Каффы, через ворота Таврики (per portam Taurice) и Тованский перевоз на Борисфене, а оттуда степью в Киев. Ведь имеют обыкновение ходить туда чужеземные купцы, большей частью в тысячу числом, собравшись в группы (cohortes), называемые караваны (kogovani), со многими нагруженными повозками и навьюченными верблюдами. Они издревле платили за знак на таможне²⁰⁵ предкам Священного Величества Вашего, при переправе через Борисфен у Товани. Там и ныне существует сводчатое помещение из цельного камня, которое и нами, и жителями Таврики (Tauricani), и греками называется Витординской баней (balneum Vitordinum)²⁰⁶. И говорят, что здесь останавливался сборщик налогов (publicanus) великого князя Литвы, собиравший пошлину. Так что, если кто-нибудь не уплатил пошлину или был уличен в беспошлинном провозе товаров, на того налагался штраф, а все его добро изымалось для Киева. Этот закон, называемый осменничеством (Ossmicztwo)²⁰⁷, поставленный с целью обуздать сарацинскую (Saracenicae) алчность и служивший много веков, не так давно начал выходить из употребления.

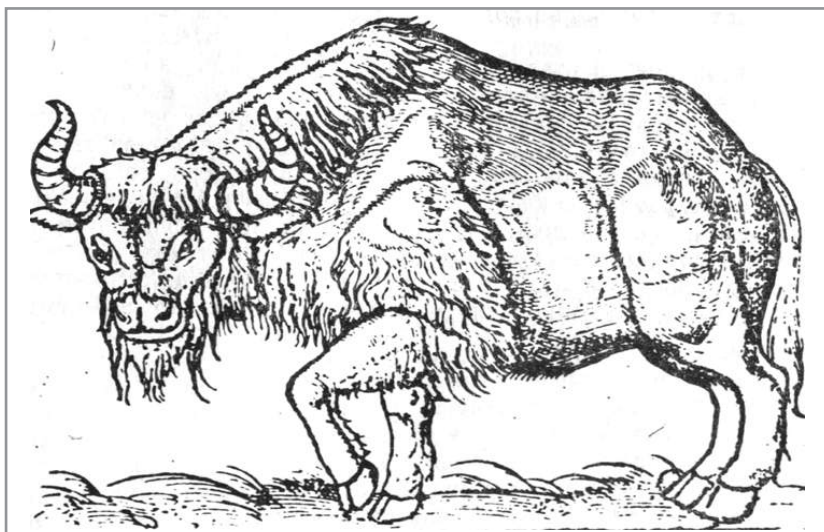
Когда же купцы, чтобы избежать двойной переправы через Борисфен, не желая платить пошлину Величеству Вашему, отклонившись от древнего пути, ведущего через владения Величества Вашего, идут вниз от ворот Таврики, прямо устремляясь по нехоженным полям в Московию к Путивлю (Putivl), или возвращаются из него, то случается, что там их грабят, да и разбойники нападают.

Вот тогда сильно наживаются киевские жители (praesides): сборщики налогов, купцы, менялы (trapezitae), лодочники (naucleri), извозчики (vectores), трактирщики (lixae), кабатчики (caupones), и до сих пор на это не жаловались ни москвитяне (Moscus), ни турки, ни татары. Но и тогда получают они выгоду от этих караванов, когда иной раз те идут зимой по непроходимым полям и гибнут под снежными заносами.

Так случается, что киевские хаты, изобилуя плодами и фруктами, медом, мясом и рыбой, но грязные, полнятся драгоценными шелками, камнями, соболями (zobolis) и другими мехами, пряностями, настолько, что я видел там шелк дешевле, чем в Вильне лен, а перец дешевле соли. А счастливая и обильная Киевщина богата и людьми, ибо на Борисфене и на других впадающих в него реках есть немало многолюдных городов, много деревень, жители которых уже с детства приучаются плавать, ходить на судах, ловить рыбу, охотиться; из них одни скрываются от власти отца, или

Зубр. Гравюра XVI в.

Тур. Гравюра XVI в.

от рабства, или от службы, или от [наказания за] преступления, или от долгов, или от чего иного; других же привлекают к ней, особенно весной, более богатая нажива и более обильные места. и испытав радости в ее крепостях, они оттуда уже никогда не возвращаются; А в короткое время становятся такими сильными, что могут кулаком валить медведей и зубров. Привыкнув к жизненным невздам, они становятся весьма отважными. Поэтому там очень легко набрать множество добрых воинов²⁰⁸.

Она была владением князей России и Московии; в ней они также приняли христианство; и ныне в ней есть величественные старинные церкви (basilicas), воздвигнутые из полированного мрамора и прочих заморских материалов, крытые свинцом, медью, а также и позолоченными пластинами. Есть и весьма богатые монастыри (monasteria), особенно тот, что посвящен Благой Деве Марии. Он хранит в своих подземельях и подземных ходах многие гробницы, в которых лежат нетленные и иссохшие останки: поскольку они считаются святыми, то с благоговением почитаются рутенами. Ибо они полагают, что души тех, чьи тела погребены здесь, обрели от этого вечное спасение. Поэтому вся самая высшая знать, даже из отдаленных мест, и деньгами и дарами стремится заслужить право быть погребенными здесь²⁰⁹. Князь москвитян (Moscorum) собирает ежегодно значительные доходы с тех владений этого монастыря, которые отошли к нему. Но он не спешит

возвратить их, потому что сам всеми силами желает овладеть этим городом, который по сердцу ему, утверждая, что он – потомок Владимира (Volodimiri), киевского князя²¹⁰. Немало печалются и люди его, что не владеют столь древней столицей царей (cathedram stemmatum) и святынями ее.

При всех удобствах города, есть у него и свои неудобства. Ведь жители его не защищены от татар, нападающих на границы его из засад. Однако они не пытаются взять его силой. Грозят приезжим и лихорадки, происходящие от дневного сна, а также от переедания рыбы и плодов; коням же их – от травы, зараженной разливами богатого рыбой Борисфена. Посевы же очень часто портит саранча, налетающая из приморских мест. Родятся там у рек и в лесах рои как пчел, так и прочих насекомых, вредных для крови, таких, как бескрылая саранча, комары, мухи, особенно много их с июльских календ.

Извлечение из десятого фрагмента

Религия, или закон, общий у татар с турками, а также с прочими сарацинами, напоминает иудаизм (judaismum) и несторианскую ересь (haeresim Nestorianum)²¹¹. Они признают единого и цельного (simplicem) Бога. Ибо они верят в Христа, святого проповедника и конечного судию мира, рожденного от непорочной Девы, но не претерпевшего страстей. Они соблюдают обрезание. Но его производят в таком зрелом возрасте, в каком подвергся обрезанию Измаил (Ismahel), патриарх их. Рассказывают, что возникла эта секта (secta) в Мекке (Mecha)²¹², городе Аравии, около 600 года от Рождества Христова при содействии иудеев (judaeis), переселившихся туда после падения Иерусалима, по злому умыслу некоего монаха и злостного вероотступника Сергия (Sergii), на погибель христианства (Christianitatis). Она [была] создана одним неграмотным арабом (Arabem), наделенным весьма острым умом. Он, став из возницы мужем и господином богатой женщины, возжелал также возыметь власть над своими [людьми]. Когда эта попытка не удалась, он выдал себя за посланника (nuntium) и пророка божьего и убедил [в этом] арабских идолопоклонников²¹³. Вера эта, которую они считают себя обязанными распространять оружием, настолько баснословна, что они высшее благо и наслаждение полагают в удовольствиях, которыми блаженные будут наслаждаться в будущей жизни посредством вкушания, осязания и всех внешних чувств. И все же варвары в таком скотском заблуждении бахвалятся, что они близки Богу, а любовью и деяниями, которыми умилоствляют Божественное Величие, превосходят нас. И они сулят, что по делам Бог благосклонен к ним и надеются, что положение их дел со временем улучшится; таково человеческое тщеславие.

Нас же, христиан, из-за большой небрежности к божественным делам и тому, какие один другому наносит вред, зло, они порицают, осмеивают, попрекают, [говоря], что [мы] варвары, безбожники, случайно носящие имя Христа, не принадлежащие к его вере, и почитают нас недостойными общения с ними. Они свято чтут правосудие. Они проповедуют свою религию с неутомимым рвением. Молитвой они начинают день и молитвами кончают. Ежедневно утром, вечером и днем они молятся; и ничто не может заставить их отказаться от этого. Это дело они возлагают не только на священнослужителей (sacerdotes), хотя и их они имеют для молитвы и тол-

кования веры. Любой у них, как клирик (*clericus*), так и мирянин (*laicus*) и тайно, и пред людьми на всеобщих сходках исповедуют Бога, Землю, на которой они, всегда трезвые, с конечностями, омытыми очистительной водой, беседуют с Богом, подражая Священному Писанию, они почитают святой и простираются на ней. В святилищах у них нет никаких сидений. Они производят своеобразные жесты, предписанные и определенные законом, воздевают ладони к небу, преклоняют колени, наклоняясь до самой земли, припадают к ней лицом, всем сердцем, и всеми членами они предаются молитве, в которой они говорят не слишком много слов, но исключительно эти: «Единому и бессмертному Богу, Творцу неба и земли, кроме которого нет иного, честь и слава во веки веков».

К молитве они присовокупляют пост. Ведь они целыми днями умерщвляют души свои не только голодом и жаждой, но воздерживаются от всякого нечестивого слова и дела, не помышляя ни о чем, кроме божественного, до глубокой ночи, когда они принимают пищу не для пресыщения, но для восстановления сил. Им смешны наши посты, не включающие ни голода, ни жажды, ни пепла²¹⁴, ни размышлений о божественном, ни бдений, ни молитв.

Они щедры и раздавая милостыню. Ведь они не позволяют никому из своего народа нищенствовать или умирать от голода и холода. Однако с этими благодеяниями неразлучно связана справедливость. Ибо они дают не тем, кто превратит милостыню в алчность и роскошь, но беднякам, больным, паломникам, ученым (*scholasticis*), овладевающим знаниями писаний и обрядов их религии.

Выведывать божественные тайны у них считается грехом и невежеством, они проклинают нашу дерзость, поскольку иные из нас божественные суды и тайны, которые они называют великой бездной, обсуждают в застольях, всеу помяная имя Божие²¹⁵. Татары высмеивают наших церковников или пророков (*prophetas*), порицают, что храмы полны украшений, сидений, алтарей, образов стареющего Бога и красивых женщин, возбуждающих похоть, [что] в них на сидениях почтеннейшие [люди] мирно восседают [и] спят, когда идет служба, а бедным людям не позволяют садиться; сами ходят в храмы, окруженные большой свитой (*stipatores*), позволяют им стоять возле себя, выставляя напоказ свою гордыню. А у татар нет ни одного хана (*tyrannus*), который окружал бы себя в синагоге служителями (*apparitor*) или телохранителями,

дабы не выделяться среди народа. Он не претендует на то, чтобы восседать, его смирение соразмерно его величию.

Нас приглашают в храмы удары бронзы, их – громкие выкрики неких слов хвалы Господу; они осуждают, что мы, вознося хвалу Господу, услаждаем слух наш трубами (*buccinis*), органами (*organis*), пением (*harmoniiis*), невнятными словами молитв, а между тем природные наши органы безмолвствуют.

Те, кто являются у них священнослужителями, не жадны, не тщеславны, не преданы ни удовольствиям, ни наживе, менее всего связаны с мирскими делами, но они честные, кроткие, скромные, прилежные в своей службе, преданы вере; они только отправляют службу и толкуют закон.

Ведь порицают наших священников не только язычники, но и соседние с нами рутены за то, что они пьют вино, а это – излишество, едят мясо и не женятся, подавляя в себе желание производить себе подобных. Ибо никто не может быть воздержанным, если Бог того не дал. От этого воздерживаются безбрачные греческие монахи. В то же время священники издревле имели своих жен, что явствует из многих мест Священного Писания: Левит 21. 3; Ездра 9; Даниил 14; Езекиил 44; Варух 6; Лука 1. 10; 18; у Тита 1.

Если бы и наши поступали теперь так же, воздерживаясь за три дня до несения сосудов божиих, то жили бы непорочнее, нежели как изнеженные гурманы в этом поддельном безбрачии. Они всегда сторают от вожделения или содержат наложниц, то есть, как говорит Софония, «оскверняют святыню»²¹⁶. И, однако, мы на этих наемников (*mercenarios*) возлагаем обязанность восхваления Бога, трудную для нас, тогда как они скорее гневуют Бога своими дурными нравами, чем угождают ему. Обязанности, порученные им нами, возлагают они на нерадивых наместников; сами между тем предаются удовольствиям и праздности; как трутни поедают пчелиный мед, так они – труд народа, пируют и роскошно одеваются. К церковным обязанностям, многим одновременно, еще не достигнув зрелого возраста, не испытав себя, необдуманно стремятся, [а потом] погружаются в мирские и кощунственные дела.

И хотя некогда священникам нельзя было иметь часть владений с народом Божиим, кроме десятины, однако наши не удовлетворяются десятинами, приношениями за отпущение грехов и другими разными доходами (*quaestibus*), которые они получают от богатых, бедных, новорожденных, вступающих в брак, больных, умирающих, умерших; к тому же кроме богатых имений

(*optima graedia*) они стремятся управлять многими церквами одновременно, во вред обществу, вопреки закону и разуму, так как они в большинстве случаев не живут при тех церквах, в которые вошли непризванные, по словам Господа нашего, не через двери, но как воры и разбойники. Они сдают их мирянам, купцам, сводникам, продают. Есть много [церквей], которые никогда не видели своих пастырей (*pastores*) или приходских священников (*plebanos*).

Если кто-нибудь от границ королевства (*regni*) по всей Литве и Жемайтии, а также России стал бы искать пастырей в церквах, приносящих такие доходы, что одна церковь может прокормить многих [пастырей], то не нашлось бы ни одной, где бы пастырь пребывал постоянно или же часто ее посещал. Поэтому пошатнулась вера в пастве, охладела любовь к Богу, перестали возносить хвалы Господу. И против таких [пастырей] во многих местах гремят слова Божии²¹⁷. Но я не хочу навлечь на себя гнев священников, которым мы должны повиноваться и перед которыми должны представлять, после того как я задел столь много разных людей. Довольно было размышлений об этом. Если бы положение это было исправлено, мы жили бы счастливее, вознося хвалу Вашему Королевскому Величеству, но особенно – величию Божьему.

Конец фрагментов Михалона Литвина

Комментарии

(С.В. Думина, Ю.А. Мыцыка, И.П. Старостина, М.А. Усманова, А.Л. Хорошкевич)

¹ В латинском тексте Михалон Литвин, следуя лишь одной из ветвей западной письменной традиции, употребляет искаженную форму этнонима – «тартары», – что в какой-то степени указывает на его малоосведомленность о содержании и реальной форме данного термина и на книжные источники его информации. В данной публикации было признано более целесообразным применение исторического варианта этого этнонима – татары. М. У.

² Авраам – легендарный родоначальник еврейских племен. Согласно библейской традиции (Быт. XI–XXV) родиной Авраама считается Ур. И. С.

³ Александр Македонский, Александр Великий (356–323 гг. до н. э.), полководец и государственный деятель, сын македонского царя Филиппа II и его жены Олимпиады, царь Македонии (336–323 гг. до н. э.) И. С.

⁴ Дарий I (ум. 486 г. до н. э.), царь Персии из династии Ахеменидов (521–486 гг. до н. э.) И. С.

⁵ Кир II Великий (ум. 530 г. до н. э.), царь Персии из династии Ахеменидов (558–530 гг. до н. э.) Я. С.

⁶ Ксеркс I (ум. 465 г. до н. э.), царь Персии из династии Ахеменидов (486–465 гг. до н. э.), сын Дария I и Атоссы, дочери Кира II. И. С.

⁷ Тюркское слово «орда» означало, как сообщает С. Герберштейн, «собрание» или «множество» (Герберштейн, С. Записки о Московии. М., С. 167 (далее – Герберштейн)). В русском же языке этот термин первоначально означал «шатер», ставку хана, центр

улуса, а впоследствии – сам улус Джучи – Золотую Орду (Богатова Г.А. Золотая Орда // Рус. речь, 1970. № 4. С. 70–77; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевая орда в улусе Джучи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История. 1970. № 5. С. 75–86). М. У., А. Х.

⁸ Перекопские татары получили в ВКЛ название от «перекопа» – рва на Крымском перешейке, на Руси их звали крымскими. М. У., А. Х.

⁹ Ногаи – тюркоязычная народность, относящаяся к кыпчакской группе, сложившаяся в XIV–XV вв. В результате смешения различных тюркских племен (половцев и преимущественно мангытов и кунгратов) на территории бывшего владения темника Ногая (ум. 1300 г.), к имени которого и восходит данный этноним. Подробнее см. прим. 639 к «Запискам»: Герберштейн С. Указ. соч. С. 342). М. У.

Ногайская Орда располагалась к востоку от Нижней Волги и занимала территорию от Северного Прикаспия и Приаралья до Туры и Камы и от Волги до Иртыша. Центр Орды – г. Сарайчик в низовье р. Яик (Поноженко Е.А. Общественно-политический строй Ногайской орды в XV – середине XVII в. М., 1977; Kappeler A. Moskau und die Steppe: Das Verhaltnis zu den Nogai – Tataren im 16. Jh. // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd 46. Berlin, 1992. S. 87–106). А. Х.

¹⁰ Астраханское ханство, татарское феодальное государство, на востоке граничило с Ногайской Ордой по р. Бузану, на юге его территория доходила до Терека, на западе до Кубани и Дона, на севере до г. Сарая. Астраханское ханство выделилось из состава Золотой Орды в XIV в.; окончательно обособилось ок. 1459–1460 гг.; первым правителем был Махмуд, брат хана Ахмата. Столица – г. Астрахань (Хаджи Тархан). Присоединено к России в 1556 г. (Перетякович Г.И. Поволжье в XV и XVI вв. М., 1877; Очерки истории СССР. Конец XV – начало XVII в. М., 1955). М. У.

¹¹ Неточность. Танаис – древнегреческое название не Волги, а Дона. И. С.

¹² Батый (Бату, Саин-хан) (ум. 1255) – монгольский хан, сын Джучи, внук Чингис-хана. В 1236–1243 гг. возглавил поход в Восточную Европу. В 1236 г. завоевал Половецкую степь (Дешт-и-Кыпчак), в 1237–1240 гг. – Русь, затем совершил поход на Польшу, Венгрию и Далмацию, но не смог захватить эти страны. После возвращения из походов в Европу (1243 г.) обосновался на Нижней Волге. В результате его завоеваний на территории от Иртыша до Дуная возникло государство Золотая Орда. В устье Волги Батый основал г. Сарай – столицу Золотой Орды (в восточных источниках – г. Сарай-Бату) (см.: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., Т. 2. М.; Л., 1941. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950). М. У.

¹³ ...над москвитянами и всеми рутенами. – Согласно терминологии, принятой в ВКЛ, «москвитяне», «моски», «москич» – жители Московского княжества, а позднее и Русского государства. Противопоставление «москвитян» остальным русским – «рутенам», находившимся в ВКЛ, возникло в конце XV в., когда Иван III выдвинул претензии на все земли бывшего Древнерусского государства, населенные «русью» («русаками»). Отказывая этому князю в праве называться князем «всей Руси», литовские дипломаты и политические деятели признавали его лишь князем «Московии» (см. подробнее: Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 100–102). А. Х.

¹⁴ Казанское ханство – феодальное государство в Среднем Поволжье на территории Волжско-Камской Болгарии – выделилось из состава Золотой Орды в 1438 г. Основателем династии казанских ханов был Улу-Мухаммед (1438–1445 гг.). Столица – г. Казань. Казанское ханство прекратило свое существование после казанских походов 1545–1552 гг. и взятия Казани русскими войсками в 1552 г. (Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о каимовских царях и царевичах. Ч. 1–4; СПб., 1863–1887; История Татарской АССР. Т. 1. Казань, 1955. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960). М. У.

¹⁵ Казахская Орда образовалась в середине XV в. В результате отделения от Узбекской Орды, получившей свое название от хана Узбека (ум. 1341), группы кочевников во главе с сыновьями хана Барака Гиреем и Джанибеком, которые обосновались в Монголистане в долине реки Чу. К началу XVI в. Орда заняла значительную часть теперешнего Казахстана, к этому же времени относится объединение казахских племен в Казахское

ханство. С 30-х гг. XV в. термин «казах» стал применяться ко всему населению степей, входивших ранее в Узбекское ханство и расположенных к востоку от него районов (Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2. М., 1963; История Казахской ССР. Т. 1–2; Алма-Ата; Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т. 1–2. Алма-Ата. 1961–1962). М. У.

¹⁶ Бухара – в XVI в. резиденция династии Шейбанидов. Бухарское ханство – феодальное государство в Средней Азии в XVI – начале XX в. – образовалось в результате разгрома государства Тимуридов Шейбанидами. Название «Бухарское ханство» появилось в XVI в. после перенесения столицы из Самарканда в Бухару (История Узбекской ССР. Т. I, кн. 1–2. Ташкент, 1955–1956). М. У.

¹⁷ Самарканд – город в долине р. Зеравшан. В IV в. до н. э. На месте Самарканда существовал город Мараканда (впервые упомянут в 329 г. до н. э.). В 1500 г. Самарканд был завоеван узбеками во главе с Шейбани-ханом. В середине XVI в. столица государства была перенесена из Самарканда в Бухару, и Самарканд вошел в состав Бухарского ханства (Вяткин, В.Л. Памятники древностей Самарканда. Самарканд, 1927; История Узбекской ССР. Т. I, кн. 1–2; Пугаченкова Г.А. Самарканд. Бухара. М., 1961). М. У.

¹⁸ Исмаил (Измаил), согласно библейской традиции, сын Авраама и рабыни-египтянки Агари; Коран называет его родоначальником арабских племен; считался предком и других кочевых народов. М. У. Ссылка Литвина не точна. Правильнее: Быт. 16. Л. Х.

¹⁹ ...озеро ...называется Меотийским. – Меотида – название Азовского моря у древних греков и римлян – восходит к местному этнониму «меоты». А. Х.

²⁰ ...на тридцать миль. – Миллиарий – римская мера длины, составляющая тысячу шагов; миля. С. Д.

²¹ ...крепость... Перекоп. – Свое название получила от рва, прорытого на перешейке, соединявшем полуостров Крым с материком. С. Д.

²² Таврика – южная часть Крымского полуострова, названная по имени тавров – древнейших племен, упоминаемых античными источниками на этой территории. В средневековых источниках Таврика означает Крымский полуостров. С. Д.

²³ ...владение трапезундских греков. – Трапезундская империя возникла на северо-востоке Малой Азии в процессе распада Византийской империи и существовала в 1204–1461 гг., столица – г. Трапезунд (совр. Трабзон). В 1461 г. завоевана султаном Мехмедом II и превращена в провинцию Османской империи (Успенский Ф.И. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1926; Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. Miller W. Trebisonod, the last Greek Empire. L., 1926. И. С.

²⁴ Понтийское море, Понт Эвксинский – античное название Черного моря, употреблявшееся также в средневековых источниках. В русских летописях, начиная с Повести временных лет, встречается название Понтьское море. Понетьское море. И. С.

²⁵ Литвой автор именует ВКЛ, в состав которого в XVI в. входили и украинские земли. С. Д.

²⁶ Черкассы впервые упоминаются в 1282 г. В первой трети XIV в. вошли в состав Литовского княжества; являлись оборонительной крепостью (Яковлів А. Намісники, державці і старости господарського замку Черкаського в кінці XVI ст. Київ, 1907). В 1532 г. подверглись нападению крымского хана Саадат-Гирея, после чего крепость была восстановлена в 1549 г. (Малиновский И. История панов-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901. С. 185–189). Ю. М.

²⁷ Брацлав (в настоящее время поселок городского типа в Винницкой обл.), впервые упоминается в армянских летописях уже в 1059 г. В числе городов, с которыми армянские купцы вели торговлю; в русских летописях XII в. – Браславль. После захвата Подолья вел. кн. лит. Ольгердом в 1362 г. здесь сооружена крепость, разрушенная в результате набега татар в 1479 г. и восстановленная в 1479 г. по приказу вел. кн. Александра Казимировича. После присоединения украинских земель к Польше в 1569 г. – центр Брацлавского воеводства. По второму разделу Польши (1793 г.) перешел к России (Григоренко Г. Город Брацлав и его храмы. Каменец-Подольск, 1896; Малаков Д.В. По Брацлавщине (от Винницы до Тульчина). М., 1982). С. Д.

²⁸ ...всегда поросшими травой и повсюду очень ровными полями. – Литвин имеет в виду причерноморские степи. Арабский путешественник Ибн-Батута, посетивший в 1333–1334 гг. Золотую Орду, писал о них: «Степь эта зеленая, цветущая, но нет на ней ни дерева, ни горы, ни холма, ни подъема» (Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 279). И. С.

²⁹ Борисфен – название Днепра в античности и в эпоху Возрождения в латиноязычной литературе. С. Д.

³⁰ ...обильна... солью. – Итальянский купец Барбаро, посетивший Крым в XV в., описал «соляные озера» в Крыму около Перекопского перешейка: «Там (около перешейка к острову Каффы) находятся огромнейшие соляные озера, которые непосредственно тут же на месте и застывают» (Барбаро И. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 154). Фламандский путешественник Рубрук (1253 г.) сообщал, что татары получают большие доходы с налогов на соль, а также о том, что к Перекопу приезжают за солью со всей Руси. (Плано Карпини Дж. дель. История монголов; Рубрук де Г. Путешествие в восточные страны. М., 1957. (далее – Плано Карпини; Рубрук. Указ. соч.). С. Д., И. С.

³¹ Типеч – очевидно, искаженное слово от тюркского корня «теп/тип» – в значении «лягать, бить ногами», в переносном значении – «добывать копытами траву из-под снега». Имеются ранние русские заимствования – тибеновать (добывать траву) и тебеновка (зимнее пастбище). У Литвина тюркское «тибин» превратилось в русское «типеч». М.У. Рубрук, описывая черноморские степи, также отмечает, что они покрыты превосходной травой.

³² Солхат (Старый Крым) возник еще в античную эпоху; его название, возможно, восходит к искаженному армянскому названию Сурб Хач (Святой крест) (Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Л., 1964. С. 170). Литвин заблуждается, полагая, что Солхат, Феодосия и Корсунь – один и тот же город. См. прим. 33. И. С.

³³ Феодосия – основана выходцами из древнегреческого города Милета в середине VI в. до н. э. Во второй половине XIII в. генуэзцы основали там торговую факторию Кафу. В 1475 г. Кафа (Каффа, ал-Кафа) перешла к туркам. Я. С.

³⁴ Корсунь (Херсонес, Херсон). Основан в 422–421 гг. до н. э., в V–XI вв. – самый крупный город Причерноморья. С начала IX в. вступает в непосредственные связи с Русью. с 30-х гг. X в. Херсонес – центр византийской фемы (области) в Крыму, в 989 г. был захвачен киевским князем Владимиром Святославичем. Взятие Херсонеса было связано с введением христианства на Руси. Владимир Святославич помог Византии подавить восстание в Малой Азии, но византийский император отказался скрепить союз с Русью династическим браком своей сестры с киевским князем. Захват Владимиром Херсонеса заставил Византию выполнить свое обещание. Христианство было введено на Руси в качестве государственной религии около 988–989 гг. (Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948; Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906; Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. М., 1991; Беляев С.А. Теперь я узнал истинного Бога // Наука в СССР. 1990. № 1 (55). С. 84–91); Shepard G. Some remarks on the sources for the Conversion of Rus // Le origini e lo sviluppo della christianita slavo, – bizantina. Roma, 1992. P. 59–95. И. С.

³⁵ По мнению Р. Батуры, упомянутое Михалоном вторжение литовцев в Крым могло произойти в конце XIV в., во время походов вел. кн. Витовта (см. прим. 40) против татар (Batura R. Lietuva tautu kovoje prieš Aukso Ordo. Vilnius, 1975. P. 299). Согласно другой точке зрения, такой поход литовцев мог состояться в 1363 г. при Ольгерде Гедиминовиче, великом князе литовском в 1345–1377 гг. (Там же. С. 240–241). И. С.

³⁶ Это указание ошибочно. В действительности двери собора в древней столице Польши – Гнезно – средневековой немецкой работы (отлиты из бронзы ок. 1175 г.) и изображают сцены из жизни чешского епископа Войцеха (ок. 955–997), обращавшего в христианство жителей Поморья, убитого пруссами и причисленного к лику святых (Słownik historii Polski. Warszawa, 1973. S. 114–115, 537). с Корсунем традиция долгое время связывала появление ворот на Софийском соборе в Новгороде. Установлено, что так называемые Корсунские врата (их иногда именовали Сигтунскими, Магдебургскими, Плоцки-

ми) были сделаны в 1153 г. В Магдебурге и первоначально предназначались для собора Успения Приснодевы Марии в Плоцке. Около 1453–1456 гг. они оказались в Новгороде (Попе А.В. К истории романских дверей Софии Новгородской // Средневековая Русь. М., 1976. С. 191–200.) Видимо, Михалону была знакома легенда о вывозе русскими из Корсуни бронзовых врат, и он ошибочно связал ее с дверьми Гнезненского собора. Эта ошибка Михалона опровергает предположение Е. Охманьского о посещении Литвином Гнезна (см.: Охманьский Е. Михалон Литвин и его трактат о нравах татар, литовцев и москвитян середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., С. 104), поскольку побывав в этом городе, где был развит культ св. Войцеха, он, несомненно, знал бы, что на гнезненских дверях изображены сцены из жизни этого католического святого, и, следовательно, не мог бы приписывать их изготовление православным грекам. С. Д.

³⁷ Темиркутл (Темир Кутлук, Тимур-Кутлук), хан Золотой Орды в 1305–1401 г. М. У.

³⁸ Здесь и далее Литвин обращается к Сигизмунду I Старому (1467–1545), который в 1506–1545 гг. был королем польским и в 1506–1544 гг. великим князем литовским. С. Д.

³⁹ Ачкирей-хан Хаджи-Гирей бин Гияс ад-дина бин Таш-Тимура, хан Крыма (ок. 1428–1456, 1456–1466), основоположник крымской династии Гиреев. О помощи литовских князей и короля Польши Хаджи-Гирею при утверждении его в Крыму сохранилась значительная письменная традиция той эпохи (АЗР. Т. I. СПб., 1848. С. 119 и др.). М. У.

Активное вмешательство в ордынские дела являлось со времен вел. кн. Витовта (о нем см. прим. 40) одним из важных элементов внешней политики ВКЛ. При поддержке Витовта пытался вернуть себе власть в 1399 г. хан Тохтамыш, когда престол на короткое время захватил его сын Джелалэд-Дин (участник Грюнвальдского сражения 1410 г.). Хаджи-Гирей начал борьбу за Крым еще в 30-е гг. XV в.; потерпев неудачу, он бежал в Литву, и, согласно Хронике Быховца, получил от вел. кн. Сигизмунда Кейстутовича во владение г. Лиду (ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 160). По сообщению ряда хроник, Хаджи-Гирей был отправлен в Крым в 1443 г. вел. кн. Казимиром по приглашению ширинских и багринских мурз в сопровождении литовского земского маршалка Миколая Радзивилла. М. Стрыйковский добавляет, что Казимир еще в Вильно торжественно короновал своего ставленника на ханство (Strykowski M. o początkach, wywodaeh, dzielnościach, sprawach guserskich i domowych slawnego naroda litewskiego, zemojdzkiego I ruskiego // Oprac J. Radziszewska. W-wa, 1978. S. 433–434). Окончательно утвердившись в Крыму в 1449 г., Хаджи-Гирей проводил политику союза с ВКЛ. Сведения Литвина о рождении Хаджи-Гирея в Литве звучат довольно правдоподобно; уже в конце XIV – начале XV в. там действительно возникли поселения татар, служивших князьям ВКЛ (см. прим. 172); но, по другим данным, уроженцем Литвы был соперник Хаджи-Гирея Сеид-Ахмед (Сеид-Махмет), внук Тохтамыша, изгнанный из Крыма в 1449 г. и умерший в Литве, в г. Ковно (совр. Каунас) (Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы в XIV–XVI вв. М., 1963. С. 123–124). Не исключено, что Литвин приписывает Хаджи-Гирею факт из биографии Сеид-Ахмеда, путая двух крымских ханов, живших в Литве. С. Д.

⁴⁰ Витовт (Александр) (1350–1430) – вел. кн. литовский с 1392 г. Боролся за независимость ВКЛ от Польши, вел активную завоевательную политику на востоке. В 1404 г. захватил Смоленск, совершал походы на Псков и Новгород, вел борьбу против Тевтонского ордена, над которым соединенное польско-литовское войско одержало победу при Грюнвальде в 1410 г. Его противостояние с Крымским ханством было менее успешно. А. Х.

⁴¹ Менгли-Кирей – хан. Менгли-Кирей (ум. 1514), крымский хан в 1466–1474, 1475–1476 гг. и в 1478–1514 гг. Сын основателя династии Гиреев – Хаджи-Гирея, муж (с 1487 г.) влиятельной казанской и крымской царицы Нур-султан (Босворт К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии / Пер. с англ. и прим. П.А. Грязневича. М., 1971; Inalcdik H. Giray Islam ansiklopedisi. Istanbul, 1945). М. У.

⁴² Сап-Кирей – хан Сагиб-Гирей, сын крымского хана Менгли-Гирея и Нур-султан; казанский хан в 1521–1524 гг., крымский – в 1532–1551 г. М. У.

⁴³ Махмет-Кирей – хан Мухаммад-Гирей I, сын Менгли-Гирея, крымский хан в 1514–1523 гг., проводил активную антирусскую политику (Сыроечковский В.Т. Мухаммед-Гирей и его время // Учен. зап. МГУ. Вып. 61. Т. 2. М., 1933). М. У.

⁴⁴ Садет-Кирей – хан Саадат-Гирей, сын Менгли-Гирея и царицы Нурсултан, крымский хан в 1524–1532 гг. М. У.

⁴⁵ Хас-Кирей. – Имеется в виду крымский хан Газый-Гирей I; сын Мухаммад-Гирея I, правил менее года (1523–1524). Следует заметить, что правописание личных имен крымских ханов и султанов у Михалона полностью соответствует нормам, зафиксированным в западнорусских письменных источниках, что, возможно, указывает на письменный характер истоков информации автора. М. У.

⁴⁶ ...род Киреев. – Очевидно, имеется в виду династия Гиреев (Гираев). О происхождении и содержании слова «гирей» точных сведений нет; возможно, оно восходит к этнониму – названию рода и племени гирей (кирей), так как роды с подобным названием до недавнего времени встречались среди тюрков Средней Азии, Казахстана и Западного Китая: кирей, кара-кирей, сары-кирей и т.д. Согласно преданиям тюркоязычного населения Крыма, воспитателем (атальком) царевича, будущего основателя династии, был человек, принадлежавший к роду Гиреев. Начиная со времен Менгли-Гирея, сына Хаджи-Гирея, этот компонент имени стал даваться каждому царевичу как часть двухсоставного имени. М. У.

⁴⁷ Манкуп (Мангуп, Мангуп-Кале, Майкоп, Ман Кермен) – древний город и крепость, развалины которой сохранились близ Бахчисарая в Крыму. Возник около VI в. н. э. как один из городов крымской Готии; местопребывание епископа. В XIII в., после покорения Крыма татарами, готы удержались в Мангупе, который до XV в. управлялся своими князьями. Один из них, по сведениям летописей, сватал свою дочь за сына вел. кн. Ивана III. В 1492–1493 гг. Мангуп был взят турками. Пришел в упадок после пожара 1592–1593 гг., к XVIII в. был окончательно покинут населением. С. Д.

⁴⁸ Каффа – совр. Феодосия (переименована в 1783 г.). Основана в VI в. до н. э. в XIII–XV вв. – генуэзская колония. В 1475 г. захвачена турками. А. Х.

⁴⁹ Керчь (в древности Пантикапей), город в Крыму, основан в VI в. до н. э. – в V–IV вв. до н. э. – столица Боспорского государства; в X–XI вв. входил в состав русского Тмутараканского княжества; в период татаро-монгольского нашествия подчинился Генуе; в 1475 г. после захвата турками стал опорным пунктом их владычества в Крыму. С. Д.

⁵⁰ Козлев (правильнее Кезлев или Гёзлев) – татарское название крымского города Евпатория; восходит к тюрко-татарскому корню «кезлеву (кёзлэу)» в значении «родник», «источник». Это единственный случай отражения в сочинении Литвина исторической топонимии Крыма первой половины XVI в. в местной форме. М. У.

⁵¹ Это произошло в 1475 г. (ср. прим. 49). А. Х.

⁵² Е. Охманский полагает, что Литвин мог быть свидетелем похода крымских татар в направлении Венгрии весной и летом 1543 г. о передвижении татарских войск Сигизмунд I Старый писал из Кракова 4 июля 1543 г.: «Царь Перекопский на сей стороне Днепра с великими людьми наготову стоит» (Archiwum Sanguszków w Sławucie. Т. IV. Lwów, 1890. S. 352). Но присутствие хана в этом походе сомнительно, поскольку Сахиб-Гирей поручил его проведение без сыновьям, об этом пишет и Литвин (Охманский Е. Указ. соч. С. 105). И. С.

⁵³ ...вооружены костяными... – Вероятно, должно быть «кистями». Кистень – боевое оружие, «палка наподобие римского цеста» (Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 114), название которого тюркского происхождения (Шипова Е.Н. Словарь тюркизов в русском языке. Алма-Ата, 1976. С. 185). А. Х., С. Д.

⁵⁴ Посол Венеции в Персию в 1474–1477 гг. Контарини сообщал о вооружении Большой Орды хана Ахмата (1459–1481) следующее: «Утверждают также, что во всей Орде не найдется и двух тысяч мужчин, вооруженных саблями и луками; остальные – это оборанцы без всякого оружия» (Барбаро и Контарини о России. С. 223). С. Д.

⁵⁵ ...хотя и ходили избранные... они и вовсе не ведают» – текстологическое сравнение этого места с «Германией» Тацита, проведенное Забулисом, показывает сходство описания вооружения татар Михалоном с соответствующим отрывком из Тацита (см.: Тацит. Германия, 6, 1; Zubutis H. Mykolo Lietuvio problema ir M. Ročkos «Mykolas Lietuvius» // Ročka M. Mykolas Lietuvius. Vilnius, 1988. P. 195). И. С.

⁵⁶ ...измельченного сыра. – Речь идет о разновидности сухого творога, входившего в запасы походного продовольствия татар (см.: Барбаро и Контарини о России. С. 142, 170). М. У.

⁵⁷ Запасные верховые кони, слегка загруженные поклажей, у тюркских воинов в прошлом выполняли функцию обоза. М. У.

⁵⁸ Подобный способ переправы описал Барбаро (см. Барбаро и Контарини о России. С. 151). Таким же образом переправлялся через Днепр и Волгу Контарини (Там же. С. 212, 224). И. С.

⁵⁹ Традиционную военную тактику тюркских и монгольских народов аналогичным образом подробно описывает Плано Карпини (Плано Карпини Дж. дель. Указ. соч., Рубрук Г. де. Указ. соч. С. 49–65). С. Д.

^{59a} Речь идет о Сигизмунде I Старом, великом князе литовском и короле польском (1506–1548).

⁶⁰ Людовик (Лайош) II Ягеллон, венгерский король (1516–1526), сын Владислава II Ягеллона, короля Чехии (1471–1516), а с 1490 г. и Венгрии (Уласло II, 1490–1516). Лайош II погиб в Мохачской битве, которая произошла у г. Мохача на правом берегу Дуная 29 августа 1526 г. Турецкие войска одержали там победу, после чего значительная часть Венгрии более чем на 160 лет стала вассалом Турции. И. С.

⁶¹ Речь идет о следующих событиях. В начале 1527 г. 26-тысячный отряд ордынцев после опустошительного набега на Белзское и Люблинское воеводства Короны Польской возвращался в Крым через Вольнь и Киевщину. В погоню за ними отправился литовский гетман кн. Константин Иванович Острожский (о нем см.: Герберштейн С.С. Записки о Московии. С. 296). Он настиг татар, расположившихся на ночлег на берегу р. Ольшаницы между Киевом и Черкассами 5 февраля 1527 г., внезапно напал на них и нанес им сокрушительное поражение. 700 татар были взяты в плен, лишь немногим удалось спастись бегством, был освобожден 40-тысячный полон (Bielski M. Kronika Polska. Warszawa, 1833. S. 558). С. Д.

Сведения о битве на Ольшанице содержатся в белорусско-литовских летописях под 1527 г.: в списке Рачинского, в Ольшевском списке, в Евреиновском списке. В последнем приведено другое число убитых татар: «Побил в зиме татар князь Костянтин Остроский 20000 на Алцаницы велми с малыми людми» (ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 170, 192, 213, 235). Подробно сообщает об этой битве Хроника Литовская и Жмойтская, кроме предводителя Константина Острожского называя и других литовских и русских военачальников, указывая также, что в плен был взят крымский царевич Малай; согласно этому сообщению, со стороны татар в битве участвовало 24 тыс. человек, из них 10 тыс. турок, и число жертв с татарской стороны также достигало 24 тыс. человек. Стрыйковский в своей хронике также перечисляет участвовавших в битве князей и воевод, которые отразили 34 тыс. татар, при этом 24 тыс. были убиты (Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka I wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Т. 2. S. 394). Только у Михалона приведено число воинов с литовской стороны – 3,5 тыс., число указанных им противников литовцев – 25 тыс. – также не совпадает ни с одним из сообщений об этом событии ныне известных белорусско-литовских летописей: видимо, автор пользовался каким-то не дошедшим до нас списком. Михалон приводит также точную дату битвы, но не указывает имен участников.

В Панегирике Альбрехту Мартиновичу Гаштольду, принадлежащем перу Деодата Септенниа, упомянута битва с татарами в 40 милях от Киева, идентифицируемая С. Лазуткой и Э. Гудавичюсом с битвой при Ольшанице. В Панегирике преувеличена роль Гаштольда в победе над татарами и не упомянут предводитель литовского войска князь Константин Острожский. (Победа в битве при Ольшанице была воспета в стихах Т. Жебравского. См.: o pieczętach dawnej Polski i Litwy. Napisał Teofil Żebrawski. W. Kra'kowie, 1865. P. 57. Цит. no: Lazutka St., Gudavičius E. Deodato Septenniajus Goštautu «Panegirika» // Lietuvos istorijos metraštis 1976 m. Vilnius, 1977. P. 84, 88, 89). И. С.

⁶² 5 августа 1506 г. под белорусским г. Клецком было разгромлено войско крымских царевичей Махмет-Гирея, Бетю-Гирея и Бурнас-солтана, совершившее набег на ВКЛ. Литовским войском командовал кн. Михаил Львович Глинский (о нем см.: Герберштейн. С. 297). Сведения об этой битве содержатся в белорусско-литовских летописях: Рачинского, Ольшевской, Румянцевской, Евреиновской (ПСРЛ. Т. 35. С. 167, 192, 213, 234), хронике Литовской и Жмойтской (ПСРЛ. Т. 32. С. 101), наиболее подробные – в Хронике Бы-

ховца (ПСРЛ. Т. 32. С. 172–173); об этой битве сообщают также Кроммер и Стрыйковский (Kromer M. Kronika. Warszawa, 1867. S. 784; Strykowski M. Kronika. T. 2. S. 332–338; idem. o początkach. S. 591–597). С. Д., И. С.

⁶³ Имеется в виду битва с татарами в Белоруссии под Давид-Городком в 1503 г., описанная в Хронике Быховца (там крепость названа Городком. См.: ПСРЛ. Т. 32. С. 170). Strykowski M. Kronika. S. 319; idem. o początkach. S. 571. И. С.

⁶⁴ Сведений о битвах под Стрешином и Чечерском литовско-белорусские летописи не содержат. С. Д.

⁶⁵ У Лопушны (под Вишневецем) (в русских летописях – Лопасня) – 28 апреля 1512 г. литовские и польские войска под командованием кн. К. И. Острожского разбили 24-тысячное войско хана Менгли-Гирея. Подробный рассказ о битве см. в летописи Рачинского (ПСРЛ. Т. 35. С. 168); см. также Хронику Литовскую и Жмойтскую (ПСРЛ. Т. 32. С. 104), а также сочинение Стрыйковского (Strykowski M. Kronika. T. 2. S. 371). С. Д., И. С.

⁶⁶ Сведений о битвах под Лебедином и Белой Церковью литовско-русские летописи не содержат. С. Д.

⁶⁷ в августе 1519 г. после набега на Белзское, Люблинское и Хелминское воеводства татарское войско было достигнуто на берегу р. Буга собранным на Волини войском под командованием кн. К. И. Острожского и польскими отрядами. По некоторым данным, Острожский ждал подкрепления, но польские отряды самовольно вступили в сражение, причем во время атаки попали на развалины сожженного татарами Сокаля и расстроили свои ряды. Татарам удалось одержать победу и увести весь полон (см.: Bielski M. Op. cit. S. 542; А также: ПСРЛ. Т. 35. С. 169); в Хронике Литовской и Жмойтской это событие датировано 1521 г. и отмечено, что собственно литовское войско никакого ущерба не потерпело (ПСРЛ. Т. 32. С. 106). С. Д.

⁶⁸ Как сообщает М. Бельский, в 1529 г. польский отряд из Подолии предпринял нападение на Очаков, разбил татар и угнал их скот. Когда выяснилось, что эти татары подвластны Ислам-Гирею, союзнику Сигизмунда I, получившему Очаков в удел от хана Сахиб-Гирея, с которым он помирился, предводители отряда возвратили татарам скот и отправились в Очаков для встречи с Ислам-Гиреем. Тем временем отряд, оставшийся без командования, был разгромлен татарами (Bielski M. Op. cit. S. 542; Strykowski M. Kronika. T. 2. S. 395). С. Д.

⁶⁹ Ослам-Солтан – хан Ислам-Гирей I, сын Мухаммад-Гирея I, брат Газы-Гирея I; до 1532 г. На некоторое время захватил трон; был убит в 1537 г. ханом Сахиб-Гиреем I. М. У.

⁷⁰ «...и из них также избирались народные вожди, короли и пророки». – По наблюдениям Забулиса, высказывания Михалона о выборе предводителей у татар находят соответствие в рассуждениях Тацита о том, что германские короли и вожди избирались или по происхождению, или за храбрость (Тацит. Германия 7, 1; Zabulis H. Op. cit. P. 195). И. С.

⁷¹ Амос VII, 15. «Но Господь взял меня от овец и сказал мне Господь: иди, пророчествуй к народу моему Израилю». И. С.

⁷² у Михалона неточность: для каркаса юрты употреблялись не лозы и тростник, а специально обработанные тонкие жерди из ивы и тальника, а войлок для юрты изготовлялся только из овечьей шерсти. М. У.

⁷³ Наиболее раннее и достоверное описание татарских жилищ на повозках см.: Джованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. С. 27–28. М. У.

⁷⁴ Землю они не возделывают, даже самую плодородную... – это утверждение Михалона справедливо лишь для живущих в степной зоне Крыма и неприемлемо для характеристики занятий ряда традиционно оседлых групп населения татарских ханств, обитающих, в частности, на юге Крымского полуострова. Об обработке татарами земли см. Напр.: Барбаро и Контарини о России. С. 149–150. М. У. Сходным образом описывал германцев Тацит (Тацит. Германия 14, 3; Zabulis H. Op. cit. P. 196). И. С., М. У.

⁷⁵ «...по совету Соломона они питаются одним молоком...» – Соломон (ум. ок. 928 г. до н. э.), царь Израиля и Иудеи; библейская традиция приписывает ему необычайную мудрость. С. Д. как совет Соломона питаться одним молоком Литвин, очевидно, истол-

ковал следующий текст Притчей Соломона: «И довольно козьего молока в пищу тебе, в пищу домашним твоим и на продовольствие служанкам твоим» (Притча, 28). А. Х.

⁷⁶ «...не зная хлеба и сикеры». – Сикера – «хмельной, пьяный, броженный напиток, кроме вина» (см.: Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1955. С. 184). Ср.: «Вино – глумливо, сикера – буйна». Притча, 20. А. Х.

⁷⁷ Употребление вина и свинины запрещено мусульманам Кораном. М. У.

⁷⁸ Вернее, для еды чаще забивали большой, более слабый скот и тем самым сберегали здоровое стадо. Кроме того, по обычаям татар и по предписанию Корана употребление в пищу падали и мяса околелых животных категорически запрещалось. М. У.

⁷⁹ ...все они живут без излишеств и в крайней нужде. – Это утверждение Михалона применительно ко всем татарам противоречит его же сведениям о роскоши феодалов, владевших многочисленными рабами, гаремами и т.п. М. У.

⁸⁰ Филипп IV, 12: «Умею жить и в скудности, умею жить и в изобилии, научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть в изобилии, и в недостатке». И. С.

⁸¹ Коринф. VIII, 15: «Как написано, кто собрал много, не имел лишнего; и кто мало – не имел недостатка» (Исход. 16, 18). И. С.

⁸² Кадий – религиозный судья у мусульман; в татарских наречиях – «казый»; фонетическое оформление этого слова у Михалона (причем дважды), видимо, указывает на использование им при написании этой части труда письменных источников нетатарского происхождения. М. У.

⁸³ Обычаи гостеприимства характерны для кочевников и степняков. В их быту, где чрезвычайно редкими были или вообще отсутствовали базары и лавки, не было никакой возможности для покупки продуктов в пути. Поэтому гостеприимство являлось всеобщей необходимостью, порожденной материальными условиями. М. У.

⁸⁴ ...от синагог... – Речь идет о мечетях. «Синагогами» в европейской латиноязычной литературе того времени традиционно именовали все нехристианские храмы. С. Д.

⁸⁵ Отмечены параллели с Тацитом (Тацит. Германия, 181; Zabulis H. Op. cit. P. 196). И. С.

⁸⁶ Барон. – Баронами, следуя обычной практике применения этого термина в латинских документах канцелярии ВКЛ и Короны Польской, Михалон называет представителей знати, в данном случае, видимо, предводителей отдельных улусов, крымских карачаев и беев, возможно, и мурз. С. Д.

⁸⁷ ...предводители скифов... – «Скифами» латинские источники того времени называли татар. С. Д.

⁸⁸ Речь, видимо, идет о казанском хане Сагиб-Гирее, в 1532–1551 гг. занимавшем крымский престол. С. Д., М. У.

⁸⁹ ...в раю своем... – Имеется в виду резиденция хана, название которой, однако, не приведено. В XVI в. место ставки хана часто менялось, о чем свидетельствуют заключительные формулы ханских ярлыков, где наравне с Бахчисараем называются Мараш, Туроуга, Даулят-Сарай, Фарах, Алма-Сарай и др. (Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV – XVI вв. Казань, 1979. С. 36–42). М. У.

⁹⁰ Отмечено сходство в описании гостеприимства татар у Михалона и германцев у Тацита (Тацит. Германия, 21, 2; Zabulis H. Op. cit. P. 196). И. С. Ср. прим. 83.

⁹¹ Иерем. XXXV, 6, 7. И. С.

⁹² Неоднократно повторяемое утверждение Михалона о якобы пренебрежительном отношении крымцев к земельной собственности указывает на его малоосведомленность об укладе их жизни; даже кочевье протекло не на ничейной земле, а на территории, закрепленной за каждым улусом. М. У.

⁹³ «...их отвозят к Таласию и в его райские кущи». – Этот текст показывает знакомство автора с сюжетом о похищении сабинянок у Тита Ливия; там самая красивая из похищенных девушек была предназначена Таласию (Ливий Тит. 1, 9, 11–12). Ср.: «Одну из девиц, самую красивую и привлекательную, похитили, как рассказывают, люди некоего Талассия, и многие спрашивали, кому ее несут, а те, опасаясь, насилия, то и дело выкрикивали, что несут ее Таласию» (Ливий Тит. История Рима от основания города. М., 1989. С. 17). Известно, что подобно греческому свадебному возгласу: «Гименей! Гименей!», слова «Талассий! Талассий!» звучали на римских свадьбах (Там же. С. 17, 509; Zabulis H. Op. cit. P. 196, 205, п. 65). И. С.

⁹⁴ Сарацины – бытовавшее на Западе название мусульман. М. У.

⁹⁵ ...любимейшая жена нынешнего турецкого императора... – Имеется в виду Роксолана (Хуррем Султан) (ок. 1505–1561), украинка, жена турецкого султана Сулеймана I Великолепного (1495–1566), правившего в 1520–1560 гг.; оказывала большое влияние на государственные дела. М. У.

⁹⁶ Селим II (1524–1574), по прозвищу Мест (Пьяница), турецкий султан (1566–1574), сын Роксоланы и Сулеймана Великолепного, стал наследником престола после того, как в результате интриг его матери был казнен старший сын султана Мустафа. М. У.

⁹⁷ Утверждение Михалона неверно: матерью хана Сахиб-Гирея была Нур-султан (род. ок. 1447, ум. ок. 1520), которая в третьем браке (после смерти казанских ханов Халиля и Ибрагима) вышла замуж за Менгли-Гирея (см. прим. 41). о ней см. подробнее: Бережков М. Нур-салтан, царица крымская (историко-биографический очерк) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1897. № 27. С. 1–17). М. У.

⁹⁸ ...янычары... происходят от нашей христианской крови. – Янычары – регулярная пехота в Османской империи, созданная ок. 1330 г. Корпус янычар формировался не только из пленных, но и из христиан – подданных султана и турков; был ликвидирован в 1826 г. Рассуждения Литвина о роли выходцев из христианских стран при турецком дворе справедливы лишь отчасти и отражают хотя и не столь уж редкие, но все же изолированные случаи карьеры, сделанной пленными, принявшими ислам, и ниже он сам говорит о тяжелой участи пленников, обращенных в рабство. С. Д.

⁹⁹ «...помеченные тавром». Тавро – «клеймо, знак, метка». (См. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. Т. IV. С. 385). А. Х.

^{100–100} «на родине... для мазей». – Забулис сопоставил этот текст с речью Агриколы из произведения Тацита «О жизни Юлия Агриколы» (37, 2–3). В данном тексте, по Забулису, литературные реминисценции переплелись с распространенными в народе слухами о зверствах татар, с наездами которых к тому же ассоциировались бесчинства, творимые феодалами, враждовавшими друг с другом (например, Радзивиллами и Гаштольдами). Zabulis H. Op. cit. P. 192. И. С.

^{101–101} «впрочем... Не помогут нам». – Отрывок отличается эпическим стилем. Вышность слога и вычурность фраз ведут, по Забулису, к Энеиде Вергилия, а именно к тому отрывку, где описано настроение Энея, всматривающегося в неизвестное (Aen. I, 94–101, 199–206). Следующий далее текст трактата предостерегает князя от опасности гибели всего литовского народа. Неожиданное объяснение содержания приведенного отрывка речи пленника Забулис находит в IV фрагменте, в сообщении об измене Глинского. Сопоставив с текстом жалобу на Радзивилла, в которой распря между магнатами приравнивается к предательству Глинского, Забулис указывает на внутреннюю связь приведенных отрывков из I и III фрагментов. Предостережение князю, таким образом, является не просто фразой, а становится выражением вполне реальных опасений за будущее Литвы, если сородичи не откажутся от плохих обычаев (Малиновский И.И. Сборник материалов, относящихся к истории панов рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901. С. 396–397; Zabulis H. Op. cit. S. 191–194). И. С.

¹⁰² Сцену прощания с земляком в Каффе филологи считают элементом риторизированной литературы. Драматическая, исполненная пафоса речь пленника не добавляет никаких конкретных деталей к уже обрисованному Литвином положению рабов, но усиливает воздействие идеи автора: чтобы избежать гибели, литовцы должны отказаться от пагубных обычаев во имя любви к родине, веры в истинного бога. И. С.

¹⁰³ Еще в княжение Василия III ногайские мурзы выхлопотали от него разрешение, подтвержденное впоследствии Иваном IV, «ногайским гостям ездити к Москве с коньми и со всяким товаром». Этим разрешением ногайцы пользовались очень широко. В 1524 г., например, от ногайских князей в Москву прибыли послы в сопровождении 4700 «гостей», пригнавшие 8000 коней, в 1569 г. в Москву тысяча ногайцев привела 8000 коней и т.п. Эти громадные табуны ставились на лугу у Симонова монастыря, где и производился торг (История Москвы. Т. I: Период феодализма XII–XVII вв. М. 1952. С. 171). Ср. комм. 9. С. Д.

¹⁰⁴ Имеется в виду предписанное мусульманам Кораном обязательное ритуальное омовение перед молитвой. С. Д.

¹⁰⁵ Меха составляли одну из важнейших статей русского экспорта, одновременно Русь импортировала драгоценные металлы (и в виде сырья, и в виде готовых изделий), предназначенные для изготовления ювелирных изделий и прежде всего для чеканки денег. С. Д.

¹⁰⁶ Речь идет о городах бассейна Верхней Оки – «верховских» и западнорусских городах, потерянных Литовским княжеством в результате войн 80-х годов XV в., начала XVI в., таких как Одоев, Воротыньск, Мцевск, Смоленск и т.д. Подробнее см.: Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952; Хорошкевич А.Л. Русское государство...; Кром М.М. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. АКД. СПб., 1993. Л. X.

¹⁰⁷ Выражение «хоробра Литва» упоминается в былине об Илье Муромце (Пашуто В.Т. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. I. М., 1909. С. 31).

¹⁰⁸ ...приготовление из пшеницы пива и водки. – Пиво было известно в Литве еще в языческие времена, но являлось тогда преимущественно обрядовым напитком. В XV–XVI вв. пивоварение получило в ВКЛ большое развитие, а выращиваемый в Литве хмель был в XVI в. одним из предметов литовского экспорта. Тогда же широкое распространение получило и производство водки (горелки). Первоначально корчмы принадлежали в основном великому князю, но литовская шляхта, почуствував всю прибыльность этого дела, стала забрасывать правительство ВКЛ просьбами о разрешениях на открытие корчем с правом продажи меда, пива, горелки, зачастую добиваясь при этом и освобождения от сбора за право пропинации (т.е. производства спиртных напитков). Особенно массовый характер выдача таких разрешений получила в 50-е гг. XVI в. Позже в Речи Посполитой нередко продажа шляхтой крестьянам алкогольных напитков носила принудительный характер, крестьянин был обязан в случае праздника, свадьбы, крестин покупать у своего пана определенное количество горелки, но и во времена Литвина шляхта была заинтересована в сбыте крестьянам своей горелки и фактически поощряла пьянство (Gloger Z. Encyklopedia staropolska. T. II. Warszawa, 1978. S. 202–203; T. IV. Warszawa, 1978. S. 28–31; Bardach J., Leśnoilorski B., Pietrzak M. Historia państwa i prawa polskiego. Warszawa, 1977. S. 206; Пичета В.И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958. С. 73–75). С. Д.

Вплоть до XVIII в. в Жемайтии сохранялся обычай пить пиво, приготовленное из обранного в складчину зерна (оно называлось «самбериновое», «сомборы»). Судя по относящимся к 1589 г. документам иезуитов, во время колдовского обряда на пиру при участии стариков или колдунов пили такое пиво, съедали овцу или быка и молились о хорошей погоде или урожае. 1593 годом датируется известие о том, что самбериновое пиво собирались пить на Петров день. Аналогичные сведения относятся к 1596 г., когда пили пиво у жертвенника на следующий день после Петрова дня («алкас») «на мещуц, называемом Олках, над речкою Явкгилою, кгде се люди добрые сходят» (Jablonskis K. Apie XVI amžiaus ūkininku alaus areigas//Jablonskis K. Lietuvių kultūra ir jos veikėjai. Vilnius 1973. P. 366–370). Пиво ставили и при заключении сделок. В 1541 г. господарская подданная Федковая обратилась в суд с жалобой на ответчика, отказавшегося разыскать винового в пожоге ее гумна. Он же сослался на то, что пива не пил (Федковая якобы поставила его на 2 гроша), и был освобожден от ответственности (Акты Виленской археографической комиссии. Т. 17. Вильно, 1890. № 533. С. 196; Bardach J. Sok, soczenie, prosoka / Bardach J. o dawnej i niedawnej Litwie. Poznan, 1988. S. 152, 154, п. 60, 68). Известно, что свои подписи на грамотах, закреплявших земельные сделки, ставили и «могарычники» (ОР Библиотеки АН Литвы. Ф. 138). В рассказе Стрыйковского о религиозных обрядах древних литовцев также говорится о том, что в октябре после окончания жатвы у них был праздник приготовления пива (Strykowski M. o początkach... S. 236). И. С.

¹⁰⁹ Михалон, очевидно, заблуждается, принимая строге меры, направленные против незаконных корчем, за борьбу с пьянством вообще. Его противопоставление пьянства в Литве трезвости на Руси носит полемический характер. Но подобной точки зрения придерживался и Герберштейн, утверждая, что «русским, за исключением нескольких дней в году, запрещено пить мед и пиво» (Герберштейн. С. 132). Ср. комм. 112. С. Д.

¹¹⁰ Свидетельство Литвина об активном экспорте в ВКЛ не только русских мехов, воска и других традиционных товаров, но и изделий искусных русских ремесленников, в том числе кожаных изделий, подтверждается многими источниками; московские седла и уздечки имелись даже у литовских великих князей (Хорошкевич А.Л. Русское государство... С. 28). С. Д.

¹¹¹ ...коленипреклоненно слушал послов. – Сведения о подобных унижениях московских князей перед татарскими послами содержатся также у Длугоша и Стрыйковского, в Хронике Литовской и Жмойтской (Długosz J. Dziejów polskich ksiąg dwanaście. T. V. Kraków, 1870. S. 657; Strykowski M. Kronika. T. 2. S. 282–283; Idem. O początkach... S. 527. См. также: Герберштейн С. 68, 174). И. С.

¹¹² Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584), вел. кн. всея Руси с 1533 г. и царь с 1547 г. О его мероприятиях по ограничению употребления спиртных напитков ничего не известно, но по обычаю же варить пиво на дому разрешалось лишь по большим праздникам (Хорошкевич А.Л. «Незванный гость» на праздниках средневековой Руси // Феодализм в России. М., 1987. С. 184–192). А. Х.

¹¹³ «...избавил от этого господства Иван... подчинив себе Рязань, Тверь, Суздаль, Володов и другие соседние княжества». – При Иване III (1462–1505) завершилось складывание основной территории Российского государства. к Московскому княжеству были присоединены Ярославское (1463), Ростовское (1474) княжества, Новгород и его владения (1478), великое княжество Тверское (1485), Вятская земля (1489) и большая часть Рязанской земли. Но окончательно Рязанское княжество, при Иване III попавшее в зависимость от Москвы, было ликвидировано лишь при Василии III (1521). Ошибается Литвин, приписывая Ивану III присоединение Суздаля: Суздальское княжество подчинилось Москве еще в 1392 г. Упомянутый Литвином Volodow – по-видимому, Владимир; однако великое княжество Владимирское уже при Дмитрии Донском считалось и на Руси и в Орде принадлежащим московским князьям. С. Д.

¹¹⁴ Казимир IV Ягеллон (1427–1492) вел. кн. литовский с 1440 г.; король польский с 1447 г. При нем было присоединено Гданьское Поморье. Тевтонский орден в результате Тринадцатилетней войны (1454–1466) признал вассальную зависимость от Польши. А. Х.

¹¹⁵ Литвин объявляет Новгород и Псков владениями ВКЛ, отражая точку зрения литовской стороны. Так писали Длугош, Меховский (в первом издании «Трактата о двух Сарматиях», 1517 г.), подробный рассказ о присоединении Новгорода содержит хроника Стрыйковского. Эта последняя имеет композиционное сходство и с повествованием Михалона – в обоих сочинениях сведения о присоединении Новгорода предшествуют описанию унижений Ивана III при приеме татарских послов; одинаково объяснены причины невмешательства Казимира IV в московско-новгородские отношения 70-х гг. (Długosz J. Dzieje. T. V. Kraków, 1888. S. 657–658; Strykowski M. Kronika. T. 2. S. 282–284; Idem. o początkach... S. 529 – 531; Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 106; Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 98, 121 и др.; Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966. С. 216–217). И. С.

В действительности ни Новгород, ни Псков власти Литвы не признавали. Временные кормления в Новгороде получали в конце XIV – начале XV в. служебные князья, приглашаемые из Литвы (Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина: историко-генеалогическое исследование. М., 1981. С. 213–226). Приписывая Ивану III присоединение Пскова, Литвин ошибается: это произошло в 1510 г., уже при Василии III. В конце XV в. под власть московских князей перешла часть Смоленщины (Вяземское княжество) и Верховские княжества (Новосильское, Воротынское, Одоевское и др.), что было вынуждено признать в 1494 г. и литовское правительство. В 1500 г. между Россией и ВКЛ началась большая война, после которой в состав Российского государства вошли Северная земля с Черниговом, Новгородом-Северским и Путивлем, Брянск и ряд волостей Мстиславского княжества. Вопреки утверждению Литвина, война Казимира IV с Тевтонским орденом (в 1454–1466 гг.) не могла оказать влияния на успехи Ивана III в борьбе за Новгород и тем более – за Северские земли, хотя занятый борьбой с крестоносцами король и избегал конфликтов с Москвой. Так было и в 1471 г., когда враждебная Москве

партия новгородских бояр вела переговоры о принятии Новгородом литовского подданства. Одной из причин нежелания Казимира вмешиваться было то обстоятельство, что он после смерти в 1471 г. чешского короля Иржи Подебрада в течение ряда лет был занят борьбой за утверждение на чешском троне своего сына Владислава (Владислава II с 1471 г.), в 1490 г. получившего и корону Венгрии (О нем см. прим. 60). С. Д.

¹¹⁶ «...он украсил кирпичной крепостью». В период правления Ивана III в Кремле развернулись большие строительные работы. Были возведены Успенский собор (1475–1479), Благовещенский собор (1484–1489), Грановитая палата (1487–1491). В 1485–1495 гг. под руководством итальянских зодчих М. Руффо и П.А. Солари из кирпича были построены новые мощные стены и башни Кремля. В результате Кремль превратился в мощную крепость – цитадель Москвы и одновременно в пышную великокняжескую резиденцию, символизирующую величие столицы Российской государственности. С. Д.

¹¹⁷ Фидий, великий древнегреческий скульптор (V в. до н. э.); автор ряда выдающихся произведений; созданная им статуя Зевса считалась одним из семи чудес света. С. Д.

¹¹⁸ Василий III Иоаннович (1479–1533) – вел. кн. всея Руси с 1505 г.; продолжал объединительную политику отца, Ивана III. При нем к Русскому государству в 1510 г. был присоединен Псков, в 1514 г. – Смоленск, в 1520–1521 гг. – Рязань, в 1522 г. – Новгород-Северское княжество. А. Х.

¹¹⁹ Михаил Львович Глинский (Дородный, Немец, ум. в 1534) – магнат в Великом княжестве Литовском, в юности 12 лет провел за границей – в Италии и Саксонии, где воевал под знаменами саксонского герцога Альбрехта; в 90-е гг. пользовался большим расположением литовского князя Александра и держал в своих руках все управление княжеством. После смерти Александра в 1506 г. был лишен всех должностей, встал во главе прорусской партии и в 1509 г. перешел на сторону Василия III, активно содействовал завоеванию Смоленска. Позднее из-за попытки возвратиться в ВКЛ попал в опалу, был заточен и вернулся к политической деятельности только в 1527 г., после женитьбы Василия III на его племяннице, Елене Васильевне Глинской. После смерти Василия III снова попал в опалу. Ср.: Назаренко А.В., Хорошкевич А.Л. Неизвестное послание Михаила Глинского // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные вопросы. М., 1993. С. 115–122. А. Х.

¹²⁰ Об участии М.Л. Глинского в присоединении Смоленска см.: Герберштейн. С. 189–192. С. Д.

¹²¹ Версия Михалона Литвина несколько отличается от изложенной Герберштейном (Герберштейн. С. 132). Слобода Наливки находилась в районе позднейшего Спасо-Наливкинского переулка между Полянской и Якиманкой (Зимин А.А. Россия на рубеже нового времени. М., 1972. С. 143; Сытин П.В. Из истории московских улиц. М., 1958. С. 362). А. Х.

¹²² Имеется в виду Иван IV Грозный (см. прим. 112). С. Д.

¹²³ Имеется в виду Гомель, уступленный ВКЛ в 1537 г. по договору о перемирии, признавшему за Россией Смоленщину и Северщину (Охманский Е. Указ. соч. С. 107–108). С. Д.

¹²⁴ Упоминание о постройке крепостей Себежа, Велижа и Заволочья на землях, принадлежавших ВКЛ, отражает позицию литовских послов в Москве в 1537 г. «Которые новые городки поставлены, поставил, – говорили они, – государь ваш на нашего господаря землях». Твердо отклоняя требование «те городки <...> разорити, чтоб их не было», бояре заявили, что их государь «Велиж поставил на своей земле». В ходе дальнейших переговоров литовские послы настаивали уже только на разрушении Себежа и Заволочья, но и это требование не было удовлетворено, и крепости остались за Россией (Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 82, 85). С. Д.

¹²⁵ «Татары превосходят нас и в правосудии». – Критикуя систему судопроизводства в ВКЛ, устаревшую и малоэффективную, Литвин выражал настроения большинства литовской шляхты, в 40–60-е гг. XVI в. неоднократно обращавшейся на сеймах к королю с просьбами о снижении судебных сборов, совершенствовании структуры судопроизводства, предоставлении шляхте права выбора присяжных писарей и судей и т.д. В 50–60-х гг. XV в. большинство этих требований было удовлетворено, что нашло отражение в Литовском статуте 1566 г. (Подробнее см.: Лаппо И.И. Литовский статут 1588 г. Т. I. Каунас, 1934; Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915; А также прим. 126, 128–133, 134–144). С. Д.

¹²⁶ Пересуд – старинная пошлина за судебное разбирательство, восходящая, по видимому, еще к временам Древней Руси. В ВКЛ со времен вел. кн. Витовта пересуд составлял 10 % от размеров иска. Статут 1529 г. установил его размер «от презысканя десятый грош, а от имени, яко будет стояти чого, водлуг его важности, а от земли рубль» (Статут Великого княжества Литовского 1529 г. / Под ред. К.С. Яблонска. Минск, 1960. С. 75). До начала XVI в. пересуд взимался и с истца, и с ответчика, затем только с истца, выигравшего дело (АЗР. Т. 2. СПб., 1848. С. 69). По просьбе шляхты, которая просила короля на сейме 1551 г. об освобождении от уплаты пересуда: «о пересуд и о вины, абы были от того вызволены», Сигизмунд II Август частично согласился на эту просьбу (РИБ. Т. 30. Юрьев, 1914. Стб. 188–189). С. Д., И. С.

¹²⁷ «...половины круциаты...» – Имеется в виду крейцер, серебряная монета, с XIII в. чеканившаяся в Тироле, затем в Австрии и соседних странах. С. Д.

¹²⁸ Литвин имеет в виду «навязку» – штраф, взимающийся за нанесение увечий, побоев и оскорблений. Эта юридическая норма сохранилась на территории ВКЛ с XII–XIII вв. «Навязка» указанного Литвином размера уже в начале XVI в. взималась в ВКЛ за избивание шляхтича, нанесение ему ран или словесного оскорбления («бесчестье»); компенсация шляхтичке выплачивалась в двойном размере. Тот же размер «навязки» шляхтичам зафиксирован в статуте 1529 г.; «навязка» для лиц других сословий была ниже (Статут Великого княжества Литовского 1529 года. С. 239; см. также: Максимейко Н.А. Источники уголовных законов Литовского статута. Киев, 1894). С. Д., И. С.

¹²⁹ Копа – счетная денежная единица в Великом княжестве Литовском. А. Х.

¹³⁰ Имеется в виду штраф за убийство – «головщина», «головщизна», довольно типичный для средневекового права. На белорусских и украинских землях, входивших в состав ВКЛ, эта юридическая норма, зафиксированная еще «Русской Правдой», продолжала действовать до времен Древней Руси. Размер «головщиzny» различался в зависимости от социальной принадлежности убитого, причем «головщизна» для женщин была вдвое выше, чем для мужчин того же сословия. Этот штраф предусмотрен статутами ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг. На сейме 1551 г. шляхта, как и Литвин в своем сочинении, требовала, чтобы за убийство наказывали «согласно божим законам», и король согласился, чтобы за убийство карали смертью всех пойманных на месте преступления («на горячей крови» – см.: РИБ. Т. 30. Стб. 191), но «головщизна» была сохранена, сначала как наказание для преступников, не заслуживших, по мнению судей, смертной казни (например, при неумышленном убийстве), а затем и как штраф, уплачиваемый и наследниками казненного убийцы (Подробнее см.: Максимейко Н.А. Указ. соч.; Лаппо И.И. Указ. соч. Т. I; Статут Великого княжества Литовского 1529 года. С. 229–230). С. Д.

По статуту 1529 г. смертная казнь через повешение была предусмотрена для разбойников, воров, если они совершили кражу вторично или если стоимость украденного составляла более 50 грошей, а также для их пособников и укрывателей. Кара смерти угрожала и браконьеру, пойманному с поличным в чужом лесу, и даже тому, кто более 3 дней задержал у себя приبلудный скот или коня. Так же наказывалось убийство отца или матери, сестры или брата (совершенное с корыстной целью); нанесение ран при отягчающих обстоятельствах; нападение на шляхетское имение; нападение во время войны на другого воина или его обоз, сопровождаемое нанесением ран или побоев; некоторые воинские преступления; насилие над должностным лицом великого князя, а также изнасилование. Сожжение угрожало лицам, уличенным в подделке великокняжеских грамот и печатей. Кроме того, вотчинная судебная власть феодалов над крестьянами (см. прим. 132) создавала возможность применения и крайне жестоких наказаний, не предусмотренных статутом. Например, при подавлении крестьянских волнений в Жемайтии в 1537 г. за убийство наместника великого князя четверо крестьян были повешены, а один четвертован. Для приведения приговора в исполнение приговоренный передавался обвинителю; однако он мог вступить с ним в соглашение, откупившись или передав себя в рабство (о рабах в ВКЛ см. прим. 163), но статут 1529 г. запретил такие соглашения, угрожая за нарушение приговора репрессиями (Статут Великого княжества Литовского 1529 г. С. 230). С. Д.

¹³¹ «...доход называется лице». – Украденная вещь – «лицо», «поличное» – согласно литовским законам должна была оставаться у судьи, а истец получал стоимость укра-

денного – «истинну». Это положение, впервые законодательно зафиксированное в Судебнике Казимира 1468 г., позднее было включено в привилей киевским мещанам и Киевский областной привилей. Судя по тому, что в Полоцком, Витебском и Смоленском привилеях специально оговаривалось, что поличное должно быть возвращено истцу, в русских землях ВКЛ первоначально действовали нормы уголовного права, отличные от норм собственно литовских земель. По Статуту 1529 г. поличное оставалось у судьи, если обвиняемый не мог оправдаться, «нижли бы тот виноватый тое лицо во врадника нашего ценою выкупил». На сейме 1551 г. В ответ на просьбу литовской шляхты Сигизмунд II Август установил размер выкупа для поличного стоимостью 100 коп (6 тыс. грошей) – в полтину (30 грошей), стоимостью менее 10 коп (600 грошей) – в 12 грошей. При несостоятельности вора поличное возвращалось владельцу даром. Согласно Статуту 1566 г. выкупная плата за поличное составляла 12 грошей, но сохранялась и возможность возврата его владельцу даром (Старостина И.П. Некоторые особенности развития права восточнославянских земель в Великом княжестве Литовском // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 118–134). С. Д., И. С.

¹³² В законодательных памятниках ВКЛ долгое время не было полных и точных правил определения подсудности. Впервые этот вопрос подробно отражен в Статуте ВКЛ 1566 г. Развитие и укрепление в ВКЛ иммунитета способствовало утверждению подсудности по подданству. Общим правилом при этом было обращение за судом к той власти, в подчинении которой находился ответчик. В соответствии с этим принципом были сформулированы положения общеземского привилея вел. кн. Казимира литовскому боярству 1447 г. По Судебнику Казимира 1468 г. подданные боярина по искам других лиц подлежали суду самого боярина, и только если тот отказывался судить, в спор должен был вмешаться воевода. Эти же принципы действовали в судебной практике. В статуте ВКЛ 1529 г. в постановлениях о суде над частновладельческими подданными применялась и подсудность по подданству, и (реже) подсудность по месту задержания. Литвин выступал против подсудности по подданству, считая более эффективной подсудность по месту совершения преступления или задержания преступников. Но такое предложение, видимо, не отражало мнения большинства шляхты, и последующее законодательство в основном сохраняло подсудность по подданству. Окончательно это было закреплено Статутом ВКЛ 1588 г., установившим (разд. IV, ст. 29), что подданный, где бы он ни совершил злодеяние, возвращался на суд его пана (Старостина И.П. Указ. соч. С. 128–130; История Литовской ССР с древнейших времен до наших дней. Вильнюс, 1978. С. 69–70, 111). И. С., С. Д.

¹³³ По Статуту 1529 г. (разд. XIII, ст. 24) за находку заблудившегося коня нашедший получал от владельца 6 грошей, еще 6 грошей поступали представителю администрации, которому нашедший животное под страхом сурового наказания должен был передать его в трехдневный срок. С. Д.

¹³⁴ В соответствии с практикой, издавна бытовавшей в ВКЛ в Статуте 1529 г. (разд. VI, ст. 3 (4), 3 (15), 14) для вызова в суд следовало отправить ответчику «позов», то есть повестку официального лица, выполнявшего судебные функции: самого великого князя, воеводы, наместника и т.п. Только в случае неявки в суд после направления двух позвов по Статуту 1529 г. (разд. VI, ст. (4) 3) за ответчиком посылался слугитель суда – децкий (см. о децком прим. 136). И. С., С. Д.

¹³⁵ Вижи назначались наместниками и воеводами обычно из числа их слуг, чаще всего децких (см. прим. 136) для осмотра места происшествия, официального свидетельства о фактах правонарушений. Вознаграждение, полученное за исполнение своих функций, вижи частично передавали наместнику. Позднее вижи были переименованы в возных. На сейме 1551 г. литовская шляхта просила, чтобы вижи (возные), действовавшие на принадлежащем ВКЛ Подлясье, избирались и сопровождалась при исполнении ими обязанностей свидетелями из числа местной шляхты и получали более умеренную плату. Сигизмунд II Август постановил, что впредь возные будут получать по грошу за каждую милю пути, проделанного ими при исполнении своих функций. Вопрос о принесении возными присяги и шляхтичах-свидетелях окончательно урегулировал Статут ВКЛ 1566 г., сохранивший за воеводами право назначать возных (Ляппо И.И. Указ. соч. Т. I. С. 14–16;

Zakrzewski A. Wiź w prawie litewskim XVI w. // *Czasopismo prawno-historyczne*. Т. XXXVII. Z. 2. 1985. S. 153–164). С. Д.

¹³⁶ Децким называлось лицо, посылаемое судом для доставки обвиняемого в суд, или для его задержания, ареста, или же для выполнения решения суда, в том числе для производства взостания. Децкий не занимал постоянной должности, а выполнял свои обязанности по поручению воевод, наместников и других представителей администрации. Плата, получаемая им, называлась децкованием; о размерах децкования см.: Статут Великого княжества Литовского, 1529 г. Разд. VI, ст. (28), 27. С. Д., С. И.

¹³⁷ Литовские князья и паны, а также великокняжеские «урядники», то есть должностные лица, согласно Статуту 1529 г. (а также ранее), не подлежали суду наместников, как бояре – шляхта. Право юрисдикции над ними имел только великий князь и рада панов, что, разумеется, значительно осложняло судебный процесс с представителями родовой аристократии для рядового шляхтича. Шляхта ВКЛ настаивала на учреждении в поветах выборных земских судов, которым по польскому образцу были бы подсудны не только рядовые шляхтичи, но и князья, паны и «урядники». Шляхте удалось добиться своего на Вельском сейме 1564 г. и на Виленском сейме 1565 г., что и закрепил II Статут ВКЛ в 1566 г. Местные выборные шляхетские суды получили право судить всех землевладельцев повета. Были реформированы и суды наместников: право суда над шляхтой по некоторым, преимущественно уголовным, делам (нападения на дом, поджоги, разбой на дорогах, изнасилования, убийства шляхтичей и подлоги) сохранил в каждом повете только один гродский суд, подчиненный старосте (История Литовской ССР... С. 93–94). С. Д.

¹³⁸ Первоначально судебные решения наместников и воевод считались окончательными, и в случае их обжалования великий князь не пересматривал решения, предоставляя недовольному лишь право судиться с самими судьями и требовать от них возмещения понесенного в результате их приговора ущерба. Это зафиксировал и I Статут ВКЛ 1529 г. (разд. VI, ст. 2); но если жалоба оказывалась необоснованной, истец должен был заплатить довольно высокий штраф: 12 коп (720 грошей). Подобная практика бытовала и в Польше, но там уже в 1523 г. окончательно оформился институт апелляции: в более высокой судебной инстанции процесс продолжался между истцом и ответчиком, а не между истцом и судьей. Недовольство шляхты ВКЛ существующей практикой, выраженное Литвином, было учтено составителями II Статута 1566 г., где всей шляхте было предоставлено право апелляции на решения поветовых судов к маршалку ВКЛ и королю (Bardach J., Leśnodorski B., Pietrzak M. *Op. cit.* S. 180, 282–283; Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892. С. 639–646). С. Д.

¹³⁹ Вадиум (*vadium*) – залог. Суть вадиума состояла в обязанности, взятой на себя неким лицом добровольно по договору или установленной для него властями, выплатить определенную сумму в случае неисполнения каких-либо обязательств или совершения правонарушения, которому этот вадиум должен был воспрепятствовать (например, осуществления высказанной ранее угрозы убийства, вооруженного нападения на имение). Вадиум, в каждом конкретном случае устанавливаемый великим князем или его представителями, был часто очень высок, достигая даже одной-двух тысяч гривен, и взимался с виновного в пользу властей (Bardach J., Leśnodorski B., Pietrzak M. *Op. cit.* S. 154, 168). С. Д.

¹⁴⁰ «...всякий назначается в свидетели в любых делах, кроме межевых». – Согласно I Статуту Великого княжества Литовского в межевых делах предусматривалось свидетельство 6 человек и их присяга (Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Разд. VIII. Ст. 1). С. Д.

¹⁴¹ Пожелание о введении в ВКЛ (по польскому образцу) специальных книг, предназначенных для записи купчих и других частных актов, высказанное Литвином, было реализовано в 1566 г. в связи с организацией земских и гродских судов (см. прим. 137), одной из функций которых была и нотариальная деятельность – ведение земских и гродских книг. С. Д.

¹⁴² Согласно Судебнику Казимира, при вызове в суд по земельному делу ответчик должен был предстать перед судом через 4 недели после извещения, такой же срок указан в позднем (так называемом Слуцком) списке I Статута (разд. VI, ст. (5), 4). И. С.

¹⁴³ Речь идет о I Литовском статуте 1529 г. А. Х.

¹⁴⁴ Такой размер штрафа за волов и коров указан в I Статуте ВКЛ 1529 г. (разд. XII, ст. 8). И. С.

¹⁴⁵ См. прим. 131.

¹⁴⁶ «...вот оно святое право». – Положение о наказании, пропорциональном тяжести содеянного, было внесено в ст. 3 Привилея 1447 г. о наказании только по суду. В Судебнике Казимира 1468 г. этот принцип нашел отражение в формуле, перекликавшейся с евангельским изречением «по делам»: «А коли злодея выдадут с права, а чим его възвелят казнити по его делом». Эта же формула была распространена в древнерусской письменности, деловой письменности Великого княжества Литовского. Она нашла отражение в положении о наказании судом «подлуг их великости проступков» общеземского привилея. Вместе с провозглашенным принципом личной ответственности это положение общеземского привилея было включено и в некоторые областные привилеи, в которых оно было охарактеризовано как «права вольная, христианския, добрая и справедливая». Эта же формула вошла в I Литовский статут (разд. I, ст. 1), в котором со ссылкой на христианское право великий князь обязался наказывать только по суду «нижли бы первой в суде явным врадом права хрестьянского... бы были поконаны, которые по суде и таковом поконани водле звычайу и прав хрестьянских мають быти караны и сказываны подле тяжкости а легкости выступов своих». Эти нормы как наиболее важные правовые свободы были внесены также в статуты 1566 и 1588 гг. Однако провозглашенные принципы, как сетовал Михалон, не всегда могли найти реальное применение (Старостина И.П. Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР. 1988–1989. М., 1991. С. 236–240). И. С.

¹⁴⁷ Два воеводства – Виленское и Троцкое – были созданы в ВКЛ в 1413 г. Под «присудом» виленского и троцкого воевод находилась остальная территория государства, в связи с чем в их компетенцию входило множество вопросов, к ним стекались и все жалобы на действия наместников. Особенно неудобной такая система была для жителей окраин ВКЛ, вынужденных для решения своих дел ездить в Вильно или Троки (совр. Тракай). Воеводы совершали поездки по территории своих воеводств, иногда сопровождали короля в Польшу, то есть далеко не всегда просители могли заставить их на месте. Кроме того, такая система, предоставляя воеводам власть на огромной территории, затрудняла достаточно эффективный контроль с их стороны за деятельностью наместников. По административной реформе 1566 г. кроме названных в ВКЛ были образованы Новогородское, Брестское, Полоцкое, Витебское, Минское и Мстиславское воеводства; кроме того, правами воеводства пользовалась Жемайтия, управляемая не воеводой, а генеральным старостой. Большинство воеводств, в свою очередь, делилось на поветы, где тогда же были образованы особые суды (см. прим. 137). С. Д.

¹⁴⁸ I Литовский статут предусматривал рассмотрение в Вильне уголовных дел в течение пяти последних недель Великого поста (см.: I Статут ВКЛ 1529 г., разд. VI, ст. (5) 4). С. Д.

¹⁴⁹ Другие источники подобных сведений не сообщают. Некоторое сходство существует между постановлениями о татьбе Судебника Казимира 1468 г. и Судебником Ивана III 1497 г. (О законах Витовта см.: Старостина И.П. Судебник Казимира 1468 г. С. 259–277). И. С.

¹⁵⁰ В это время в ВКЛ система школьного обучения была развита слабо; действовали лишь начальные (чаще всего приходские) школы, и для продолжения образования литовцы были вынуждены ездить за границу. Литвин сожалеет об отсутствии в ВКЛ «гимназий», то есть средних школ, выражая при этом настроения передовой части шляхты; о школе такого типа – коллегии в Вильно (совр. Вильнюс) или Ковно – литовская шляхта ходатайствовала на сейме 1568 г. (Ochmański M. Historia Litwy. Wrocław, 1982. S. 149). С. Д.

¹⁵¹ Во времена Литвина, да и позже, вплоть до XVII в., в ВКЛ делопроизводство велось преимущественно на русском (старобелорусском) языке, и кириллическая письменность получила среди населения княжества, в том числе на этнографически литовских землях, широкое распространение. С. Д.

¹⁵² Эскулап – в Древнем Риме (с III в. до н. э.) бог врачевания (соответствует греч. Асклепию). А. Х.

¹⁵³⁻¹⁵³ «Juk ir ignis (ugnis) ir unda (vandu), aer (oras), sol (sauré), mensis (ménesis), dies (diena), noctis (naktis), ros (rasa), aurora (ausra), deus (dievas), vir (vyras), devir t. y. levir (dieveris), nepotis (nepotis, anūkas), neptis (anūké), tu (tu), tuus (tavas), meus (mano), suus (savo), levis (lengvas), tenuis (tévas), vivus (gyvas), juvenis (jaunas), vetustus senis (senas), oculus (akis), auris (ausis), nasus (nosis), dentes (dantys), gentes (gentys), sta (stok), sede (sédék), verte (versk), inverta (iversk), perverte (perversk), aratum (artu), occatum (aketu), satum (sétu), semen (sémenys, sékla), lens (lęšis), linum (linai), canapum (kanapés), avena (aviza), pecus (pékus, gyvulus), ovis (avis), anguis (angís), ansa (ąsa), corbis (gurbas), axis (ašis), rota (ratas), jugum (jungas), pondus (pundas), culeus (kūlé), callis (kelias), cur (kur), nunc (niinai), tractus (trauktas), intractus (itrauktas), pertractus (pertrauktas), extractus (ištrauktas), merctus (merktas), immerctus (imerktas), sutus (siūtas), insutus (isiūtas), versus (verstas), inversus (iversas), perversus (perverstas), primus (pirmas), unus (vienas), duo (du), tres (trys), quinque (penki), sex (šeši), septem (septuni). Литовские соответствия латинских слов приведены по изданию: Mykolas Lietuvís. Apie totoriu, lietuviu ir maskvėnu papročius. Dešimt ivairaus istorinio turinio fragmentu // Verte Ig. Jonynas. Vilnius, 1966. P. 50. В. Матузова.

Некоторые соответствия литовских слов латинским в трактате Михалона дал Х. Харткнох, более полный список их представил М. Преториус, оставив без объяснений немногие слова. Есть литовские переводы латинских слов и в изданиях Мельника и Антоновича. Наиболее полный и верный перевод латинских слов на литовский сделан в издании 1966 г. Он выполнен Ионинасом (ср.: Hartknoch Ch. Selectae dissertationes historicae. 1679. P. 92–93; Pretorius M. Deliciae Prussiae. XVI, 6, 1971; Ročka M. Mykolas Lietuvius. Vilnius, 1988. P. 91–92; Zabulis H. Op. cit. P. 181). И. С.

Версия о римском происхождении литовцев была сформулирована еще польским историком Яном Длугошем, который утверждал, что «речь у литовцев латинская, с небольшими только изменениями». На этом основании он или его знакомые литовцы, вероятнее всего, студенты Краковского университета, создали теорию об основании Литовского государства выходцами из Древнего Рима (Ochmański M. Op. cit. S. 21). Эта точка зрения нашла многочисленных последователей: ее придерживались М. Меховский (Трактат о двух Сарматиях. С. 98), составители Хроники Литовской и Жмойтской и Хроники Быховца (ПСРЛ. Т. 32. С. 15, 128–129), М. Стрыковский, который приводит несколько вариантов этой легенды (Strykowski M. O początkach... S. 48–79) и др. Версия Михалона отличается от остальных тщательным сопоставительным анализом основных понятий латинского и литовского языков, свидетельствует о прекрасном знании им и литовского языка, и латыни, о его языковом чутье. Но отмеченные совпадения многих слов в литовском и в латыни объясняются тем, что они восходят к общим индоевропейским корням, а литовский язык, как и латынь, сохранил многие формы, утраченные в других языках индоевропейской группы.

Указанная теория получила распространение среди магнатов и части бояр – шляхты ВКЛ. Происхождение литовских князей и бояр от легендарного римлянина Палемона и его спутников должно было доказать древность Литовского государства, обосновать его право на независимое существование, подчеркнуть превосходство литовской шляхты над польской. Если верить Хронике Быховца, литовские пань еще на съезде в Луцке (1429 г.) заявляли «мы шляхта старая, римская», а поляки «были люди простые» и гербы свои приобрели от чехов «великими дарами» (ПСРЛ. Т. 32. С. 153). Видимо, версия о происхождении литовских князей от римской знати распространялась и в противовес претензиям московских князей на происхождение от императора Августа, изложенным в «Сказании о князьях владимирских». С. Д.

¹⁵⁴ Цезарь, Гай Юлий (102 или 100–44 г. до н. э.), римский полководец, диктатор. В результате его походов 58–51 гг. до н. э. римлянами была завоевана северная часть Галлии. Чтобы лишить галлов возможных союзников, Цезарь дважды (в 55 и 54 гг. до н. э.) принимал экспедиции в Британию и дважды (в 55 и 53 гг. до н. э.) переходил Рейн. С. Д.

¹⁵⁵ Флор, Луций (или Юлий) Анней (II в. н. э.), римский историк. В сочинении «Эпитомы», или «Две книги извлечений из Тита Ливия о всех войнах за 700 лет» (изданы в Вене

в 1511 г., в Кракове в 1515 г.), он изложил историю римских завоеваний с древнейших времен до начала I в. н. э. Хотя труд Флора содержит фактические ошибки, носит риторический характер и представляет собой компиляцию из Тита Ливия и других историков, он оказал большое влияние на европейскую историографию XV–XVII вв. Это сочинение кроме Литвина широко использовали Длугош, Кромер, М. Бельский, Стрыйковский. С. Д.

¹⁵⁶ Литвин ошибается, помещая Плотели на берегу Балтийского моря, что, по видимому, свидетельствует о его довольно поверхностном знании географии Западной Литвы – Жемайтии. С. Д.

¹⁵⁷ Ятвяги – балтийское племя, родственное пруссам и литовцам. Обитали по среднему течению р. Неман, в верховьях р. Нарева, в источниках упоминаются с конца X в. В 1283 г. большая часть территории ятвягов была захвачена крестоносцами. Часть ятвягов ушла в Литву и сравнительно быстро ассимилировалась. С. Д.

¹⁵⁸ «...роксоланов, или рутенов». – Роксоланы – античное название одного из сарматских племен Поволжья и Приуралья, которое ранее, до нашествия гуннов в IV в. н. э., обитало в Причерноморье (Смирнов К.Ф. О погребениях роксолан // Вестник древней истории. 1948. № 1. С. 213–219). Об этнониме «рутены» см. прим. 13. Литвин роксоланами и рутенами называет предков белорусов и украинцев. С. Д., А. Х.

¹⁵⁹ Баскаки – чиновники монгольского хана, в обязанности которых входили прежде всего переписи населения, сбор дани и доставка ее в Золотую Орду. На Руси баскацкая организация была создана в середине XIII в. и возглавлялась «великим владимирским баскаком». Жестокость и произвол баскаков неоднократно вызывали восстания; наибольший размах приобрело Тверское восстание 1327 г., вскоре после которого ханы были вынуждены прекратить посылку в Северо-Восточную Русь баскаков, поручив сбор дани непосредственно князьям (см.: Зимин А.А. Народные движения 20-х гг. XIV в. и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси // Известия АН СССР. Серия: История и философия. Т. IX. 1952. № 1). С. Д.

¹⁶⁰ Приписывая литовским князьям освобождение русских земель от татар, Литвин выражал официальную точку зрения правящих кругов ВКЛ, сформулированную, в частности, в «Летописце великих князей Литовских» (Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 70–71). Вхождение в конце XIII – начале XIV в. в состав Литовского государства западных и юго-западных земель бывшего Древнерусского государства было результатом компромисса между литовскими князьями и феодалами этих земель, вынужденными искать у Литвы защиты от агрессии ордынских ханов и крестоносцев, поскольку разоренная Северо-Восточная Русь в тот момент не могла оказать им помощи. Хотя вместо дани татарам вошедшие в состав ВКЛ русские земли должны были нести повинности в пользу литовских князей, в целом их положение было более благоприятным, чем Северо-Восточной Руси, испытывавшей всю тяжесть ордынского ига. Более развитые, русские земли сохранили и в составе ВКЛ внутреннее единство; были сохранены и привилегии местных князей и бояр, древнерусские юридические нормы и другие «старинны». При этом сама Литва испытала сильное влияние древнерусской культуры, права, обычаев (Хорошкевич А.Л. Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV – начале XVI в. // Пашуто В.Т., Флора Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское население и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 69–150). Заслуживает внимания и точка зрения, высказанная И.Б. Грековым, согласно которой Вильно до принятия литовскими князьями католичества являлось одним из потенциальных центров (наряду с Москвой и Тверью) объединения русских княжеств в единое государство (Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений... С. 17, 39, 41, 156; он же. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 482–486). С. Д.

¹⁶¹ Аукшайтский князь Миндовг (Миндаугас) (ок. конца 30-х гг. XII в. – 1263 г.) объединил под своей властью Восточную и Западную Литву – Аукшайтию и Жемайтию, а также Черную Русь с городами Новогрудком, Слонимом и Волковыском. Принятие Миндовгом католичества (1251 г.) и коронация с благословения папы королем Литвы (1253 г.) были результатом его компромисса с Ливонским орденом, при этом Миндовг уступил Черную Русь своему зятю волынскому князю Шварну Даниловичу и потерял контроль над Жемайтией. После разгрома жемайтиями крестоносцев у оз. Дурбе в 1260 г. Миндовг

вернулся к язычеству, заключил с кн. Александром Невским союз против Ливонского ордена и вновь подчинил себе Черную Русь. В 1263 г. Миндовг вместе с двумя сыновьями был убит в результате заговора недовольных им представителей родовой знати во главе с кн. Довмонтом (подробнее см.: Пашуто В.Т. Указ. соч.). Нарушая хронологию, Литвин изображает коронацию литовского князя Миндовга в качестве акта, венчающего присоединение к Литве русских земель. В действительности перечисленные Литвином земли и города при Миндовге еще не подчинялись Литве. Волынская, Подольская, Киевская, Северская земли, северная часть Смоленского княжества с городами Торопцом и Белой были присоединены к ВКЛ лишь в правление вел. кн. Ольгерда (см. прим. 35), а Вязьма и Дорогобуж были захвачены ВКЛ только при вел. кн. Витовте (см. прим. 40). Новгород и Псков в состав ВКЛ не входили, а Великие Луки, в 1486 г. присоединенные к Русскому государству, некоторое время до этого находились в двойном литовском и новгородском подчинении. Литвин отражает здесь точку зрения великокняжеской канцелярии ВКЛ, довольно обычную для историков Литвы. М. Стрыйковский, например, считает, что вел. кн. Витовтом Новгород и Псков были присоединены к владениям литовских князей (Strzykowski M. o poszatkach... S. 367–368). Ср. комм. 115. С. Д.

¹⁶² Владислав II Ягелло (ок. 1351–1434 – вел. кн. литовский с 1377 г., король польский в 1386–1434 гг., основатель династии Ягеллонов (1386–1572)). Был сыном литовского князя Ольгерда. Уния Литвы и Польши, заключенная в результате его династического брака с королевой Польши Ядвигой, была направлена не против «врага имени христианского», как утверждает Литвин, а против угрожавшей обоим государствам агрессии Тевтонского ордена. С. Д.

¹⁶³ Статут ВКЛ 1529 г. сохранил в ВКЛ рабов – «невольную челядь», составляющую обычно непосредственную рабочую силу двора феодала. Источники рабства, согласно Статуту, – происхождение от родителей-рабов, плен, замена рабством смертной казни с согласия противной стороны и брак свободного человека с невольницей. Допускалась и не зафиксированная в Статуте самопродажа в рабство (за исключением голодных лет), запрещалось превращение в рабы за долги (Пичета В.И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа. С. 148–153). Неволья была ограничена Статутом 1566 г. и уничтожена, за исключением неволи военнопленных, по Статуту 1588 г.; значительная часть бывшей невольной челяди, особенно в великокняжеских имениях, получила небольшие земельные наделы и превратилась в крепостных-огородников (Похилевич Д.Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI–XVIII вв. Львов, 1957. С. 76–82). С. Д.

¹⁶⁴ Речь идет о праве феодалов ВКЛ на вотчинную юрисдикцию. См. прим. 132. С. Д.

¹⁶⁵ «...мы берем налоги на защиту государства... обходя владельцев земли». – Литвин, очевидно, имеет в виду серебщину. Эта денежная подать, предназначенная для нужд обороны государства, в XVI в. взималась в ВКЛ с панов и шляхты лишь с их согласия. Постановления о ее сборе принимались сеймом ВКЛ в 1522, 1529, 1534, 1540, 1542 гг. Как правило, налог взимался и с подданных – феодалов ВКЛ, и с горожан, и с духовенства, а в некоторых случаях (в 1529, 1534 гг.) – и с крестьян великого князя. Серебщина взималась с сохи или с определенного числа крестьянских «служб», но платили ее (хотя и в уменьшенном размере) и огородники и безземельные люди, владевшие домами. Размер обложения городов определялся в зависимости от их экономического состояния. В 1529 г., например, Вильно должно было заплатить 1500 коп грошей, Ковно – 30 коп грошей, местечко Мосты – 3 коп грошей и т.п. Сейм 1551 г. вновь принял постановление о серебщине, но, хотя из-за неурожая уплата была перенесена на 1552 г., а затем на 1553 г., значительная часть шляхты уклонилась от нее (Пичета В.И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа. С. 28–35). С. Д.

¹⁶⁶ «...начатое измерение всех земель и пашен, [принадлежащих] как шляхте, так и простому люду». – По всей вероятности, Литвин имеет в виду волочную померу, впервые примененную еще вел. кн. Витовтом на землях Подляшья – территории по берегам среднего Буга, присоединенной к ВКЛ, но сохранившей значительные следы польских обычаев и норм. Эту же систему использовал и Сигизмунд I (1506–1548), а его жена, королева Бона, провела волочную померу в своих имениях, полученных от мужа в Пинском, Клецком, Городецком, Кобринском староствах (Любавский М.К. Очерки истории Литов-

ско-Русского государства. С. 242). Но широкомасштабная операция по проведению волочной померы в имениях великого князя и их размежеванию с частновладельческими имениями была начата в ВКЛ в 1556 г., после издания Сигизмундом II Августом «Уставы на волоки», определившей принципы проведения померы и повинности крестьян и другого населения, получавшего волоки (см.: Пичета В.И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа). В ходе померы участок земли, где помещалась деревня, распределялся на три поля, а каждое поле – на одинаковые полосы по 11 моргов (ок. 7,12 га). Каждый двор получал участки в трех полях, что составляло волоку (ок. 21, 35–21, 36 га). Однако изменение в волоках великокняжеских, а затем и частновладельческих земель так и не привело, вопреки надеждам Литвина, к обложению налогом землевладельцев пропорционально площади их владений. С. Д.

¹⁶⁷ «...на примере Фамари и Ревекки». – Ревекка, дочь Вафуила Арамеянина из Месопотамии, жена Исаака, сына Авраама и Сарры, родила двух близнецов Исава и Иакова (Быт. 25). Фамари, жена Ира, родила после его смерти двух сыновей-близнецов Фареса и Зара от отца Ира, Иуды, сына Лии и Иакова (Быт. 38). И. С.

¹⁶⁸ Исайя, 3. А. Х.

¹⁶⁹ «...в приданое женщине назначается определенная часть наследства». – Права дочерей шляхты на наследование родового имущества подтвердила ст. 9 разд. III статута ВКЛ 1529 г. Но основным правом женщин привилегированных сословий в ВКЛ было право на приданое и «вено» – обеспечение мужем на своих имениях и другом имуществе суммы, в два раза превышающей размер полученного приданого. Запись «вена» была узаконена еще привилеем литовским боярам 1413 г. Приданое было обязательным и могло взыскиваться по суду. Лишиться его шляхтянка могла, лишь выйдя замуж без согласия родителей или старших родственников или оскорбив мать. Но размеры приданого обычно были меньше доли сыновей, при этом родственники старались заменять земельные владения деньгами. Упоминаемая Литвином ст. 7 разд. IV Статута 1529 г. обеспечила за дочерьми на случай смерти родителей приданое в размере четверти всего семейного имущества; но при жизни родители могли сами назначать размер приданого, с тем, однако, чтобы приданое у всех дочерей было одного размера (Валиконите И.М. Социально-экономическое и правовое положение женщин в Великом княжестве Литовском (конец XV – первая половина XVI в.) и его отражение в первом Литовском статуте: автореф. канд. дис. Вильнюс, 1978. С. 7–10). С. Д.

¹⁷⁰ Ослам Солтан – см. прим. 69.

¹⁷¹ Омельдеш – имя, очевидно, восходит к «имельдеш» – термину, обозначававшему молочного брата. М. У.

¹⁷² «...Сорок Татар». – Сороктатары (Kėturiasdešimt Totorių) – в начале XVI в. Кирклены – в настоящее время поселок в 16 км от Вильнюса. Первые поселения татар в Литве возникли после успешного похода Витовта против Заволжской Орды в 1397 г. Пленные татары были приведены в Литву, поселены в окрестностях Вильно и Троку, преимущественно по реке Ваке (лит. Воке). Вскоре татарские поселения возникли и на белорусских землях (под Гродно, Новогрудком, Ошмянной, Лидой, Оршей, Минском, Клецком и др.), под Смоленском, затем и на Волыни. Потомки пленных и добровольных переселенцев (союзных литовским князьям ордынских царевичей и мурз и их отрядов, нашедших убежище в Литве), обычно именуемые в историографии литовскими татарами, вошли в состав служилых людей ВКЛ, пользовались в судебных и имущественных делах шляхетскими правами, владели землей и крепостными крестьянами, но из-за своего вероисповедания не получили права участвовать в сеймиках и сейме. В первой половине XVI в. большинство татар в ВКЛ славянизировалось, что обычно предписывается смешанным бракам, официально запрещенным по настоянию католического духовенства лишь во второй половине XVI в. Уже в начале XVI в. литовские татары придерживались единобрачия (Подробнее см.: Думин С.У., Канапацкий І.Б. Беларускія татары. Минулае і сучаснасць; Kruczyński S. Tatarzy litewscy. Warszawa, 1938). Упоминаемое Литвином шляхетское село Сорок Татар относится, видимо, к числу древнейших татарских поселений в Литве, созданных еще при Витовте. Его название возникло, очевидно, в связи с поселением на этом месте большой группы татар. По переписи литовского войска

1528 г., сороктатарские (киркляньские) татары выставляли в татарский стяг Троцкого воеводства 26 человек (РИБ. Т. 33. 1915. Ст. 112–113), а в ревизии татарских имений ВКЛ 1559 г. поименно названы 119 татар-мужчин (включая взрослых сыновей татар-землеладельцев) (ЦГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 569. Л. 270–300). Исползованная Литвином легенда об их происхождении от общего предка, видимо, отражает традицию общей родоплеменной принадлежности, принесенную предками жителей Сорок Татар из Золотой Орды. Существовавшие в ВКЛ татарские стяги-хорунжества (Найманское, Юшинское, Ялоирское, Барынское, Кондрацкое и др.), чьи имена восходят к названиям золотоордынских улусов (найман, ушин, ялоир, барын, конграт), наследственно возглавляемые представителями татарской аристократии, традиционно (в большинстве случаев, очевидно, с момента поселения в ВКЛ) объединяли определенные группы татар. В частности, жители Сорок Татар и многих других татарских околиц Троцкого воеводства входили в Юшинское хорунжество (подробнее см.: Думин С.У. Канапаціў Б. Указ. соч.). С. Д.

¹⁷³ Ссылка Литвина на Священное писание верна. Л. Х.

¹⁷⁴ Крено – термин, который в Жемайтии обозначал выкуп невесты женихом, выплачиваемый им родителям невесты. В этом значении единственный раз упомянут Михалоном. Подобная плата известна и в древней Латвии. Позднее, как свидетельствуют документы, относящиеся к 1553–1711 гг., значение термина изменилось. «Крено» в Жемайтии стали получать не родители, а хозяин зависимого (велдомого) человека, дочь которого выходила замуж. К. Яблонскис считал «крено» одним из видов дара, которым оказывали почесть родителям невесты. «Крено» можно сравнить с так называемым поклоном отповеданья, уплачиваемым господину уходящим от него человеком. Разновидности подобной пошлины существовали и в других частях ВКЛ под названием «куница». с усилением закрепощения пошлину стали взysкивать с родителей невесты, поскольку феодалу было легче получить ее от своих крестьян. Определенное сходство эта пошлина имела с древнерусской свадебной «куницей» и с польской «куной». (Jablonskis K. Lietuviški žodžiai Lietuvos didžiosios kunigajkštystės oficialiuju raštu kalboje ir jų reikšmė Lietuvos kultūros ir visuominės istorijai // Jablonskis K. Op. cit. P. 272; Валиконите И.М. Указ. соч. С. 19; Lesiński B. Wielkopolska «kuna swadziebna» z XIII wieku // Czasopismo prawno-historyczne. T. XXX, z. 2. 1978. S. 203–212). И. С.

¹⁷⁵ Ссылка Литвина не совсем точна. См.: Экклезиаст, 7, Сирах 25. А. Х.

¹⁷⁶ «...однако у нас принадлежат им крепости... которые следует верить лишь сильным духом мужам». – о праве шляхтянок наследовать родовые имения см. прим. 169. Вдовы шляхтичей наследовали «вено», а если муж не оставлял завещания или завещал опеку над малолетними детьми жене, то до их совершеннолетия вдова, согласно ст. 6 разд. IV Статута 1529 г., становилась главой семьи и верховным распорядителем семейного имущества. Но в случае повторного выхода замуж вдова теряла право на семейные имения, сохраняя лишь «вено». Сначала, как отмечалось, размер «вена» должен был вдвое превышать приданое, позже было оговорено, что «вено» не может составлять более трети стоимости имений мужа (Валиконите И.М. Указ. соч. С. 9–12). При заключении браков между представителями магнатства ВКЛ размер «вена» мог быть очень велик. Так, например, значительные владения после смерти Станислава Гаштольда сохранила его вдова Барбара, урожденная Радзивилл, с которой в 1547 г. тайно обвенчался Сигизмунд II Август (1520–1572), еще будучи литовским великим князем (с 1529, реально с 1545 г.), в будущем – с 1548 г. польский король, коронованный в 1550 г. Выступление Литвина против права вдов наследовать земельные угодья, видимо, может служить дополнительным аргументом против точки зрения, идентифицирующей М. Литвина с М. Тышкевичем, который существенно поправил свое материальное положение в результате брака (в 1533 г.) с вдовой князя М.Л. Глинского (Юргинис Ю.М. Посольство Михаила Литвина у крымского хана в 1538–1540 гг. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 88). С. Д.

¹⁷⁷ Существовавший в языческой Литве обычай выдавать дочерей бояр замуж только с согласия великого князя был связан с признанием права женщин наследовать землю. Санционируя их браки, великий князь сохранял за собой контроль над переходом земель в другие руки (по наследству или в виде приданого) и, следовательно, за исполне-

нием военной службы. По привилею Ягайлы 1387 г. право свободно выдавать дочерей замуж получили бояре-католики; вел. кн. Сигизмунд Кейстутович в 1434 г. предоставил это право и православным боярам. В Статуте 1529 г. (разд. IV, ст. 15) шляхтанке предоставлялось право выходить замуж по своей воле, но на практике обязательным было согласие родителей или родственников, иначе она лишалась приданого (Валиконите И.М. Указ. соч. С. 13). С. Д.

¹⁷⁸ Саконы (Sacones) латинизированная форма фамилии Саковичи, производная от Сака (Sak). Впервые литовский боярин Станислав Сак упомянут в акте городельской унии 1413 г. с гербом «Помян». Он известен также в документах 1432 и 1433 гг., в последнем выступает как староста дубинский. Наиболее известен среди Саковичей Андрей Сакович, который был старостой трокским, наместником смоленским и полоцким, трокским воеводой в 1458–1465 гг. Его сын Богдан Андрушкович Сакович занимал должности наместника брацлавского, королевского и земского маршала, трокского воеводы. Литовский боярин Ян Довгирд и его потомки также пользовались печатями с гербом «Помян». Довгирд представлял с другими боярами литовскую сторону при заключении Виленской унии 1401 г.; в 1424 г. он был дворным маршалком Витовта, занимал также при нем старство в Каменце Подольском. При Сигизмунде Кейстутовиче стал виленским воеводой и продолжал занимать эту должность при Казимире. В XVI в. род Помян становится третьеразрядным. Земельные владения литовских шляхтичей герба «Помян» находились около средней Вилии и больших литовских озер. Они соседствовали с владениями Сунигайловичей и Свирских, у тех и у других был герб «Лис». Сунигайлоны (Sungailones), латинизированная форма, производная от Сунигайла. Первые Сунигайла, один из выдающихся деятелей в окружении Витовта, упомянут в договоре 1398 г. при Витовте в Гродно как староста ковенский. Он принимал активное участие в политических событиях, по поручению Витовта в 1409 г. отправился с посольством к великому магистру Ордена. После унии в Горodle получил герб «Лис» и стал трокским каштеляном. Земельные владения Сунигайловичей в XV в. занимали большую территорию по берегам реки Вилии, на северо-восток от Вильны между Ошмянной и Швентянами. На востоке они граничат с владениями Свирских, также имевших герб «Лиса» (Sembkowitz W. o litewskich godach bojarских, zbrataných ze szlachtą polską w Horodle// Lituano-slawica poznaniensia. Т. III. Poznań, 1989. S. 41–48; Kelma E. Ród Sakowiczów I jego majątności w XV w. pierwszej połowie XVI w. // Ibid. S. 156–157.). И. С.

¹⁷⁹ Гедимин – литовский князь с 1316 по 1341 г., с именем которого связывается расширение и укрепление княжества. Л. Х.

¹⁸⁰ В этом отрывке И.И. Лаппо увидел свидетельство организации Витовтом системы стратегических дорог и крепостей, не похожих на римские или современные дороги. Пути Витовта, намеренно скрытые, проходили в глухих лесах или по необитаемой местности. О деятельности Витовта по строительству мостов впервые упомянуто в законах Казимира 1468 г., приказывающих замостить свои участки тем, кто это делал при Витовте: «А також и где который мосты мощивали за дядю нашего, за великаго князя Витовта...» (см.: Лаппо J.J. Istorině Vytauto reikšmė // Praeitis. Т. II. Kaunas, 1933. P. 53–54; Древнейшее государство на территории СССР. 1988–1989. М., 1991. С. 340). Воспоминания о походах Витовта в конце XIV в. Ст. Александрович увидел и в надписи о победах этого великого князя над татарами на сохранившемся фрагменте карты Ваповского Южной Сарматии, где в районе Среднего Днепра изображен укрепленный лагерь, а напротив него – татарские всадники с луками (Gębarowicz B. Póczątki malarstwa historycznego w Polsce. Wrocław, 1981. S. 21; Atechandrowicz St. Rozwój kartografii Wielkiego Księstwa Litewskiego, Poznań, 1989. S. 96.). И. С.

¹⁸¹ «...уничтожены палками литвинов». – Этот сюжет отражен в Хронике Быховца, содержащей сообщение о походе Ягайлы на Польшу. Якобы, когда литовцы переплыли через Вислу у Завихоста, держась за конские хвосты, Ягайла сказал: «Не нужно нам (с помощью) пушек захватывать этот город». Он приказал каждому воину бросить в город по палке, после чего Завихост был сожжен. с некоторыми отличиями о том же сообщил и Стрыйковский. У него на первом плане – фигура Радзивилла, который, согласно Стрыйковскому, предложил всему войску переправиться через Вислу впасть, держась

за хвосты коней; по его же (а не Ягайлы) инициативе город был заброшен палками и сожжен (ПСРЛ. Т. 32. С. 143–144; Strykowski M. O początkach... С. 299–300; Idem. Kronika... Т. II. С. 68; Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 104–105). И. С.

¹⁸² «Ведь они не ждали объявления войны или грубого вторжения... // напали на стольный град москвитян Москву перед Пасхой и там с поверженными врагами заключали мир». – Сведения о легендарном походе Ольгерда на Москву на Пасху (Велик день) Михалон мог почерпнуть из летописей. В сохранившихся списках в летописях Быховца и Евреиновской поход не датирован. У Стрыйковского в «Началах» он неверно отнесен к 1333 г. (Ольгерд стал великим князем в 1345 г.), в «Хронике» – к 1332 г., искажено имя князя Дмитрия Донского (здесь он назван Дмитрий Семечко), в Хронике Литовского и Жмойтской, где нередки хронологические ошибки, поход описан под 1375 г. Согласно Хронике Быховца и Евреиновской летописи, Дмитрий Иванович беспричинно разорвал мир с Литвой, прислав знаки войны – огонь и саблю – с извещением, что будет в земле Ольгерда «по красной весне и по тихому лету» (здесь и ниже цитаты приводятся по Евреиновскому списку. – И. С.). В ответ Ольгерд послал зажженную губку со словами: «...у нас в Литве огонь есть... А яз у него буду на Велик день и поцелую его красным яйцом, щитом и с сулицею, а божиею помощиею к городу Москве копие свое прислону». После этого Ольгерд с литовскими и русскими отрядами выступил из Витебска в поход, увенчавшийся успехом. Дмитрий, выходявший с боярами из церкви, увидел полки Ольгерда на Поклонной горе и поспешил заключить мир. Ольгерд в знак победы и славы «копие свое к городу прислони». По Стрыйковскому, знавшему эту версию, а также по Хронике Литовской и Жмойтской, автор которого использовал Стрыйковского, Ольгерд сломал копье о стену. Кроме упоминания о времени похода (Пасха) имеются и другие следы влияния летописных рассказов на Михалона. В летописной версии Ольгерд энергичными действиями опередил Дмитрия Ивановича; выбор необычного для похода времени (ранней весны) подчеркивает военную доблесть Ольгерда, «ибо не тот воин, что времени подобного (удобного, подходящего, выделено. – И. С.) воует...» Литовские воины у Михалона «не ждали... грубого вторжения врага или благоприятного летнего времени...» Стрыйковский в «Хронике», а также Хроника Литовская и Жемойтская сообщали, что для этого похода Ольгерд построил дорогу, ведя ее через «болота и старины». А.И. Рогов отметил, что вплоть до начала XIX в. об одном из исторических походов Ольгерда бытовали предания в имении Стаклицах над р. Берузой в Полоцком уезде. Местные жители показывали насыпные бугры, называемые Ольгердовой дорогой, а в лесу – древние окопы, окруженные болотом («столице») и проход к ним («князевому месту») (ПСРЛ. Т. 32. С. 140; Т. 35. С. 60–61, 223–224, 235; Strykowski M. O początkach... S. 36, 42, 260–262; Рогов А.И. Русско-польские культурные связи... С. 174–177). И. С.

В действительности ни один из «московских» походов Ольгерда (в ноябре 1368 г., в ноябре – декабре 1370 г. и летом 1372 г.) не совпадал по времени с этим праздником (История Москвы. Т. I. С. 49). При оценке военных экспедиций Ольгерда на Москву Литвин, видимо, следует традиционной версии, сохранявшейся у правящих кругов ВКЛ; на самом деле эти походы, даже первый, неожиданный и самый сильный 1368 г., в сущности не принесли литовскому князю успеха: взять Москву ему так и не удалось. С. Д.

¹⁸³ Иван, ты спишь, я тружусь, связывая тебя... – Забулис увидел в этих словах посланицу, и в качестве параллели, хотя и приблизительной, привел такую: «Взяли как Мартына с гулянья; и гости не знали, как хозяина связали» (Zabuіis H. Op. cit. P. 179, p. 17. P. 203). И. С.

¹⁸⁴ В битве у Могача 1526 г. король Людовик был разбит турецкими войсками, а сам утонул, спасаясь бегством. Ср. комм. 60. С. Д.

¹⁸⁵ В самом начале Тринадцатилетней войны с Тевтонским орденом (1454–1466 гг.), 18 сентября 1454 г. польское войско во главе с королем Казимиром IV (о нем см. прим. 114) при осаде крепости Хойницы, вступив в битву с пришедшим к осажденным подкреплением, было неожиданно атаковано гарнизоном крепости, совершившим вылазку. Атака смешала ряды польского войска, значительную часть которого составляло шляхетское ополчение, им овладела паника, и оно обратилось в бегство. Попытки

короля с горсткой рыцарей остановить бегство не увенчались успехом. По сообщению Длугоша, Казимира силой увели с поля боя рыцари из его личной охраны, спасшие короля от плена (Bogucka M. Kazimierz Jagiellończyk I jego czasu. Warszawa, 1981. S. 78–80). Хотя ВКЛ уклонилось от войны с Орденом, короля сопровождали некоторые литовские феодалы, и именно им литовская традиция приписывала спасение Казимира. По преданию, один из литовцев, предок магнатской семьи Воловичей Юрий Вол, отдал Казимиру своего коня и прикрывал его отступление, отстреливаясь от немцев из лука, за что получил от короля значительные пожалования в Гродненском повете (Strykowski M. O początkach... S. 482–490). С. Д.

¹⁸⁶ О наместническом управлении городами в Русском государстве см.: Зимин А.А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV – первой половины XVI в. // Изв. Т. 94. 1974. А. Х.

¹⁸⁷ Об исполнении приближенными московских великих князей посольств за свой счет см. также: Герберштейн. С. 73–74, 298. А. Х.

¹⁸⁸ Деян. XXIV. И. С.

¹⁸⁹ «...они скоро разносят вести». – «Ходить в подводу» было старинной государственной повинностью всего населения ВКЛ. Давать подводы для посланцев великого князя были обязаны и крестьяне, и мещане. Со временем эта повинность превратилась в сеньориальную. Для крестьян в великокняжеских имениях она сводилась к обязанности по очереди доставлять причитающееся от них зерно и прочие продукты в Вильно или в другой центр господарской администрации и к поездкам в границы поместья для удовлетворения текущих нужд двора. Тяжесть этой повинности для крестьян и злоупотребления администрации привели к тому, что постепенно в ряде поместий ее заменили деньгами, что было выгоднее и казне, и крестьянам (Похилевич Д.Л. Указ. соч. С. 32–33). Во второй половине XVI в. от натуральной подводной повинности были освобождены и мещане многих городов, платившие взамен специальный сбор (Пичета В.И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа. С. 445). О ямской службе на Руси см.: Герберштейн. С. 122–123. Ср.: Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900. На Руси употреблялся термин «ям» (из северо-тюркского языка), который первоначально обозначал повинность выполнения почтовой службы, а впоследствии – денежный сбор на эти цели (Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. Стб. 1658). С. Д.

¹⁹⁰ «...тайно передают своим наши планы...» «...доставлял своему князю копии постановлений, договоров, указов». – О разведывательной деятельности при Иване IV общал также Штаден. Обращаясь к германскому императору, он просил, чтобы его описание не переписывалось, поскольку «великий князь не жалеет денег, чтобы узнавать, что творится в иных королевствах и землях. и все это делается в глубокой тайне» (Штаден Г.О. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Л., 1925). И. С.

¹⁹¹ Любопытно, что Литвин цитирует книгу Иисуса, сына Сирахова (XII, 10, 12), которая входит в состав только православной Библии. С. Д.

¹⁹² Говоря о потере ВКЛ Северских земель и замков, Литвин имеет в виду события конца XV – начала XVI в. В 1500 г. признали власть Москвы князь Новгород-Северского, Рылска и Радогоща В.И. Шемячич, А.С. Стародубский и др. Комментируя Литвина, К. Мельник предполагает, что говоря об Ossomacitz, Литвин имеет в виду Вязьму, расположенную на р. Осье и взятую в 1494 г. московскими войсками под командованием кн. Даниила Васильевича Щени (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Ч. I. Киев, 1890. С. 46). Но более вероятно, что Ossomacitz – это искаженное название владений кн. Василия Ивановича Шемячича. С. Д.

В Хронике Литовской и Жемойтской встречается написание имени Василий Иванович Осемьянович (или Осмянович, Осимитич) вместо Шемячич. Хроника Быховца содержит сообщение о переходе князей Семена Ивановича Можайского и Василия Ивановича Шемячича со всеми городами: Черниговом, Стародубом, Гомелем, Новгородом-Северским, Рылском на службу к Московскому князю (ПСРЛ. Т. 32. С. 99, 166, см. также с. 165). Стрыйковский называет Шемячича Osiemiaczys и Osiemiaczys (но именуется он не Василием, а Семеном) (Strykowski M. o początkach... S. 553, см. также с. 659; Idem Kronika. Т. 2. S. 308—309). Здесь князь Шемячич назван верно Василием. И. С.

¹⁹³ «...Вильна сгорела дотла» – пожар, уничтоживший значительную часть литовской столицы, в том числе Нижний замок и упоминаемый кафедральный собор св. Станислава, произошел не в 1529, а в 1530 г. (Bainski M. Historia miasta Wilna. Wilno, 1836. S. 77). С. Д.

¹⁹⁴ Станислав «из Щепанова» (ок. 1030–1079), епископ краковский с 1071 г.; выступал в поддержку вельмож – противников короля Болеслава Смелого; убит по приказанию короля. Канонизирован в 1257 г. Культ св. Станислава был важным элементом идеологии объединения польских земель в период раздробленности. Собор св. Станислава был сооружен в Вильно после принятия Литвой католичества в 1387 г. С. Д.

¹⁹⁵ В битве под Оршей 8 сентября 1514 г. польско-литовские войска под руководством Константина Острожского разгромили русское войско, возглавлявшееся Иваном Андреевичем Челядниним. Эта победа рассматривалась при ягеллонском дворе как реванш за потерю в том же году Смоленска (Граля И. Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: чтения памяти В.Б. Кобриня. М., 1992. С. 46–50), однако не привела к достижению поставленной цели – Смоленск остался в составе Русского государства. Пропагандистская кампания, развернутая королем и многочисленными польскими политическими деятелями, поэтами и художниками, была рассчитана на разрыв русско-имперского союза. А. Х.

Сражение под Оршей (без названия местности) упомянуто как «Великая битва» в Панегирике Деодата Септения виленскому канцлеру Альбрехту Мартиновичу Гаштольду при описании его победного похода на Великие Луки. (Lazutka S., Gudavičius E. Deodato Septennijaus Goštautu «Panegirika», Р. 83, 85, 87). И. С.

¹⁹⁶ К. Мельник, комментируя это место, предположила, что Литвин имеет в виду р. Турью, впадающую в Припять еще у ее верховий, или р. Уборть, впадающую в Припять неподалеку от Турова (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Ч. 1. С. 51). В действительности речь идет о р. Прудок, правом притоке Припяти (25 км), протекающей по территории современного Мозырского района Гомельской обл. Белоруссии.

¹⁹⁷ Десна – левый приток Днепра, Сейм – левый приток Десны, Сож – левый приток Днепра, Березина, Припять – правые притоки Днепра, Словечна – правый приток Припяти, Уша – правый приток Припяти или Березины, Тетерев – правый приток Днепра, Рпев (возможно Рпень, Ирпень) – правый приток Днепра, Вехра (ныне Вихра) – правый приток Сожа, Пропась – правый приток Сожа, обе последние упоминаются в «Книге Большому Чертежу» [крупнейшей карте Руси XVI в. – Ред.], Ипуть – левый приток Сожа, Друть – правый приток Днепра, Бобр – левый приток Березины, Птичь, Случь – левые притоки Припяти, Ореса – правый приток Птичи, Стырь, Горынь – правые притоки Припяти, Пена – левый приток Псела, более вероятно, что здесь имеется в виду Пина, река бассейна Припяти, в верхнем течении составляющая часть Днепровско-Бугского канала. При своем впадении в Припять она образует сеть рукавов (около Пинска), один из них через 12 км под тем же названием впадает в Ясельду; из-за разветвленности речной сети в этом районе в ее обозначении не было единообразия. Упомянутая Литвином Титва не идентифицирована. (Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950; Максимович Н.И. Днепр и его бассейн. Киев, 1901). Я. С.

¹⁹⁸ Имеется в виду Хаджибеев лиман у крепости Хаджибей (совр. Одесса). С. Д.

¹⁹⁹ К сожалению, Литвин не привел названий днепровских порогов. В разных источниках число порогов различается. Упоминание о них есть уже в сочинениях Константина Багрянородного. И. С.

²⁰⁰ За Кременчугом сплав был затруднен, пороги же начинались ниже по течению. У Кременчуга, где находилась сооруженная Витовтом крепость, купцы разгружали суда, часть товара продавали, а часть везли дальше на возах. Таким образом, географическое положение способствовало развитию города. Кременчугский брод часто использовали татары, совершавшие походы на Украину и Польшу. Названные Михалоном переправы Упск и Гербедеев Рог другим источникам не известны. Мишуриный Рог находился на пути в Запорожье по так называемому Чумацкому шляху и с конца XVII в. считался одной из главных переправ. Кичкасская (от тюркского коч-ког – проход) переправа, расположен

ная выше острова Хортица, была известна Константину Багрянородному, Лясоте и Боплану. В месте впадения в Днепр его левого притока Кичкаса река сужалась до такой степени, что ее легко перелетала пущенная стрела. Удобной была Таванская переправа у острова Тавани, поскольку Днепр и его левый приток Конская вода были здесь неширокими и спокойными, так что их можно было легко переплыть. Эта переправа находилась на расстоянии не более одного дня пути из Крыма. Михалон несколько раз упоминает Таванский перевоз (Товань), где во времена Витовта находилась таможня (Витовтова баня). Расположенная против острова Бургунского одноименная переправа (Бурхун) была не очень удобной, так как здесь надо было переходить Конку и дважды реку Днепр. Тягинская переправа (Тягиня) находилась близ устья реки Тягинки, Очаковская (Очаков) в устье Днепра (Эварницкий Д.И. Вольности запорожских казаков. СПб., 1890. С. 234–239; Serczyk Wł. Na dalekiej Ukrainie. Dzieje Kosaczyny do 1648 г. Kraków, 1984. S. 15, 17, 19, 21; Eryka Lassoty I Wilhelma Beauplana opisy Ukrainy, Warszawa, 1972.); Гийом Левассер де Боплан. Опис України. Київ. 1990. (Ч. II). С. 42, 45–47, 151, 160) И. С., А. Х.

²⁰¹ «...он струится молоком и медом...» – Земля, в которой текут молоко и мед, как символ изобилия земли обетованной Ханаанской упоминается в Библии (Моис., IV; Числа 13, 16; V Второзакон., 26). Это образное выражение было известно польской письменности XV–XVI вв.; так, оно встречается у Яна Остроорога при прославлении плодородия Польши и Литвы. Стрыйковский употребляет его в рассказе о природных богатствах Северной земли (Humanizm I reformacja w Polsce. Lwów, 1927. P. 57; Strykowski M. O początkach... S. 234; Serczyk Wł. Op. cit. S. 22). И. С.

²⁰² «...поэта Овидия... он жил в изгнании в этой части Понта». – Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. – 18 г. н. э.), римский поэт эпохи императора Октавиана Августа; в конце 8 г. н. э. был сослан на берег Черного моря в г. Томы (совр. Констанца, Румыния), где и умер. Легенда о происхождении названия Овидиева озера под Аккерманом от имени Овидия сохранялась в XVIII в. и была известна А.С. Пушкину. В действительности первоначальное название этого озера в переводе с молдавского означает «озеро овец» и было дано ему, видимо, местными пастухами (Формозов А.А. Пушкин и древности. М., 1979. С. 51–56 и др.). С. Д.

²⁰³ Эта теория бытовала и в XVII в. с опровержением мнения о том, что Киев – это гомеровская Троя, выступил виленский пастор Иоанн Гербиний, который в 1675 г. выпустил книгу «Подземный Киев» (Religiosae Kijovensiss crypte sive Kijovia subterranea. Jenae, 1675). С. Д.

²⁰⁴ «...место называется ныне Торговица». – Описывая причины переселения итальянцев в Литву, Стрыйковский вспоминает о владениях генуэзцев в Таврии, ныне занятых татарами и турками. Он упоминает и остатки старых стен в «Диких полях», где, по его мнению, раньше жили греки, а сейчас татарин стреляет диких лошадей. Среди других развалин он называет Тарговищу, старый разрушившийся город в «полях за Киевом по направлению к Перекопу» (Strykowski M. O początkach... S. 87.). И. С.

²⁰⁵ Знак на таможне – по-видимому, речь идет, о товарных пломбах типа так называемых дрогичинских (Ершевский Б.Д. Дрогичинские пломбы. Классификация, типология, хронология: по материалам собрания Н.П. Лихачева) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Т. XVI). А. Х.

²⁰⁶ «...Витординской баней». – По-видимому, ошибка. Литвин имеет в виду Витовтовы бани (Vitovdinum). Последние (balneum Vitoldi) отмечены на Радзивилловской карте 1613 г. нижнего течения Днепра в двух местах – на левом берегу реки приблизительно за 40 км до устья и на берегу лимана между устьями Днепра и Буга (Alexandrowicz St. Op. cit. Wyd. II. S. 95–96). И. С.

²⁰⁷ «...закон, называемый осменничество». – Должность осмника (осменника), сохранившаяся в Киеве, была известна еще в Древней Руси и упоминается в «Русской Правде» и других законодательных памятниках. В конце XV–XVI в. осменники назначались киевскими воеводами. В их обязанности входил сбор пошлин с товаров; согласно уставной грамоте киевским мещанам вел. кн. литовского Александра 1499 г., осменники судили купцов, казаков и мещан за ссоры, мелкие кражи, проступки против нравственности (АЗР. Т. I. С. 145, 194; РИБ. Т. 27. СПб., 1910. Стб. 547–548 и др.). С. Д.

²⁰⁸ «...там очень легко набрать множество добрых воинов». – Уже в конце XV – в первой половине XVI в. бегство крестьян на малонаселенные, а часто пустынные восточные и южные окраины Подолии и Киевщины, особенно из Галиции, Западной Подолии и с Волыны, приобрело характер массового переселения. В середине XVII в. польский историк С. Грондский так писал об этом: «Те из русского народа, которые не хотели терпеть ярмо и власть местных панов, уходили в далекие края, к тому времени еще не заселенные, и присваивали себе право на свободу» (История Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1982. С. 174). Они называли себя вольными людьми – казаками, и из них в дальнейшем оформилось украинское казачество с его особым укладом жизни и военной организацией. В конце первой половины XVI в. возникла Запорожская Сечь. Отступая под натиском феодалов, казаки колонизировали степные пространства к югу от днепровских порогов. Старосты пограничных замков, чтобы укрепить гарнизоны, уже в начале XVI в. принимали казаков на службу, используя их для отражения татарских набегов; создавали свои собственные отряды и многие крупные феодалы Украины. С. Д. Ср.: Stökl G. Die Entstehung des Kosakentums. München, 1953. А. Х.

²⁰⁹ «...быть погребенными здесь». – Киево-Печерский монастырь был основан при кн. Ярославе Мудром в 1051 г. Искусственно созданные пещеры, которым монастырь обязан своим названием, были в древности местом жительства монахов, затем только кладбищем (до XVI в.). В XI–XII вв. монастырь был одним из культурных центров Древней Руси, где жили и работали древнерусские летописцы, в том числе Нестор, также похороненный в пещерах. Монастырь являлся крупным землевладельцем. Литвин называет его монастырем св. Марии по главному храму – сооруженному в 1073–1078 гг. собору Успения Богородицы (см.: Логвин Г.Н. Киево-Печерская лавра. М., 1958). С. Д.

²¹⁰ Литвин, по-видимому, вполне сознательно подвергает сомнению факт происхождения московских князей от вел. кн. киевского Владимира Святославича. Дело в том, что именно по праву наследников Владимира Иван III и Василий III открыто предъявляли претензии на украинские и белорусские земли. В текст заключенного в 1490 г. договора Ивана III со Священной Римской империей германской нации о союзе, направленном против Ягеллонов, было внесено обязательство Империи оказывать московскому князю помощь, когда он начнет борьбу за Киев с польским королем Казимиром IV. Полностью и в развернутой форме позиция русской стороны была сформулирована на переговорах с послами ВКЛ в 1503 и 1504 гг., где было прямо заявлено, что вечный мир с ВКЛ невозможен, пока Ивану III не возвращена «отчина» его предков – «вся Русская земля, Киев и Смоленск и иные города» (Флоря Б.Н. Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение // Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 171–172). Программа объединения всех земель Древней Руси вызывала, разумеется, беспокойство и раздражение правящих кругов ВКЛ. С. Д.

²¹¹ «...несторианскую ересь». – Несторианство – религиозно-политическое течение в Византии V в. получило свое название от имени родоначальника направления – Нестория (ум. ок. 451), константинопольского епископа. Он расходился с ортодоксальным православием в трактовке соотношения человеческой и божественной природы в Христе. Согласно его учению, Христос – человек, который с помощью соития св. духа стал мессией. На Эфесском соборе 1431 г. Несторианство было объявлено ересью. Нестория отправили в ссылку, а несториане расселились в Иране, Средней Азии, частично в Китае (Loofs F. Nestorius and his place in the History of Christian doctrine. Cambridge, 1914). А. Х.

²¹² В г. Мекке (ныне в Саудовской Аравии) в начале VII в. Н. э. (ок. 610 г.) сложилась первая община последователей ислама, возглавляемая Мухаммедом (см. прим. 213). В Мекке находится главная святыня ислама, место паломничества мусульман – храм Кааба. М. У.

²¹³ Мухаммед (между 570 и 580–632 гг.) – основатель ислама, араб из племени курайшитов. Провозгласил себя последним посланником аллаха и величайшим пророком; организатор теократического государства, объединившего арабские племена.

Приведенные Литвином факты из биографии Мухаммеда (неграмотность, женитьба на богатой купчихе) свидетельствуют о знакомстве автора со специальной литературой о мусульманском мире.

Сектантское христианство и иудаизм (отчасти также манихейство и зороастризм) действительно оказали влияние на догматику и обрядность ислама, но Литвин чрезмерно упрощает этот вопрос, ошибочно приписывая иудеям и христианам-отступникам прямое участие в создании мусульманской религии. М. У.

²¹⁴ «...им смешны наши посты, не включающие ни голода, ни жажды, ни пепла». – в Священном писании пепел выступает не только как символ плача и сетований (2 Царей, 13, Эсф., 4. Ср. У А. С. Пушкина: «Посыпал пеплом я главу...»), но и как символ покаяния (Иов, 42, Иоанн, 3 и др.); сидением на пепле сопровождалась поста (Исайя, 58 и др.). В разных значениях употреблялось слово «жажда»: это и «жажда слышания слов господних» (Амос, 8); и физическая жажда, иногда приравняемая к посту (2 кор., 11). По-видимому, Литвин имел в виду просто соблюдение постов. А. Х.

²¹⁵ Поминать Божье имя все запрещает христианам одна из заповедей. И. С.

²¹⁶ Софония, III, 4. «Пророки его – люди легкомысленные, вероломные, священники его осверняют святыни, попирают закон». И. С.

²¹⁷ «...против таких [пастырей] во многих местах гремят слова Божии». – Предпринятая Литвином критика духовенства свидетельствует, по-видимому, об определенном влиянии, оказанном на него проникавшими в ВКЛ идеями реформации, хотя в целом он остается на позиции католичества. При этом Литвин отражал настроения значительной части шляхты, которая на сейме 1551 г. потребовала, в частности, чтобы «каждая парсуна стану духовного, так Римского, яко и Греческого закону, двох або трех костелов, то есть хлебов духовных, не держали». Но это требование не было удовлетворено Сигизмундом II Августом (РИБ. Т. 30. Стб. 176. Ст. 19). Реформационное движение в ВКЛ приобрело большой размах во второй половине XVI – начале XVII в., после принятия кальвинизма значительной частью магнатов и шляхты во главе с семьей кн. Радзивиллов; среди горожан получило распространение и лютеранство. Литовское крестьянство, в религиозном сознании которого сохранялись многочисленные пережитки язычества, отнеслось к реформации довольно равнодушно. Полностью восстановить свои позиции католической церкви в Литве удалось лишь во второй половине XVII в., когда подавляющее большинство феодалов-протестантов вернулось к католичеству. Значительную роль сыграла при этом деятельность ордена иезуитов. С. Д.

Список сокращений

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РИБ – Русская историческая библиотека

Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества

КН – Kwartalnik historyczny

Об Аароне (Адаме) Александре Олизаровском (ок. 1618 – ок. 1659)

Арон (Адам) Александр Олизаровский – политический мыслитель и правовед Белоруссии и Литвы середины XVII в. В краткой автобиографической записи Олизаровский отмечает, что происходит он из «русской» (надо понимать, белорусской или украинской) семьи, а местом рождения называет Белую Церковь. В то время было два населенных пункта с таким названием: один – возле Киева, другой – недалеко от озера Черей (сейчас Чашницкий район Витебской области). Учился Олизаровский в коллегиях Несвижа и Полоцка, затем в Познани, Ингольштадте, Граце, Падуе. В Ингольштадте в 1644 г. получил ученую степень доктора обоих прав. Здесь же в 1643 г. были изданы два его сочинения, предназначенные для учебных целей. Одно из них посвящалось вопросам риторики, второе – политики. С 1645 г. Олизаровский – профессор юридического факультета Виленской академии. Однако в 1655 г. факультет перестал функционировать, и Олизаровский переехал в Кенигсберг, где вскоре умер.

В Вильно Олизаровским был написан главный его труд «О политической общности людей», изданный в 1651 г. в Гданьске (Данциге). Работа состоит из введения и трех книг: «Дом», «Общество», «Государство». В первой книге автор рассматривает вопросы брака и семьи, воспитания детей (роль в воспитании литературы, музыки, живописи, физкультуры, путешествий, ремесла), обязанности родителей и детей. Отдельная глава посвящена выяснению пределов власти господина над рабом, соотношения свободы и рабства и т.д. Особой политической остротой отличает-

ся содержащийся в этой главе параграф «О земледельцах царства Польского, в просторечии кметах, и являются ли они рабами или свободными людьми». Во второй книге Олизаровский стремится выявить сущность общества, сословно-классовых отношений, права и т.д. Третья книга посвящена анализу института государства.

Особенностью сочинения Олизаровского является обильное цитирование, ссылки на чужие труды, в результате чего не всегда ясно вырисовывается позиция самого автора. Это обстоятельство породило мнение о компилятивности и неоригинальности данного сочинения, хотя в последнее время некоторые исследователи подобные оценки считают преувеличенными. Для Олизаровского характерны следующие приемы изложения материала. В одних случаях он представляет различные и даже противоположные точки зрения, а собственную позицию выражает через усиленную аргументацию одной из них, в других – высказывает свое отношение к мнению авторитетов и, наконец, дает собственную оценку. Не исключено, что Олизаровский готовил свою работу не только для научных целей, но и как учебное пособие. Само ее название указывает на то, что она относится к числу «политик», т.е. к тому виду социально-политических сочинений, образцом для которых служила «Политика» Аристотеля.

Творчество А.А. Олизаровского содействовало развитию светского направления в прогрессивной социологической и политико-правовой мысли Белоруссии и Литвы. Автор отделял теологию от социальной философии, подчеркивая отличие их предмета. Мыслитель писал, что, хотя и уважает теологию, но людям, которые не являются ни монахами, ни священниками, она не может принести большой пользы. В то же время в политической науке он видел существенную практическую ценность. Олизаровский относился к типу мыслителей, которые, по определению К. Маркса, рассматривали государство человеческими глазами и выводили его законы из разума и опыта, а не из теологии.

Для Олизаровского характерен поиск исходных, естественных причин существования и функционирования социально-политических институтов: «Я следую за природой как наилучшей предводительницей». Опираясь на идеи естественного права и общественного договора, он подвергает критике многие стороны феодальных отношений и в первую очередь бесправное положение крестьян в Речи Посполитой. Рассматривая различные формы государственного устройства, автор показывает, что каждое из

них противоречиво, содержит как положительные, так и отрицательные черты. Высказываясь в пользу наследственной монархии, он не абсолютизирует ее, а пишет, что в ней содержится больше достоинств и меньше недостатков по сравнению с другими. Олизаровский верит в возможность изменения социальных отношений посредством морального совершенствования человека, рациональной деятельности, использования творческо-преобразующей мощи государства и права, иными словами, он возлагает надежды главным образом на реформы сверху.

Фрагменты из работы А.А. Олизаровского «О политической общности людей». Параграфы 6-й и 10-й гл. V, кн. I; параграф 2-й гл. II, кн. 2; параграф 2-й гл. IX, кн. III переведены с польского издания: *Filosofia i mysl spoleczne XVII wieku. CZ. I. Warszawa, 1979*. Перевод С.Ф. Сокола. Главы V, IV, кн. II; глава I, кн. III из книги: *Olizarovius A.*

De politica hominum societate (Dantisci, 1651) переведены с латинского Л. П. Ляховой. Примечания и общая редакция текстов С. Ф. Сокола.

Соч.: *Olizarovius, A. De politica hominum societate. Dantisci, 1651.*

Лит.: Королев, И. Социальная философия А.А. Олизаровского и социологическая мысль в Белоруссии и Литве в конце XVI – перв. пол. XVII в. // «Философия и научный коммунизм». Вып. 2. Мн., 1975. С. 239–248; Валкунас, Л.А. А. Олизаровский и его произведение «Политическое общество людей» // «Problemos». 1978. № 2. С. 36–48; Бартусвявичюс, А.А., Мишкинис, П.Н. Развитие политико-правовой мысли в Вильнюсском университете // Сов. государство и право. 1980. № 1. С. 110–116; Kot, St. Aron Aleksander Olizarowski professor prawa akademii Wileńskiej // Księga pamiątkowa ku uczczeniu 350-jej rocznicy Uniwersytetu Wileńskiego. T. 1. Wilno, 1929; Jarra, E. Aaron Aleksandz Olizarowski jako filozof prawa. Księga pamiątkowa celem 350-jej rocznicy Uniwersytetu St. Batoiego w Wilnie. Warszawa, 1931; Rybicki, P. Z dziejów polskiego arystotelizmu: *De politica hominum societate* A.A. Olizarowskiego // *Studia i materiaiy z dziejów nauki polskiej. Ser. A. N 3, 1959.*

Аарон (Адам) Александр Олизаровский

О политической общности людей

Книга I. Дом¹

Глава XI

О господине и рабе

§ 4. Являются ли крестьяне невольниками или свободными людьми?

С точки зрения права, или справедливости, вполне достоверно то, что люди, о которых здесь пойдет речь, отнюдь не являлись невольниками, а только свободными от рождения гражданами, ибо правовых основ их неволи нельзя обосновать ни с помощью права народов², ни государственными актами. Не стали они ими в результате плена или из-за рождения от рабынь или пленниц. Добровольно они также не продали себя в силу долговых сделок и не попали в неволю ни по одной из причин, указанных выше.

Вначале поляки³, как и все люди, были полностью меж собой равными. Имели правителей, которые правителями стали не благодаря своему происхождению, а только из-за доблести, ибо их правление было справедливым и полезным для государства, поэтому и подданные никогда против них не начинали войны, потому что, будучи побежденными, стали бы невольниками победителей. Равным образом и правители не обращали своих подданных в неволю, так как не имели к этому никакого повода.

Если бы кто стал утверждать, что правители могут отнимать у своих подданных свободу из-за жажды господства или могут своей властью одних возвышать, а других угнетать, что и случилось, мол, с польскими крестьянами, которых правители не желали держать на равных со шляхтой или свободными людьми и поэтому обрекли их на неволю; если кто, повторяю, утверждает подобные вещи, – он ничего не добавит против свободы польских крестьян. Во-первых, польский плебс никогда не находился под такого рода тиранией,

а если бы и был, не утратил бы в столь значительной степени своей свободы по сравнению с теми, кто попадает в руки пиратов или разбойников. Далее, хотя правители могли давать шляхетство отдельным заслуженным гражданам не только в награду за их доблесть, но и вследствие своей милости и щедрости, они не имели оснований обидеть своим суровейшим наказанием тех, которые ничего не сделали против особы правителя, а также государства. Говорю суровейшим, так как мудрецы признают его худшим, чем сама смерть. Наконец, одно дело отказ от возведения граждан в шляхетство, другое – превращение их в невольников. Первое не содержит никакой обиды, так как не нарушает свободы. Второе же (речь идет о тех, кто попадает в неволю без достаточной причины) не может случиться без наивысшей несправедливости, которая вызывает к небесам, как взывала несправедливость египтян по отношению к угнетенным евреям. Сам Бог был наиболее активным защитником их свободы.

Далее, правители не могут свергнуть своих подданных в неволю не только силой, но и установлением прав. Этому принципиально противится божественное право, естественное право и право народов. Ибо никакие законы не могут санкционировать несправедливость, хотя бы была во всеобщем обычае безнаказанность, в течение многих веков, она не может получить правомочности или войти в обычное право.

Не следует также слушать тех, кто утверждает, что польским крестьянам не делается никакой обиды, так же как ничего не делается против их воли, а напротив, с их согласия, ибо то длительное терпение, с помощью которого они выносили ярмо господ, показывает отсутствие с их стороны к ним неприязни. Держусь мысли, что не следует их слушать, так как крестьяне с этим добровольно согласиться не могут, а только под принуждением. Кто же не видит, что терпят они вопреки своей воле. То, что они так долго покорны своей судьбе, следует объяснить суровостью неволи, которая не позволяет несчастным людям свободно издать свой голос или стон. Поэтому их терпение не есть результат согласия со своей судьбой, а результат неумолимой необходимости, с которой, как говорили, и боги не будут бороться.

Главным образом не следует слушать тех, которые говорят, что польские крестьяне сами добровольно отдались в подданство своим господам и поэтому их положение по форме очень похоже на положение приписанных к земле римских невольников, статус которых я недавно рассматривал. Между тем эти люди, с точки зрения земли, никоим образом не попали в неволю к своим панам

в соответствующем значении этого слова, а, точнее сказать, заключили с ними соглашение аренды, или найма, или соглашение иного рода, не очень от их отличающегося.

Римские невольники, которых римляне называли приписанными, имели статус невольников до того, как были прикреплены к земле, а поэтому не переходили от состояния свободы к состоянию неволи, а только изменяли более тяжелый вид невольничества на относительно легкий. Ибо продавать свободного человека в неволю или привести его к такому состоянию каким-то иным способом не разрешалось многими народами, и у римлян право запрещало это.

Скажу, однако, как было дело и как я его понимаю: наши крестьяне находятся в таком положении, в каком у римлян были арендаторы⁴ на определенных условиях (*conditionales colon*)⁵, которые, как указывалось выше, обрабатывали поля за ежегодную оплату и не были к ним приписаны. До тех пор пока платили установленный чинш, до тех пор собирали с их полей урожай. Факт, что наши крестьяне свободные, кроме всего прочего подтверждается соглашениями, которые заключают они со своими панями. Те сдают в аренду поле определенных размеров за соответствующую плату. Крестьяне со своей стороны выплачивают определенные суммы и выполняют паням определенные работы за возделывание земли. На то, что крестьяне не постоянно прикреплены к этим полям, указывает свобода королевских крестьян, которым предоставлено право возделывать королевские поля столько, сколь долго они захотят. У шляхетских же крестьян господа силой отнимают подобную свободу, а не правом, ибо, как я отмечал, не может быть правом то, что противоречит Богу, справедливости и долгу. А то, что сказал, есть в согласии с правом и справедливостью.

Если же обратим внимание на то, что в действительности терпят от многих панов эти несчастные люди, пойдем, что находятся они в ужасной неволе: присвоили в отношении их право на жизнь и смерть не только паны, собственники обрабатываемых ими земель, а каждый шляхтич как хочет, так и посягает на их жизнь. Об этом известно даже чужим писателям. «Те, – говорит Боден⁶, – кого поляки кметами называют, вынуждены выносить ужасные вещи. Многие могут лишиться их жизни, и за это виновным угрожает лишь легкое наказание в виде десяти золотых штрафа. Их же собственные паны могут вообще делать это безнаказанно». Если бы их убивали только свои паны, а не всякие. Эти люди несчастнее принадлежащих панам собак! Потому что за убийство одного пса

(о, нравы!) они платили многими человеческими головами. Можно было бы привести множество примеров подобного рода. И никто в своем отечестве не является столь чужим, чтобы этого не знал, и нужно быть большим врагом правды, чтобы это отрицать.

Не говорю здесь о многих вещах, о которых следовало бы сказать, но двух вопросов никак нельзя обойти. Первое – это то, на что жалуется Ахацы Аксель из Гексхольма⁷, а именно на то, что несчастный плебс, с которым плохо обращаются паны, обременен такими тяжелыми и многочисленными работами, что в некоторых провинциях вовсе не имеет времени на познание принципов христианской науки. Отдельные недели крестьяне так заняты работой, по пять, шесть дней работают на панов, а о собственных делах заботятся только в воскресные и праздничные дни, трудясь в поте лица своего. Вторым является то, что многие из панов, пренебрежительно относясь равно как к правам божественным, так и человеческим, уже около 30 лет мучают и изнуряют своих подданных поборами до невыносимости. Выдумывая какие-то общественные соглашения⁸, которые якобы соединили панов с их крестьянами, вынуждают последних отдавать в отдельные годы половинные сборы меда, вырывая тем самым им внутренности и души. Всемогущий Бог, в отношении которого положение всех смертных одинаково, являясь Отцом и Сыном, заботясь о всех созданиях и желая дать наслаждение заслуживающим того и усладить горькую и тяжкую жизнь людей, своим благословением создал пчел, чтобы собирали мед в утешение и поддержку бедных. Неразумное создание пчелка, слушая божью волю, выполняет указание наполнять улья крестьян воском и медом. Человеческая жадность, зависть к беднякам за их божественное благословение придумала соглашение об общественной принадлежности меда, чтобы ложной правовой нормой прикрыть грабеж.

Если же кто, оставив название, изучит сам вопрос, легко увидит, что между жителями наших деревень и панами, вымогающими мед, не существует общественного согласия, потому как в соответствии с правовыми дефинициями таковым является соглашение, основанное на принципе согласия, в котором две или более стороны делят между собою вещи и труд, приносящие прибыль или убытки. В соответствии с этой дефиницией известно прежде всего, что не может существовать общественного соглашения там, где нет обоюдного согласия заключающих контракт. Согласие это является необходимостью как во всех делах и договорах, так и в общественных соглашениях, которые не только возникают,

но и держатся благодаря двустороннему согласию его заключающих. А если кто так впал в малолетство, что не знает о том, как крестьяне у нас очень неохотно отдают мед своим панам, принуждаются к тому под страхом. Отсюда вытекает, что паны несправедливо, огромной обидой и притеснением отнимают у них мед.

Далее, сама дефиниция показывает, что члены союза могут заключать между собой соглашения только тогда, когда общими являются вещи и труд, приносящие прибыль или убытки. В противном случае это был договор, полностью не соответствующий принципам общности, который правильно право и юристы называют львиным (звериным. – С. С.). Спрашиваю теперь: какие же вещи или какой труд делят паны со своими крестьянами, чтобы иметь общий доход с меда? Абсолютно никаких. Не являются общими ни улья, ни пчелы, ни труд. Разве что хотели бы признать за труд сам процесс измерения и изъятия меда. Бедняки делают улья за собственные деньги, пчел добывают или за плату, или даром. Трудятся при них сами, когда паны беспробудно спят.

Когда же однажды я за подобную аргументацию, основанную на праве, прижал в дискуссии так называемого теолога, который и сам был трутнем, пьющим чужой мед, и упрямо защищал претензии на получение меда на принципе договора об общественном согласии, тот, будучи не в состоянии вынести силы правды, сбежал на другую территорию. Он утверждал, что пчелы не являются исключительной собственностью крестьян, а в равной мере принадлежат панам, и даже более им, так как крестьяне добывают своих пчел на полях, лугах и в панских лесах.

Кто же не видит, сколь бессмысленный и глупый этот аргумент. Прежде всего очень редко крестьяне ловят пчел, а чаще приобретают их в результате покупки или приплода. Паны же, мало заботясь о том, забирают мед, невзирая на его источник. /.../

Другие, которые видели, что претензии на мед не могут быть защищены ссылками на общественные соглашения, пытаются обосновать их обычаем, давностью, правом, возникшим вследствие длительного употребления. Они, однако, не знают, что лишь тот обычай получает силу права, который находится в согласии с разумом, отцом всех прав⁹, в то время как применение негативных норм не является обычаем, а испорченностью. Так говорят теологи вместе с юристами. Далее, то согласно с разумом, что не противоречит ему и что не противоречит природному равенству и праву божьему. Напротив, кто судит справедливо, будет гово-

ритель, что требование поставок меда является установлением, противным и естественному и божественному праву. Ибо право божье запрещает несправедливость, угнетение бедных и обиды. Подобно естественное право не разрешает, чтобы кто-либо увеличил свое богатство за чужой счет, чтобы собирал, где не посеял, чтобы ел, кто не трудится, и появляется право, которое так далеко распространяется, что сами пчелки знакомы с ним и на этом основании заботятся о своем благе, так как «вооруженным строем защищают доступ к гнездам дармоедам трутням»¹⁰.

Есть и такие, которые, защищая поставку меда, называют это налогом. Но налог есть то, что должно идти в государственные кассы, что не может быть предписанием частных собственников. По этой причине в польском королевстве паны не вынуждают своих подданных к его уплате до тех пор, пока не будет решение сейма, более того, обложение налогами относится к компетенции короля. /.../

Отсюда каждый легко может заметить, что требование поставок меда, о чем шла речь, не только противно Богу и праву народов, а также разрывает узы, соединяющие человечество. Те, кто забирает эту утеху бедных, напоминают вырывающих бокал с напитком у людей, терпящих муки жажды. Против такой свирепости (ибо термин «бесчеловечность» слабый) не только я взялся за перо, но и до меня многие в проповедях использовали меч духовный, т.е. слово божье. Кричало в них духовенство так долго, пока одни не охрипли, а другим чужой мед не заткнул рот.

§ 10. Является ли труд невольников полезным для государства?

Если на основании учения философа¹¹ невольник является элементом не только полезным для дома, но и необходимым, вполне правомерным будет утверждение, что невольничество полезно и для государства и необходимо для доброй и счастливой жизни. Ибо благо всех складывается из блага отдельных частных домов. Только Боден, писатель политический великой мудрости, живо заметил, что от невольничьих услуг для государства больше зла и ущерба, чем добра и пользы. Так же как частному благу панов часто угрожают хитрости невольников, так и государство ввиду возбуждающего опасения числа невольников подвергается высшей опасности. /.../ Как много возникает зла для самих государств из-за невольников, указывают факты многочисленных с ними войн, о которых упоминают писатели, что даже римляне не смогла от них предохранить мощь Римской империи. /.../

Книга II. Общество

Глава II О причинах общества

§ 2. О материальной причине гражданского общества

Материальной причиной гражданского общества или материей, из которой создается эта общность, являются граждане. Кого же следует признать за гражданина? Среди авторов нет единства.

Боден считал, что гражданином является глава семьи, когда покидает дом, в котором осуществляет семейную власть и сходится с другими главами семейств, чтобы договариваться об общих делах и интересах. Тогда явно, говорит Боден, освобождается он от имени главы семьи и господина и как бы выходит из семейной общности для перехода в общность гражданскую. Гражданин, согласно Бодену, является не кем иным, как «свободным гражданином, признающим высшую власть другого». /.../

Данное им определение критикует Арнис¹², утверждая, что оно относится не к гражданину как гражданину, а только к гражданину как подданному, такой гражданин – это творение государства. Упоминание о власти, утверждает он, не должно упоминаться в определении, поскольку оно больше относится к понятию «подданный» и включает в себя оценку с точки зрения государства, а понятие «гражданин» должно этот фактор опустить. На этом основании гражданством пользовались бы и те подданные, которые не являются ими, как, например, горожане, которые являются свободными людьми и подлежат власти другого. Умолчу уже, что свобода, хотя и есть необходимое условие, не относится, однако, к сущности понятия «гражданин», а также, что это понятие скорее означает кого-то, находящегося в каком-то отношении к кому-то другому, и его нельзя определить через высшее родовое понятие, т.е. через категорию «человек».

Аристотель, который дает точную дефиницию гражданина, утверждает, что это понятие должно содержать в себе право и участие в голосовании. /.../

В этой части философа критикуют писатели. Защищает его, однако, уже цитировавшийся мной Арнис, утверждающий, что Аристотель говорит о гражданине, еще не подчиненном власти государства.

Петр Мешковский¹³ в своем сочинении «Polonus jure politus», имея намерение дать определение гражданина, говорит, что его не устраивают те дефиниции, «в которых определено знание граждан дается всем людям, живущим в данном обществе или в данном королевстве, или тем, кто происходит от свободных родителей и подтвержденных в шляхетстве. /.../ Правильнее всех высказывается Аристотель, который называет гражданами тех, кто обладает правом участия в управлении, происходит от свободных родителей, рожденных в свою очередь также от свободных (я же добавлю – и подтвержденных в шляхетстве)».

Не совсем понимаю, чего хочет этот автор. Отрицая среди других и те дефиниции, которые называют гражданами только тех, кто происходит от свободных родителей и подтвержденных в шляхетстве, провозглашает себя сторонником взглядов Аристотеля, для которого (пишет) гражданами являются те, что обладают в обществе правом на участие в управлении, происходят от свободных родителей, а также (дополняет автор) подтвержденных в шляхетстве.

В то же время Аристотель определяет как гражданина того, кто (если пользоваться его собственными словами) в данном государстве имеет право участвовать в собраниях и судах, определяет тем самым не гражданина монархического или аристократического государства, а только демократического. И сам он не желал, чтобы условием гражданства был привилей происхождения из семьи, имеющей право гражданства, только утверждал, что этого условия домогаются некоторые. /.../

Однако эта дефиниция Аристотеля, как верно заметил Боден, не может быть отнесена даже к демократическому строю, коль в афинском государстве, наиболее демократическом из всех, четвертое сословие, число которого в трехкратном размере превышало остальные, не было допущено к участию в отправлении судебных и государственных функций. Поэтому, кто хочет признать дефиницию Аристотеля, должен признать, что даже сами афиняне в своей республике, даже народной, вплоть до времен Перикла были чужестранцами. А если кто и далее стал бы упираться, что Аристотель в данном месте дал определение гражданина для каждого строя, не только для демократии, тому можно с легкостью ответить, что Философ в этом деле был очень скрупулезный. Это видно из того, что, по его мнению, как младенцы, еще не очень созревшие, так и старцы, из-за возраста освобожденные от публичных обязанностей, не должны быть названы «гражданами в собственном смысле», а только «как бы гражда-

нами». Добавлю, что если бы верной была эта теория Философа, то наши матери и жены в наименьшей степени были бы гражданами, так как женщины не имеют права голоса.

Что касается шляхетского происхождения, чего как условия настоящего гражданства добивается Петр Мешковский, то уже ранее отбросил это условие Платон, согласно которому государство состоит не из лекаря и лекаря, не из крестьянина и крестьянина, а из лекаря и крестьянина. /.../ Воистину гражданское общество является как бы живым организмом. И как живое существо, построенное хорошо и в соответствии с природой, состоит из определенных пропорциональных частей, последовательно упорядоченных, взаимно предоставляющих себе и целости свой труд, также и политическая общность, если будет хорошо устроена и в соответствии с разумом, создается из таких частей. Поэтому люди для получения необходимых им вещей соединяются, чтобы взаимно делать услуги. Ибо тем, кто стремится жить хорошо, требуется много вещей, которых в целом не могут обеспечить люди одного сословия. А те разные сословия, существование которых делает возможным взаимный обмен обязанностями и которые являются обязательными для сохранения жизни, представляют собой не что иное, как различные разнородные части политической общности.

Моим взглядам соответствует вывод Бодена, который использует подобные аргументы против Аристотеля. «Бессмыслицей является, – говорит он, – то, что пишет Аристотель, что лица шляхетского происхождения больше граждане, чем плебеи, и является это бессмыслицей не только применительно к афинской демократии, но также и к гельветам и к горожанам Страсбурга, где шляхта была отстранена от участия в управлении. Правильным является и мнение Плутарха о том, что гражданами считаются те, кто принимает участие в правах и привилегиях политической общности. Следует это понимать как участие в зависимости от возраста, пола, сословия и положения каждого, так что, например, лица шляхетского происхождения имеют участие в правах шляхты, а плебейского в правах плебеев». /.../

Поэтому наилучшей представляется дефиниция гражданина, которую дает Боден, утверждающий, что гражданином является свободный человек, подчиненный наивысшей власти другого. Неплохая равным образом дефиниция Арниса, согласно которой гражданин есть сотоварищ, стремящийся к тому, чтобы со своей семьей хорошо жить в обществе семей.

Глава V О справедливости

Справедливость, по свидетельству Цицерона, является свойством души, поскольку, соблюдая всеобщую пользу, она воздает каждому свое и с необыкновенным беспристрастием защищает товарищеский союз между людьми. /.../

Обязанностью правосудия, особенно учрежденного для наказания и защиты, является необходимость охранять честных и невинных, а нечестных и преступных преследовать обвинением, привлечением к судебной ответственности, следствием, обоснованием обвинения, приговором, наказанием. (Оно должно) санкционировать акты, соглашения, законы, официальные постановления, справедливые договоры, а также защищать их, объявив действительными, упразднить несправедливое; иметь возможность отменять или снижать долги; возвращать законным владельцам имущество и состояние; уничтожать фальшивые деньги; устанавливать меры и веса; справедливо решать тяжбы; воздавать каждому по заслугам; защищать интересы Родины, императора, магистратов, народа, граждан, своих и иностранных; воздавать должное заслуженным.

Далее, в государстве должно соблюдаться всякое право, а в особенности то, которое устанавливает награды добродетелям и наказания порокам. Ибо Ликург, Салон, Сократ, Пифагор¹⁴ и прочие знаменитые философы полагают, что ничто так не способствует благу и процветанию государства, как поощрение честных людей и наказание дурных.

Поэтому при допущении ошибки в этой области права правосудию лучше было бы обойти наградой хорошего человека, чем не взыскать с дурного. Потому что для хороших людей достаточно большой наградой является сама их добродетель, тогда как безнаказанность дурных – это всеобщая гибель.

Глава VII О законах

Закон, – как его определяет Соломон¹⁵, – есть свет и дорога жизни.

Как говорит святой Фома¹⁶, – это норма и мера, которым либо следуют, либо ими пренебрегают, а также предписание практического разума к руководству действиями людей.

Как говорят другие, закон является ревнителем высшей мудрости, блюстителем совестливости, источником воспитания,

творцом правосудия, изобретателем и знатоком честных нравов, правителем городов, вестником справедливости, учителем жизни и душой всего государства. Все книги мудрых восхваляют государственные законы, если они справедливы и сообразны с законами природы и высшего разума, если они немногочисленны и ясны для понимания. Чтобы осуществилось их назначение, каковым является благоденствие государств, законы недостаточно соблюдать на бумаге и в книгах, их надо применять на практике.

Далее (как говорят юристы), под постоянным контролем должны находиться все законы вообще, а особенно те, нарушение которых наносит государству самый большой вред; это – «Закон о расходах на роскошь», «Закон против фальшивомонетчиков» и им подобные. Однако, чтобы не говорить много (скажу): всеобщий опыт истории человечества свидетельствует о том, что весьма близко к гибели то государство, в котором нет никакой меры в еде, питье и одежде. Убедительным примером тому, насколько страдают от этого зла города Польской Короны, является город Вильно, в котором похоронены всякие навыки хозяйственности и бережливости, где тот же пресловутый колбасник щеголяет в шелковом платье, стоящем больше, чем все имущество простого человека, где жены грязных мастеровых платьями, цепочками, драгоценными камнями и прочими нарядами соперничают с убранством цариц, а отъявленные воры и подлецы позорят царскую порфиру и княжеский убор, где мелкие лавочницы и распутные женщины разъезжают в экипажах на виду у всей Рады.

Какова причина этого зла – это легко понять всякому, я же не дерзну говорить об этом. Только одного опасаюсь: если те люди, которые могут и должны искоренять чрезмерную роскошь, будут ей попустительствовать в своих государствах и впредь, как бы Бог, который противодействует чванливым людям, не предал надменные государства власти и жестокому рабству недругов, как делал раньше. Но об этом еkkлезиаст.

Книга III. О государстве

Глава I

Что такое государство?

Ученые мужи считают, что в любом исследовании прежде всего следует описать сущность и природу вопроса, ставшего предметом исследования. Делая в какой-то мере то же самое, привожу определение государства, сделанное мудрейшими людьми. Итак, государство – это союз людей, объединенных (общим) правом: 1) образовавшийся из множества поселений, 2) И созданный для хорошей и счастливой жизни. Это определение отличает государство и от шайки разбойников, и от семейной общности. Поэтому мы говорим, что государство – это союз людей, объединенных общим правом и созданный для хорошей и счастливой жизни. Подальше от него мы отодвинули собрание разбойников и пиратов, собравшихся не для хорошей, а для дурной и бесчестной жизни. Не должно быть никакого доверия к ним и никакого общего права с ними. /.../

Кроме того, при определении государства мы сказали, что для образования государства вышеназванные союзы должны состояться из множества поселений и никак иначе. Как показано, государство есть нечто противоположное дому и семье. Последние также являются некими общностями, однако образованными не из поселений, как государства, а из определенных лиц, а именно: из господина и невольника, мужа и жены, родителей и детей, живущих сообща или порознь. Существует также частная собственность, она называется имуществом и служит тому, чтобы семейство и все домочадцы жили вместе, взаимно трудились для удовлетворения необходимых жизненных потребностей. В такой общности главой семейства называется тот, кто является старшим и держит власть над остальными. Его супружеское руководство женой, отцовское – детьми, хозяйское – рабами называется домоустройством. И вот из такого рода семейств, из множества домов образуются деревни, а множество деревень сливается в общность граждан, которую мы называем государством.

Глава IX

Лучше ли, когда монархи наследственные или выборные?

§ 2. Даются аргументы в пользу наследственной монархии

Счастливейшим является государство, в котором наивысшая власть основана на принципе права наследования (за исключением случайности) и вручается одному мужскому потомку, имеющему первенство, вытекающее из старшинства по возрасту, чем то государство, где властелин выбирается голосами народа. Как примеры, наиболее бросающиеся в глаза, можно привести древнейшие от веков королевства, управляемые царствующими фамилиями, а именно: австрийцев, медов, персов, египтян, азиатов, портов, армян, турков, индусов, африканцев, татар, арабов, москвитян, англичан, шотландцев, галлов, франков, испанцев, перуанцев, нумидийцев, эфиопов. Более того, когда-то имели королей и греки: афиняне, спартанцы, жители Сикиона, Коринфа, Тэб, Эпира, Македонии. Также этруски и давние жители Лации в течение нескольких веков имели королей из правящей фамилии. Только сарматы и готы отдавали власть избранным. Воистину такое единодушие, существовавшее у многих столь известных народов в отношении того, чтобы отцовский престол наследовал сын, имеет силу какого-то очень полезного и благотворного закона.

Существенным здесь является возможность избежать серьезного вреда, который несут государства, где существует право голосования, а именно избежать вреда анархии. Ибо во время междуцарствия в республике будет отсутствовать власть, и она будет находиться в такой же опасности, как корабль в море, где нет рулевого, в одну минуту пойдет ко дну, если поднимется буря. А хотя бы и избежала она внешних опасностей, то остается для самоуправства наиболее необузданных и дерзких граждан, безнаказанно посягающих на имущество и жизнь невинных. Это зло тем губительнее, чем дальше из-за несогласия избирателей государство остается без власти. /.../

И нельзя найти на это зло соответствующего лекарства. А если бы какое и существовало, то им могло бы быть или назначение правителя, или передача власти сенату. Только те же самые споры, какие имеют место при выборе короля, появятся и при выборе правителя королевства. А если случится и согласный выбор, то кто же даст гарантию его словам, что не захочет он, если будет иметь возможность, захватить власть навсегда. Он получит военную защиту,

которую при необходимости сможет использовать. Отобрать ее вопреки его воле будет так же трудно, как у Геркулеса дубину.

Оставление власти в руках у сената опять же опасно, хотя бы потому, что монархический строй мог бы тотчас замениться на аристократический, ибо магнаты будут стремиться к власти через создание группировок и гражданские войны.

Упомяну и то, что часто выборы короля происходят не на основе суждений, а только через симпатии, купленные за деньги.

Кроме того, избранные монархи, т.е. те, которые знают, что их господство не является устойчивым и что не перейдет к их сыновьям, различнейшими способами заменяют общественное благо на частное, завоевывая на свою сторону чиновников обещаниями и деньгами.

Обращает на себя внимание также факт, что властелины, которые должны оставить королевства неизвестным преемникам, как правило, меньше заботятся об их сохранении и росте, пренебрегая всякими общественными делами, не заботясь об общественных дорогах, мостах, рынках, театрах, замках. /.../

Думаю, чтобы предотвратить такое зло, всем народам следует (а особенно полякам, хотя и никакая сила не может отобрать у них право выбора короля) в качестве кандидатов выдвигать королевских сыновей. Это разумное правило наследования поможет устранить причины гражданских и даже внешних войн.

Наконец, государству, избирающему монарха, наиболее грозит буря со стороны королевских сыновей, отстраненных от власти, особенно если они выделяются богатством и мужеством. /.../

Примечания

¹ Понятие «дом» Олизаровский рассматривает как социальную общность, включающую в себя отношения, связанные с возникновением и функционированием семьи, а также отношения между господином и его подданными. В таком значении это понятие нередко использовалось в античной литературе. Близким ему по значению является термин «двор».

² Право народов – отрасль римского права, сложившаяся на основе обычаев международного оборота и в процессе общения Рима с различными странами и народами. Содержащиеся в нем общие принципы правового регулирования политические мыслители нередко использовали, чтобы вывести общечеловеческие принципы справедливости.

³ Термин «поляки» Олизаровский использует в отношении всех жителей Речи Посполитой, равно как под «польскими крестьянами» понимает всех крестьян своего государства. Аналогично вместо термина «Речь Посполитая», как правило, пишет «польское королевство». Употребление разделенных обозначений двух составных частей государства – Короны Польской и Великого княжества Литовского для него не характерно. Тем самым Олизаровский придерживается традиции, установившейся в ино-

странной европейской литературе и практике того времени по отношению к Речи Посполитой и ее населению.

⁴ От латинского слова *sensio* – подать, налог, пошлина.

⁵ Договорный арендатор.

⁶ Боден Жан (1530–1596) – французский политический мыслитель, правовед и государственный деятель. Автор сочинения «Шесть книг о государстве» (1576), в котором отвергал мнение о божественном происхождении монаршей власти и защищал наследственную монархию, разрабатывал идею государственного суверенитета. Его идеи и взгляды имели существенное влияние на Олизаровского.

⁷ Личность не установлена.

⁸ Общественные соглашения или социальные контракты – неписаные договоры между различными социальными группами, в данном случае между крестьянами и их панями. Термин «общественный» («социальный») указывал на всеобщность этих соглашений. Как подчеркивает Олизаровский, представители господствующего класса стремились придать им характер юридической основы для взимания с крестьян поборов. Беспочвенность подобных формулировок и притязаний он и разоблачает.

⁹ Ссылка автора на «Кодекс Юстиниана».

¹⁰ Ссылка на римского поэта Вергилия.

¹¹ Философ – имеется в виду Аристотель.

¹² Арнис (Арнистас) Хеннинг (1580–1636) – немецкий философ и правовед. Автор трактатов по проблемам политики.

¹³ Мешковский Петр (1592–1648) – католический епископ, польский политический деятель и писатель консервативного направления.

¹⁴ Ликург – легендарный законодатель. Ему приписывают создание государственно-правовых институтов спартанского общества. Солон – политический деятель, социальный реформатор и законодатель древних Афин. Сократ – древнегреческий философ. Пифагор – древнегреческий философ и математик.

¹⁵ Соломон – израильско-иудейский царь. Ему приписывается авторство библейских книг: Экклезиаст, Притчи Соломона, Песнь песней; апокрифических: Премудрости и Псалмы Соломона.

¹⁶ Фома Аквинский – средневековый теолог и философ.

Портрет Л. Сапеги (XVII в.). *Неизвестный художник*

О Льве Сапеге (1557–1633)

Лев Иванович Сапега – выдающийся деятель и мыслитель Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, последовательно занимавший все крупные должности в белорусско-литовском государстве: секретаря Великого княжества Литовского (1580–1581), писаря (1581–1585), подканцлера (1585–1589), канцлера (1589–1623), виленского воеводы (1621–1633), великого гетмана (1625–1633).

Его отец – Иван Иванович Сапега, староста Дрогичинский. Мать – Богдана Константиновна Конопля – дочь одного из представителей белорусского княжеского рода Друцких-Соколинских. Родители Льва Ивановича были православными, их останки покоятся в Черейском православном монастыре.

Родился Лев Иванович Сапега 4 апреля 1557 г. в родительском имении в Островне. Получил домашнее образование, затем окончил Лейпцигский университет. По возвращении на родину привлек внимание короля Стефана Батория своими способностями, образованностью, блестящим знанием латыни. В 1580 г. назначен на должность секретаря Великого княжества Литовского.

Молодой Сапега принял участие в Ливонской войне, сформировав на свои средства полк конных гусар. Отличился в сражениях под Заволочьем, Великими Луками и Псковом. После заключения перемирия получил повышение – должность писаря Великого княжества Литовского (1581). В 1584 г. в составе посольства направился в Москву, где вел переговоры о мире. Во многом благодаря Сапеге они оказались успешными. Вернувшись домой, Сапега стал подканцлером (1585). В 1586 г. в возрасте 29 лет вступил в брак с дочерью люблинского каштеляна Доротой Фирлей.

В 1586 г. в Гродно внезапно скончался король Стефан Батория. В государстве остро встала проблема преемника. Большин-

ство феодалов Великого княжества Литовского высказывались за Максимилиана Габсбурга. Подканцлер Сапега с самого начала решительно поддержал кандидатуру сына Катерины Ягеллонки, сестры покойного польского короля Сигизмунда Августа и шведского короля Яна III Вазы. Наследник шведского престола вскоре был провозглашен польским королем и великим князем литовским под именем Сигизмунда III. Дальновидная позиция подканцлера обусловила последующий взлет его карьеры.

Все поступки Льва Ивановича Сапегы характеризовали его как незаурядного общественного и государственного деятеля. В 1581 г. по его инициативе был создан Трибунал Великого княжества Литовского – высшая судебная-апелляционная инстанция (в Польше подобного рода учреждение появилось лишь три года спустя). Под руководством Сапегы действовала комиссия по подготовке третьей редакции Статута Великого княжества Литовского, состоявшая из образованнейших белорусских и литовских юристов. К 1588 г. эта работа успешно завершилась. Выдающийся политический и правовой документ эпохи – Третий Статут Великого княжества Литовского был напечатан в типографии белорусских книгоиздателей братьев Мамоничей на средства подканцлера с его оригинальными и глубокими по мысли предисловиями. В них он выразил свой взгляд на общество и государство.

Как ренессансный гуманист, Сапега считал, что основная задача любой социальной структуры – гарантировать человеку безопасную материальную и духовную жизнь, свободное владение имуществом. Это возможно только в условиях правового общества и государства, в котором должен верховенствовать закон.

Король Сигизмунд III оценил по достоинству не только верность Сапегы, но и самоотверженное служение на общее благо. Он получил новые земли, а также право бессрочного владения всеми ранее пожалованными имениями.

Рожденный в православной семье, Лев Иванович Сапега первоначально придерживался веры своих предков. Однако, будучи студентом Лейпцигского университета, перешел в протестантизм (кальвинизм), а в 1588 г. в связи с усилением контрреформационного движения – в католицизм. Не последнюю роль здесь, по видимому, сыграли и соображения карьеры, поскольку через год, в апреле 1589 г., король назначил Льва Сапегу канцлером Великого княжества Литовского. До него эту должность занимал кальвинист князь Криштоф Радзивилл.

Одна из существеннейших особенностей канцлера – религиозная терпимость. Он никогда не был конфессиональным фанатиком, довольно свободно менял религиозные взгляды. Считать это беспринципностью было бы упрощением. Для Льва Ивановича Сапеги главенствующее значение имели социально-политические, моральные, духовно-культурные принципы, а не факт принадлежности к какому-либо вероисповеданию. Данное обстоятельство сближает Сапегу со Скориной, несмотря на временную дистанцию и различие в социальном положении.

Сапега никогда не был сторонником религиозного принуждения, а тем более преследования за веру. На склоне жизни католик Сапега, составляя завещание, не обошел вниманием православное духовенство. В частности, он писал, что все ранее подаренное им «русской церкви» должно оставаться нерушимым и находиться в распоряжении православных иерархов – митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси, а также архиепископа Полоцкого и епископа Луцкого и Пинского. В случае нарушения этого завещания грозил потомкам расправой на Страшном суде.

В 1600 г. Сапега возглавил посольство в Москву. В период рокоша (восстания) Зебржидовского стремился примирить шляхтичей с королем. Канцлер не поддержал авантюры Лжедмитрия I, но, когда между Речью Посполитой и Русским государством вспыхнула война, принял в ней участие, надеясь присоединить к Великому княжеству Смоленские и Северские земли. В 1616 г. война между Речью Посполитой и Россией возобновилась. Сапегу назначили советником-опекуном при молодом королевиче Владиславе. Канцлер приложил большие усилия для примирения воюющих сторон, в результате чего в 1619 г. было заключено перемирие, длившееся 14 лет, по которому к Речи Посполитой отошли Смоленск, Чернигов, Новгород-Северский. В 1621 г. Сапега стал виленским воеводой. Два года спустя со ссылкой на свой преклонный возраст попросил короля освободить его от обязанностей канцлера Великого княжества Литовского.

Есть основания отставку Сапеги связывать не только с возрастом. Она могла стать косвенным протестом против религиозной политики короля и наиболее реакционных церковно-феодалных кругов. Дело в том, что безусловным правом человека Сапега считал (по крайней мере до 1623 г.) право на свободный религиозный выбор. Он был сторонником инициированной Брестским церковным собором в 1596 г. церковной унии – объединения

православной и католической церкви. Сапега считал, что уния будет содействовать примирению представителей католического и православного вероисповедания. Однако, как мудрый политик, он был глубоко убежден, что перевод православных в униатство должен осуществляться лишь на добровольных началах.

Между тем в руководящих униатских и католических кругах владела жесткая линия. Был взят курс на форсированную и принудительную унизацию белорусского и украинского населения Великого княжества Литовского и Польши. В связи с этим резко усилилось недовольство среди православных людей всех сословий. Участились случаи открытого сопротивления, особенно среди белорусских горожан, в частности жителей Полоцка, Витебска, Могилева, Орши.

Опытному государственному деятелю нетрудно было предвидеть, к чему все это может привести. В 1622 г. Лев Сапега направил полоцкому униатскому архиепископу Иосафату Кунцевичу письмо, в котором предупреждал, что политика насильственной унизации неизбежно приведет к народному восстанию.

Это письмо – интереснейший документ эпохи, содержащий социально-философские идеи автора. В частности, Сапега утверждал, что религиозная терпимость есть основание всякого цивилизованного общества. Свободный религиозный выбор – одно из неотъемлемых прав человека. В обществе должны быть строго разграничены компетенции светской и церковной власти, причем приоритет должен принадлежать власти светской. Церковь должна соотносить свою деятельность с более высокими планами и задачами общества и государства, интересами общего блага. Сапега призывал Кунцевича к сдержанности, умеренности, христианской кротости и человеколюбию. Он напоминал пастырю, что Христос привлекал к своему учению любовью и добротой, а не насилем и принуждением.

Благоразумное предупреждение Сапеги не было принято в расчет униатским архиепископом. Преследования православных усилились, результатом чего стало восстание горожан Витебска (1623), во время которого Кунцевич был убит. По приказу короля и настоянию папы римского для расследования этого дела была создана специальная комиссия. Ее возглавил Лев Сапега. И здесь он уже действовал как суровый судья и защитник интересов своего класса. Решение суда было суровым: более 70 человек приговорены к смертной казни (правда, многие участники восстания успели

скрыться, поэтому казнили лишь 20 человек), остальные жестоко наказаны. Витебск лишили магдебургского права, т.е. права на самоуправление, и разрушили городскую ратушу.

Витебское восстание нанесло сильный удар по гуманистическим идеалам канцлера, которому, по-видимому, не без душевной боли пришлось смириться с суровой реальностью. Несомненно, что на решение Сапеги уйти с поста канцлера повлияла главным образом внутривитовская ситуация в белорусских землях Великого княжества Литовского, а не старость. Об этом свидетельствует и тот факт, что, когда началась война со шведами, королевское правительство вновь обратилось к услугам экс-канцлера. В 1625 г. Сапегу назначили великим гетманом и поставили во главе армии, защищавшей Ливонию от шведов.

Умер Лев Иванович Сапега 7 июля 1633 г. Похоронен в Вильно, в семейном склепе в костеле святого Михаила.

*Семён Александрович ПОДОКШИН,
кандидат исторических наук, доктор философских наук*

Соч.: Предисловие к Статуту Великого княжества Литовского 1588 г. // Лаппо И.И. Литовский Статут 1588. Т. II. Текст. Каунас. 1938; Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск, 1989; Ответ Льва Сапеги на письмо Иосафата Кунцевича 1622, 12 марта // Вестник Юго-Западной и Западной России. Киев, 1862. Год I. Т. I. Август. С. 65–79; *Läst Kanclerza Wielkiego Księstwa Litewskiego Lwa Sapiehy do Abpa Jozafata Kuncewicza z 12.III.1622* // *Zychewicz T. Josafat Kuncewicz. Kalwaria zebrzydowska, 1986. S. 159–176.*

Лит.: Короткий В.Г. Творческий путь Мелетия Смотрицкого. Минск, 1987; Падокшын С.А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага. Мінск, 1990; Кулиш П. Из истории западнорусской церкви: два отступника – Кунцевич и Смотрицкий // Чтение в обществе любителей духовного просвещения. М., 1877; Гаворский К. Иосафат Кунцевич, полоцкий униатский архиепископ // ВЮЗЗР. Киев, 1862. Год I. Т. I. Июль – август; Письмо папы Урбана польскому королю Сигизмунду III 10 февраля 1624 г. // ВЮЗЗР. Киев. 1862. Год I. Т. I. Август. С. 85; Sapiehowie. *Materialy historyczno-genealogiczne I majatkowe, wydane nakladem rodziny.* T. I. Petersburg, 1890.

Зварот Льва Сапегі да ўсіх станаў Вялікага Княства Літоўскага

Пераклад: Іван Васільевіч Саверчанка, доктар філалагічных навук, прафесар.

Усім станам Вялікага Княства Літоўскага Леў Сапега, падканцлер Вялікага Княства Літоўскага, стараста слоніmsкі, маркоўскі і мядзельскі, пакорлівыя і зычлівыя службы свае ахвярую.

Заўважалі тое ўсіх вякоў мудрыя людзі, што ў кожнай рэчы паспалітай чалавеку прыстойнаму нічога не можа быць даражэй за вольнасць. А няволяй так мусіць гідзіцца, што не толькі скарбамі, але й смерцю самой яе ад сябе адганяць павінен. А таму ўсе людзі прыстойныя не толькі маёмасць, але і жыццяў сваіх супраць кожнага непрыяцеля выносіць не шкадуюць, каб пад іх жорсткае панаванне не трапіць. Каб вольнасці сваёй пазбаўлення, паводле волі і разумення чужынцаў не мусілі жыць.

Але ўжо мала таго, каб чалавек не быў у няволі знешняга непрыяцеля, а дамашняга непрыяцеля над сабой трываць мусіў. Таму той муштук або вудзіла дзеля стрымлівання кожнага нахабніка вынайджэння. Каб баяўся закону, усялякага гвалту і свавольства пазбягаў. І над больш слабым і горшым не здэкаваўся, а таксама не мог прыгнятаць яго. Бо для таго законы ўстаноўлення, каб багатаму і моцнаму не ўсё было вольна рабіць. Як гаварыў Цыцэрон: «Становімся нявольнікамі законаў для таго, каб свабоды ўжываць маглі».

Калі чалавеку прыстойнаму нічога няма даражэй за тое, каб у Айчыне сваёй бяспечна жыць, не баючыся, каб яго добрай славы не зганьбілі, целу ды здароўю не прычынілі шкоды, каб не маглі пакрыўдзіць яго на ўласнай маёмасці, тады толькі праву, а не чаму іншаму, павінен быць адданы. Дзякуючы законам, чалавек абароне-

ны, аніякага прымусу, знявагі і крыўды не церпіць. Бо мэта і сэнс усіх законаў на свеце, каб кожны добрую славу сваю, здароўе і маёмасць захоўваў у цэласці, ва ўсім гэтым аніякіх страхав не меў.

Нашая вольнасць, якую мы хвалім сярод іншых народаў хрысціянскіх, у тым, што маем гаспадара, які пануе не паводле волі сваёй, а паводле права нашага. І як славай добрапрыстойнай, гэтак жыццём і маёмасцю вольна карыстаемся. Бо калі б нехта ў тых трох рэчах нас пакрыўдзіць наважыўся і паводле свайго капрызу, а не паводле законаў нашых, звысіўся над намі, той быў бы не панам нашым, а скажальнікам правоў і вольнасцей нашых. Мы пры гэтым мусілі б быць яго нявольнікамі.

І слушна за праўду маем, за што дзякуй Пану Богу, што пры панаванні каралёў іх міласцей і вялікіх князёў, гаспадароў нашых, тую ўладу і вольнасць у руках сваіх маем. Творачы права самі сабе, найлепш можам вольнасці свае ва ўсім захаваць, бо не толькі сусед ці просты абывацель у Айчыне, але і сам гаспадар, пан наш, аніякай тыраніі над намі ўжываць не можа, адно толькі столькі, колькі яму права дазваляе.

Таму, маючы такі скарб у руках нашых, каторы нельга купіць ні за якую суму, належыць кожнаму прыстойнаму чалавеку ведаць пра яго. Каб быў добра абазнаны, сам сябе і жарсці свае стрымліваў, дзейнічаў паводле пісанага права і нікога не крыўдзіў. Калі б быў кімсьці пакрыўджаны, каб ведаў, дзе мусіць шукаць абароны і лекаў у крыўдзе сваёй.

Як адзін сенатар рымскі другога караў за тое, што права Айчыны сваёй не ведаў, гэтак і кожны наш абывацель заслугоўвае дакору за тое, што вольнасцю сваёй выхваляецца, а законаў сваіх умець і разумець не хоча, тых законаў, якія вольнасці яго дазваляюць захоўваць.

Сорамна народу не ведаць сваіх законаў, асабліва нам, бо не на чужой якой мове, а на сваёй уласнай маем пісанае права! І кожнага моманту, пры патрэбе даць адпор усялякай крыўдзе, мусім ведаць права.

А паколькі паўставалі немалыя цяжкасці ад таго, што не кожны мог мець Статут з-за доўгага перапісвання, тады, кіруючыся патрэбамі кожнага абывацеля і служачы на карысць Рэчы Паспалітай, наважыліся тую працу на сябе ўскласці. і, не шкадуючы кошту і накладу свайго, той Статут у друк падаў. Тым самым дарогу зручную і лёгкую да спасціжэння права кожнаму пратарыў. Кожны, хто захоча, зможа мець яго ў руках сваіх.

Прашу вашу міласць, дазвольце тую працу ад мяне ўдзячна прыняць. Маючы вольнасці свае, добра замацаваныя правам, таго

сперажыцеся, каб да судоў і да трыбуналаў не толькі людзей добрых, але і ў праве нашым глыбока абазнаных выбіралі, якія баяцца Пана Бога, і цнатлівыя, якія б не для карысці сваёй, а на шкоду блізкаму дзеля прагнасці сваёй і дзеля падарункаў права не перакручвалі. Але простым парадкам ідучы, святую праўду і справядлівасць зберагалі. І тую вольнасць, якой гэтак цешымся, цалкам нам захавалі.

З тым братэрскай ласцы міласці вашых міласцей даручаюся.

Прамова Льва Сапегі на Берасцейскім царкоўным саборы 1596 года

Пераклад: Іван Васільевіч Саверчанка, доктар філалагічных навук, прафесар.

Паколькі Усемагутны Пан Бог з’яўляецца пачаткам і крыніцай усялякай згоды і міласці, таму богабаязныя і разумныя людзі шануюць адзін аднаго ў згодзе і лучнасці, якая ёсць маткай усялякага добра.

Яго міласць кароль быў надта рады вашай дамове, пра якую вы паведамілі яму тры гады таму. Мітрапаліт і ўсе епіскапы на той момант дасягнулі згоды, у тым ліку і вашае міласці – епіскап львоўскі і епіскап перамышльскі. Аб гэтым красамоўна сведчаць подпісы вашых уласных рук пад супольнай пастановай.

Вы заяўлялі, што падданыя яго міласці караля – людзі грэчаскай веры – хочунь аб’яднацца з католікамі, вярнуцца пад уладу адзінага пастыра, не жадаючы надалей дапамагаць новым грэкам – царградскім патрыярхам, адступнікам і адшчапенцам.

Кароль нікога аніякім чынам не схіляў да такога рашэння, не падгаворваў, а тым больш – нікога не прымушаў. Ён сапраўды быў вельмі ўсцешаны, бо праз лучнасць веры шмат людзей станавілася на шлях збавення, пашыралася хвала Богу, умацоўваліся згода і адзінства ў гаспадарстве яго каралеўскай міласці, на чым трымаюцца ўсе дзяржавы.

Яго міласць кароль ведаў, што пра лучнасць людзей хрысціянскай веры на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў надта стараўся кіеўскі вявода (Канстанцін Астрожскі. – *I. С.*), які цяпер тут з намі сядзіць. Праз вялебнага айца Пасевіна ён звяртаўся да Папы Рымскага Грыгорыя XIII, просячы яго, каб згода шчасліва здзейснілася.

Кароль памятаў на тое, што яго продкі – колішнія каралі спрыялі адзінству, здзейсненаму на Фларэнційскім саборы, рашэнні яко-

га распаўсюджваліся на іх гаспадарствы. Таму яго міласць кароль лічыць за вялікую паслугу Пану Богу і ўсёй дзяржаве – ажывіць і абнавіць тую святую і выратавальную лучнасць.

Калі справы пайшлі далей, а паслы айцоў епіскапаў ужо вярнуліся з Рыма, пан кіеўскі ваявода на мінулым сойме вельмі прасіў караля спрыяць уніі, абяцаючы са свайго боку дапамогу хрысціянскай згодзе. Яго міласць кароль ласкава дазволіў здзейсніць унію паміж Касцёлам і Царквой.

Калі прайшоў пэўны час, а прыхільнікі лучнасці не змаглі ў вызначаны тэрмін і ў акрэсленым месцы завяршыць распачатую справу, кароль зноў пайшоў насустрач жаданню кіеўскага ваяводы і даў чарговы дазвол на скліканне сабора.

Больш за тое, калі набліжаўся час правядзення сабора, пан кіеўскі ваявода за некалькі тыдняў да пачатку накіраваў да караля паноў Мацея Малінскага і Лаўрына Дрывінскага, якія перадалі каралю яго сардэчную ўдзячнасць за дазвол на скліканне сабора. Праз тых сваіх паслоў кіеўскі ваявода прасіў аб чатырох рэчах.

Першае, каб ніхто не прыязджаў на той сабор узброеным і ў атачэнні жаўнераў. Каб падчас сабора ўсё адбывалася без прымусу і гвалту, у спакоі і бяспецы.

Другое, каб на сабор свабодна мог прыехаць кожны чалавек, незалежна ад веры.

Трэцяе, каб на тым саборы мог прысутнічаць Нікіфар Грэчын, якога злавілі з Розванам у Валахія, а ён уцёк з палону з Хоцінскага замка.

Чацвёртае, калі на саборы не будзе дасягнута паразуменне па якім-небудзь з пытанняў, каб тыя прэрэчанні можна было вынесці на абмеркаванне сойма.

Яго міласць кароль накіраваў кіеўскаму ваяводзе пісьмовы адказ, замацаваўшы сваё рашэнне пячаткай.

На першую просьбу кароль не толькі даў поўную згоду, але і распарадзіўся, каб на саборы ўсё адбывалася ладам, спакойна, прыстойна, усе адчувалі сябе ў бяспецы. З гэтай мэтай ён і накіраваў уласных паслоў на сабор.

Другую просьбу яго міласць кароль не задаволіў. Ён патлумачыў, што паколькі сабор склікаецца дзеля паразумення праваслаўных з католікамі, то людзям іншых веравызнанняў няма чаго рабіць на ім.

На трэцюю просьбу кароль таксама не даў згоды. Ён растлумачыў, што Нікіфар прывёў з Валахія Розвана, падтрымліваў тайныя стасункі з туркамі, чым наносіў вялікую шкоду ўсяму каралеўству

і ўсёй Рэчы Паспалітай. Таму засядаць разам з ім на саборы, а тым болей вырашаць царкоўныя справы, анікому з падданных яго каралеўскай міласці не варта.

Чацвёртую просьбу кіеўскага ваяводы яго міласць кароль гэтаксама адкінуў. Ён давёў, што сабор і сойм – дзве розныя рэчы. На соймах не павінны разглядацца духоўныя пытанні, сойм не можа выносіць прысуды па духоўных справах.

І вось цяпер на гэтым саборы мы назіраем непарадак і супраціўленне волі і рашэнням яго міласці караля.

Тыя асобы, што настойліва прасілі аб скліканні сабора, адступілі ад яго раней, чым ён пачаўся.

Не ведаем, якім духам і з якімі думкамі вы прыехалі сюды, ваша міласць кіеўскі ваяводзе, – з гэтакім початам, з узброенымі пешымі жаўнерамі і коннікамі. Вы ж самі заракаліся чыніць падобнае! Вы давалі пісьмовае абавязацельства, за подпісам вашай уласнай рукі і некаторых вальнскіх шляхціцаў, перадаўшы яго праз пана Малінскага яго міласці каралю! Каго тым войскам вы напалохаць хочаце? Гэта вы так трымаецеся вашага слова? Дзе ваша прыстойнасць? Дзея братэрскай дамовы, а не на вайну сюды з'ехаліся! На сабор, а не на непрыяцельскія граніцы! На згоду, а не на зваду!

Калі вы хочаце застрашыць айцоў епіскапаў, біскупаў і іншых духоўных асобаў, перашкодзіць ім вольна абмяркоўваць духоўныя справы і выносіць царкоўныя пастановы, дык мы вам таго не дазволім! За нашых духоўных пастыраў мы гатовыя скласці ўласныя галовы!

Мы паверылі вашым словам і просьбам, прыехалі з пакорлівасцю, як належыць прыязджаць да Божай царквы. На саборы, дзе пануе Святы Дух, дзе святыя епіскапы, Божыя слугі, засядаюць і радзяцца, шукаюць ісціну, дбаюць пра спакой і карысць Божай царквы, – нельга дапускаць аніякага прыніжэння і знявагі!

Лепей бы вы не прасілі яго міласць караля ні аб чым! Не падманвалі яго і нас. Вы, просячы аб міры, прыехалі нібы на вайну!

Вы падбуртваеце вашых людзей да беспарадкаў!

Вы не размаўлялі, не дыскутавалі, урэшце, нікога не пыталіся, а адразу склікалі ўласную сходку, учынілі раскол і падзел!

Вы правялі недазволены і супрацьпраўны сойм, абралі на ім маршалка, чым зняважылі вярхоўную ўладу яго міласці караля! Менавіта кароль прыслаў нас сюды, каб мы забяспечвалі парадак і спакой, ажыццяўлялі маршальскія абавязкі!

Вы дапусцілі да сябе не толькі людзей рознай веры, але і ненадзейных і падазронных асоб. І што яшчэ горш – галавой вашай гра-

мады вылучылі Нікіфара Грэчына, якога пераследуе яго міласць кароль! Той Нікіфар нядаўна ўцёк з вязніцы, абвінавачваецца і ў злачынных сувязях з туркамі і непрыяцелямі дзяржавы. Ён паклёпнічаў на караля, абражаў яго, чаго ніхто з вас, як падданных яго міласці караля, не павінен быў цярапець!

Вашая сходка не толькі не можа быць названа саборам, але нават і шляхецкім соймакам, бо і яны збіраюцца толькі з дазволу караля! Яна інакш і назвацца не можа, як толькі праявай непаслухмянасці, супраціўленнем ураду, пастаўленаму Богам! Святое Пісанне прыраўноўвае гэтакі грэх да пакланення ідалам.

Сапраўдны сабор склікаў мітрапаліт, а не Балабан і Капысцінскі!

Месца сабораў – у цэрквах і касцёлах, а не ў гасподах і шынках, памазаных ерэтызмам!

Узганарыліся вашымі духоўнымі аймамі, дадзенымі вам Богам, праз вашых паслоў выказваецца толькі ім паслушэнства! А гэтых наважваецца пазбавіць сану, скінуць з мітраполіі і з епіскапстваў! Адкуль, з якой нагоды прысвойваецца царкоўную і каралеўскую ўладу? Вы такія ж свецкія людзі, як і мы! Аніякай духоўнай моцы і ўлады, без вышэйшага дазволу і адабрэння, вы не можаце прысвойваць сабе!

Сабор – гэта трыбунал для ўласна духоўных спраў, на якія не распаўсюджваюцца свецкія законы і каралеўская ўлада. Мы чулі, як ваш грэчаскі святы Афанасій назваў антыхрыстам імператара Канстанціна, які хацеў паўплываць на рашэнні епіскапскіх сабораў. Святы Афанасій граміў Канстанціна, указваў яму, каб ён займаўся ўпарадкаваннем дзяржавы, гарадоў і замкаў. Каб ён не прысвойваў сабе права выносіць прысуды па справах, якія знаходзяцца ў кампетэнцыі святароў, прызначаных Богам. Калі гэтакія словы гаварыліся манарху над усім светам, дык што б ён сказаў каму-небудзь з вашых міласцяў!

Яго каралеўская міласць дае згоду на прызначэнне царкоўных іерархаў як найвышэйшы ўладар і абаронца. Той, хто хоча іх турбаваць без ведама караля, замахваецца на ўладу большую, чым тая, якой валодае манарх.

Патрыярх Ерамія, калі быў тут і хацеў замяніць епіскапаў, прасіў дазволу яго міласці караля. Вы ж, з'яўляючыся падданымі яго каралеўскай міласці, здымаеце епіскапаў, чым ставіце сябе вышэй за караля. Але ж вы не маеце аніякай духоўнай улады на гэта. Памятайце, куды вядзецца сябе і іншых разам з сабой!

Ускладаеце вялікія грахі на сваіх старшых – мітрапалітаў і епіскапаў! Яны шукаюць згоды, хочучь хрысціянскай лучнасці, прагнуць паразумення з лацінянамі, вызваляюцца ад Царградскага патрыярха! І за гэта губляюць свой сан і пасады ад вас! Калі гэта грэх, нязгодных – злучаць, усталёўваць хрысціянскую міласэрнасць, мацаваць спакой Хрыстовай Царквы і Касцёла, весці душы да выратавання, дык узнагародай і дабрачыннасцю будзе – сеяць непаразуменне паміж братамі, раздзіраць рызу Хрыстову, разбураць адзінства яго вучняў і чыніць усё злое!

Але што на свеце можа быць больш прыемным Богу, карысным дзяржаве і людзям за адзінства, згоду і супольную міласэрнасць! Акурат згоду Хрыстос заповедваў нам сваім тэстаментам. Ён загадваў і папярэджваў, калі не будзем мець яе – не павінны называцца яго вучнямі! Хто ад згоды і лучнасці Хрыстовай Царквы ўцякае, пра яе паўсюль, дзе можна, не дбае, – той не можа называцца ані хрысціянінам, ані вучнем Хрыстовым.

Чым жа мы, католікі, гэтак брыдка вям, што вы моцна гневаецеся на вашых старшых, якія хочучь саюзу з намі? Нібыта аб'ядноўваюцца з ерэтыкамі, да іх праклятых аблудаў прысталі! Відаць, ім бы вы дзякавалі. Найперш, вы быталіся, чаму адступаюць ад царградскіх патрыярхаў. Варта было б нам прывесці прыклады са Святога Пісання, з твораў святых айцоў – усходніх і заходніх, з канонаў і правілаў святых сабораў, з вашых рускіх (праваслаўных) пісанняў аб тым, што ніхто не можа быць выратаваны, хто не застаецца ў царкоўным адзінстве.

Як вядома, Пан Бог паставіў пастырам над усімі авечкамі святога Пятра і яго наступнікаў. Калі ж хто не слухае іх, той не з'яўляецца авечкай Хрыстовай. Ад пачатку святой Царквы, з часоў апосталаў, Рымскі біскуп як пераемнік святога Пятра меў і мае вярхоўную ўладу над цэрквамі ўсяго свету. Вы ж самі ў вашых літургіях і абеднях падчас Божай службы заўжды просіце пра аб'яднанне веры. А цяпер, калі Пан Бог, дзякуючы вашым малітвам, пасылае тое аб'яднанне, – вы пагарджаеце ім.

Мы маглі б прывесці са Святога Пісання неабходныя доказы, на якія б вы не змаглі нічым запырэчыць. Вам цяпер іх могуць прадставіць нашыя духоўныя айцы, калі вы жахадаеце весці з імі размовы і дыскусіі на гэты конт. Яны ўжо падрыхтаваліся і дзеля гэтага некаторыя з іх прыйшлі сюды разам з намі.

А тое, што епіскапы адступаюць ад царградскіх патрыярхаў – слухна гэта робяць! Бо царградскія патрыярхі адступілі ад Бога,

ад праўды і ад адзінства Божай Царквы. Яны або не хочучь ісці да згоды, або з-за турэцкай няволі – не могуць. Для іх – загінуць, а згоды і хрысціянскага адзінства не жадаць – было б вялікай бязбожнасцю і глупствам.

Тыя царградскія патрыярхі і епіскапы – надта сапсаваныя, прыніжаныя і Панам Богам праклятыя. Аб гэтым вам не складана дазнацца. Як вы дакладна ведаеце, ніводзін з царградскіх духоўных айцоў не можа заняць пасады без святакупства. Кожны з іх мусіць купіць у турка тое месца. Каго турак вызначыць на пасаду, той яе і зойме. А ён не прызначае, пакуль яму добра не заплочыць. Такім парадкам, аніводзін з царградскіх патрыярхаў не з’яўляецца сапраўдным і законным духоўным пастырам. Бо, паводле Божых і царкоўных законаў, кожны святакупца і сыманіяус губляе грошы і пазбаўляецца царкоўнай пасады, якую ён купіў.

Царградскія патрыярхі праклятыя Богам, бо яны адзін аднаго скідваюць з пасадаў, заплаціўшы туркам грошы. А часам здарэцца, што там існуюць тры ці чатыры жывыя патрыярхі! Гэтак пералюбніца мае трох мужоў, чужаложніца жыве з чужаложнікамі! Духоўныя асобы – патрыярхі, манахі і ігумены там бесперастанку турчаць і басурманяць, валочацца па іншых краінах, знаходзяць там хрысціянаў і заражаюць іх. Яны даходзяць і да Рускіх краёў, падрабляючы пячаткі патрыярхаў. Бо жывыя яшчэ тыя залатары, якія дапамагалі ім падрабляць пячаткі.

Знойдзецца і яшчэ мноства грахоў, за якія іх праклялі папы рымскія, бо ім святы Пётр перадаў моц царкоўных ключоў. Вялікі грэх царградскіх патрыярхаў і епіскапаў – упартасць і адшчапенства. Ім карысней было б не ўцякаць ад рымскіх пастыраў, а ісці следам за імі. А яны, наадварот, выяўляюць падкрэсленую нядбайнасць пра ўласнае выратаванне.

Вашы старшыя дбаюць пра сябе і пра вас, не да злога паказваюць вам шлях, а да вечнага выратавання, якога не можа быць без згоды і царкоўнага адзінства. Гэтаму вашыя духоўныя айцы вас могуць навучыць шырэй. Мы ж на вас скардзімся Богу за тое, што вы прысвойваеце ўладу і суды, якія належаць вашым старшым. Іх, нікім не асуджаных, вы хочаце без суда і права праклінаць! Гэтыя дзве рэчы – беспадстаўныя і несправядлівыя. Яны называюцца тыранствам і бунтам.

Калі вас паслухаць, дык вы ўсе нібыта правыя, усе важныя, абараняеце людзей розных рэлігій. Але толькі не аберагаеце грэчаскага набажэнства. Разбураеце праваслаўныя храмы, пакідаеце іх

пустыми! Не баіцеся ўцякаць да новахрышчэнства (арыянства) ды іншых ерасей. Чаму ж вы не дазваляеце вашым старшым пакараць вас за аблуднасць?

Вы бароніце канфедэрацыю, якая дэкларуе, каб ніхто не быў пакараны за веру, а самі прагнеце пакараць іншых. Хочаце скінуць з духоўных пасадаў тых, якія ідуць не да нейкай ерасі, а да грунтоўнай праўды і чыстай крыніцы Хрыстовай навукі. Ці ж не супраць сваёй уласнай канфедэрацыі чыніце?

Вас не трывожыць тое, што адступаеце ад Грэчаскай рэлігіі. А тыя духоўныя айцы ўмацоўваюць яе. Дасягаючы адзінства, яны нічога не адмяняюць – ані веры святых грэчаскіх старых айцоў, ані цырымоній і службаў царкоўных, ані звычаю набажэнства ва Усходний Царкве.

Чаму ж вы іх за гэта пакараць хочаце, а самі за сваё адступніцтва аніякага пакарання не хочаце мець? Яны – вашы старшыя і якраз маглі б пакараць вас за вашу шкодную навуку і злыя ерасі. Бо ім дадзена такое права і ўлада. Яны – пастыры, а вы – авечкі! Яны – гаспадары, а вы – падданыя. Пан Бог загадаў вам браць навуку з іх вуснаў, ва ўсім слухацца іх.

Таму просім вас, вярніцеся да абачлівасці і розуму, не перашкаджайце правядзенню сабора, адмаўляйцеся ад антызаконных сходак і ідзіце ўсе да царквы, дзе сабраліся епіскапы і духоўныя айцы – сапраўдныя Божыя слугі! Слухайце, як нашыя старшыя будуць радзіцца пра нашае збавенне!

Яны маюць адказнасць перад Панами Богамі, а мы не памылімся, калі паслухаем іх навукі, бо яны маюць пры сабе настаўніка, абыцанага Хрыстом, магістра праўды – Святога Духа!

Яны маюць святога айца, пастыра над усім светам, дабраславенне святога Пятра і яго ўладу!

Яны маюць святых і вучоных епіскапаў! Маюць старажытных настаўнікаў Грэчаскай веры і ўсе высновы праўды!

Не лічыце, што духоўныя айцы з'ехаліся сюды, каб усталяваць новую веру. Унія нічога новага не стварае. Аніякіх змен у Грэчаскую Царкву і Каталіцкі Касцёл не ўносім! Згоды хочам, міласэрнасці прагнем!

А вы, два мізэрныя ўладыкі і ўсе папы! Няўжо не бачыце, якое зло чыніце? Вы з'ядналіся з ерэтыкамі. Не толькі засядаеце на іхніх нарадах, скіраваных супраць Святога Пісання і Божай волі! Слухаецеся іх парадаў, нябачна служыце ім. Не хочаце слухацца старых і прававерных хрысціянаў, а слухаецеся аблудных! Не прымаеце Божай праўды, давяраеце хлусні! Лічыце іх за над-

зейных прыяцеляў. А яны ж толькі ў адным Навагрудскім ваяводстве спустошылі 650 цэркваў і Божых службаў у іх! Там налічвалася больш за 600 шляхецкіх дамоў, дзе спавядалі Грэчаскую рэлігію, а засталася ледзьве 16, ці і таго меней. Астатнія адышлі да ерэтычнай новахрышчэнскай заразы!

Яны называюць сябе вашымі сынамі і паслушнікамі. Але калі вы спытаеце іх, як яны вераць, дзе спавядаюцца і прымаюць сакраменты, яны пакажуць вам воўчыя зубы, разарвуць вас і вашых авечак на кавалкі.

О, слепата ваша! Вы хіліцеся да тых, хто нішчыць вас, вашу веру і вашыя цэрквы! А бяжыце ад тых, якія хочуць захаваць вас у цэласці і абараніць!

На вас, дабраслаўных рыцараў, скардзімся. Бо чыніце вялікі грэх супраць Бога і яго памазанніка. Выяўляеце непаслухмянасць перад Панам Богам, сееце варажнечу паміж братамі, выступаеце як непрыяцелі згоды і міласэрнасці, не хочаце ведаць аб праўдзе і vyrатавальных шляхах, пагарджаеце вашымі духоўнымі айцамі, разрываеце саборы, не зважаеце на караля і яго мандаты.

Як гэта ўсё можа быць даравана вам? Напэўна, Пан Бог ускладзе на вас помсту. Хоць бы не такую, дзе і мы апынімся далучанымі да вашых грахоў.

Сведчым перад Богам нашым, што не жадае вашай крыві і згубы. Але мы, выконваючы даручэнне караля, братэрскімі ўгаворамі і разумнымі довадамі заклікаем вас да міласэрнасці і згоды дзеля Божай Царквы, у якой вы знойдзеце вечнае vyrатаванне. Вы зробіце дабро і захаваеце адзінства Рэчы Паспалітай (дзяржавы), якая найбольш трымаецца згодай і міласэрнасцю грамадзян. Вы акажаце ёй вялікую паслугу, а пры ёй – захаваеце сябе, вашы дамы і вашых дзетак праз Божае дабраслаўненне.

Глядзіце, каб вашыя разбуральныя дзеянні нашкодзілі соймакам, не прынеслі шкоды абароне ад турэцкай агрэсіі, якая над намі вісіць. Каб з-за вас усе мы не трапілі ў турэцкую няволю, разам з грэкамі-адшчапенцамі і іншымі ерэтыкамі.

Письмо канцлера Великого княжества Литовского Льва Сапеги архиепископу Иосафату Кунцевичу от 12.III.1622

Публикуется с незначительными сокращениями по тексту, помещенному в книге: Zychiewicz T. Jozafat Kuncewicz. Kalwaria zebrzydowska, 1986. S. 159–176. Перевод с польского С.А. Подокшина. Ранее письмо публиковалось полностью и частично в ряде дореволюционных русских и польских изданий. См.: Encyklopedia Powszechna. T. 22. Warszawa, 1866. S. 933–935; Bibliografia Polska K. Estreichera. T. XXVII. Kraków, 1929. S. 112–114.

Преподобный в Боге отец архиепископ Полоцкий!

1. Мне не доставляет большого удовольствия вступать с Вашей милостью в спор, однако вижу, что Ваша милость продолжает упорно настаивать на своем. Ваше мнение не могут поколебать никакие доводы, однако, чтобы Ваша милость не праздновала триумф, чтобы не получилось так, будто мое молчание означает согласие с Вами, рад не рад, но я должен ответить на Ваше письмо.

Это правда, что я сам являюсь автором унии, я от этого не отказываюсь, но я не мог предполагать, что Ваша милость будет обращать людей в унию насильственными действиями, между тем как сам Господь Бог призывает к себе всех следующим образом: придите ко мне все и т.д. Однако он не принимает слуг, которых ему доставляют путем принуждения и насилия. Ведь это Ваша милость вынудила московский народ к возмущению и отказу от присяги Его Высочеству Королевичу. Вам будет трудно это отрицать, ибо письмо от них к панам и радам Короны и Великого княжества Литовского свидетельствуют об этом.

Во время татарской экспедиции я обращался к Вашей милости, призывая сохранять мир в обществе. Совет этот выражала следую-

щая поговорка: напрасно сражается войско на поле боя, если в стране нет согласия. /.../ Ибо при наличии его малые дела совершаются, при отсутствии – большие предприятия расстраиваются. Из-за смуты Вашей милости со схизматиками следует надеяться (особенно в то время, когда Отечество большую часть мощи и силы своей отправило за пределы против божьего неприятеля) только на то, что усилятся внутренние распри, домашние раздоры, возмущения в полках, которые находятся в военном лагере Его Величества, а затем (избавь Бог) следует ожидать и вторжения в нашу страну язычников, которые вследствие стольких неудач и споров между греками и латинниками укрепили и расширили власть своего страшного государства¹. А разве не раздавались и не раздаются в настоящее время голоса безрассудного поспольства, что желаем лучше стать подданными турок, чем терпеть столь тяжкие насилия над своей религией и верой².

А теперь реальная угроза со стороны казаков вынудила меня обратиться к Вашей милости с просьбой и напоминанием, чтобы Вы, Ваша милость, приспособиваясь ко времени, помнили о поговорке «спешите медленно», ибо письма от казаков полны угроз, полны оскорблений в адрес Вашей милости, светских и духовных властей. Я должен считаться больше с ними как человек, который обязан печься об общем благе и делах государства, а не с интересами Вашей милости, ибо одна ласточка не делает весны. Ваше окружение может Вашей милости говорить все, что Вам по вкусу, поскольку, как говорится, с волками жить, по-волчьи выть. Неприятие Борецкого и Смотрицкого незначительным числом монахов и киевской шляхты не является /.../ убедительным свидетельством против схизматиков. /.../ Просьба к Его Величеству королю была направлена не от имени нескольких киевских монахов, как Ваша милость пишет, а от всего Войска Запорожского, требующего, чтобы за Борецким и Смотрицким оставили должности владык, а Вашу милость и других от этих должностей отстранили. /.../ А разве на сеймах не шла речь о сопротивлении всей Украины, всей Руси, а не только нескольких монахов?³

2. Не достаточно ли того, что казаки в Киеве ожидают решения Комиссии, созданной по повелению Его милости Короля? Однако это будет трудная работа, особенно если комиссия попытается сделать что-либо хорошее. /.../ Смеешь, Ваша милость, и то писать, будто бы копии моих писем к Вашей милости побудили к этому. О, Отче! Не Вашей милости быть цензором того, что я пишу, ибо я с помощью божьей так распоряжаюсь своим слогом, что неприятель не сможет что-либо заметить и попытаться исправить и если бы эти копии моих

писем попали к схизматикам, уверен, что они засвидетельствовали бы тоже, что ни Его милость Король, ни сенаторы, ни Речь Посполитая не являются причиной жалоб и претензий схизматиков, а исключительно злоупотребления властью Вашей милости. В своих действиях Вы в большей степени руководствуетесь амбицией и личной ненавистью, чем братской любовью, интересами Короля и Речи Посполитой. Они (амбиция и личная ненависть) являются причиной искр несогласия, которые угрожают всем нам огромным и последним пожаром⁴.

3. Ты, Ваша милость, пишешь, что политикой не интересуешься, а я добавлю: и Речью Посполитой, ибо от их (православных) повиновения в Речи Посполитой зависит больше, чем от унии Вашей милости; необходимо, Ваша милость, чтобы Вы свою власть и свои пастырские обязанности соотносили с королевской волей и волей Речи Посполитой (общего блага), которыми власть Вашей милости ограничена, ибо все, что не согласуется с миром и общественной пользой, может смело рассматриваться как преступление. /.../ Хорошо один написал: ничего через меру, а другой: дан курице насест, а она еще выше стремится забраться. Если бы Ваша милость так в Риме или в Венеции поступала, мне думается, что Вашей милости бы показали, в чем состоит уважение интересов государства и общества.

4. «Я схизматиков к вере...» и т.д. Конечно, надо обращать в веру и заботиться о том, чтобы был один пастор и одна овчарня, но необходимо принимать во внимание требования благоразумия и обстоятельности времени в деле, которое зависит от свободного выбора, особенно в нашем обществе и государстве Речи Посполитой. /.../ Необходимо стремиться к тому, чтобы намерения Вашей милости и желания всего сообщества были основаны на любви, которая, как говорит св. Павел, терпелива, милостива, не завистлива, не проникнута гордыней, не ищет одобрения, не ищет выгоды, не проникнута гневом, не злопамятна, все преодолевает (I Коринф. 13. 4–7). Однако Вы сбились с пути этой науки св. Павла, поэтому не удивительно, что и те, которые были в послушании у Вашей милости, отказываются от власти Вашей милости, как говорится, охрана имущества требует не меньше мужества, чем приобретение нового: второе есть дело случая, первое – искусство, которое является самым надежным основанием. /.../ Никто не удержал долго власти, направленной против людей.

5. И об этой «опасности здоровью» Вашей милости можно сказать: каждый является причиной своего несчастья. Надо остерегаться подобных случаев и не играть с огнем легкомысленно: кто любит опасности, того ожидает гибель, особенно когда речь идет

о религии. Руководители всегда подвержены ударам судьбы, и о грозящих им опасностях правильно сказано в стихотворении Горация: высокие сосны чаще всего становятся жертвами ветра, падают с треском высокие башни, а молнии бьют в вершины гор (Гор. Оды. Т. II, 10). Творить зло – значит искать собственной гибели.

6. «Моя обязанность следовать примеру епископов» и т.д. Подражать святым епископам в терпении, любви к Богу, таким, как Златоуст и другие, есть вещь, достойная похвалы, но и не менее достойно подражать им в богобоязненности, в науке, в терпимости, в хорошем примере. Прочитай, Ваша милость, жития всех святых епископов, прочитай книги святого Златоуста, не найдешь в них ничего о его преследовании, изгнании, никакого протеста об убийстве боголюбивых священнослужителей: о введении во владение имуществом /.../ положении на сеймиках; сеймах; ни об Антиохии, ни о Константинополе, но только о том, что касается умножения божьей хвалы, привлечения душ людских. /.../ Совсем по-другому обстоит дело с Вашей милостью: полны земства, полны гроды, полны трибуналы, полны ратуши, полны канцелярии позовов, жалоб, нареканий, в которых сказано, что утверждается не уния, а утверждаются раздоры, разрывается и уничтожается связывающая человеческое сообщество любовь. На сеймиках и в каждом уголке страны полно замешательств и взаимных ссор⁶. /.../

9. «Вера есть дар божий, но католическая, а не схизматическая...» Не без причины святой Павел к словам – вера есть дар божий – не приписал «католическая», ибо никто не знает, достоин ли он любви или ненависти. Священное писание говорит: много призванных, но мало избранных. Не без причины и то, что Господь не исключал из числа верующих схизматиков, ибо Дух божий, который является даром наивысшего Бога, дышит, где пожелает. То, что против воли божьей – принуждать к вере какое-либо сообщество – свидетельствуют следующие слова: заложу столицу свою на севере и буду подобен Наивысшему. Называется еще и потому вера даром божьим, что к ней сам никто не приобщается, как Христос сказал: никто не может придти ко мне, если мой Отец не привлечет его к этому. Таков путь веры, ибо дело приобщенных к Богу – верить. Я назвал эту веру православную даром божьим, ибо к ней сам Бог Духом святым привлекает, а не к еретической или схизматической, ибо вне церкви никто не привлекался к Богу, не приобщался к вере, поскольку человеческие старания в этом направлении напрасны. Сам Господь Спаситель говорил в одном случае: должны быть разногласия, а в другом: позвольте им расти до жатвы⁷. /.../

13. «На сейме раздавались протестующие крики не только против унии, но и против всей римской религии...» Кто же является причиной этого? Только уния. Вы постоянно будете свидетелями подобных сцен. Когда Вы силой подавляете человеческую совесть, закрываете церкви, чтобы люди не могли отправлять богослужение, крестить детей, совершать таинства, как какие-то язычники /.../ в этом случае мы Вам не нужны; когда же в результате таких действий люди начинают протестовать и бунтовать – то вы хотите нами заткнуть дыру. /.../

16. «Могилевчане имеют открытые церкви, пусть в них молятся», Ради Бога! Что это за прерогатива. Большая, чем самого Христа! Христос говорит: никто не может придти ко мне, если его Господь к этому не побудит, а Ваша милость желает, чтобы на слова Вашей милости камни стали для схизматиков хлебом. Может быть по милости божьей в этих церквях недруги станут нашими друзьями и будут восхвалять его имя, когда этого пожелает Господь Бог, но Господь наш Христос не опечатывал, не закрывал церкви, как это делаешь ты, Ваша милость. /.../

18. /.../ Укажи, Ваша милость, кого привлек, кого поймал ты своей суровостью, резкостью, запечатыванием, закрытием церквей. Напротив, тех, которые уже были в послушании Вашей милости в Полоцке, оттолкнул от себя, из овечек сделал козлищами, ввергая тем самым общество и государство в опасность, обрекая нас, католиков, на погибель. /.../ Ваша уния нам только навредила, и лучше бы нам было без нее, ибо из-за нее у нас постоянные хлопоты, заботы, трудности. Поистине прекрасная уния, которая возбуждает в людях и в государстве постоянные замешательства. /.../

21. «Что москвитин воевода Калишевский» и т.д. Что так пишет, не удивительно, ибо каждый тянет в свою сторону, как воля, так и религия, и разум сам по себе не побуждает бунтовать и защищать то, что может привести к еще большим оскорблениям Вашей милости. /.../ Также и те церкви в Могилеве Его Величества Короля приказал открыть, распечатать, о чем я по приказу Его Величества Короля пишу Вашей милости, и если ты, Ваша милость, этого не сделаешь, я сам от имени Короля сделаю это, чтобы они эту свою религию, хотя и схизматическую, отправляли в церквях. Евреям, татарам не запрещено в государствах Его Величества Короля исповедовать свою религию, в то время как христианам запрещают это делать, отсюда и рождаются слова, что лучше отдаться во власть язычников турок, чем терпеть такое насилие над своей совестью.

22. «Но истинно это для непрочного мира» и т.д. Истинно и необходимо, ибо будет крайне непрочный мир, если мы будем чинить им преграды в вероисповедании. /.../ Прекрасный пример приводит Плутарх в своих «Жизнеописаниях», а именно следующие слова, касающиеся Антиоха: когда Антиох осадил город Иерусалим и иудеи попросили у него семь дней перемирия, чтобы отметить свой религиозный праздник, он не только согласился удовлетворить их просьбу, но и приказал торжественно подвести к городским воротам волов с позолоченными рогами и большое число паникадил с ароматическими снадобьями. /.../ Иудеи, пораженные милостью Короля, после окончания праздника без всякого сопротивления добровольно отдались под его власть. И я считаю, что так же и мы должны поступить с Москвой и схизматиками. Хорошо сказал мудрец: к тому, что мы не можем изменить, следует относиться терпимо и не осуждать. /.../

25. Что касается полочан и других бунтующих против Вашей милости, то скажу: возможно они и бунтовщики. Но Ваша милость сама дала им повод для бунта и сделала бунтовщиками. Ведь они были послушны Вашей милости, ходили в церковь Вашей милости. Почему же тогда Ваша милость их оттолкнула от себя? Новгород Великий, Псков, Стародуб, Чернигов, Козельск и много других крепостей уния оторвала от нас и в настоящее время главным образом уния оттолкнула народ московский от Его Высочества Королевича, о чем свидетельствуют письма московские к их милостям панам раде Короны и ВКЛ. /.../ Вот почему мы не желаем, чтобы эта бесполезная уния принесла и чинила вред обществу и государству. /.../

Примечания

¹ Имеются в виду турки.

² Характерно, что А. Филиппович в своем «Диариуше» также отмечал данное обстоятельство. По-видимому, это был весьма популярный и распространенный антиуниатский аргумент.

³ В своем письме Л. Сапеге И. Кунцевич стремился представить антиуниатскую оппозицию в Белоруссии и на Украине группой православных фанатиков.

⁴ И. Кунцевич весьма настойчиво пытался переложить вину за обострение антиуниатской борьбы «с большой головы на здоровую», т.е. с себя на Сапегу, на что и обращает внимание канцлер.

⁵ Соответствует русской пословице «всяк сверчок знай свой шесток».

⁶ Сапега, во-первых, демонстрирует прекрасное знание богословской литературы, во-вторых, настойчиво напоминает Кунцевичу, что последний выходит за пределы своей компетенции.

⁷ Данные и последующие рассуждения Сапеги свидетельствуют о том, что религиозная терпимость являлась одной из характерных черт его мировоззрения.

О Христофоре Филалете (конец XVI в.)

Христофор Филалет – псевдоним автора полемического сочинения «Апокрисис, албо отповедь на книжки о соборе Берестейском...», написанного в конце XVI в. от имени сторонников православия на Брестском соборе, отказавшихся принять церковную унию 1596 г. Это был ответ на анонимно изданное в 1597 г. сочинение одного из вдохновителей и организаторов унии иезуита Петра Скарги «Брестский синод. Оборона Брестского синода». «Апокрисис...» опубликован в Вильно в 1597 г. на польском языке, в 1598 г. – на старобелорусском языке. Советские литературоведы (О.И. Белецкий, И.П. Еремин, П.К. Яременко) полагают, что под псевдонимом Христофора Филалета выступал вольнский шляхтич Мартин Броневский, приятель князя К.К. Острожского, один из членов кружка ученых-литераторов в Остроге, свободомыслящий человек, разделявший некоторые идеи протестантизма. Отдельные исследователи считали автора «Апокрисиса...» кальвинистом или арианом. Сам же он неоднократно подчеркивал свою принадлежность к «русскому» народу, православию: «Мы греческой релее люди», «мы – люди народа русского и литовского». Имеются сведения о том, что в конце XVI – начале XVII в. автор «Апокрисиса...» избирался послом от киевской земли на сейм Речи Посполитой.

«Апокрисис...» состоит из небольшого предисловия, четырех частей и заключения. Это довольно большое по объему полемически-публицистическое сочинение (около 400 страниц печатного текста). В первой части освещаются события Брестского собора, во второй – излагается позиция духовных и светских лиц Брестского собора, не принявших церковной унии. Автор отвечает на

обвинения П. Скарги в адрес сторонников православия на соборе, защищает право мирян решать церковные вопросы. В третьей части «отповеди» подвергается критике главный принцип унии – подчинение власти папы, в четвертой – анализируется основной политический мотив унии: польза, которую извлекает из нее римский папа.

В «Апокрисисе...» воссоздается картина беззащитного положения населения Великого княжества Литовского – украинцев и белорусов. Автор критикует сложившиеся в Речи Посполитой общественно-политические отношения, недвусмысленно намекает на возможность насильственной расправы с притеснителями, «крушения корабля Речи Посполитой». Он протестует против нарушений прав белорусского и украинского народов королем Сигизмундом III Вазой, разоблачает действия высших иерархов католической церкви, высмеивает их жадность, корыстолюбие. Автор клеймит позором униатских митрополита и епископов, которые ценой измены стремятся добыть себе сенаторские кресла и другие привилегии, сурово осуждает вдохновителей унии – иезуитов.

Книга вызвала большой общественный резонанс. Она разила противника логикой фактов, остроумием, сарказмом. «Апокрисис...» стал образцом для последующего поколения писателей-полемистов – Кликера Острожского, М. Смотрицкого, А. Мужиловского, А. Филипповича и др.

Соч.: Апокрисис Христофора Филалета в переводе на современный русский язык. Киев. В типографии Киевского Губернского Управления. 1870 (перевод с польского Ив. Малышевского, Ф. Терновского и др.); Апокрисис... Сочинение Христофора Филалета в двух текстах, польском и западно-русском 1597–1599 года. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею, том седьмой. Памятники полемической литературы Западной Руси; книга вторая, Петербург, 1882.

Лит.: Вишенский Иван. Соч. / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. И.П. Еремина. М.-Л., 1955; Вишенський І. Твори / Вступ. статья, подгот. текстів та примет. І.П. Ерьоміна. Київ, 1959; Голубев С. Библиографические замечания о некоторых старопечатных церковно-славянских книгах, преимущественно конца XVI и XVII столетия. (Тр. Киевской духовной академии). Киев, 1876. Январь; Жукович П.Н. Борьба против унии на современных ей литовско-польских сеймах (1595–1600 гг.) СПб., 1897; Жукович П.Н. Сеймовая борьба православного западно-русского дворянства с церковной унией (до 1609 г.). СПб., 1901; Загайко П.К. Українські письменники-полемісти кінця XVI – початку XVII ст. В боротьбі проти Ватікану і Унії. Київ, 1957; Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии / Избр. произв. XVI – начала XIX в. Мн., 1962; История белорусской дооктябрьской литературы. Мн., 1977; Коялович М. Литовская церковная уния. Т. 1. СПб., 1859; Т. 2. СПб., 1861; Малышевский И.П. Предисловие к изданию «Апокрисиса...» // «Апокрисис...» Христофора Филалета в переводе на современный русский язык. Киев, 1870; Махновец Л. Е. Сатира і гумор української прози XVI–XVIII ст. Київ,

1964; Скабаланович Н. Об Апокрисисе Х. Филалета. Спб., 1873; Харлампович К. Западно-русские православные школы XVI и начала XVII века. Казань, 1898; Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, 1903, т. 74; Яременко П. К. Исследование украинской полемично-публицистической литературы конца XVI – начала XVII ст. Киев, 1966; Яременко П.К. «Пересторога» – український антиуніатський памфлет початку XVII ст. Київ, 1963; Яременко П.К. Український письменник-полеміст Христофор Філалет і його «Апокрисис». Львів, 1964; Stebelski J. Dwa wielkie swiatta. T. 2. Lwów, 1867; Tretiak J. Piotr Skarga w dziejach I literatury Unii Brzeskiej. Kraków, 1912; Wiszniewski M. Historia literatury Polskiej. T. 8. Kraków, 1851.

В.В. ДУБРОВСКИЙ

Апокрисис, албо отповедь на книжки о соборе берестейском, именем людей старожитной реллеи греческой, через Христофора Филалета, врихле дана

Фрагменты из сочинения Христофора Филалета «Апокрисис...» даны по изданию: Апокрисис Христофора Филалета, в переводе на современный русский язык. Киев. В типографии Киевского Губернского Управления. 1870. Ранний перевод «Апокрисиса...» (точнее, его вторая редакция, 1598 г.) с польского оригинала 1597 г., по мнению П. Гильтербрандта, имеет большое количество неточностей, пропусков, вставок, сокращений и т.п.

Четвертой части ответа

Глава 3

/.../ Если ты, деписатель, соглашаешься с этими учителями своего костела, то скажи мне щирую правду, что ты думаешь о римском костеле, если взять его на подобное испытание: покажется ли он свободным от симонии¹. /.../ Невозможно свести с ума весь свет, который видит и знает, что делается у вас: и не ходя в Рим, все можем судить о том от одних дел польских. /.../ Не видим ли явно, что одних затыгивают на духовные хлеба усиленная забота о своей отчине и многочисленной родне, к ней принадлежащей, других – расчетливая мысль о возмещении каких-либо понесенных утрат, обогащении своем или своих кровных; третьих – желание

славы и предпочтения пред светскими людьми, ибо они видят то, что прелат² – то милостивый пан; четвертых – искание покойной и роскошной жизни, а иных еще другие подобные виды? Уже ли не видим, как обыкновенно духовные охотно подвигают на места духовные либо своих родных, или своих приятелей-приживальцев, или своих слуг, так что иной кто-либо, хотя бы достойнейший и способнейший, но не находящийся в связях с ними, не может протиснуться к этим местам? /.../ что раздача сытого христового хлеба делается по видам родства, протекции, приживательства, услуг и других житейских расчетов? Это стало так обыкновенно, что можно не обинуясь сказать: нет ни одного римского духовного, владеющего какими-либо имуществами церковными, который бы стал плебаном³ не по этим видам. Как же теперь римский костел может быть свободен от симонии? /.../ Открывая, что день, новые ключи и ведра для черпания золота, каждый час хватают прибитки со всех преданных Риму народов, со всех случаев, со всех дел. Там выдают себя владыками не только земли, но и неба, и не довольствуясь этим, еще вымышленного чистилища. Какую прибыль получает от всего этого римский епископ, двор и канцелярия, показывает уже тот неимоверный избыток живущих в Риме кардиналов и прелатов, который и требует великого накладу. Особенно много, что день, дерут золото с обманутых людей те из них, которые прикладывают новое слово к буллам /.../ и сам папа участвует в этом святокупстве, сам подписывает те буллы и листы на священные и духовные предметы, сам более всего тешится с денег, поступающих за них. /.../ Что касается самого вступления пап на римскую кафедру, то из давних примеров не трудно бы доказать, что и оно бывало не без симонии. Здесь мог бы я припомнить и того папу, о котором сами же ваши написали, что «он вступил на кафедру как лиса, жил на ней как лев, умер как пес⁴. /.../ Я однако же слышу от приезжающих из Италии, что эта симония и теперь там водится. Ибо тот, кто рассчитывает быть избранным, обыкновенно, еще при жизни другого папы и заблаговременно, с помощью поминков и разных услуг кардиналам-избирателям, захватывает себе их расположенность и благожелательность и голоса их потихоньку крепко упрочивает за собою. /.../ Всмотреваясь в самую суть вещей, путь покажет нам, какое еще для смертного человека могло бы быть превозношение – больше того превозношения римского папы, которое обнаруживается из книг собственных льстецов его?

Превознес он себя над всеми людьми, живущими в свете, превознесся над вселенскими соборами, приписывая себе лицо всей соборной церкви и утверждая, что лишь по воле его одного они могут состояться или уничтожиться. /.../ Превознесся он над теми, которых псаломщик называет богами, т.е. над князьями, королями и кесарями, отнял у них королевский скипетр и корону и присвоил себе, так чтобы они брали ее от него. Свидетельствуют о том слова, которые выписываю здесь и которые находятся в декреталиях, частью в других сочинениях папских льстецов. «Папа есть вселенский судья людей и не может быть судим никем: ни императором, ни королем, ни всем народом. /.../ Что угодно папе, то и закон. В том, чего он хочет, собственная воля составляет для него все доказательство. Для оправдания его действий не нужно давать другой, большей причины, кроме следующей: так он хотел! Ибо из ничего он может сделать что-нибудь. Имеет он совершенную власть обоюдного меча, мирского и духовного. Светский князь не может брать меча иначе, как только по мановению папы. /.../ Он позволил кесарю называться прокуратором⁵ римской церкви. И вольно ему низлагать королей и кесарей».

Глава 7

/.../ Хоть митрополит и оные милые владыки⁶, устраивая собрание и стараясь о сравнении своем с римскими духовными, однакож ничего основательного не получили, а одни только бесплодные слова и обнадеживания. Они захотели мест в сенате, на сейме, и на трибуналах между депутатами; присягли бы, что уже бога ухватили за ноги и на гору высокую имели взлететь, когда нарушили присягу Константинопольскому патриарху⁷. Зачем они лучше не взяли во внимание того, что причисление к сенату и трибуналистам в Польше не зависит от одной головы. Но оставляя римских духовных, из которых каждый прилежно бережет свое место, может ли стать, чтобы каштелян⁸ Краковский, который имеет шестнадцатое место и голос – сейчас после римских духовных, уступал оное митрополиту и владыкам. А что сказано о каштеляне Краковском, тоже можно сказать и о других светских сенаторах. Итак, если бы даже воспоследовало согласие на умножение сената, – их милостям довелось бы, конечно, сидеть, – ниже тех каштелянов, которые перед сим из тайного совета выходили – сидеть где-нибудь у дверей или за печкой. Сочли ли бы они за повы-

шение себе? – не знаю. /.../ Чтобы владыка, как владыка не римской, а греческой веры, мог иметь место в сенате, – это такое дело, которого в Польше никогда нельзя дожидаться. /.../

Глава 8

Правда ли то, что говорит дееписатель, будто папа со своими пособниками, приводя под свою власть людей греческой веры, не ищет в этом никакой своей пользы, а только духовной радости, согласия, любви христианской и устрашения еретиков и турук?

/.../ Чтобы дееписатель и ему подобные, а более всего, чтоб папа римский, стараясь о нашем соединении, не искали в нем своей пользы и прибыли, – этому мы вовсе не верим. Не знаю, может ли случиться, чтобы старые привычки могли измениться?

Пословица-то следующая весьма давняя: двор римский не просит овцы, или не интересуется овцою без шерсти. А что это справедливо, – показывает самое дело. Ибо где только можно что содрать, – туда и льнут римские власти, туда протискаются, там всеми мерами стараются распространить свои участки и, распространяя их, обыкновенно тотчас и прежде всего обеспечивают свои доходы. Об этом свидетельствуют все христианские королевства, подчинившиеся власти папы, с которых каждый год и весьма большие пошлины и доходы собирают для Рима, как об этом упомянуто выше. /.../

Присматриваясь к поступкам других духовных прелатов римских, мы имеем большое подозрение насчет того намерения, с которым они стараются о соединении нашем с римскою церковью. Ибо чего другого они более всего ищут в пасении своих овец, как не своих выгод? /.../ Ни человекоубийства, ни блудодейства, ни прелюбодеяния, ни клятвопреступления, ни грабительства, и, говоря кратко, никакие грехи и преступления ни одной из их овец не препятствовали оставаться в церковном общении. Кто только не медлил в отдаче следуемых им податей, тот, по мнению их, был добрым христианином, добрым католиком, благочестивым человеком. Удержал ли кто десятину, – таковой тотчас становился или безбожником, или проклятым, или преданным сатане. /.../ Итак, мы опасаемся, что вы не о том заботитесь, чтобы вывести нас на лучшие пажити, а о том, чтобы остричь с нас вовну, а может быть и кожу содрать /.../, чтобы вы не стали верховодить над

нами светскими людьми греческой веры, не стали нас правом* беспокоить, удручать, нищать и убожить** /.../ Мы опасаемся, наконец, чтобы вместо того устрашения турков и еретиков, о котором ты упоминаешь как о единственной цели нашего соединения, вы не искали устрашения нас самих и гордого господствования над нашею совестью. Опасаемся всего этого тем более, когда видим, что это соединение нисколько не может приводить к большему против прежнего устрашения турков. /.../

Глава 9

Могут ли люди древней греческой веры, как убеждает дееписатель, быть благодарны за то, что их приводят к соединению с римскою церковью теми мерами, какие теперь употребляются?

/.../ Так как есть много таких, которые вместе с дееписателем, если не словами, то по крайней мере мыслью требуют от нас того, чтобы мы были благодарны за то, что нас подчиняют римскому папе (каковое подчинение он называет споспешествованием к вечным благам), и когда мы негодуем на это, то, не зная хорошо дела, вменяют нам это во зло; поэтому /.../ нельзя не отозваться на эти слова и не объяснить всем желающим знать, почему это подчинение не может быть для нас приятным, а, напротив, должно быть для нас весьма мерзостным? При этом ограничим свою речь так, что здесь не будем ничего говорить о самом деле (то есть о том, зависит ли от послушания римскому папе вечное благо или нет) /.../, будем рассматривать только те средства и способы, какими по сие время нас приводили и приводят к этому послушанию. Таковы ли они, что их можно принимать с благодарностью скорее, чем с негодованием? Так как для этого необходимо знать эти средства и способы, которыми приводят нас к этому послушанию, то мы вкратке и припомним их. /.../ Во-первых, нас приводит в негодование не что иное, как насилие предкам, и насилие почти уже невыносимое, и притом желание открыть правду, которую наши недоброхоты желали бы схоронить, не только заглушая нас в наших жалобах на удручающие нас бедствия, но еще взводя на нас вину, будто мы жалуемся без причины. Во-вторых, мы объясняем, что причиною издания тех универсалов⁹, о которых будет упомянуто, были отчасти те, которые неверными рассказами и сильными

* Правом беспокоить – вести тяжбу, судебное дело.

** Убожить – делать убогими, нищими.

домогательствами побуждали издавать их, отчасти и более всего те, которым под присягою повелено смотреть, чтоб никакие грамоты, противные закону, писанные и запечатанные в канцелярии, не были представляемы к подписи короля его милости и не были выдаемы из канцелярии, и которые, однако, и дерзают выдавать универсалы, противные закону и королевской присяге. /.../

Здесь прежде всего следовало бы, кажется, упомянуть о достоинствах, свойствах, поступках и добродетелях луцкого владыки¹⁰, который может быть назван первейшим посредником, творцом, дельцом, плотником и созидателем этой надтлелвшей унии, а также и притеснения, наступившего вслед за нею. Справедливо мы негодуем на то, что без собора, без всякого совета и несколько нам о том не сказавши, не только без позволения,

но и без нашего ведома, даже более того, – зная о нашем намерении, противном их намерению, зная о протестациях, которые мы учиняли на основании темных слухов, доходивших до наших ушей, дерзнули отдать нас в послушание Риму /.../ Могут ли не огорчить нас и не возбуждать в нас справедливого негодования то лицемерие, та неискренность, плутовство, те хитрости и обманы, к каким они прибегали в этом деле /.../ Нападки на богослужение людей древней греческой веры начали появляться тотчас еще после издания в 1592 году грамоты некоторым владыкам¹¹ /.../ (в какой грамоте они обеспечены в том, что никакие жалобы, проклятия, объявления, хотя бы они были сделаны против них основательно и соответственно с законами духовными и гражданскими, не причинят утраты их санов). /.../ в то же самое время нападали на школы нашей греческой веры, выгоняли из них детей и нищих и тащили в свои школы, били их, ссылали в тюрьмы и глумились над ними разным образом. В то же время в некоторых королевских городах люди греческой веры, вопреки давним обычаям, смецались с должностей, изгонялись из цехов, отлучались от ремесел; их стали притеснять в судах и ущемлять в разных других делах. Против этого в различных местах учинено много протестацій. /.../ Но не довольствуясь возбранением и препятствием к отправлению древнего богослужения, пустили в ход проклятия, а вместе с ними притеснения и насилия духовных нашей веры, не хотевших следовать за оторванцами¹². Почему одни из них изгнаны, другие – схвачены, третьи – биты, четвертые – посажены в тюрьму или поражены другими тому подобными, нестерпимыми насилиями. /.../ И что особенно достойно сожаления, сюда явно примешиваются чиновники от имени коро-

ля, его милости, вместе с универсалами, вышедшими из канцелярии. /.../ Делая перемены в церквах, они выбрасывают вырытые из земли тела мертвых людей греческой веры. Не допускают людей древней греческой веры быть свидетелями как недостойных веры и не дают им судебных книг*, которые по закону никому не должны быть возброняемы. Всячески бесчестят наших священников, встретивши их на дорогах. Все эти обиды, переносимые нами от гонителей наших римского исповедания, поражают нас не столько от них самих, сколько от отступников древней греческой веры /.../, делается много других, подобных этим, кровавых дел... Так за это ли мы должны благодарить, деписатель? Или нельзя нам нарекать на это? /.../ Мы откровенно говорим, что не можем приобрести такую терпеливость, чтобы не стонать и не охать, когда болит. Довольно с нас той терпеливости, что, будучи так оскорблены, не могли через так долгое время получить, несмотря на наши просьбы, никакого облегчения в чинимых нам обидах, видя, наконец, что перенесением старых обид возбуждаем новые... До сих пор наши речи на сеймах заглушались различным образом. Эти весьма прискорбные заглушивания явились причиною того, что мы здесь обращаем свою просьбу и напоминание к вам, милостливые господа сенаторы и доблестное рыцарство Короны польской и Великого княжества Литовского, хотя такое напоминание должно бы иметь наиболее свойственное и законное место на сеймах и других съездах для совета о Речи Посполитой и совещаний об излечении причиненных страданий. /.../ Берегитесь, чтобы сквозь ту брешь, которая пробивается в наших правах, не ускользнули все свободы и у ваших милостей. Что постигает теперь нас, то своим примером и в своих последствиях касается и всех вас. Никогда, ни в одном государстве угнетение не чувствовалось зараз всеми: слегка идет этот пожар, и кто не тушит его на чужом дворе, тот обыкновенно скоро видит его на своем. /.../ Пусть тронет ваши милости то соображение, что, хотя бы и делали от нас отступления от нашей веры, все же – мы люди, а не скоты и, по милости божьей, люди свободные, вымочь у которых что-либо силою и принуждением – напрасная надежда. /.../ Вы, милостливые господа сенаторы, присягали сберегать права и предупреждать дела, вредные Речи Посполитой: почему же молчите, хотя видите, что у нас нарушаются права? /.../ Почему по своей обязанности не напоминаете его королевской

* То есть не принимают для записи в эти книги их жалоб, протестов и проч.

милости, чтобы предупредил эту опасность? Если же ваших милостей удерживает от этого уважение к католической римской вере и желание ее распространения, то что же скажете о прежних королях польских, которые через шестьсот лет хранили свободу нашего исповедания в целости, без изменения? Разве через это они не были уже католиками? /.../

Итак, милостивые господа сенаторы римского исповедания, уважение к католицизму пусть не отклоняет ваших милостей от прилежного напоминания королю, его милости, о предупреждении опасности, какую может породить эта новая и ненадежная уния, насильственно вводимая. /.../ Кто не видит, что сохранением в целости нашей свободы, сохранится и это наибольшее украшение его королевской милости, т.е., что он благоволит господствовать над вольными людьми. Верно также и то, что любовь, дружность, домашнее согласие всегда более, чем какие-либо стены или замки, держали при предках его королевской милости эту корону в той целости, в той великой славе и грозном для соседей могуществе, в каких благоволил заставить ее король, его милость. /.../ Что затрудняло прошлые сеймы? Что произвело в людях охлаждение к службе Речи Посполитой? Что не допустило и не допускает охотно и дружно отражать внешние опасности? Только оскорбления и страдания, на которые с разных сторон жалуется его королевской милости, но, к сожалению, не находят врачества против них. /.../ Некоторые быть может думают, что это домашнее немирье тем хорошо, что, занятые им и грызя одни других, люди не замечают, сколько их догорают при этом с обеих сторон. Но опыт свидетельствует, что и такая политика часто обманывает. Вернее было бы поступать так, чтоб не давать причины к негодованию, чем для прикрытия дальних видов высматривать, как среди настроений, мятежей и междоусобий (которые нисколько не прибавляют чести правительству) обессиливают себя взаимно обыватели Речи Посполитой. /.../ Не почитайте, ваши милости, этого за дело частное, касающееся только части обывателей этих государств. Когда некоторые люди по лакомству и алчности к славе нарушают присягу его королевской милости и государственный закон, когда они покушаются оттолкнуть нас от пристанища конфедерации, которого мы достигли, по милости божьей, не испытав, как другие народы, долгого кровопролития из-за религии: то тем самым сияются они довести до крушения и этот корабль Речи Посполитой и, будто бы охраняя религию, заметно пролагают пути к тому, чтобы с религией погребло и отечество.

Присмотритесь, ваша милость, к лицам, которые это делают. Увидите во главе этого полка частью здешних обывателей, которые, не имея ни жен, ни детей, вовсе не имеют на что осматриваться, частью и наиболее – чужеземцев, которые, будучи волочугами и не имея в себе природной благожелательности к нашему отечеству, Речи Посполитой, нисколько не опечалились бы о гибели ее, с которой они ничего не потеряли бы, а некоторые даже тешились бы ею из зависти к нашим вольностям и благополучию. и если это все так, то мы надеемся, ваши милости, вы будете чувствительнее и внимательнее к этому делу, чем доселе, надеемся, от ваших милостей более действенной приязни и помощи нам в наших обидах и страданиях, чего усиленно желаем и просим у ваших милостей. /.../ Объявляем и то, что если по нерадению ваших милостей к этому делу и за необуздание зла в этих начатках дойдет /.../ до чего-нибудь другого в Речи Посполитой, и если затем вы не отдадите своим потомкам свобод и прав цветущим в целостности, как приняли вы от предков, то вина этого останется не при нас, а при всех ваших милостях, мало обращающих внимание на наши просьбы и напоминания.

Примечания

¹ Симония – распространенная в Западной Европе в средние века покупка-продажа церковных должностей, духовного сана, а также бенефиций, различных булл, широко практиковавшаяся папством.

² Прелаты – высшие духовные сановники в католической и англиканской церквях.

³ Плебан – приходский священник католической церкви.

⁴ Автор «Апокрисиса...» здесь имеет в виду кардинала Джованни де Медичи, фаворита папы Юлия II, в 1513 г. избранного на папский престол под именем Льва X, который, когда папская казна оказалась совершенно пустой, сразу же предпринял все необходимые шаги для невиданной до него продажи епископских и кардинальских должностей. Когда же иссяк и этот источник, он приступил к спекуляции индульгенциями. Все это послужило толчком к Реформации. Как предполагают исследователи, папа Лев X был отравлен в 1521 г.

⁵ Прокуратор – уполномоченный, судебный заместитель папы. Римские папы, вручая императорам, царям, королям и великим князьям знаки их монархической власти – скипетр и корону, одновременно наделяли их судебной властью, званием прокуратора римской папской курии.

⁶ «Митрополит и оные милые владыки» – автор имеет в виду киевского митрополита Михаила Рагозу и епископов Луцкого и Острожского – Кирилла Терлецкого, Владимирского и Брестского – Ипатия Потя, Пинского – Иону Гоголя, Холмского – Дионисия Збигневского, архиепископа Полоцкого – Гермогена, которые, принимая на Брестском соборе в 1596 г. унию с католической церковью, стремились заручиться обещанием короля получить все привилегии и права, которыми обладали высшие сановники католической церкви Речи Посполитой, и даже места в сейме, сенате, трибуналах. Король обещал им обсудить этот вопрос на сейме. Но, когда уния была подписана, об этом забыли.

⁷ Присяга константинопольскому патриарху – Киевский и Галицкий митрополит, епископы и архиепископы присягали в верности константинопольскому патриарху Иеремию.

⁸ Каштелян – начальник города. Он был наделен властью предводителя гарнизона, полицейской, судебной, сбором налогов. Сан каштеляна считался важным, так как был связан с большими доходами и открывал доступ в королевскую раду (сенат). Краковский каштелян занимал в сенате Речи Посполитой место выше краковского воеводы.

⁹ Универсалы – послания короля сенату Речи Посполитой. В период подготовки и принятия унии во многих универсалах короля содержались требования ограничения прав православного населения Великого княжества Литовского, что никак не согласовывалось с тем, что каждый вновь избранный король Речи Посполитой давал клятвенное обещание не нарушать их. Такое же обещание давал и Сигизмунд III Ваза при избрании его на королевский престол.

¹⁰ Луцкий владыка – епископ Луцкий и Острожский Кирилл Терлецкий, один из активнейших сторонников и инициаторов подписания Брестской церковной унии.

¹¹ Грамота 1592 г. некоторым владыкам – грамота (привилей) короля Сигизмунда III Вазы от 18 марта 1592 г., выданная епископам Луцкому и Острожскому – Кириллу Терлецкому, Львовскому – Гедеоу Балабану, Пинскому – Леонтию Пельчицкому, Холмскому – Дионисию Збируйскому, в которой он благодарит их за доброе начинание, желание признать главенство папы Римского, принятие унии с католической церковью, подтверждает сохранение их различных преимуществ в этом начинании, гарантирует безопасность.

¹² Оторванцы – бывшие высшие иерархии православия, подписавшие Брестскую церковную унию 1596 г.

Библиографический список произведений, опубликованных в настоящем издании

1. Скорина, Ф. Сказание доктора Франциска Скорины с Полоцька в книги Второго Закону Моісеова / Франциск Скорина и его время : энцкл. справ. / Беларус. Сов. Энцикл. ; [редкол.: И. П. Шамякин (гл. ред.) и др.]. – Минск : БелСЭ, 1990. – С. 136–142.

2. Волян, А. Прамова да Сената Каралеўства Польскага і Вялікага Княства Літоўскага, або Якім павінна быць праўленне дабрачыннага караля (1573) / А. Волян ; публ. С. Падокшына // Беларускі гістарычны зборнік / Беларус. гіст. т-ва. – Беласток, 2003. – № 20. – С. 234–242.

3. Волян, А. О государе и его личных добродетелях / А. Волян ; пер. с лат. В. К. Шатон // Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII в. / В. В. Дубровский [и др.] ; сост. С. А. Подокшин ; редкол.: А. С. Майхрович, С. А. Подокшин, Д. И. Широков. – Минск, 1991. – С. 46–54.

4. Волян, А. Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе : пер. з лац. / А. Волян. – Мінск : З. Колас, 2009. – с. 5–106.

5. Волян, А. Пра шчаслівае жыццё або найвышэйшыя чалавечыя вартасці // Волян, А. Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе : пер. з лац. / А. Волян. – Мінск : З. Колас, 2009. С. 107–137.

6. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / Михалон Литвин ; отв. ред. А. Л. Хорошкевич ; пер. В. И. Матузовой. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. – С. 62–144.

7. Олизаровский, А. А. О политической общности людей / А. А. Олизаровский ; пер. с лат. Л. П. Ляхова // Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII в. / В. В. Дубровский [и др.] ; сост. С. А. Подокшин ; редкол.: А. С. Майхрович, С. А. Подокшин, Д. И. Широканов. – Минск, 1991. – С. 131–143.

8. Зварот Льва Сапегі да ўсіх станаў Вялікага княства Літоўскага / пер. І. Саверчанка // Вялікі беларус Леў Сапега : зб. арт. / Ін-т беларус. гісторыі і культуры ; уклад. А. Тарас. – Рыга, 2012. – С. 258–260.

9. Прамова Льва Сапегі на Берасцейскім царкоўным саборы 1596 года / пер. І. Саверчанка // Вялікі беларус Леў Сапега : зб. арт. / Ін-т беларус. гісторыі і культуры ; уклад. А. Тарас. – Рыга, 2012. – С. 261–268.

10. Сапега, Л. Письмо канцлера Великого княжества Литовского Льва Сапегі архиепископу Юзафату Кунцевичу от 12.III.1622 / Л. Сапега; пер. с пол. С. А. Подокшина // Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII в. / В. В. Дубровский [и др.] ; сост. С. А. Подокшин ; редкол.: А. С. Майхрович, С. А. Подокшин, Д. И. Широканов. – Минск, 1991. – С. 76–80.

11. Филалет, Х. Апокрисис, или Ответ на сочинение о соборе Брестском, от имени людей древней греческой религии Христофором Филалетом поспешно данный / Х. Филалет // Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII в. / В. В. Дубровский [и др.] ; сост. С. А. Подокшин ; редкол.: А. С. Майхрович, С. А. Подокшин, Д. И. Широканов. – Минск, 1991. – С. 36–43.

Научное издание

Наследие права

БЕЛОРУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ XVI–XVII ВВ. ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Ответственный за выпуск
Д.В. Доморацкий

Редакторы:
Л.Ф. Остроумова, Е.П. Соболева

Компьютерная верстка
О.П. Карасюк

Подписано в печать 01.11.2017. Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20. Уч.-изд. л. 17,76. Тираж 300 экз. Заказ 872.

Издание выпущено по заказу ООО «ЮрСпектр».

Издательское унитарное предприятие
«Редакция журнала “Промышленно-торговое право”».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/232 от 24.03.2014.
220073, г. Минск, пер. Загородный 1-й, д. 20, каб. 8, 14-й этаж.

ООО «Юстмаж»
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 2/68 от 19.03.2014.
220103, г. Минск, ул. Калиновского, 6Г 4/к, комн. 201.